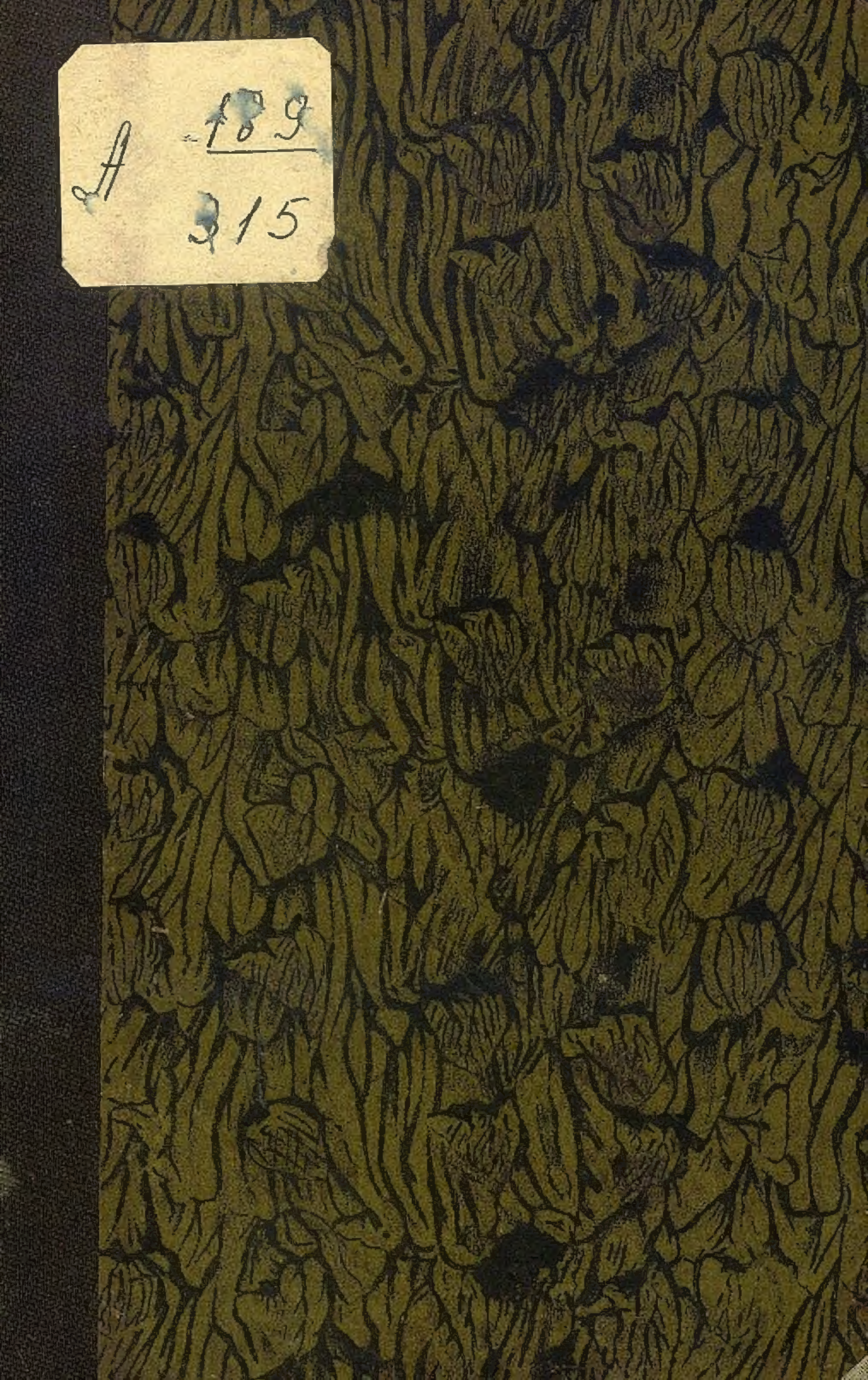

А 189
315

Изъ давняго прошлаго

Историческіе очерки и картины временъ Гайдамачины

А. Смирнова.

Издан. А. Ф. Девріена.
С. Петербургъ.

Иллюстрир. С. [illegible]

ИЗЪ

ДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

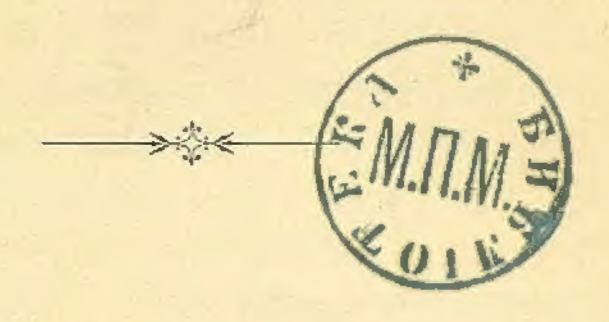
ИЗЪ
ДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ

ВРЕМЕНЪ ГАЙДАМАЧИНЫ.

А. П. Смирнова.

Съ 17 рисунками Е. Е. Баумгартена.

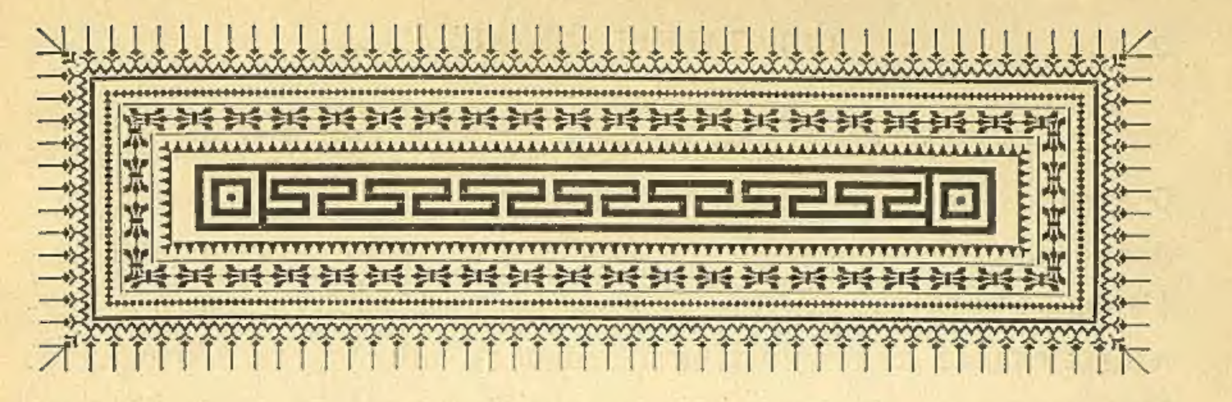
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Августа, 1890 года.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

I.

Панъ Ромуальдъ Маевскій проснулся въ наипріятнѣйшемъ расположеніи духа. Онъ видѣлъ прекрасный сонъ. Приходитъ, будто къ нему жидъ-арендаторъ Гершко и вкрадчиво, такъ говоритъ:

— А цто, псеницки мозно купить у васъ, пане-добродѣю?

— Пшеницы мало, самимъ нужна, отвѣчаетъ ему панъ Ромуальдъ.

— А я бы далъ хоросую цѣну...

— Мало, тебѣ говорятъ!...

— Ой кто-зе сказалъ вамъ, цто мало!... и жидъ трясетъ головой. — Псеницы куца у васъ!... Я самъ видѣлъ...

— Такъ посмотри, дуракъ! — И панъ ведетъ Гершко къ амбару.

Онъ отворяетъ дверь и... Jesus, Maria! — Огромный прочный амбаръ (панъ Ромуальдъ построилъ его въ прошломъ году) просто ломится отъ пшеницы. Да тутъ урожай трехъ годовъ!...

— Я дамъ вамъ хоросую цѣну, говоритъ Гершко и улыбается. — Вотъ полуците пока въ задатоцекъ... — И онъ суетъ пану въ руки мѣшокъ... — Затѣмъ и амбаръ, и пшеница, и Гершко куда-то вдругъ исчезаютъ... И видитъ панъ Ромуальдъ: сидитъ за столомъ онъ, а передъ нимъ груда червонцевъ. Онъ насчиталъ ужь двѣнадцать столбиковъ, по двадцати въ каждомъ, — а груда еще чуть-чуть уменьшилась...

— Ну, и устрою-жь я пиръ! говоритъ панъ Ромуальдъ и радостно потираетъ руки. — Венгерскимъ весь дворъ залью!... — Но тутъ онъ просыпается.

— Гм!... думаетъ панъ Ромуальдъ. — Кабы да сонъ въ руку!... Пшеницы-то, точно осталось довольно... Недурно, еслибъ продать ее Гершку червонцевъ за пятьдесятъ... Деньги-то очень нужны... Не дастъ вотъ только, христопродавецъ!...

Но тутъ панъ Ромуальдъ вспомнилъ, что есть и еще кой-что продать. Деньги будутъ! Да, наконецъ, и Казиміръ Заремба. Старикъ богаче жида, — и, въ случаѣ, тамъ, чего-либо, можно и его взять за бока. Дастъ, навѣрное!...

Панъ Ромуальдъ сладко такъ потянулся и зажмурилъ глаза, точно котъ послѣ сливокъ. — Но, вдругъ, за стѣной, тамъ, въ сосѣдней комнатѣ, послышался плачъ ребенка... Панъ Ромуальдъ улыбнулся такъ вкусно, такъ хорошо, что даже у него усы шевельнулись... Этотъ слабый и тихій плачъ былъ для него лучше музыки, и наполнилъ его душу восторгомъ!...

Прошло двадцать лѣтъ, какъ панъ Ромуальдъ женился. Жена попалась ему добрая, кроткая, изъ небогатаго рода Трембинскихъ. Положимъ, онъ не взялъ за ней почти никакого приданаго. (Нельзя-же считать такимъ тысячи двѣ-три злотыхъ *), что отказалъ ей дѣдъ). Зато Богъ надѣлилъ ее любящимъ сердцемъ, а мать научила хозяйству. И вотъ изъ пани Ядвиги вышла такая

*) Злóтый (złoty) 15 коп.

жена и хозяйка, какихъ поискать во всей Польшѣ! — Да и къ чему тутъ приданое! Панъ Ромуальдъ Маевскій былъ далеко не бѣденъ. Его имѣніе было однимъ изъ лучшихъ, не исключая имѣній Проскуровъ, Залѣскихъ, Бержинскихъ и Головинскихъ, его сосѣдей. Его пшеница была извѣстна по всюду... А скотъ, а кожи, а сало? Не мало червонцевъ онъ выручалъ отъ заѣзжавшихъ на ярмарку запорожцевъ. Случалось, конечно, иной разъ, что панъ Ромуальдъ нуждался въ презрѣнномъ металлѣ.— Но, вѣдь и то опять, — съ кѣмъ-же не бываетъ такихъ случайностей! Но это длилось не долго. Сжали на поляхъ хлѣбъ, обмолотили его,—и изъ амбаровъ пана Маевскаго ручьями лились пшеница и рожь въ мѣшки скупщиковъ, а въ дубовый сундукъ, окованный весь желѣзомъ, съ крѣпкимъ замкомъ, что стоялъ подъ кроватью,—лились червонцы и злотые. И панъ Ромуальдъ хозяйничалъ, ѣздилъ въ гости и самъ принималъ гостей, пани Ядвига тоже. Жили они счастливо, хорошо. Одно вотъ только не ладно. На третій годъ брака у нихъ родилась дочь. Панъ Ромуальдъ поморщился: ему хотѣлось такъ сына, наслѣдника! — Пани Ядвига души не чаяла въ дочери, но отецъ нельзя сказать, чтобы очень любилъ Зосю, которой недавно минуло семнадцать лѣтъ. — И съ той поры дѣтей у нихъ не было. Всегда веселый, живой, панъ Ромуальдъ сталъ все чаще и чаще задумываться. Его имѣніе процвѣтало; урожаи были прекрасные; скотъ родился и выращивался на славу; не мало было добра въ сундукахъ. Но кому-же все это достанется? Дочери?—И изъ нея выйдетъ прекрасная жена и хозяйка... Но, всетаки, лучше-бы сына... сына!... — И панъ Ромуальдъ крутилъ задумчиво темнорусый усъ... — Но вотъ, наконецъ, Богъ услышалъ его молитвы и послалъ ему съ недѣлю тому назадъ, наслѣдника.—Панъ Ромуальдъ, на первыхъ порахъ, совсѣмъ ошалѣлъ отъ радости! Онъ былъ-бы радъ, съ утра и до ночи, все пѣть и смѣяться, еслибъ не боялся только нарушить покой ребенка и матери. И вотъ цѣ-

лый день онъ ходилъ на цыпочкахъ и запретилъ всѣмъ въ домѣ говорить громко. — Цѣлый день, начиная съ огромной дворни, гдѣ помѣщалось человѣкъ полтораста, и до послѣдняго уголка, двора, гдѣ жили кучера и конюхи, слышался только шопотъ. Старый, сѣдой Панасъ любимый кучеръ пана Маевскаго, вдругъ онѣмѣлъ точно, иль простудился и потерялъ голосъ. А вѣдь, недавно еще, онъ чуть не на всю деревню оралъ на Хорька — конюха и призывалъ на него всѣ муки ада за его сонливость и лѣнь... И такъ всѣ въ домѣ, начиная съ хозяина, ходили на цыпочкахъ и говорили чуть слышнымъ шопотомъ. Панъ Ромуальдъ неслышно, какъ тѣнь, бродилъ по комнатамъ и только грозилъ на всѣ стороны пальцемъ. Ему все казалось, что въ домѣ еще недостаточно тихо. То горничная Палашка нѣтъ-нѣтъ да и хихикнетъ въ кулакъ, — и панъ Ромуальдъ окинетъ ее такимъ взглядомъ, что дѣвка буквально приростетъ къ полу... То дверь заскрипитъ гдѣ-то; стукнетъ рама окна... И панъ Ромуальдъ весь какъ-то съёжится и замашетъ руками... Но вотъ опять тишина... мухи только летаютъ съ жужжаньемъ по комнатамъ... Панъ Ромуальдъ негодовалъ и на мухъ и выживалъ ихъ всевозможными способами... — Панъ Ромуальдъ бродилъ, какъ тѣнь, и съ лица его, полнаго, съ легкимъ загаромъ, съ усами, темнорусыми, съ просѣдью, — не сходитъ радостная улыбка. Да не улыбка — мало! Весь панъ Ромуальдъ сіяетъ; весь онъ переполненъ восторгомъ!... — И дворня весела и довольна. Положимъ, запрещено ей теперь, чуть не подъ страхомъ казни, смѣяться и пѣть, — но все таки... Панъ Ромуальдъ всегда для нея былъ добрымъ, хорошимъ паномъ. На мелкія шалости и проступки дворовыхъ всегда онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, но только отнюдь не спускалъ ничего серьезнаго. Лѣность и нерадѣнье онъ строго преслѣдовалъ. Бить своихъ хлоповъ, водить ихъ за разныя провинности на конюшню, какъ это водилось въ то время у другихъ пановъ, — пану Маевскому и въ голову ни разу не при-

ходило... Но, впрочемъ, иной разъ, въ ненастный осенній день, когда панъ вставалъ лѣвой ногой съ постели, — случалось лѣнивымъ и неисправнымъ заполучить затрещину, оплеуху... Но эти затрещины, оплеухи какъ-то и въ счетъ не ставились. Панъ Ромуальдъ былъ, всетаки, «добрый, хорошій панъ». Онъ не морилъ своихъ хлоповъ голодомъ, не изнурялъ непосильной работой. И хлопы были довольны. Они любили пана Маевскаго и не боялись его. Только однѣ Палашки да Гапки дрожали передъ его грознымъ взглядомъ, передъ нахмуренными бровями... — Но въ эти три дня панъ Ромуальдъ не отпустилъ ни одной затрещины, ни разу ни на кого не прикрикнулъ. Онъ улыбался только и улыбался; а съ нимъ улыбалась вся дворня: всѣ эти Михалки, Тарасы, Панасы; всѣ эти Гапки, Дарки, Малашки...

Да, панъ Ромуальдъ былъ счастливъ, какъ никогда въ жизни!.. Бродя, точно тѣнь, по комнатамъ, онъ останавливался, иной разъ, передъ дверью спальной жены и чуть-чуть легонько пріотворялъ ее. (Дверь была смазана масломъ, и не скрипѣла). Въ щелку сперва просовывался носъ пана Маевскаго; за нимъ слѣдовали усы... — Въ небольшой комнаткѣ, съ окнами, наглухо закрытыми занавѣсками, пахло слегка лекарствами. Изъ угла кротко глядѣлъ ликъ Богоматери; рядомъ съ нимъ образъ св. Ядвиги... Слабо мерцалъ огонекъ въ лампадкѣ и озарялъ лики святыхъ... Кровать, подъ бѣлымъ кисейнымъ пологомъ; на грудѣ подушекъ—лицо, блѣдное и красивое... Подъ бокомъ, въ розовомъ одѣяльцѣ, обшитомъ дорогимъ кружевомъ, что-то барахтается и чуть-чуть пищитъ... Дверь отворяется, и въ нее лѣзетъ лицо пана Маевскаго.

— Не спишь, Ядвися? шепчетъ чуть слышно онъ. — Стасикъ не спитъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ мать и поворачиваетъ къ нему голову. — Войди, Ромусь!

И панъ Ромуальдъ входитъ. Онъ опускается на колѣни

передъ кроватью; онъ протянулъ руки къ розовому одѣяльцу, и подвигаетъ къ себѣ сына — наслѣдника. Онъ раскрываетъ его и смотритъ, смотритъ... Не можетъ глазъ отвести панъ Маевскій съ этого существа, крошечнаго, худенькаго и слабаго! Въ этомъ кругленькомъ, красномъ лицѣ онъ почему-то находитъ разительное сходство съ матерью; въ этихъ глазкахъ — сходство съ ея глазами...

— О, какъ похожъ на тебя онъ, Ядвися! говоритъ онъ и припадаетъ къ щечкамъ ребенка.

Мать улыбается.

Крошка наслѣдникъ родился 8 мая, и панъ Ромуальдъ съ пани Ядвигой рѣшили назвать его Станиславомъ *). И, Боже мой, сколько плановъ, надеждъ, мечтаній было въ эти три дня! Они ужь рѣшили, какъ будутъ воспитывать Стася; какъ отдадутъ его въ школу къ іезуитамъ, или піарамъ; какъ кончитъ онъ курсъ тамъ; какъ будетъ жить при дворѣ пана Потоцкаго (а можетъ, и королевскомъ дворѣ, — чѣмъ знать!); какъ выростетъ онъ, выйдетъ въ люди... Да, только эта уютная комнатка, съ слабо мерцающею лампадой, да подушка пани Ядвиги знали, сколько здѣсь было надеждъ и плановъ!..

А Стась лежалъ себѣ на постели, маленькій, кругленькій, съ красными, пухлыми щечками, съ ямочками на нихъ; съ пухлыми ручками и ноженками. Глазки его смотрѣли куда-то неопредѣленно въ пространство и не выражали рѣшительно ничего. А отецъ, счастливый, довольный отецъ, цѣловалъ эти глазки, щечки, ножонки и думалъ: «да, наконецъ... наконецъ-то!..» — Но вотъ онъ поднималъ голову, и на лицѣ его выражалось безпокойство.

— Ядвися! ты спать, вѣдь, хочешь! говорилъ онъ. — И Стасикъ тоже...

— О, нѣтъ, ничего! Онъ давече хорошо спалъ... Я тоже...

*) 8 мая — день св. Станислава (Swiętego Stanisława) покровителя Польши.

Но панъ Ромуальдъ улыбался. Онъ крѣпко цѣловалъ руку жены, цѣловалъ пухленькія ручки сына и уходилъ, осторожно притворивъ дверь.

И вотъ панъ Ромуальдъ проснулся. Подъ впечатлѣніемъ сна, подъ впечатлѣніемъ этой отрадной музыки, что слышалась тамъ, за стѣной, — онъ чувствовалъ себя превосходно. Радостный, улыбающійся, вскочилъ онъ съ постели (жесткой, набитой мочалой, — панъ Ромуальдъ не любилъ перинъ) и молодецки, какъ передъ баломъ, вдругъ закрутилъ взъерошенные усы. Потомъ натянулъ на себя старый жупанъ изъ грубаго домашняго канифаса, и вышелъ на улицу. — Яркіе лучи майскаго солнышка ударили ему прямо въ глаза. Онъ ихъ зажмурилъ немного; открылъ потомъ... Чудный, живительный воздухъ полился волной въ его грудь. Панъ Ромуальдъ оглянулся...

Конюшни, амбары, баня; колодезь, съ висѣвшимъ надъ нимъ ведромъ; собака, большая, лохматая, передъ колодцемъ, — вотъ, что ему бросилось вдругъ въ глаза. Завидѣвъ хозяина, песъ вскочилъ и со всѣхъ ногъ, виляя хвостомъ, съ радостнымъ визгомъ, бросился вдругъ къ нему. Панъ Ромуальдъ ласково погладилъ собаку; но когда та вздумала было, отъ избытка чувствъ, громко залаять, — онъ строго нахмурилъ брови и погрозилъ пальцемъ. Песъ смиренно поджалъ хвостъ и съ изумленіемъ поглядѣлъ на хозяина. Но, впрочемъ, онъ тутъ-же вспомнилъ, что въ эти три дня онъ (строго соблюдая свою обязанность) не разъ пробовалъ громко лаять, но получалъ взбучку отъ стараго Панаса. А разъ даже надѣли на него намордникъ, который его ужасно стѣснялъ. Вѣрный принялся выть, — и опять получилъ трепку. Но, впрочемъ, намордникъ съ него сняли. — «Ну, чудеса-же твориться стали! думалъ старикъ. — Ни лаять, ни выть, ни поиграть нельзя!» — И онъ, поджавъ хвостъ и опустивъ уши, отошелъ отъ хозяина.

Панъ Ромуальдъ стоялъ на крыльцѣ, слегка прикрывъ рукою,

глаза отъ солнца. Изъ сада неслось громкое чириканье и щебетанье... Вонъ старый Панасъ вывелъ лошадь, прекраснаго каряго жеребца, съ лоснящейся, точно шелкъ, шерстью. Панъ Ромуальдъ кивнулъ головой въ отвѣтъ на низкій поклонъ стараго кучера... Пробѣжала дѣвчонка изъ дворни, съ огромнымъ горшкомъ въ рукахъ. Она направлялась въ ледникъ. Замѣтивъ пана, дѣвчонка едва не выронила свою ношу; но, вдругъ, вспомнивъ что-то, весело улыбнулась и поклонилась въ поясъ. Отвѣтилъ и ей панъ Ромуальдъ...—И все онъ стоялъ на крыльцѣ, и радостный, улыбающійся, какъ и это майское утро,—смотрѣлъ въ даль куда-то... А тамъ, вдоль берега узкой рѣчки, виднѣлся длинный рядъ чистыхъ и бѣлыхъ хатъ. Весело и привѣтливо такъ выглядывали онѣ на свѣтъ Божій своими оконцами, новенькія и чистенькія, съ кровлями, крытыми очеретомъ, съ вишневыми садиками... И панъ Ромуальдъ глядѣлъ на свою деревню и улыбался. На сердцѣ у него было такъ весело, такъ отрадно!.. Вонъ и дымокъ вьется изъ трубъ синими струйками... Вышла баба съ ведромъ въ рукѣ и направилась къ рѣчкѣ. На бабѣ новая пестрая плахта, чистенькая такая; да и сама баба выглядитъ полной такой, здоровой, веселой... За бабой вышелъ мужикъ. Бѣлая свитка, *бриль* *) на боку, въ зубахъ люлька... А тамъ, на широкомъ лугу, пасется стадо коровъ... Легкій утренній вѣтерокъ доноситъ сюда звукъ бубенчиковъ... Смотритъ панъ Ромуальдъ и все улыбается, улыбается... Коровы сытыя и здоровыя; не мало, видно, онѣ даютъ молока въ день. И эти коровы не его — хлоповъ... Но вотъ вдругъ улыбка совсѣмъ растянула лицо пана Маевскаго, и онъ хихикаетъ... Рыженькій, съ бѣлыми пятнышками, теленокъ, вертѣвшійся все около матки, вдругъ задралъ кверху хвостикъ и курцъ-галопомъ помчался по лугу... Долго носился онъ взадъ и впередъ; носился до тѣхъ

*) *Бриль* — соломенная шляпа.

поръ... Но тутъ панъ Ромуальдъ прыснулъ со смѣху... Теленокъ запнулся за что-то и вдругъ полетѣлъ кверху ножками... Долго смѣялся панъ Ромуальдъ... Но вотъ онъ замѣтилъ мальчика, лѣтъ 12, въ курткѣ, обшитой красными галунами. Это былъ комнатный казачекъ Борька. Онъ вышелъ, слегка позѣвывая изъ людской. Панъ Ромуальдъ поманилъ его пальцемъ.

— Ты это куда отправился? А? заговорилъ онъ, напрасно стараясь придать голосу строгій тонъ. Но улыбка никакъ не сходила съ его лица. И Борька, струхнувшій было немного, вдругъ ободрился.

— Никуда-съ! бойко отвѣтилъ онъ.

— Какъ никуда-съ? Вѣрно шалить опять? Знаю твои проказы! Ты думаешь я не видалъ вчера, какъ ты въ саду по деревьямъ лазилъ? Смотри, замѣчу еще разъ, — выпорю!.. Что ты деревья всѣ обломать хочешь?

Но хитрый мальчишка не потерялся.

— Я, пане, за галкой лазилъ на яблоню, говорилъ онъ. — Галку согнать хотѣлъ...

— Какую галку? Зачѣмъ?

— Кричала очень она... А яблоня та какъ разъ передъ окномъ пани... Пани спала... Вотъ я и думалъ...

— Врешь, пострѣленокъ! — И панъ Ромуальдъ взялъ его слегка за ухо.

— Никакъ нѣтъ-съ, пане... Каменьями я въ нее все бросалъ, — она не летитъ... Вотъ я и полѣзъ на дерево... А то развѣ я сталъ-бы лазить!..

Панъ Ромуальдъ погрозилъ пальцемъ.

— То-то, смотри у меня! Ну, а теперь ты куда шелъ?

— На рѣчку, пане, помыться.

— Аа... Ну, такъ ступай. А потомъ... Знаешь свою обязанность? Полѣзай на крышу, смотри, не ѣдетъ-ли кто. Увидишь

гостей, — скажи. Да не ори, какъ всегда, слышишь? Боже тебя сохрани! Пани больна. Приди и скажи тихонько...

— Слушаю-съ! Какъ можно орать!.. Развѣ не знаю я...

— Ну, ступай!—И панъ Ромуальдъ отпустилъ казачку подзатыльникъ. Мальчикъ хихикнулъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ рѣчкѣ, а панъ Ромуальдъ вернулся въ комнаты.

Домъ былъ большой и просторный. Въ немъ помѣщалось не менѣе восьми комнатъ. Но обстановка была самая скромная, чтобъ не сказать—бѣдная. Въ самой большой комнатѣ, куда вошелъ теперь панъ Ромуальдъ, и гдѣ собирались у него гости, было пять оконъ. Два изъ нихъ выходили въ отличный фруктовый садъ, со множествомъ вишень, яблонь и грушъ. Вонъ тамъ сквозь нихъ блеститъ что-то... Это полузапущенный прудъ, съ перекинутымъ черезъ него мосткомъ... Вонъ тамъ виднѣются клумбы съ цвѣтами. Запахъ левкоевъ, розъ, резеды наполняютъ воздухъ. Гдѣ-то на вишнѣ трещитъ, заливается цѣлый хоръ... Изъ трехъ другихъ открывался прекрасный видъ на усадьбу пана Маевскаго. Еще прадѣдовская усадьба (раззоренная и выжженная до тла въ страшныя времена хмельничины), отличалась крайне живописнымъ мѣстоположеніемъ. За бѣлыми хатками, чуть не совсѣмъ потонувшими въ зелени, виднѣлась рѣчка. Узенькой и извилистой лентой серебрилась она и пропадала гдѣто вдали. За рѣчкой тянулись поля; а тамъ, дальше, — синѣли горы...

Бѣленыя стѣны. На нихъ кой-гдѣ развѣшаны недорогіе эстампы; большой столъ у стѣны (за нимъ обѣдало, иной разъ, человѣкъ 20—40 гостей), съ дюжину крѣпкихъ дубовыхъ стульевъ, съ кожанными подушками, обитыми мѣдными гвоздиками; зеркало небольшое въ простѣнкѣ,—вотъ и вся обстановка комнаты. За нею слѣдовала другая, гостиная. Въ ней принимали обыкновенно почетныхъ гостей. Она отличалась отъ пер-

вой только своими размѣрами (въ ней было всего два окна), да кожаннымъ прочнымъ диваномъ *).

Панъ Ромуальдъ вошелъ въ первую комнату. Тамъ ужь виднѣлась у открытаго въ садъ окна фигура какая-то, вся въ бѣломъ, высокая, слегка сгорбленная. Тихо, почти неслышно, вошелъ панъ Ромуальдъ, но фигура тотчасъ-же обернулась. Это былъ старикъ, лѣтъ 60, съ краснымъ, слегка одутловатымъ, бритымъ лицомъ и маленькими черными глазками, обладающими способностью ни на минуту не останавливаться на одномъ предметѣ. Они, какъ мышенки, выглядывали изъ подъ сѣдыхъ бровей и бѣгали изъ стороны въ сторону. Тонзура на гладко остриженной головѣ и бѣлый длинный кафтанъ, — *сутана*, — указывали доминиканца. И точно, то былъ домашній священникъ (ка́планъ) Маевскихъ, доминиканскій монахъ, ксендзъ Бенедиктъ **).

— А что ужь и на ногахъ, пане! Давно? изумился старикъ и всталъ.

---

*) Домашняя обстановка въ Польшѣ въ XVIII ст., вообще, отличалась скромностью. Современникъ (Янъ-Дукланъ Охотскій), между прочимъ, разсказываетъ: ...«Но въ Кіевскомъ воеводствѣ были знатные дома: тѣ жили болѣе открыто, по барски. Тамъ содержали домашній оркестръ, надворныхъ улановъ и многочисленную прислугу. Мѣстились магнаты однако въ обширныхъ деревянныхъ строеніяхъ, безъ всякихъ богатыхъ украшеній, при весьма небольшой меблировкѣ. Нѣсколько данцигскихъ креселъ, обитыхъ позолоченнымъ сафьяномъ, два три орѣховыхъ бюро, табуреты, обтянутые зеленой клѣтчатой холстинкой, и по два небольшихъ зеркальца, въ орѣховыхъ рамкахъ, — вотъ все, что украшало комнаты... Первый двухъэтажный каменный домъ, названный «дворцомъ» (*пала́цомъ*), построилъ возвратившійся изъ-за границы Каэтанъ Гижицкій въ Краснопольѣ (онъ тамъ-же и умеръ хорунжимъ кіевскимъ, съ 1 на 2 сентября 1775 г.). Планъ этой постройки онъ привезъ изъ Франціи. Въ первый разъ тогда у насъ увидѣли и паркетъ».—(«Записки Яна-Дуклана Охотскаго», изданныя Крашевскимъ).

**) Помѣщики, даже и не особенно богатые, въ Польшѣ имѣли своихъ домашнихъ священниковъ (капеллановъ). Лица эти играли очень большую роль. Они были духовными отцами всего семейства, ихъ просвѣщенными руководителями въ жизни; наставниками и воспитателями ихъ дѣтей, совѣтниками въ свѣтскихъ дѣлахъ, домашними секретарями и пр. — Вообще, духовенства въ Польшѣ было чрезвычайно много. Такъ, до паденія іезуитовъ, однихъ монасты-

— Давненько! — Панъ Ромуальдъ, весь радостный и сіяющій подошелъ къ монаху и принялъ благословеніе, поцѣловавъ его сморщенную, сухую руку.

— Ну, что, какъ пани Ядвига? Ты былъ у нея?

— Все хорошо, все слава Богу! — И панъ Ромуальдъ радостно потеръ себѣ руки, и улыбка опять растянула у него весь ротъ. — Я подходилъ къ двери давече, заглянулъ въ щелку... Спятъ, крѣпко спятъ, и мать и ребенокъ. Она чувствуетъ себя хорошо. Сынъ тоже кажется совершенно здоровенькимъ...

О. Бенедиктъ набожно поднялъ глаза къ небу и зашевелилъ четками.

— Да, Богъ услышалъ наши молитвы, панъ Ромуальдъ, говорилъ онъ. — Вѣдь и я тоже... Ты знаешь, какъ я молился? Мнѣ тоже давно хотѣлось, чтобъ у тебя былъ сынъ... Такое имѣнье, богатство.

О. Бенедиктъ вздохнулъ. Черные глазки его на мгновенье мелькнули по сіяющему лицу Маевскаго и потомъ юркнули вдругъ куда-то въ уголъ.

— Ну, а крестить когда? спросилъ онъ.

— Да, думаю, черезъ недѣльку... Надо, вѣдь, приготовиться; въ городъ съѣздить еще, закупить тамъ кой что... Да и Ядя еще не совсѣмъ поправилась... Да, этакъ черезъ недѣльку...

— Что-жь, окрестимъ... съ помощью Божіей... — И о. Бенедиктъ опять вздохнулъ и зашевелилъ четками. — Ты очень-то не хлопочи тамъ, говорилъ онъ. — Въ городъ вотъ развѣ съѣздишь. А здѣсь я управлюсь... Со всѣмъ управлюсь, распоряжусь... Будь спокоенъ!

рей тамъ было 973. Изъ нихъ самое большое количество приходилось на долю доминиканцевъ (161), потомъ іезуитовъ (154), затѣмъ — бернардиновъ (132), базиліанъ на Руси (118) и францисканцевъ (86). Остальные были распредѣлены между другими орденами, мужскими и женскими. — (*Костомаровъ.* «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой»).

Панъ Ромуальдъ слегка поморщился.

— Благодарю васъ, святой отецъ!.. Вы, вѣдь, всегда... всегда... И онъ опять поцѣловалъ старику руку. — Мнѣ даже совѣстно!..

— Полно! Не въ первый разъ. Все сдѣлаемъ, приготовимъ. И окрестимъ... Да...

Наступило молчаніе.

— А что, отче святой, обратился вдругъ панъ Ромуальдъ къ монаху и какъ-то особенно подмигнулъ. — Обѣдъ-то еще не скоро. Не перехватить-ли крошечку? А?

О. Бенедиктъ опять возвелъ глаза къ небу и шевельнулъ четками. — «Не хлѣбомъ единымъ бываетъ живъ человѣкъ!» хотѣлъ онъ видно сказать, но, впрочемъ, безпрекословно послѣдовалъ за паномъ Маевскимъ.

Массивная дверь кладовой отворилась и опять затворилась за ними. Оттуда послышалось бульканье, точно лили что изъ бутылки; затѣмъ кто-то крякнулъ. И воцарилось молчаніе.

А казачекъ Борька, вымывшись на рѣчкѣ, побѣжалъ на свой обычный воскресный постъ, — на крышу. Онъ, впрочемъ, не столько вымылся, сколько размазалъ грязь на лицѣ. Да ему и не до мытья было... Стадо домашнихъ утокъ плавало въ рѣчкѣ, и Борька не утерпѣлъ, чтобъ не пошвырять въ нихъ каменьями... Но вотъ Борька на крышѣ. Онъ сѣлъ на трубу и зорко глядитъ въ даль: не покажется-ли тамъ облачко пыли. Но нѣтъ, ничего не видно... Мальчишкѣ надоѣло смотрѣть... На крышѣ, съ громкимъ чирканьемъ, прыгали воробьи. Нельзя-же было оставить и ихъ безъ вниманія. Борька наколупалъ изъ старой трубы кучу кусочковъ глины и сталъ швырять въ птичекъ. Но вотъ вдругъ, въ самый разгаръ этой забавы, до слуха Борьки явственно долетѣлъ стукъ колесъ. Борька взглянулъ, — и чуть кубаремъ не полетѣлъ съ крыши. Старенькая коляска ужъ переѣхала мостъ и подъѣзжала къ самой усадьбѣ...

Панъ Ромуальдъ съ ксендзомъ только что вышли изъ кладовой. Они чавкали и вытирали губы. О. Бенедиктъ держалъ въ рукѣ кусокъ калача; панъ Ромуальдъ — чуть не аршинную колбасу.

— Гости, пане, пріѣхали! гости! вдругъ заоралъ Борька, влетая стрѣлою въ сѣни. Онъ весь запыхался, точно бѣжалъ безъ отдыха десять верстъ.

Панъ Ромуальдъ поперхнулся.

— Что ты орешь, дуракъ! зашипѣлъ онъ. — Какіе гости?

— Никакъ панъ Заремба... И пани съ нимъ...

— Аа!..

II.

Гости въ домѣ Маевскихъ были не въ рѣдкость. Не проходило ни одного почти воскреснаго, праздничнаго дня, чтобъ къ нимъ не заглянулъ кто нибудь изъ сосѣдей. Иной разъ пріѣзжали и дальніе паны, жившіе верстъ за 30, за 40 отъ Маювки, со всѣми чадами и домочадцами. — Будничный день пана Маевскаго былъ рабочимъ, трудовымъ днемъ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера, панъ Ромуальдъ былъ на ногахъ. Хозяйскій, опытный глазъ его всюду заглядывалъ (кромѣ кухни развѣ и дѣвичьей, состоявшихъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ пани Ядвиги и ея помощницы, ключницы и экономки, панны Барбары, извѣстной, впрочемъ, въ дворнѣ больше подъ именемъ «старой панны»). Заглядывалъ панъ Ромуальдъ и въ хлѣвъ, и въ конюшню, и въ огородъ, и въ поле. Ему помогалъ, иной разъ, — очень любилъ помогать, — о. Бенедиктъ. Но панъ Ромуальдъ не долюбливалъ этой подмоги, — почему, будетъ извѣстно дальше. — За то день воскресный панъ Ромуальдъ всецѣло посвящалъ отдыху. Стряхнувъ съ себя бремя заботъ, онъ, или съ пани Ядви-

гой и Зосей, уѣзжалъ въ гости, или самъ принималъ гостей. Въ послѣднемъ случаѣ, казачекъ Борька, еще съ ранняго утра, отправлялся на дежурство, на крышу. Замѣтивъ вдали облачко пыли, приближавшихся къ Маювкѣ коляску, или всадниковъ,— Борька сбѣгалъ внизъ и на весь дворъ оралъ: «гости! гости!» — И вотъ въ домѣ поднимались страшная суматоха и бѣготня. То тамъ, то сямъ хлопали двери; слышался топотъ босыхъ ногъ, звонъ ключей и стукъ выдвигаемыхъ и задвигаемыхъ ящиковъ. Панъ Ромуальдъ моментально сбрасывалъ съ себя старый жупанъ и торопливо надѣвалъ праздничное платье; пани Ядвига и Зося—тоже. Онѣ бѣгали взадъ и впередъ по комнатамъ, покрикивали на горничныхъ, торопили ихъ...

Но сегодня было не то. Услышавъ о пріѣздѣ гостей, и именно пана Зарембы съ женой, панъ Ромуальдъ даже слегка поморщился. Старый хорунжій, Заремба, обладалъ страшнымъ басомъ. То, какъ въ пустую бочку глухо гудѣлъ онъ,—то громомъ раскатывался по комнатамъ и слышался чуть не въ самомъ концѣ деревни...—Случалось, порой, старый дидусь Остапъ (ему въ прошломъ году минуло 90), сидитъ себѣ на завалинкѣ у своей хатки, грѣетъ на солнышкѣ старыя кости и попыхиваетъ дымкомъ изъ люльки... Остапъ мечтаетъ о чемъ-то: быть можетъ, о славныхъ дѣлахъ Хмельницкаго... И вдругъ старикъ вздрагиваетъ; люлька выпадаетъ изъ его рта. Въ воздухѣ точно громъ грянулъ и раскатился по всей усадьбѣ: ха! ха! ха!..

— Тьфу ты! сплевываетъ Остапъ.—То панъ Заремба къ нашему пану въ гости пріихавъ... Нехай ёму!..

— Эхъ, не во время! думалъ панъ Ромуальдъ, бросая недоѣденную колбасу.—Ядя еще не поправилась... Стасикъ... Ну, да ладно, я попрошу его... Долженъ-же онъ понять...

Но вдругъ кислая мина у пана Маевскаго смѣнилась улыбкой. Ему пришла въ голову мысль, что старикъ кстати пріѣхалъ. Черезъ недѣлю крестины. Не лишнее было-бы

перехватить у него сотенки двѣ-три червонныхъ... Старикъ не откажетъ...

— О. Бенедиктъ... — началъ онъ, — и умолкъ: ксендзъ скрылся, исчезъ куда-то... Въ домѣ была тишина... Явственно слышалось, какъ большая синяя муха билась о стекло оконца въ сѣняхъ... Но вотъ хлопнула гдѣ-то дверь, послышался топотъ ногъ, — и затѣмъ все опять смолкло..—Панъ Ромуальдъ торопливо, на цыпочкахъ, побѣжалъ къ себѣ въ спальную, одѣваться. Борька былъ уже тамъ. Онъ стоялъ у окна и, водя по стеклу ладонью, пытался поймать муху. Но та все ускользала... — А, наконецъ!.

И казачекъ, съ торжествующею улыбкой, моментально оборвалъ у нея крылья. Но въ эту минуту вошелъ панъ Ромуальдъ.

— Опять ты мухъ давишь, шельмецъ! сердито заговорилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... Я только...

— Молчи! Одѣваться... Живо!..

И вотъ панъ Ромуальдъ, при помощи Борьки, надѣлъ на себя шелковый темно-малиновый кунтушъ, съ золочеными пуговицами, подпоясалъ его серебрянымъ поясомъ, прицѣпилъ съ боку саблю, — и, прежде чѣмъ данцигская коляска пана Зарембы доѣхала до крыльца усадьбы,—стоялъ уже франтомъ и молодцомъ, совсѣмъ готовымъ къ пріему.

А въ это время подъ лѣстницей, въ крошечной комнаткѣ, въ которой въ пору было-бы жить развѣ большой собакѣ, — тоже приготовлялись. Мужчина громаднаго роста, дюжій, широплечій, съ краснымъ лицомъ и громаднѣйшими усами, — натягивалъ на себя *чекчеры*. Это былъ панскій гайдукъ, Михалъ Дембинскій *).

*) Въ XVIII ст. каждый, даже небогатый, польскій помѣщикъ считалъ своимъ долгомъ держать хотя одного *гайдука*. Это были лакеи, огромнаго роста, крѣпко и стройно сложенные и, непремѣнно, съ громадными усами.—«Гайдуки носили *чекчеры* (панталоны) очень узкіе отъ пояса до ногъ, а сзади, отъ ко-

Весь красный, точно сырая говядина, съ налитыми кровью глазами, — онъ хлопоталъ надъ этой проклятой узкой одеждой, съ которой никакъ не могъ справиться, вотъ ужь пять лѣтъ, — и ругался вполголоса... Но, вотъ, наконецъ, кончено, — и Дембинскій вздохнулъ свободно. Онъ разогнулся немного, выпрямился, — и жестоко стукнулся головой о потолочную балку...

— Тпру!.. — Кучеръ натянулъ возжи, и старая данцигская коляска остановилась передъ крыльцомъ. Изъ нея вылѣзъ старикъ, лѣтъ 65, низенькій, плотный и коренастый, съ коротко остриженной, сѣдой головой, воловьей шеей и длинными сѣдыми усами. На немъ былъ свѣтло-зеленый кунтушъ, подпоясанный серебрянымъ поясомъ, сабля и сафьяные красные сапоги со шпорами. — Панъ Казиміръ Заремба (это былъ онъ) вылѣзъ и протянулъ руку особѣ, торчавшей, какъ шестъ, въ коляскѣ.

— Пани Гертруда, прошу! со сладенькой улыбкой проговорилъ онъ.

Пани Гертруда по крайней мѣрѣ головы на двѣ превышала мужа. Это была особа, лѣтъ 35 — 40, тощая и худая, съ длиннымъ, желтымъ лицомъ и тоненькими, костлявыми ручками. Но одѣта она была крайне щеголевато, роскошно, пожалуй. На ней былъ атласный голубой кунтушъ; на длинной, костлявой шеѣ — жемчужное ожерелье; на рукахъ — браслеты, съ крупными бриліантами и изумрудами; на пальцахъ — безчисленное количество колецъ. Вообще пани Гертруда сіяла вся съ головы до ногъ...

лѣнъ, эти чекчеры застегивались большими серебряными, или вызолоченными крючками, выпуклой работы. На ногахъ—шнурованные полусапожки, чернаго, желтаго, или краснаго цвѣта; *чекмень* по всѣмъ швамъ вышивался шнурками. Длинные ихъ волоса собирались сзади въ косу, а спереди висѣли длинными косичками, какъ еврейскія пейсы. Шляпы носили они круглыя, съ широкими полями. Но, главное, были необходимы длинные усы. Очень трудной задачей было сшить ловко костюмъ гайдука, а потому въ гайдуки старались выбирать людей очень стройныхъ. Такихъ гайдуковъ бывало у иныхъ по нѣскольку десятковъ. Подражая имъ, и бѣднѣйшіе помѣщики старались имѣть хотя одного гайдука».—(«Записки Яна-Дуклана Охотскаго»).

Панъ Ромуальдъ (онъ ужь давно стоялъ на крыльцѣ и молча наблюдалъ за церемоніей высадки), торопливо подбѣжалъ къ гостямъ.

— О, пайшановный *), паймильшій пане Казиміре! заговорилъ онъ, крѣпко пожимая старику руку. — Какой счастливой звѣздѣ обязанъ я вашимъ пріѣздомъ?..

— Да вотъ... услыхали... хрипѣлъ панъ Заремба и искоса взглянулъ на жену. Въ ея присутствіи, старый хорунжій, отличный боецъ и рубака, былъ тише воды, ниже травы. — Сына Господь Богъ послалъ, — поздравляю! — И онъ обнялъ пана Маевскаго.

— Поздравляю васъ! поздравляю! говорила пани Гертруда и протянула руку. Панъ Ромуальдъ почтительно ее сжалъ въ своихъ.

— Пожалуйте! Милости просимъ! говорилъ онъ.

И всѣ направились въ комнаты.

— Ну, что, какъ жена ваша? Какъ моя милая Ядичка? Здорова-ли? Какъ себя чувствуетъ? щебетала, какъ ласточка, пани Гертруда. — Вѣдь я такъ люблю ее, такъ люблю, мой пане наймильшій!.. Мы съ ней воспитывались вмѣстѣ въ монастырѣ... Вы помните?.. О, да, конечно!.. Изъ всѣхъ подругъ (ихъ было у меня страшно много: меня всѣ любили!) Ядю любила я больше всѣхъ... Такая милая, добрая, кроткая!..

Панъ Ромуальдъ, весь сіяющій, такъ и разинулъ ротъ передъ этой громкою трескотней. Онъ слова не могъ вымолвить. Панъ Заремба стоялъ немного въ сторонкѣ, закусивъ подъ усами улыбку.

— Ядю я обожала, боготворила!.. сыпалась трель. — Милая, добрая, ненаглядная.—Помню, вотъ, какъ сейчасъ... мы были маленькія еще, вотъ такія... — И пани Гертруда подняла

---

*) Многоуважаемый.

руку на аршинъ отъ полу.—Мы учили молитву... Память у Яди была слаба... О, это былъ ея единственный недостатокъ!.. Она не могла все запомнить... Отче нашъ, иже еси на небеси; да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на землѣ... Такъ вотъ... Все вѣрно, все вѣрно, но пропускала: да будетъ воля Твоя, — а тамъ опять: хлѣбъ нашъ насущный...

— Ну, а ребенокъ! Наслѣдникъ? Сынъ? щебетала она. — Какъ онъ? Здоровъ?.. — Но, впрочемъ, простите, — я васъ оставлю, мой найміильшій пане... Я навѣщу Ядвисю. — И пани Гертруда исчезла, какъ метеоръ.

Съ минуту, по крайней мѣрѣ, стоялъ панъ Ромуальдъ съ разинутымъ ртомъ, совсѣмъ ошеломленный этимъ трещаньемъ. Но вотъ онъ очнулся.

— Въ гостиную, панъ Казиміръ! говорилъ онъ и взялъ за плечо гостя. — Прошу покорно!

— Но я на минутку, вѣдь... я только поздравить... узнать о здоровьѣ матери и ребенка... Я тороплюсь... отговаривался панъ Заремба. — Тамъ, у меня дома.

— Ну, полноте, мой шановный! Войдите, войдите, пожалуйста!—И онъ опять взялъ его слегка за плечо.—Знаете у меня эти дни... Сынъ, панъ Казиміръ,—сынъ... наслѣдникъ!.. Нельзя не выпить намъ, ну, хоть по одному стакану венгерскаго...

Панъ Казиміръ сдавался.

— Да... Но жена... говорилъ онъ.—Жена просила вернуться пораньше... Я знаю, вѣдь этотъ «одинъ стаканъ». Два... пять... десять... двадцать... Все время, пане... Мнѣ некогда!..

— Ну, полноте, мой шановный! Мы выпьемъ лишь по стакану, по *одному* стакану, и потолкуемъ... О многомъ мы потолкуемъ, панъ!

Съ трудомъ удалось провести пана Зарембу въ гостиную. Онъ сталъ въ дверяхъ, — и дальше ни шагу.

— Пане наймильшій! умоляющимъ голосомъ говорилъ Маевскій.—Саблю... саблю снимите... Позвольте, вотъ я ее въ уголъ...

Но панъ Зарембa опять уперся.

— О, нѣтъ, нѣтъ!.. говорилъ онъ.—Сабля меня не стѣснитъ!..

Прошло еще пять минутъ въ упрашиваніяхъ и уговариваніяхъ. Наконецъ сабля была снята, и панъ Казиміръ Заремба грузно рухнулся на диванъ.

Дверь отворилась, и въ ней показался Михаилъ Дембинскій. Весь красный, какъ ракъ, съ раздутыми на лбу жилами, держалъ онъ подносъ. На немъ возвышалась пара бутылокъ и два аппетитныхъ, здоровыхъ кубка. Поставивъ подносъ на столъ, гайдукъ прислонился къ косяку двери, сильно пыхтя и отдуваясь.

Панъ Ромуальдъ налилъ кубки.

— Ну, за здоровье наслѣдника! провозгласилъ панъ Заремба и выпилъ вино до капли.—Пусть будетъ онъ славнымъ, хорошимъ паномъ, какъ и отецъ... Такимъ-же славнымъ воякой!..

— Увольте! вдругъ замахалъ руками панъ Ромуальдъ.—Такихъ воякъ, какъ мой найшановный,—нѣтъ и не будетъ въ Польшѣ!..

Заремба закрутилъ усъ.

— Не будемъ спорить! говорилъ онъ.—Но... выпьемъ еще за здоровье сына пана Маевскаго. Виватъ!..—Голосъ Зарембы крѣпчалъ, и панъ Ромуальдъ слегка поморщивался.

Прошло съ полчаса, и въ бутылкахъ не оставалось ни капли. Гайдукъ подхватилъ подносъ и исчезъ. Черезъ минуту вернулся онъ уже съ четырьмя бутылками и съ кубками, вдвое болѣе первыхъ.

— Ну, ка́къ у васъ тамъ, въ Ольшевкѣ? говорилъ панъ Ромуальдъ, осушая девятый кубокъ и отирая усы.

Заремба сердито крякнулъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Эхъ, лучше не говорите! прохрипѣлъ онъ. — Все этотъ проклятый Бжозовскій.

— А что?

— Да вы не слыхали развѣ? — Вѣдь это врагъ мой, заклятый врагъ!.. Онъ вѣчно мнѣ гадилъ... Еще когда служилъ я въ военной службѣ... Ну, да что тутъ!.. Вы помните, мóсти-пане, какъ въ прошломъ году лáйдакъ тотъ потравилъ мое поле?

— Да, какъ не помнить! — И панъ Ромуальдъ опять налилъ кубки. — Еще вы у него за то два поля стравили...

— Во-отъ!.. Ну, а теперь... Теперь вы знаете, чтó онъ придумалъ?

— Что?

— Онъ хлоповъ у меня сталъ переманивать, — вотъ что! — И панъ Зaремба опять такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что кубки и бутылки запрыгали по столу и зазвенѣли. Его красное лицо превратилось вдругъ въ совершенно багровое; глаза засверкали. — Вѣдь такъ поступать можетъ не родовитый шляхтичъ, а... а... — Заремба не могъ подыскать слова. — Не позже, вотъ, какъ на прошлой недѣлѣ, переманилъ онъ у меня коваля Гнатку и огородника Стаха... На Стаха мнѣ наплевать, положимъ, — даромъ только хлѣбъ ѣлъ — ну, а вотъ Гнатка... Такихъ ковалей я еще никогда не видывалъ!..

— Да какъ-же онъ смѣлъ?

— Какъ смѣлъ!.. И тотъ-то, дуракъ!.. Чтó ему жить у меня худо было? Голодомъ я ихъ, что-ли, морю?..

Панъ Ромуальдъ закусилъ губы. Во всемъ повѣтѣ ни кому не жилось такъ скверно, какъ хлопамъ пана Зарембы. Объ этомъ всѣ знали. Но онъ, разумѣется, промолчалъ.

— Конечно, про меня Богъ знаетъ, что, тамъ, болтаютъ, въ повѣтѣ! говорилъ панъ Заремба, точно угадывая его мысль. — Что, будто, у меня не житье людямъ, а мýка, — да мнѣ наплевать на это!.. Нѣтъ, тутъ, съ одной стороны, мости-

пане, неблагодарность, глубокая, черная неблагодарность... Ну, а съ другой — величайшая подлость!.. И вотъ я рѣшилъ, на этихъ-же дняхъ, собрать *corpus defensivum* *) изъ шляхты и вмѣсто двухъ хлоповъ отобрать у этого подлеца цѣлыхъ двадцать... Положимъ, мнѣ это будетъ стоить не дешево... У меня шляхта такъ пьетъ, какъ никто въ мірѣ!.. Одной горѣлки да пива съ десятокъ бочекъ потребуется... А тамъ еще деньгами... Да мнѣ наплевать, мости-пане... Свое я возьму!..

— А шляхта пана Бжозовскаго не одолѣетъ?.. робко какъ-то замѣтилъ панъ Ромуальдъ. — Мнѣ кажется, у него...

— Шляхта пана Бжозовскаго! гаркнулъ Заремба и заворочалъ бѣлками. — Да развѣ не знаете вы, мости-пане, какая у него шляхта? — Не одолѣетъ!.. насмѣшливо говорилъ онъ. — Одинъ мой уберетъ четверыхъ Бжозовскихъ... Вѣдь это не рыцари — комары!..

— Ну, а потомъ: *per bona officia?* улыбнулся панъ Ромуальдъ.

— Съ Бжозовскимъ?! опять загремѣлъ Заремба. — Никогда въ жизни!.. Да я скорѣй сведу дружбу съ жидомъ, съ моимъ шинкаремъ Янкелемъ, чѣмъ... Я скорѣй...

Но тутъ панъ Заремба умолкъ. Дверь отворилась, и въ гостиную вошелъ о. Бенедиктъ. Онъ круглый годъ ходилъ въ войлочныхъ туфляхъ, — и потому всегда и вездѣ появлялся неслышно, какъ тѣнь.

Заремба всталъ и подошелъ къ о. Бенедикту.

---

*) Если помѣщикъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь насолить сосѣду, оттягать у него его собственность, то онъ собиралъ изъ своихъ хлоповъ и подначальной ему шляхты (мелкихъ дворянъ), такъ называемыхъ *corpus defensivum*, и дѣлалъ набѣгъ на сосѣда. Тотъ тоже вооружался. И вотъ затѣвалась схватка, — кто одолѣетъ. «Для оправданія такихъ поступковъ, у поляковъ было латинское названіе. Отнять у другого собственность называлась *пріобрѣтать — via facti*. Насоливши хорошенько другъ другу, проливши достаточно крови, — обѣ стороны мирились. И это называлось: кончать дѣло *per bona officia*. И тутъ-то шли пиры на радости примиренія»!.. (Костомаровъ. «Послѣднія годы Рѣчи Посполитой»).

— Давненько мы не видались съ вами, почтенный отецъ, говорилъ онъ... Какъ ваше здоровье?

О. Бенедиктъ вздохнулъ и сѣлъ на диванъ.

— Плохо, очень плохо! отвѣчалъ ксендзъ и зашевелилъ четками. — Годы... старость пришла... Что станешь дѣлать!.. Недуги разные: то болитъ, это болитъ... Господь меня наказалъ за мои грѣхи!..

— У васъ-то грѣхи!.. Полноте, отче достопочтенный!.. Да ваша святая жизнь...

— Молчите, панъ! перебилъ старикъ. — Никто не святъ, какъ только единъ Богъ!.. Всѣ мы погрязли въ грѣхахъ, какъ въ тинѣ... А я... я...— О. Бенедиктъ вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— О чемъ у васъ тутъ разговоръ былъ? вдругъ обратился онъ къ пану Зарембѣ.

— Да вотъ въ чемъ дѣло, отецъ... Ну, разсудите вы, сдѣлайте милость!.. Развѣ не правъ я? — И панъ Заремба разсказалъ, въ чемъ дѣло. О. Бенедиктъ молча слушалъ его, не возражая.

— Да, говорилъ онъ, — конечно... Таковъ обычай: око за око, зубъ за зубъ... Но, впрочемъ, въ этихъ дѣлахъ вашихъ я не совѣтникъ... Только не одобряю... не одобряю! — И о. Бенедиктъ покачалъ головой. — Мнѣ кажется, лучше-бы помириться...

— Съ Бжозовскимъ! рявкнулъ Заремба. — Съ этимъ... Да знаете вы, достопочтенный отецъ, — онъ негодяй!..

— Позвольте! мягко остановилъ его ксендзъ. — Бжозовскій мнѣ хорошо извѣстенъ... Такой человѣкъ не можетъ быть негодяемъ... Да, панъ Заремба!..

— Гм... Что касается тамъ религіи... смущенно заговорилъ панъ Казиміръ. — Конечно, не спорю... Но въ частныхъ дѣлахъ...

— Они ничто въ сравненіи *съ дѣломъ вѣры!* строго-торжественно замѣтилъ о. Бенедиктъ. — Sapienti sat! *)

Наступило молчаніе. Панъ Заремба крутилъ сѣдые усы. Маевскій мигнулъ гайдуку, и тотъ, убравъ пустыя бутылки, черезъ минуту замѣнилъ ихъ новыми.

— Стаканчикъ, о. Бенедиктъ! Позвольте! — обратился къ нему панъ Ромуальдъ.

— Благодарю, пане.

— Одинъ! — И панъ Ромуальдъ налилъ.

— А вы не слыхали, святой отецъ, о молодомъ Грабовскомъ? вдругъ обратился къ ксендзу Заремба.

Въ тусклыхъ глазахъ монаха сверкнулъ огонекъ.

— Да, слышалъ... глухо проговорилъ онъ.

— И что-же?.. Что-же?.. злобно, ехидно какъ-то допрашивалъ его панъ Заремба.

— Какой Грабовскій? спрашивалъ панъ Ромуальдъ. — Не сынъ-ли стараго Яна?

— Да, онъ.

— Такъ онъ вернулся изъ-за границы?

— Вернулся, съ мѣсяцъ назадъ. Вы не слыхали развѣ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Такъ вотъ вы спросите-ка объ немъ о. Бенедикта. Пусть онъ разскажетъ...

— Да судитъ его Господь Богъ и наша святая церковь!.. глухо проговорилъ ксендзъ.

— Ка́къ?! вскочилъ вдругъ панъ Ромуальдъ. — Тотъ самый маленькій Бо́лесь, котораго я на рукахъ нянчилъ, котораго за уши я диралъ?.. Да полноте, о Бенедиктъ! Быть не можетъ!..

О. Бенедиктъ вздохнулъ. Въ глазахъ его все еще сверкалъ огонекъ, и огонекъ недобрый; губы слегка дрожали.

*) Умному достаточно, умный пойметъ.

— Да въ чемъ-же дѣло-то? въ чемъ?.. Разскажите вы, Бога ради!.. Маленькій Болесь... Вѣдь я не видалъ его десять лѣтъ... Онъ такъ хорошо учился въ іезуитской коллегіи...

— А вотъ послушали-бы вы, мости-пане, что́ говоритъ онъ теперь! крикнулъ Зaремба и залпомъ выпилъ стаканъ. — О. Бенедиктъ! Разскажите все лучше!

Но старикъ только махнулъ рукой.

— Да что́ же онъ говорилъ!

— Что́? — Языкъ не поворачивается у меня сказать!.. Онъ говорилъ, что все воспитаніе наше въ іезуитскихъ школахъ ведетъ только къ тому, что мы лишаемся здраваго смысла, глупѣемъ, тупѣемъ... А?..

Панъ Ромуальдъ молчалъ.

— Онъ говорилъ... Но, нѣтъ, я не въ силахъ... — И панъ Заремба налилъ стаканъ. — Недѣли двѣ, полторы назадъ, онъ былъ у Ястуржембскихъ... Вы знаете, мóсти-пане, это семейство? Въ него ужь давно тоже проникъ этотъ модный французскій духъ, — духъ безвѣрія... Немудрено: тамъ гуверперъ французъ и гувернантка француженка... Такъ вотъ, онъ тамъ говорилъ... Господи, что́ говорилъ онъ!.. Морозъ у меня подиралъ по кожѣ!..

О. Бенедиктъ даже заткнулъ уши и замоталъ отчаянно головой.

— Молчите, панъ Казиміръ! Молчите, ради Христа! говорилъ онъ. — Я не могу слушать!..

— Въ прошлое воскресенее, продолжалъ Заремба, все болѣе и болѣе одушевляясь.—Мы были въ церкви. Былъ тамъ и онъ... Когда читали евангеліе, всѣ встали, надѣли шапки и выдернули на половину сабли изъ ноженъ... Онъ шапку надѣлъ, но сабли не выдернулъ *)... Вы понимаете?..

Панъ Ромуальдъ молчалъ. Его все время сіяющее лицо вдругъ затуманилось. Блѣдность смѣнила румянецъ.

— Но это не можетъ быть!.. Это, вѣдь, слѣпота какая-то... Ересь... Юноша сбился съ пути... Прямая обязанность всѣхъ насъ — опять направить его, убѣдить...

— А панъ не слыхалъ о древѣ, не приносящемъ добрыхъ плодовъ? глухо заговорилъ вдругъ ксендзъ. — Забылъ онъ, что дѣлаютъ съ этимъ древомъ? — Его срубаютъ и бросаютъ въ огонь!..

Тихій, слегка сиповатый голосъ монаха теперь какъ-то грозно звучалъ. Губы у старика дрожали, руки тряслись. Но вотъ онъ не выдержалъ, всталъ и нетвердой походкой вышелъ изъ комнаты.

*) Обычай, существовавшій въ Польшѣ. Во время чтенія ксендзомъ евангелія, всѣ мужчины въ костелѣ вставали съ мѣстъ, надѣвали шапки и наполовину выдергивали сабли изъ ноженъ. Это, какъ знакъ, что они всегда готовы въ походъ, на защиту католической вѣры.

Панъ Ромуальдъ сидѣлъ, грустно понуривъ голову. Панъ Заремба сердито кусалъ усы.

— Бóлесь... Маленькій Бóлесь... думалъ Маевскій. — Да какъ-же это?.. Но нѣтъ... Заремба навѣрно преувеличиваетъ... А Бенедиктъ... Ну, Бенедикта я хорошо знаю!.. Однако не лишнее будетъ тамъ навести справки: чтó ложь, и чтó правда...

— Оставимъ это, панъ Ромуальдъ, заговорилъ вдругъ Заремба. — Все это ужасно грустно и... возмутительно!.. — И онъ налилъ стаканы. — Выпьемъ за вашего сына — наслѣдника...

— Виватъ! отвѣтилъ панъ Ромуальдъ и ужь теперь твердымъ голосомъ.

Пани Гертруда пробыла не болѣе четверти часа въ спальной своей подруги, но въ это время она такъ много наговорила и натрещала, что у бѣдной больной даже голову заломило. Во первыхъ, она осыпала «свою милую, ненаглядную Ядю» цѣлымъ дождемъ поцѣлуевъ,—и пани Ядвига съ трудомъ удерживалась, чтобъ не морщиться. Затѣмъ она подхватила на руки дремавшаго Стасика и сдѣлала съ нимъ нѣсколько туровъ по комнатѣ. Стасикъ протестовалъ противъ такого вольнаго обращенія и голосомъ, и рученками, и ножонками. Онъ плакалъ, барахтался; мать смотрѣла на него съ тревогой, а пани Гертруда осыпала его поцѣлуями и клялась всѣми святыми, что въ жизнь еще не видала такого прелестнаго мальчика, такого ангела, херувима!.. — Сначала пани Гертруда нашла Стасика похожимъ, точно двѣ капли воды, на отца; потомъ измѣнила свое заключеніе и нашла, что онъ похожъ на отца только губами, а такъ, вообще, — весь въ мать... И пани Гертруда носилась съ ребенкомъ по комнатѣ, баюкала его и смѣялась, и говорила и говорила... Ребенокъ плакалъ, а пани Ядвига морщилась. — Но, вотъ, наконецъ, Стасикъ опять уложенъ въ свою постельку; онъ успокоился, задремалъ... Пани Гертруда усѣлась на стулъ подлѣ кровати и шопотомъ, впрочемъ, такимъ, что онъ слышался чуть

не во всѣхъ комнатахъ, стала вываливать передъ пани Ядвигой огромнѣйшую корзину новостей... Въ какихъ нибудь пять минутъ она насказала столько, что не опишешь и въ цѣломъ томѣ... «Панъ А. (ты знаешь, какой онъ картежникъ!) опять проигрался страшно: не то пятьсотъ, не то пять тысячъ червонцевъ... Панъ В. (дѣла у него ужь давно плохи!) не могъ уплатить всѣхъ долговъ, и ему, говорятъ, грозитъ опись имѣнія... Если не дорого, то мы купимъ... Я говорила ужь Казиміру... У пани Д. опять непріятность съ мужемъ... (Ты знаешь, какая она франтиха? Дрянь! Лѣзетъ въ графини, а родомъ... Всѣ говорятъ, что дѣдъ ея былъ просто нищій, изъ загонóвой шляхты графа NN!). Такъ вотъ: накупила бриліантовъ въ Варшавѣ, представили счетъ, — а мужъ и платить не хочетъ... — Къ старому Яну Грабовскому пріѣхалъ изъ-за границы сынъ... Ты помнишь: Бóлесь?» — Но тутъ рѣчь пани Гертруды вдругъ полилась такимъ неудержимымъ потокомъ, что маленькій Стасикъ проснулся опять и заплакалъ, а бѣдная мать чуть не заткнула уши. — И громы и молніи метала пани Гертруда на голову пріѣзжаго пана. Онъ былъ, по ея словамъ, и безбожникъ, и негодяй, и выродокъ просто какой-то... Да развѣ въ семьѣ Грабовскихъ бывали когда такіе? — Сохрани Богъ! —

У бѣдной пани Ядвиги голова пошла кругомъ... Но вотъ ей пришла счастливая мысль, предложить гостьѣ кофе и закусить. Пани Гертруда долго не соглашалась.

— Сыта я, по горло сыта, Ядичка! говорила она. — Но Ядичка позвонила и приказала вошедшей горничной проводить пани въ столовую и позвать барышню.

— Ну, такъ прощай, ангелъ мой! до свиданія! говорила гостья, обнимая и цѣлуя подругу. — Ты, можетъ, устала? Уснуть хочешь? — Ну, отдохни, отдохни, сокровище! Я послѣ зайду, пожалуй, проститься... Ты не уснешь?.. А Стасикъ спитъ? — О, да, спитъ, херувимчикъ! Прощай, прощай, Ядичка!..

Пани Гертруда выпорхнула изъ спальной, — и точно гора съ плечъ свалилась вдругъ у больной, и она вздохнула свободно.

Въ столовой, довольно большой и просторной комнатѣ, въ три окна, со стѣнами подъ дубъ, съ буфетомъ, изъ-за стеклянныхъ дверецъ котораго глядѣла масса фарфоровой и хрустальной посуды, блестѣли серебряныя тарелки и кубки, — уже былъ накрытъ столъ. На бѣлоснѣжной скатерти красовался серебряный спиртовой кофейникъ; стояла масса домашнихъ печеній въ лоткахъ. Закуски: колбасы, сыръ, яйца, грибы и грибочки, разные маринады. Тутъ-же виднѣлись двѣ-три бутылки домашнихъ наливокъ: сливянка, вишневка, малиновая; бутылка дорогого *Лакрима-Кристи.* Пани Гертруду встрѣтила дѣвушка лѣтъ 17, очень хорошенькая, похожая, какъ двѣ капли, на пани Ядвигу. Это была дочь Маевскихъ, Зося.

— Рада васъ видѣть, пани! говорила она, цѣлуясь съ гостьей. — Давно васъ не видѣла!..

— Да, очень давно... Очень, милочка!.. А вы все хорошѣете и хорошѣете... Боже!.. — И пани Гертруда разглядывала свѣжее, полное личико дѣвушки, точно не видѣла ее десять лѣтъ. — Вы положительно отобьете всѣхъ жениховъ въ нашемъ повѣтѣ!.. *).

— А, вотъ и панна Барбара! Рада васъ видѣть, здравствуйте! кивнула головой гостья. — Ну, что, какъ зубы? Болятъ? Ахъ, жалость какая! Флюсъ? Опять флюсъ? Самое лучшее, — я говорила ужь вамъ не разъ, — винная ягода въ молокѣ... Пробовали? — Ну, и еще разъ, еще, — поможетъ навѣрное!..

Панна Барбара, извѣстная въ дворнѣ подъ именемъ «старой панны», была маленькая, худенькая женщина, съ желтоватымъ, сморщеннымъ въ кулачекъ, лицомъ, и съ вѣчно распухшей, под-

*) *Повѣтъ* (powiat) — уѣздъ.

вязанною щекой. Трудно было сказать, сколько паннѣ Барбарѣ лѣтъ. Судя по ея жиденькимъ волосамъ, въ которыхъ, тамъ и сямъ, просвѣчивала сѣдинка, по этимъ морщинкамъ (гусинымъ лапкамъ), — такъ ей можно было дать лѣтъ 45, если не больше. Но панна Барбара была бы глубоко оскорблена, еслибъ ей дали столько. Она еще молодилась, любила ленточки, бантики, кружевца...

— Да, жалко васъ, жалко, панна! говорила гостья, искоса поглядывая на ключницу. — Вѣчно хворать, и въ такихъ молодыхъ лѣтахъ!.. Вѣдь вамъ, я думаю, еще и 30 нѣтъ?.. Панъ Станиславъ...

Но гостья вдругъ замолчала. Панна Барбара сердито двинула чашкой; ея тонкія губы еще болѣе сжались; а Зося съ укоромъ взглянула на пани Гертруду.

— Что новаго, пани? заговорила она. — Я ужь вторую недѣлю никуда не выѣзжаю изъ дому. Все некогда...

— Новаго? Куча новаго, милочка! Вотъ вамъ... — И пани Гертруда начала съ трескомъ вываливать свою корзину. Зося даже ротикъ разинула отъ изумленія, а панна Барбара, суетясь у стола, искоса поглядывала на гостью своими мышиными глазками.

— А о Грабовскомъ вы не слыхали, Зося? вдругъ точно выпалила гостья.

— О панѣ Янѣ?

— О Болеславѣ Грабовскомъ, что возвратился недавно изъ-за границы?

— Нѣтъ.

— Аа!.. — И пани Гертруда вдругъ сжала губки. Лицо ея приняло таинственное выраженіе. И это подстрекнуло Зосю.

— А что-же, пани Гертруда? Что? интересовалась она.

— Да какъ вамъ сказать... нерѣшительно точно говорила пани Гертруда. — Un jeune homme bien élevé... Да... très bien élevé... Слишкомъ...

— Какъ такъ?

— Да такъ... Высказываетъ онъ мысли... такія мысли... Ну, однимъ словомъ, не думаю, чтобъ его стали принимать гдѣ-нибудь въ обществѣ... Кромѣ, разумѣется, Ястржембскихъ... Мы не дозрѣли еще до *такихъ* понятій! — И злая улыбка мелькнула на губахъ пани Гертруды.

— Ни вамъ, моя дорогая, — о, сохрани Богъ! — говорила она, — и никакой другой паннѣ онъ въ женихи не годится... Да онъ и самъ, кажется, не одобряетъ нашихъ дѣвицъ... Находитъ ихъ слишкомъ еще мало развитыми, необразованными... Онъ не танцуетъ, не играетъ въ карты... — Но, впрочемъ, оставимъ это!.. — Такъ вы все дома, моя дорогая? Все по хозяйству?

— О, да, пани... Теперь у меня куча хлопотъ!.. Конечно, панна Барбара незамѣнима... Но, все-таки, надо и мнѣ... — Черезъ недѣлю крестины брата... — Однако, что-жь вы совсѣмъ ничего не кушаете?

— Я сыта, милочка... Сыта по горло!

— Рюмочку лакрима-кристи? — Вѣдь оно легкое, слабое...

— И въ ротъ никогда не беру!

— Наливки?

Пани Гертруда отказывалась рѣшительно отъ всего, — но ничего не оставила безъ вниманія: и закусила и выпила.

— Однако, пора! вдругъ спохватилась она. — Прощайте, мой ангелъ! Я засидѣлась... А мама спитъ? Узнайте, милочка!

Зося ушла и сейчасъ-же вернулась.

— Спитъ!

— Ну, я ее не буду тревожить...

Панъ Казиміръ, красный, какъ сырая говядина (онъ выпилъ не менѣе десяти бутылокъ), но, впрочемъ, что называется, ни въ одномъ глазу, — вѣжливо подсадилъ пани Гертруду въ коляску и сѣлъ въ нее самъ. Кучеръ дернулъ возжами, и лошади тронулись. Вотъ съѣхала она со двора, — а пани Гертруда все

еще кланялась и посылала воздушные поцѣлуи стоявшимъ на крыльцѣ Зосѣ и пану Маевскому. Тѣ тоже кланялись. Наконецъ коляска скрылась за поворотомъ...

— Тьфу! Точно гора съ плечъ! крякнулъ панъ Ромуальдъ и пошелъ къ женѣ.

— Не спишь, Ядя? говорилъ онъ, чуть-чуть пріотворивъ дверь спальной.

— Нѣтъ.

Панъ Ромуальдъ вошелъ. Въ комнатѣ все такъ-же горѣла лампадка; пахло лекарствами... Пани Ядвига лежала блѣдная на подушкахъ. Она теперь выглядѣла еще блѣднѣе, чѣмъ давече. Панъ Ромуальдъ испугался.

— Ядичка, что съ тобой?

— Да вотъ, голова болитъ... — И она разсказала ему о посѣщеніи пани Гертруды.

— Сорока!... прохрипѣлъ только панъ Ромуальдъ и дернулъ себя за усы. — Такъ вы говорили и о Грабовскомъ?

— Да.

— Но это, вѣдь, ложь!... Понимаешь ты: ложь! Этого быть не можетъ!... Я знаю Болеся...

— Да, ужь, конечно, приврали...

— Приврали! твердо рѣшилъ панъ Ромуальдъ.

III.

О. Бенедиктъ проснулся еще до восхода солнца. Слегка позѣвывая и покряхтывая, спустилъ онъ ноги съ кровати, надѣлъ сутану и отворилъ окно.

Чистый и свѣжій воздухъ, пропитанный ароматомъ цвѣтовъ изъ сада, хлынулъ волною въ комнату... Легонькій вѣтерокъ под-

хватилъ съ полу бумажку какую-то и унесъ ее въ уголъ; зашелестилъ листами большой толстой рукописи на полкѣ...—Изъ окна открывался видъ чуть не на всю деревню. Надъ рѣчкой поднимался легкій туманъ; изъ трубъ ужь клубился кой-гдѣ синій дымокъ: крестьяне вставали... Вдали замычала гдѣ-то корова; ей подхватила другая, третья, четвертая; послышалось звяканье колокольчиковъ; треснулъ бичъ... И вотъ старый, сѣдой Онисько-пастухъ, прямой и высокій, какъ жердь, погналъ стадо на лугъ... — О. Бенедиктъ умылся и подошелъ къ окну... Долго стоялъ онъ, вдыхая всей грудью свѣжій и чистый воздухъ и глядя куда-то въ даль... Вонъ облачко, бѣлое облачко на небѣ, стало вдругъ розовѣть; вотъ окрасилось оно золотистымъ цвѣтомъ; все ярче, ярче, — распалось, и изъ него выплылъ золотой шаръ... Яркіе лучи брызнули цѣлымъ снопомъ... Какъ жарко загорѣлся золоченый крестъ маленькой православной церкви!... О. Бенедиктъ зажмурилъ глаза, отвернулся... Онъ взялъ со столика у кровати книжку въ кожаномъ переплетѣ, четки, и, опустясь на колѣни передъ образами, началъ молиться...

Комнатка о. Бенедикта смотрѣла совсѣмъ монастырской кельей. Маленькая, съ однимъ окномъ, съ выбѣленными стѣнами, съ полками, заваленными толстыми книгами и тетрадями, съ образами въ углу, — она и теперь даже, вся залитая солнечными лучами, выглядывала какъ-то мрачно и хмуро... Передній уголъ былъ занятъ божницей. Здѣсь день и ночь теплилось пять-шесть лампадокъ... Живопись образовъ была менѣе чѣмъ посредственная, — грубоватая. Но больше всего бросалось въ глаза великолѣпное распятіе изъ слоновой кости на крестѣ чернаго дерева. Передъ нимъ горѣла серебряная лампадка...

А солнышко весело свѣтило на небѣ; лило потоки лучей въ комнату, золотило бѣлую рясу монаха, его сѣдые, короткіе волосы... Съ луга неслись звуки бубенчиковъ; въ саду заливался пернатый хоръ, — а о. Бенедиктъ все молился... Потъ крупными

каплями выступалъ на его морщинистомъ лбу, сбѣгалъ по изможденнымъ щекамъ и падалъ, порой, на листы молитвенника. — Въ домѣ тоже проснулись... Слышались, тамъ и сямъ, шаги, топотъ босыхъ ногъ, стукъ и скрипъ двери... Гдѣ-то на дворѣ громко заржала лошадь; хлопнулъ бичъ, и послышался сдержанный гнѣвный окрикъ... А о. Бенедиктъ все молился... Но, вотъ, наконецъ, онъ съ трудомъ поднялся съ колѣнъ, охнулъ, распрямилъ сгорбленную спину, перекрестился еще разъ, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Тихо, неслышно, какъ тѣнь, шелъ старикъ по двору, слегка опираясь на палку. Его голова поникла на грудь; о. Бенедиктъ, какъ будто, нигдѣ и ничего не видѣлъ, — но это такъ только казалось. Его небольшіе черные глазки зорко глядѣли изъ подъ нависшихъ бровей и широкихъ полей поярковой шляпы,—и отъ нихъ не укрылось-бы ничего. — И это прекрасно знали дворовые. Вчера панъ Ромуальдъ уѣхалъ за покупками въ городъ, и въ домѣ полновластнымъ хозяиномъ оставался о. Бенедиктъ. Старика дворня боялась и не любила. То, чего никогда не замѣтилъ-бы зоркій хозяйскій глазъ, мимо чего прошелъ-бы панъ Ромуальдъ, не обративъ никакого вниманія, — то замѣчалъ о. Бенедиктъ. Онъ вѣчно находилъ разные недостатки и упущенія и жаловался Маевскому. Панъ Ромуальдъ молча выслушивалъ, морщился изрѣдка, и обѣщалъ старику все поправить, взыскать съ виновныхъ. Но онъ никогда не сдерживалъ своего обѣщанія. Онъ очень хорошо понималъ, что старикъ часто видѣлъ слона тамъ, гдѣ даже и простой мухи не было; онъ придирался просто къ дворовымъ, и придирался онъ потому, что они, за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, всѣ были «еретики», схизматики. О. Бенедиктъ былъ ярымъ и нетерпимымъ католикомъ.

— Э, полноте, о. Бенедиктъ! говорилъ панъ Маевскій. — Какое мнѣ дѣло, въ какую церковь ходятъ мои дворовые: въ православную, или въ костелъ... лишь-бы работали они хорошо,

да слушались моихъ приказаній... Глядите-ка, вонъ, у пана Потоцкаго... Его-ли не любитъ народъ? Его-ли имѣнія не процвѣтаютъ?—А почему? Да потому, что ему все равно, куда ходятъ его хлопы: въ нашъ-ли костелъ, или въ свою церковь...

— Панъ самъ склоняется къ ереси... начиналъ, было, о. Бенедиктъ.

— Пустое, святой отецъ!

О. Бенедиктъ махалъ только рукой и отступался. Но онъ, разумѣется, никогда не могъ раздѣлять мнѣній пана Маевскаго, ненавидѣлъ дворню и всегда готовъ былъ напакостить ей въ чемъ-бы то ни было...

И вотъ о. Бенедиктъ идетъ по двору своей неспѣшной походкой и зорко, украдкой, поглядываетъ по сторонамъ. У конюшни собралось, было, нѣсколько ребятишекъ. Они затѣвали игру какую-то... Слышался смѣхъ, крики... Но вотъ одинъ изъ компаніи замѣтилъ вдругъ сгорбленную фигуру монаха,—и всѣ мальчуганы скрылись, точно спугнутые воробьи... Конюхъ Данило, замѣтивъ о. Бенедикта, снялъ бриль и поклонился старику въ поясъ. Но тотъ не обратилъ на него никакого вниманія, и шелъ себѣ дальше, опираясь слегка на палку. Попадались бабы и мужики (ребятишки вездѣ разсыпались въ стороны) и низко кланялись,—но о. Бенедиктъ точно и не замѣчалъ никого...

И вотъ онъ идетъ по берегу узенькой рѣчки... Утки гогочутъ у берега, плаваютъ и ныряютъ... Рѣчка совсѣмъ тиха, неподвижна, какъ зеркало... Солнышко ярко въ ней отражается, золотитъ ее... Широкіе, темно-зеленые листья кувшинокъ лежатъ, тамъ и сямъ, на водѣ; межъ ними блестятъ, какъ золото, желтенькіе цвѣточки... Тихо, утки только покрякиваютъ, да изрѣдка завозится въ осокѣ у берега окунь, или плотичка... А вонъ и костелъ.—Ярко блеститъ на солнышкѣ золоченый крестъ.—Вотъ домикъ ксендза-пробоща, съ бѣлыми ставнями, съ бѣлыми занавѣсками въ окнахъ... А вотъ и самъ ксендзъ-прóбощъ, о. Іеро-

нимъ... Старикъ еще издали разглядѣлъ эту маленькую, худенькую фигурку, въ старой, помятой широкополой шляпѣ. Онъ прямо идетъ на встрѣчу о. Бенедикту. Пробощу лѣтъ 45, но на лицѣ его такъ много глубокихъ морщинъ; глаза такіе грустные и печальные... Да, видно, не мало горя перенесъ этотъ человѣкъ въ жизни!...

— Подышать воздухомъ? спрашиваетъ ксендзъ-пробощъ.

— Нѣтъ, я по дѣлу... Некогда!... отвѣчаетъ о. Бенедиктъ и, слегка поклонившись проходитъ дальше.

По губамъ пробоща пробѣгаетъ полу-грустная, полунасмѣшливая улыбка.

Но вотъ о. Бенедиктъ доходитъ до одной хаты, почти на самомъ концѣ деревни. Эта хата ужь не изъ тѣхъ, въ которыхъ живутъ малороссы, хлопы пана Маевскаго. Нѣтъ,—она выглядитъ очень бѣдно... Тростникъ на крышѣ подгнилъ; да и сама крыша ветхая, старая, требуетъ тоже починки. Тускло глядитъ на свѣтъ Божій кривое оконце съ полуразбитыми стеклами.— О. Бенедиктъ сгибается въ три погибели и пролѣзаетъ въ дверь... Бѣдностью, нищетой вѣетъ отъ всей обстановки; всюду соръ, грязь... Въ углу, въ какихъ-то лохмотьяхъ, барахтается ребенокъ, пищитъ... Худая, блѣдная женщина идетъ на встрѣчу монаху и низко склоняетъ голову...

— Ну, что, Олеся? говоритъ онъ.—Стахъ еще не вернулся?

— Нѣтъ, ойче мой добродѣю...

— Онъ загулялъ? А?

— Да, загулялъ, видно...—И женщина еще ниже опускаетъ голову.—Вчера долженъ былъ вернуться...

— Гадко... да, гадко онъ дѣлаетъ! говоритъ о. Бенедиктъ.—Господь Богъ накажетъ его за такую жизнь!..—Ну, а денегъ онъ не оставилъ?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Да что-же я говорилъ! Вѣдь завтра я долженъ собрать всѣ.—Ты понимаешь: *всѣ*... Отправить отцамъ— трипитарамъ*)... И у тебя нѣтъ?

— Только двѣнадцать грóшей...

— Двѣнадцать!.. Когда нуженъ злóтый!.. О, Господи, что-же это будетъ такое! — вдругъ застоналъ о. Бенедиктъ. — Имъ лучше пропить, промотать деньги, чѣмъ отдать ихъ на церковь... На выкупъ вѣрныхъ католиковъ изъ бусурманской неволи... Немного, кажется, злóтый въ мѣсяцъ, — и того нѣтъ!...

— Мы задолжали нынче...

— Что?

— Задолжали мы... Мой Стахъ...

— Твой Стахъ кутила и мотъ, — вотъ что! грозно заговорилъ о. Бенедиктъ. — Не хлопъ онъ какой, тамъ, несчастный, а шляхтичъ... И злотаго нѣтъ въ мѣсяцъ!.. Ну, погоди-же, накажетъ его Господь!..

— Ойче-добродѣю!.. — Въ голосѣ женщины зазвучалъ ужасъ. — Не проклинайте!..

— Не проклинаю, а говорю правду... Ну, что-же, давай хоть двѣнадцать грóшей...

Она порылась въ углу, достала оттуда нѣсколько мѣдныхъ монетокъ и подала ихъ дрожащей рукой о. Бенедикту. Тотъ опустилъ ихъ въ карманъ.

— А мужъ пріѣдетъ, — скажи! говорилъ онъ.—Я попеняю ему... Богъ знаетъ, чтó дѣлаетъ у васъ этотъ прóбощъ!. Теперь, навѣрно, и половины мнѣ не собрать... Всѣ промотались, позадолжали!.. О, Боже!.. — О. Бенедиктъ поднялъ глаза къ небу, зашевелилъ четками. — Ну, прощай!.. Господь да помилуетъ и спасетъ тебя!...

*) Орденъ, собиравшій пожертвованія на выкупъ христіанъ (католиковъ) изъ бусурманской неволи.

Она припала съ благоговѣніемъ къ его рукѣ. О. Бенедиктъ благословилъ ее и вышелъ.

Онъ завернулъ еще въ четыре-пять хатъ... Вездѣ бѣдность... Порой, встрѣчали его хозяева-шляхтичи, въ грубыхъ посконныхъ свиткахъ, дерюжныхъ рубахахъ, но съ саблями у бедра, какъ знакъ ихъ дворянства...

Мрачный, сердитый, шелъ о. Бенедиктъ домой. Въ карманѣ его бренчали нѣсколько мѣдяковъ.. На встрѣчу ему опять попался ксендзъ-пробощъ.

— Laudatur Jesus...

— Позвольте! остановилъ его вдругъ о. Бенедиктъ.—Вѣдь это, наконецъ, изъ рукъ вонъ что такое!..

— А что? спросилъ пробощъ.

— Вы знаете о моихъ сборахъ на тринитаровъ?

— Да.

— По злотому въ мѣсяцъ,—немного, кажется!.. Я побывалъ въ шести хатахъ и собралъ всего два злотыхъ... А!..

— Бѣдность, о. Бенедиктъ...

— Что вы сказали?

— Бѣдность.

— Не бѣдность,—распущенность, вотъ что?.. Чего-же вы смотрите? Чему учите паству?.. А?..

Ксендзъ-пробощъ пожалъ плечами.

— Шляхта бѣдна! говорилъ онъ. — Средствъ никакихъ нѣтъ... работать тоже не хочется, — шляхетское достоинство не позволяетъ!.. пояснилъ онъ съ горькой улыбкой.—Какъ быть? Что́ дѣлать!.. А вѣдь семья у каждаго, дѣти... Тѣмъ и живутъ только, что попадетъ отъ пана Маевскаго... Крохами и питаются... Я-то причемъ-же тутъ?.. Что́ могу сдѣлать?..

О. Бенедиктъ только махнулъ рукой, и вдругъ повернулъ спину и зашагалъ къ дому. Ксендзъ-пробощъ тоже пошелъ домой. Онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, близъ костела, и жилъ

очень бѣдненько. Любой изъ хлоповъ пана Маевскаго, изъ малороссовъ, обладалъ куда бо́льшимъ достаткомъ, нежели о. Іеронимъ. Зато его хатка, состоявшая изъ кухни и двухъ крошечныхъ комнатокъ, отличалась необыкновенною чистотой и опрятностью. На ярко-выбѣленныхъ стѣнахъ не замѣчалось ни единаго пятнышка; на вымазанномъ глиной полу, казалось, не было ни соринки. Столъ, двѣ - три скамейки, кровать въ углу, полочка съ книгами, — вотъ и вся обстановка хатки ксендза-про́бощa... Такой-же опрятностью отличалась и кухня.

Ксендзу отворила старуха, вся сморщенная, какъ грибъ. На видъ ей казалось лѣтъ 70, если не больше. Это была Марыня, единственная служанка ксендза. Она замѣняла ему и кухарку, и ключницу, и экономку.

— А, вы вернулись, отецъ? Такъ скоро? удивилась она.

— Да, я зашелъ только провѣдать Анну... Ей очень плохо...

— Не умерла еще?

— Нѣтъ. Но врядъ-ли доживетъ до завтра... А, впрочемъ, все въ рукахъ Божіихъ... — Никто не былъ?

— Ну, какъ никто! Былъ опять этотъ... Какъ его... — Марыня закашлялась.

— Антекъ?

— Извѣстно, онъ. — Кому больше!.. И неужели опять вы ему... денегъ дадите?..

Ксендзъ улыбнулся.

— Далъ-бы, Марыня, да у самого только два злотыхъ осталось...

— Такъ что-же, одинъ и отдайте!.. — И Марыня опять закашлялась, замахала руками. — Пусть онъ, тамъ... пусть выпьетъ за ваше здоровье!.. — черезъ силу проговорила она.

— Марыня! съ кроткимъ упрекомъ заговорилъ ксендзъ. — Не осуждай, и не осуждена будешь... Забыла, что я тебѣ говорилъ?..

— Ну, согрѣшила, отецъ, — простите!.. Да не могу я, — понимаете, — не могу!.. Вѣдь этотъ грѣхъ я по сту разъ на день дѣлаю!.. Какъ не судить... Вы посмотрите-ка на себя... Вѣдь вамъ скоро на улицу будетъ выходить не въ чемъ!.. Вѣдь вы чуть не все, что получаете, отдаете имъ... этимъ...

— Марыня!..

— Да развѣ не правду я говорю! Вѣдь вы этакъ съ голоду умереть можете, ойче мой добродѣю!.. Да!.. Что вы ѣдите?.. А помните, прошлую осень, вы проходили безъ теплыхъ чулокъ, въ сапогахъ, съ прорванными подошвами?.. Забыли, какую вы тогда горячку схватили?..

— Богъ спасъ однако...

— Да, Богъ... А кому, вы отдали тогда эти пятнадцать злотыхъ, что сапоги хотѣли купить...

— Марыня!..

— Не замолчу!.. — Антеку, все тому-жъ Антеку... Пьяницѣ, негодяю...

— Молчи, тебѣ говорятъ!.. Не забывай, что у Антека есть семья... Пятеро ребятишекъ... Они-то не виноваты, что Антекъ пьетъ... Это болѣзнь, вѣдь... Богъ исцѣлитъ его; направитъ когда нибудь на путь истинный...

— Плетью-бы вотъ его лучше направить!.. проворчала старуха подъ носъ. — Вы не давайте ему, ойче мой добродѣю; голубчикъ мой, не давайте, какъ онъ придетъ!.. заговорила она вдругъ жалобнымъ голосомъ.

— А закусить ты мнѣ дашь чего нибудь? перемѣнилъ разговоръ прбобщъ.

— Хоть разорвите меня на части, ни крошечки въ домѣ нѣтъ!.. Кормите всѣхъ голодныхъ, ну, и сидите голодомъ!..

— И посижу, — что-жь дѣлать! слегка улыбнулся прбобщъ и прошелъ въ свою комнату.

Въ кухнѣ послышался стукъ посуды; зазвенѣлъ ножикъ, —

и, вслѣдъ затѣмъ, Марыня внесла горшочекъ, со вчерашнимъ еще, слегка подогрѣтымъ борщемъ.

— Ну, вотъ и нашлось, Богъ послалъ! говорилъ, улыбаясь, прбощъ.

— Да, на сегодня только. А завтра — сидите голодомъ!.. Ну, попомните вы мое слово: если дадите хоть грошъ этому... завтра безъ крохи хлѣба останетесь...

— И останусь!..

Старуха вышла, сердито хлопнувъ дверями, и долго еще ворчала, тамъ, въ кухнѣ и гремѣла посудой. А прбощъ усѣлся за борщъ, подсмѣиваясь и улыбаясь... Но вотъ въ кухнѣ скрипнула дверь; вошелъ кто-то.

— О. Іеронимъ дома? послышался хриплый голосъ.

— Дома! крикнулъ прбощъ и всталъ. — Войди, Антекъ!.. Марыня, пусти, — я дома!..

Въ кухнѣ опять раздалось глухое ворчаніе и громъ посуды, а въ комнату вошелъ какой-то субъектъ и робко сталъ на порогѣ.

— Садись, Антекъ!

И Антекъ сѣлъ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, плотный и коренастый, съ опухшимъ отъ постояннаго пьянства лицомъ. Онъ былъ оборванъ до нельзя. Холщевая свитка была во многихъ мѣстахъ заплатана и разорвана; такіе-же шаровары засунуты въ рваные сапоги, съ выглядывавшими изъ нихъ пальцами. Голова Антека была страшно всклокочена; зато косматые усы его были лихо закручены, и съ боку висѣла шляхетская *карабѣля* *).

— Простите, святой отецъ, хрипло заговорилъ Антекъ. — Я васъ опять осмѣлюсь побезпокоить... Но это... Слово гонру! — И онъ приложилъ къ сердцу грязную руку. — Это въ послѣдній разъ!..

---

*) Сабля.

Пробощъ вздохнулъ.

— Я это ужь много разъ слышалъ, говорилъ онъ.

— Слово гонору!.. Шляхетское слово, святой отецъ! — И Антекъ вдругъ пріосанился. — Вы не вѣрите?

— Ну?

— Мнѣ крайне и крайне нужно двѣнадцать злотыхъ... Я вамъ отдамъ ихъ... Позвольте... Да, я отдамъ ихъ черезъ недѣлю...

— Откуда-жь ты ихъ возьмешь?

— Откуда? — Да развѣ шляхтичъ не можетъ достать себѣ денегъ? Онъ на войнѣ ихъ возьметъ...

— На какой-же?

— А на такой... Я думаю перейти скоро къ другому пану на службу... Да, только вотъ надо одѣться... У пана Маевскаго нельзя жить шляхтичу... *Благородному шляхтичу!* подчеркнулъ онъ. — У него житье только хлопамъ однимъ, *быдлу* *)... Да... Онъ вовсе не воинъ, не рыцарь!.. Я думаю перейти къ пану Зарембѣ. — Онъ часто ведетъ *наѣзды* **), и дастъ мнѣ возможность честнымъ и благороднымъ трудомъ заработать деньги...

— Это ты что-же называешь честнымъ трудомъ?

— Какъ что, отецъ? — И Антекъ вытаращилъ глаза на пробоща. — Да на войнѣ, ойче, въ наѣздахъ...

— Въ дракахъ этихъ? Безчинствахъ? Да?.. И это ты называешь *честнымъ* трудомъ?

Антекъ даже ротъ разинулъ отъ удивленія.

— А ойче мой добродѣю какъ называетъ это? спросилъ онъ.

— Разбоемъ и грабежомъ! спокойно отвѣчалъ пробощъ. — Честный трудъ это тотъ, которымъ люди въ потѣ лица добываютъ хлѣбъ свой, не причиняя вреда другимъ... Ну, а если тотъ панъ, у котораго служишь ты, дастъ тебѣ два-три чер-

---

*) Быдло (bydło) презрительное названіе простаго народа. Буквально скотъ.

**) Наѣздъ (najazd). См. *corpus defensivum*.

вонца, накормитъ и напоитъ дó пьяна и скажетъ: ступай, Антекъ, къ пану такому-то, бейся съ его шляхтой, на сколько силъ хватитъ, — а если возможно, то и пограбь (развѣ вы не снимаете съ пораженныхъ противниковъ платья и сапоговъ)? Что-жь это — *честный* трудъ?

Антекъ сидѣлъ по прежнему, ошалѣлый, съ раскрытымъ ртомъ, и точно не понималъ: во снѣ онъ это, иль на яву слышитъ. Но вотъ онъ, какъ будто, понялъ.

— А панъ-отецъ назоветъ честнымъ трудомъ: землю пахать, что-ли? спросилъ онъ, и презрительная улыбка искривила его ротъ.

— Да, землю пахать, землю рыть, лѣсъ рубить... невозмутимо говорилъ прóбощъ. — Все это честный и благородный трудъ, не унижающій человѣка... Апостолы рыбу ловили, а были не хуже шляхты... А? вѣдь не хуже?..

— Апостолы... да... гм... конечно... бормоталъ Антекъ. — Но чтобъ теперь шляхтичъ... благородный шляхтичъ, — и онъ опять гордо выпрямился, — чтобъ онъ унизился до труда... пахать землю... Ойче-добродѣю... помилуйте! Да у меня тамъ, въ хатѣ найдутся граматы Ягеллоновъ... Еще они мнѣ дали право на благородство, избавили отъ унизительнаго труда... Я бѣдный, я нищій, — но я горжусь этимъ! Да!.. — И онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Я благороденъ! И не унижусь до быдла!.. Вы обижаете меня, ойче... Простите, побезпокоилъ!.. — И онъ направился къ двери.

Ксендзъ-прóбощъ только вздохнулъ.

— Вернись, Антекъ! сказалъ онъ.

Антекъ вернулся.

— Прости... я не хотѣлъ оскорблять тебя... Чтó я говорю теперь, я говорилъ и въ церкви, *для всѣхъ*... Но... но. — И такъ тебѣ нужны деньги?.. Зачѣмъ?

— На многое... мы задолжали... Жена...

— На хлѣбъ?

— Н. . да, и на хлѣбъ... замялся немного Антекъ. — Конечно, черезъ недѣлю...

— Но, видишь... У меня только два злотыхъ... Вотъ они. Ты изъ нихъ можешь одинъ взять и купить дѣтямъ хлѣба... Но только купить сейчасъ... *непремѣнно...*

— Да, я куплю... пробормоталъ Антекъ и взялъ одинъ злотый. Куда вдругъ исчезли его шляхетство и гоноръ!..

— И *непремѣнно?*

— Да... Слово гонóру!..

— Ну, хорошо... Я завтра узнаю... Ступай!

Антекъ поклонился и вышелъ.

Ксендзъ-прóбощъ долго ходилъ по комнатѣ, грустный, печальный...

— Ну, вотъ, и открой имъ глаза! думалъ онъ. — Да, открой!.. Наставь *на путь истинный!..* О, Господи! вразуми и просвѣти ихъ!..

Вошла Марыня.

— Сейчасъ отъ пана Маевскаго къ вамъ приходили, говорила она. — Завтра крестятъ ребенка... Звали васъ...

— Хорошо! разсѣянно отвѣчалъ прóбощъ.

— Вы крестить будете?

— Что?

— Вы, говорю, будете крестить мальчика?

— Нѣтъ.

— О. Бенедиктъ, значитъ?.. Гм... Можно-бы и васъ позвать... Все перепало-бы хоть толику... О. Бенедиктъ... Тотъ, вѣдь, въ теплѣ живетъ, сытъ, всѣмъ доволенъ... А, вонъ, у васъ... — Да, о. Бенедиктъ-то злóтые сбираетъ съ нищихъ, на тринитаровъ... Тамъ христіанъ выкупать какихъ-то отъ бусурманъ... Онъ лучше-бы эти злотые имъ на хлѣбъ оставилъ...

— Марыня! строго заговорилъ прóбощъ.—*Кого* осуждаешь ты? Забыла санъ о. Бенедикта? — Онъ человѣкъ, глубоко вѣрующій и благочестивый, и самъ готовъ отдать все.

— Оно и видно...

— Молчи!..—И если ты слово... хотя одно слово скажешь,— я наложу на тебя *покýту!..**)

Старуха мгновенно струсила и умолкла.

— Ступай! Оставь меня! говорилъ прóбощъ. — Мнѣ надо еще заняться...

Марыня ушла, а онъ съ часъ, если не больше, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, такой-же грустный, печальный. Но вотъ онъ ушелъ въ свою спаленку, заперся тамъ и палъ на колѣни передъ распятіемъ.

IV.

Маленькій Стась проснулся.

Солнечный лучъ пробился сквозь занавѣску окна и упалъ ему прямо на личико. Ребенокъ зажмурилъ глазки, заплакалъ. Пани Ядвига спала. Но съ первымъ крикомъ его, она открыла глаза.

— Что съ тобой, моя крошка? Что ты, сокровище? — А, солнышко тебя безпокоитъ! — И она плотнѣе задернула занавѣску. — Спи, ангелъ мой, спи!

Но Стасику не хотѣлось спать. Онъ лежалъ на подушкѣ, закутанный розовымъ шелковымъ одѣяльцемъ, обшитымъ дорогимъ кружевомъ. Изъ подъ него выставлялась только одна головка, красное личико. Стасикъ таращилъ глазенки. Онъ видѣлъ рѣшительно все въ комнатѣ: видѣлъ чуть-чуть мерцающую лам-

*) То-же, что у насъ *эпитимія.*

падку передъ иконами; видѣлъ въ углу паука, усердно плетущаго свою сѣть, — но видѣлъ все вверхъ ногами, и ничего, разумѣется, не понималъ. — Но вотъ дверь слегка отворилась, просунулась голова пана Маевскаго.

— Ты не спишь, Ядичка?

— Нѣтъ.

— Тамъ все готово... Всѣ собрались. Можно и начинать, пожалуй?

— Да.

Панъ Ромуальдъ подошелъ къ кровати, нагнулся надъ сыномъ. Стасикъ еще шире открылъ глазенки и забарахтался. Но вотъ все вниманіе его привлекла одна изъ большихъ золотыхъ пуговицъ на кунтушѣ отца; съ трудомъ освободилъ онъ рученку изъ подъ одѣяльца и потянулся къ ней... Вотъ-вотъ немножко еще, — и онъ крѣпко ухватилъ пальчиками эту большую блестящую штуку... Панъ Ромуальдъ боялся дохнуть, шевельнуться.— Онъ такъ и застылъ въ наклоненной позѣ. Усы у него шевелились; въ глазахъ сверкали слезинки... Да, глубоко былъ-бы счастливъ Стасикъ, еслибъ онъ могъ понимать, что творилось теперь въ сердцѣ отца! Но Стасикъ не понималъ.

— Ядичка! прошепталъ вдругъ панъ Ромуальдъ.

— Что?

— Не пускаетъ!... Смотри-ка, какъ ухватился крѣпко!

— Да. — По лицу пани Ядвиги пробѣжала улыбка.

— Сильный-же будетъ хлопчикъ!... О, милый, мой ненаглядный!... — И панъ Ромуальдъ не спускалъ глазъ съ личика сына. Онъ такъ и осыпалъ-бы его поцѣлуями, но онъ боялся помѣшать ему... А Стасикъ не спускалъ глазъ съ пуговицы и крѣпко держалъ ее ручкой... Но вотъ освободилъ онъ и другую изъ подъ одѣяльца, — цапъ! — И еще одна пуговица оказалась въ его полной власти. Положеніе пана Маевскаго сдѣлалось затруднительнымъ. Онъ минутъ пять стоялъ, низко нагнувшись, и у него

слегка запокалывало въ спинѣ, кровь прилила къ лицу. Но маленькій деспотъ и знать ничего не хотѣлъ.

— Да отойди, разогнись, Ромусь!... Смотри, какъ ты покраснѣлъ!... говорила пани Ядвига. — Вѣдь этакъ онъ тебя до завтра не выпуститъ...

Панъ Ромуальдъ испугался даже.

— Что ты! что ты! зашепталъ онъ. — А какъ заплачетъ?...

Но вотъ Стасикъ разжалъ ручонки. Еще минута, — и панъ Ромуальдъ разогнулъ-бы спину, отеръ со лба выступившій на немъ потъ. Но не тутъ-то было! Пуговица была свободна, но одинъ усъ пана Маевскаго, тщательно имъ расчесанный давече, надушенный, — вдругъ очутился во власти Стасика, и онъ ухватился за него ручкой.

— Ну, часъ отъ часу не легче! смѣялась пани Ядвига. — Рѣшительно онъ тебя не хочетъ пускать!..

И панъ Ромуальдъ стоялъ въ неловкой, тяжелой позѣ, съ краснымъ, но широко улыбающимся лицомъ, и былъ глубоко счастливъ.

— Постой-ка, я знаю, чѣмъ его подманить! говорила пани Ядвига и поднесла къ самымъ глазамъ Стасика руку. На пальцѣ сверкало золотое кольцо. Средство подѣйствовало. Стасикъ выпустилъ усъ и ухватился за палецъ.

— Ну, плутъ-же мальчишка! говорилъ панъ Ромуальдъ, выпрямляясь и вытирая платкомъ лицо. — Даже въ потъ бросило!... Съ такой поры надъ отцомъ волю взялъ... Что-жь будетъ дальше!... — И онъ, радостный, улыбающійся, вышелъ изъ спальной.

Но Стасикъ не долго смотрѣлъ на кольцо. Ему помѣшали. Пришла панна Барбара и осторожно взяла его на руки. Стасикъ вдругъ забарахтался и ручонками и ножонками и заплакалъ. Ему не понравилось, видно, лицо «старой панны», ея тонкія, плотно-сжатыя губы, мышиные глазки. И онъ плакалъ, барахтался до

тѣхъ поръ, пока его не внесли въ залу. Тутъ онъ умолкъ; глазки у него разбѣжались...

Въ залѣ было какъ-то особенно весело и свѣтло. Въ раскрытыя настежь окна потоками лился свѣжій, душистый воздухъ; лились солнечные лучи. Лица гостей (а ихъ было человѣкъ сорокъ) глядѣли торжественно; платья блестѣли свѣжестью, новизной. Брильянты въ ушахъ и на шеяхъ дамъ, на пуговицахъ у кунтушей и шейныхъ булавкахъ мужчинъ,—горѣли тысячами огней и сверкали всѣми цвѣтами радуги. — Здѣсь былъ и панъ Казиміръ Зaремба, въ великолѣпномъ темно-голубомъ бархатномъ кунтушѣ, вышитомъ серебромъ. Въ эфесѣ сабли стараго воина блестѣлъ крупный смарагдъ. Была и пани Гертруда. Описывать нарядъ ея мы не беремся. Довольно сказать, что даже пани Бержинская, дама далеко не изъ бѣдныхъ, первая модница во всемъ повѣтѣ,—и та поглядывала не безъ зависти на бархатъ пани Гертруды, (прикидывая въ умѣ его цѣну), и блескъ ея крупныхъ брильянтовъ и изумрудовъ... Были Проскуры, сосѣди папа Маевскаго. Отецъ, крѣпкій, высокій старикъ, съ сѣдыми усами, и гордымъ, высокомѣрнымъ взглядомъ, — и два сына, Брониславъ и Антонъ, молодые люди, лѣтъ 23—24, занимающіеся въ *палестрѣ* *). Залѣскій, панъ Станиславъ, дюжій мужчина, лѣтъ 50, съ красной, воловьей шеей; жена его, пани Елена, маленькая, субтильная дамочка, съ остренькимъ, птичьимъ носикомъ, — и цѣлый сонмъ дочерей, — пять, или шесть, — похожихъ, кромѣ младшей, Стефци, одна на другую, какъ двѣ капли воды. Были Бержинскіе, мужъ и жена; Головинскіе, панъ Станиславъ Жигота, Викентій Заблоцкій, панъ Мечиславъ Трембинскій, тесть пана Маевскаго. Панъ Матвѣй Брохвичъ, Брониславъ Войничъ, Маврикій Войткевичъ и много, много другихъ... — Немудрено, что Стасикъ умолкъ, успокоился, и глазки у него разбѣжались.

---

*) Институтъ адвокатовъ.

Здѣсь было такъ много свѣту и блеску!..)—Но вотъ подошла къ нему красивая, полная женщина, лѣтъ 40, пани Катажина Войткевичъ, его будущая крестная мать, и протянула руки... Стасикъ отдался безпрекословно въ ея полное распоряженіе: его прельстили блестящія изумрудныя серьги. Подошелъ, съ правой стороны, держась одною рукой за эфесъ сабли, а другою покручивая сивый усъ, его будущій крестный отецъ, панъ Станиславъ Залѣскій. Стасикъ былъ совершенно спокоенъ и велъ себя превосходно: не плакалъ, не барахтался и не кричалъ. Но подошедшій о. Бенедиктъ испортилъ все дѣло. Богъ знаетъ, что не понравилось въ старикѣ Стасику,—можетъ быть, мрачное и суровое лицо (оно и теперь было такъ-же мрачно, сурово, какъ и всегда), иль что другое, — но только Стасикъ вдругъ отчаянно забарахтался, закричалъ... Долго его не могли успокоить... Кричалъ онъ и въ то время, когда о. Бенедиктъ поливалъ ему водой голову накрестъ и говорилъ: «*Станиславе! я тебе кщенъ въименъ Ойца и Сына и Духа Сьвентéго. Аменъ*»! *) — Кричалъ и въ то время, какъ его мазали мѵромъ, — и только тогда успокоился, когда его крестная мать взяла его опять къ себѣ и сунула ему въ ручки прельстившую его такъ сережку...

И маленькій Стась былъ водворенъ на лонѣ католической церкви. Гости обступили со всѣхъ сторонъ счастливаго пана Маевскаго, поздравляли его. Многіе прошли въ спальную пани Ядвиги. — И панъ Маевскій, весь сіяющій съ головы до ногъ, кланялся и улыбался на всѣ стороны, цѣловался и обнимался, жалъ руки. Его даже въ потъ вдругъ ударило, и тщательно расчесанные усы какъ-то взъерошились и торчали теперь во всѣ стороны.

А въ то время, когда въ залѣ происходилъ крестильный обрядъ, въ столовой шла неимовѣрная суетня. Съ десятокъ дворовыхъ

*) Станиславъ! Я тебя крещу во имя Отца и Сына и Духа Святаго. Аминь

дивчатъ, подъ личнымъ наблюденіемъ панны Барбары, накрывали огромный столъ. Еще чуть не до солнышка поднялась панна и битыхъ часа два-три гремѣла ключами, открывая сундуки и доставая оттуда посуду и серебро, мирно лежавшія подъ спудомъ и появлявшіяся на свѣтъ Божій только въ торжественныхъ случаяхъ. Панъ Ромуальдъ, какъ и большинство помѣщиковъ того времени, въ будни не допускалъ никакой роскоши въ сервировкѣ. Ѣли съ обыкновенныхъ тарелокъ оловянными и деревянными ложками. Но зато въ важныхъ, исключительныхъ случаяхъ, доставались изъ сундуковъ и шкафовъ великолѣпнѣйшія фарфоровыя и фаянсовыя тарелки, старинные серебряные, золоченые и золотые даже кубки и чаши; ножики, вилки, ложки, превосходный богемскій хрусталь... — Но вотъ столъ накрытъ. Прифранченныя, по случаю праздника, но босоногія, впрочемъ, дивчата отправлены опять въ дѣвичью. Панна Барбара отошла къ двери, взглянула на сервировку, сперва такъ, а потомъ въ полусжатый кулакъ, приставленный къ глазу, и улыбнулась. Она осталась вполнѣ довольна. Видъ былъ, дѣйствительно, великолѣпный! Солнышко ярко свѣтило въ окна, и эти серебряные ножи, кубки, чаши и вазы сверкали ослѣпительнымъ блескомъ... Роль панны Барбары на этотъ разъ кончилась, и она уступила мѣсто другому спеціалисту, — гайдуку Михáлу Дембинскому. Онъ явился, блестя новымъ, съ иголочки, платьемъ, расшитымъ шнурками, въ красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ. Съ часъ провозился бѣдный Дембинскій со своей новой ливреей (она еще больше старой, жала, тѣснила его) и чувствовалъ теперь себя, точно рыба на сковородкѣ. Красный, сердитый, вошелъ онъ въ столовую, весь нагруженный бутылками. Ужь Богъ вѣсть, какъ ухитрился онъ захватить ихъ такую массу!... За нимъ шло съ дюжину хлопцевъ, тоже очень прилично одѣтыхъ, и тоже съ бутылками, и въ рукахъ и подъ мышками.

— Стой!... скомандовалъ *панъ* Дембинскій (его иначе и

не называли въ дворнѣ, какъ «панъ»). — И шествіе остановилось.

— Ставь вотъ сюда... сюда!...—И онъ сталъ рукою указывать, гдѣ ставить бутылки, а другою крутилъ и дергалъ громаднѣйшіе усы, изъ пары которыхъ вышло-бы паръ пять-шесть, если не больше, порядочныхъ панскихъ.

— Ну, хорошо... ладно... какъ слѣдуетъ! одобрилъ Дембинскій. — Теперь ты, Хома, обратился онъ къ одному изъ хлопцевъ, — и ты, Павлюкъ, со Степаномъ, — на мѣсто... Туда! — И онъ указалъ подъ столъ. — Да только смотри у меня, вражьи дѣти, дѣло исправно дѣлать!

— Знаемъ, пане, не въ первый разъ! отвѣтили дружно хлопцы.

— Чуть, тамъ, не допилъ кто, — доливать.

— Знаемъ.

— Ладно! — Ты, Сенька, бѣги въ людскую да посылай сюда еще штукъ десять-пятнадцать хлопцевъ... А вы по мѣстамъ. — маршъ!

И тутъ случилось нѣчто особенное. Человѣкъ шесть хлопцевъ вооружились цѣлой батареей бутылокъ и скрылись съ ними подъ столъ. Дембинскій еще разъ окинулъ опытнымъ взглядомъ всю сервировку, и, въ особенности, расположеніе и число винныхъ бутылокъ, — и вышелъ.

— Ну, что, спрашивалъ его панъ Ромуальдъ. — Все готово?

— Все, пане.

— А вы на мѣстахъ тамъ? Эй! окликнулъ онъ, заглянувъ въ столовую.

— На мѣстахъ, пане! послышалось изъ подъ скатерти.

И вотъ дверь въ столовую распахнулась, и открылось блестящее, парадное шествіе. Впереди всѣхъ шелъ панъ Станиславъ Залѣскій и велъ подъ руку Зосю. За нимъ слѣдовалъ панъ Заремба, подъ руку съ пани Бержинскою; затѣмъ шелъ Голо-

винскій, съ пани Гертрудой и т. д. и т. д. Чуть не въ самомъ хвостѣ виднѣлась фигурка ксендза-пробóща. Въ старенькой, мѣстами лоснящейся по швамъ, сутанѣ, бѣдный о. Іеронимъ боязливо какъ-то оглядывался по сторонамъ, очевидно, чувствуя себя не на мѣстѣ въ этомъ блестящемъ обществѣ. О. Бенедиктъ давно ужь прошелъ впередъ, едва кивнувъ головой на низкій поклонъ пробóща. Шествіе длилось добрыхъ десять минутъ. Наконецъ всѣ усѣлись.

Кончили первое блюдо, и панъ Ромуальдъ незамѣтно подмигнулъ Дембинскому. Тотъ тоже подмигнулъ расторопнымъ хлопцамъ; они бросились со всѣхъ ногъ съ бутылками и въ одинъ мигъ наполнили бокалы и кубки гостей.

Панъ Ромуальдъ всталъ.

— Я предлагаю тостъ за вельможнаго пана Станислава Залѣскаго! заговорилъ онъ, поднимая кубокъ, — полковника гвардіи его величества, короля; храбраго и отважнаго воина, незнавшаго никогда страха, доблестнаго гражданина и всѣми искренно и глубоко уважаемаго товарища... Ви́ватъ!..

— Ви́ватъ! крикнули гости, всѣ поднимаясь съ мѣстъ. — Здоровье пана Станислава Залѣскаго! Ви́ватъ! — И осушили кубки.

Панъ Станиславъ кланялся на всѣ стороны.

Затѣмъ панъ Ромуальдъ пилъ за здоровье пана Зарембы, Бержинскаго, Головинскаго, пана Проскуры, однимъ словомъ, за всѣхъ присутствовавшихъ за столомъ. При каждомъ тостѣ гости вставали съ мѣстъ, кричали «ви́ватъ!» и осушали кубки. Кто забывалъ выпить кубокъ до дна и держалъ его поднятымъ кверху, тому расторопный хлопецъ, стоявшій за стуломъ съ бутылкой, сейчасъ-же доливалъ его и гость принужденъ былъ допить. Иной опускалъ руку съ недопитымъ кубкомъ внизъ, — и тотчасъ-же изъ подъ стола высовывалась рука съ бутылкой и доливала.

За вторымъ блюдомъ панъ Ромуальдъ замѣнилъ маленькій кубокъ большимъ и пилъ изъ него за здоровье сосѣда. «*Въ ренце пана!*»*) говорилъ онъ, передавая ему пустой кубокъ. Гость вставалъ и пилъ за здоровье пана Маевскаго. Всѣ тоже вставали и пили. Затѣмъ панъ Ромуальдъ пилъ за здоровье другаго гостя и тоже отдавалъ ему пустой кубокъ, и т. д. и т. д. Проворные хлопцы просто изъ силъ выбились, наливая и доливая вино. Изъ подъ стола то и дѣло высовывались красныя, потныя рожи и руки съ бутылками, и доливали и доливали. Шумъ и гамъ стояли ужасные...

Тосты слѣдовали за тостами. Венгерское и токайское лились ручьями. Лица мужчинъ раскраснѣлись. Пили ужасно, до безобразія, много, но всѣ были почти совершенно трезвы.

Разговоры на разныхъ концахъ стола шли, разумѣется, самые оживленные. Говорили всѣ въ голосъ, и трудно было что-нибудь разобрать. Польская рѣчь смѣшивалась съ французской, но и та и другая совершенно стушевывались передъ латинской. Цитаты и изрѣченія разныя на этомъ языкѣ слышались всюду. Въ тѣ времена рѣдкій полякъ, получившій образованіе у іезуитовъ или піаровъ, не зналъ порядочно по латыни. Языкъ этотъ былъ въ модѣ въ тогдашнемъ обществѣ, какъ въ настоящее время — французскій.

— *Terra mutatur, non mutat mores!* **) слышалось на одномъ концѣ стола.

— Какъ такъ? Позвольте!..

— *Concordia res parvae crescunt,* — слышалось на другомъ, — *discordia maximae dilabuntur!..* ***).

— *Errare humanum est!..* ****).

---

*) W ręce pana — буквально: въ руки пана.

**) Земля измѣняется, но не измѣняетъ нравовъ.

***) Согласіемъ возвышаются малыя вещи (дѣла), несогласіемъ - разъединяются бо́льшія.

****) Человѣку свойственно заблуждаться.

— Да, *virtutis honorem nulla oblivio delebit* *), святой отецъ! гремѣлъ голосъ пана Зарембы. Онъ сидѣлъ рядомъ съ о. Бенедиктомъ. Съ краю отъ нихъ робко примѣстился о. Іеронимъ. Онъ мало ѣлъ, рѣшительно ничего не пилъ, и во все время не проронилъ ни одного слова.

— *Si virtutem coletis, aditus in coelum vobis patebit!..* **) отвѣчалъ пану Зарембѣ о. Бенедиктъ и поднялъ глаза къ небу.

— Онъ не пришелъ? Не будетъ? шепталъ Казиміръ, склоняясь къ уху монаха. — Этотъ... этотъ...

— Не знаю... Панъ Ромуальдъ видѣлся съ нимъ вчера. Едва-ли не пріѣдетъ вечеромъ... — И о. Бенедиктъ вдругъ весь какъ-то съёжился. Въ глазахъ его засверкалъ огонекъ; губы сжались.

— Но что-же это такое, святой отецъ?.. Неужели его будутъ у насъ принимать въ обществѣ?.. Да это, вѣдь, невозможно!.. — И панъ Казиміръ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что стаканы и тарелки запрыгали и зазвенѣли.

О. Бенедиктъ только пожалъ плечами.

— Помилуйте, такой скряга! говорилъ пану Маевскому панъ Головинскій. — Не только хлоповъ, — семью свою онъ моритъ голодомъ... А сундуки у него просто ломятся, ломятся!.. Этакое безстыдство!.. *Nullum vitium tetrius est, quam avaritia, praesertim in hominibus divitias possidentibus!* ***) заключилъ панъ Головинскій.

Но вотъ обѣдъ, наконецъ, кончился, и всѣ изъ душной столовой направились въ садъ и разбрелись по аллейкамъ. Впрочемъ, не всѣ, — молодежь только. Пожилые, степенные люди остались въ столовой, продолжая бражничать. Но вотъ вошелъ Дембинскій и что-то шепнулъ пану Маевскому. Тотъ смутился.

---

*) Почтенная доблесть никогда не будетъ забвенна.

**) Если почтена доблесть, вамъ открытъ доступъ къ небу.

***) Никакой порокъ такъ не противенъ, какъ корыстолюбіе, особенно въ людяхъ богатыхъ.

— Ничего, хватитъ! нерѣшительно пробормоталъ онъ.

Оказалось, что изъ трехъ бочекъ вина, купленныхъ вчера въ городѣ, двѣ были совершенно пусты, а въ третьей чуть-чуть оставалось на донышкѣ.

Но панъ Ромуальдъ смутился еще больше, когда замѣтилъ изъ окна подъѣзжавшаго къ дому всадника. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 24, высокій и стройный, съ блѣднымъ, слегка загорѣлымъ лицомъ и небольшими темнорусыми усиками. Зеленый бархатный кунтушъ плотно облегалъ его красивую фигуру, съ широкой грудью и плечами; съ боку висѣла сабля. Это былъ панъ Болеславъ Грабовскій, недавно возвратившійся изъ-за границы и ужь успѣвшій надѣлать такъ много шуму во всемъ повѣтѣ. — Панъ Болеславъ ловко спрыгнулъ съ коня и бросилъ поводья какому-то мальчику. Черезъ минуту онъ ужь входилъ въ столовую.

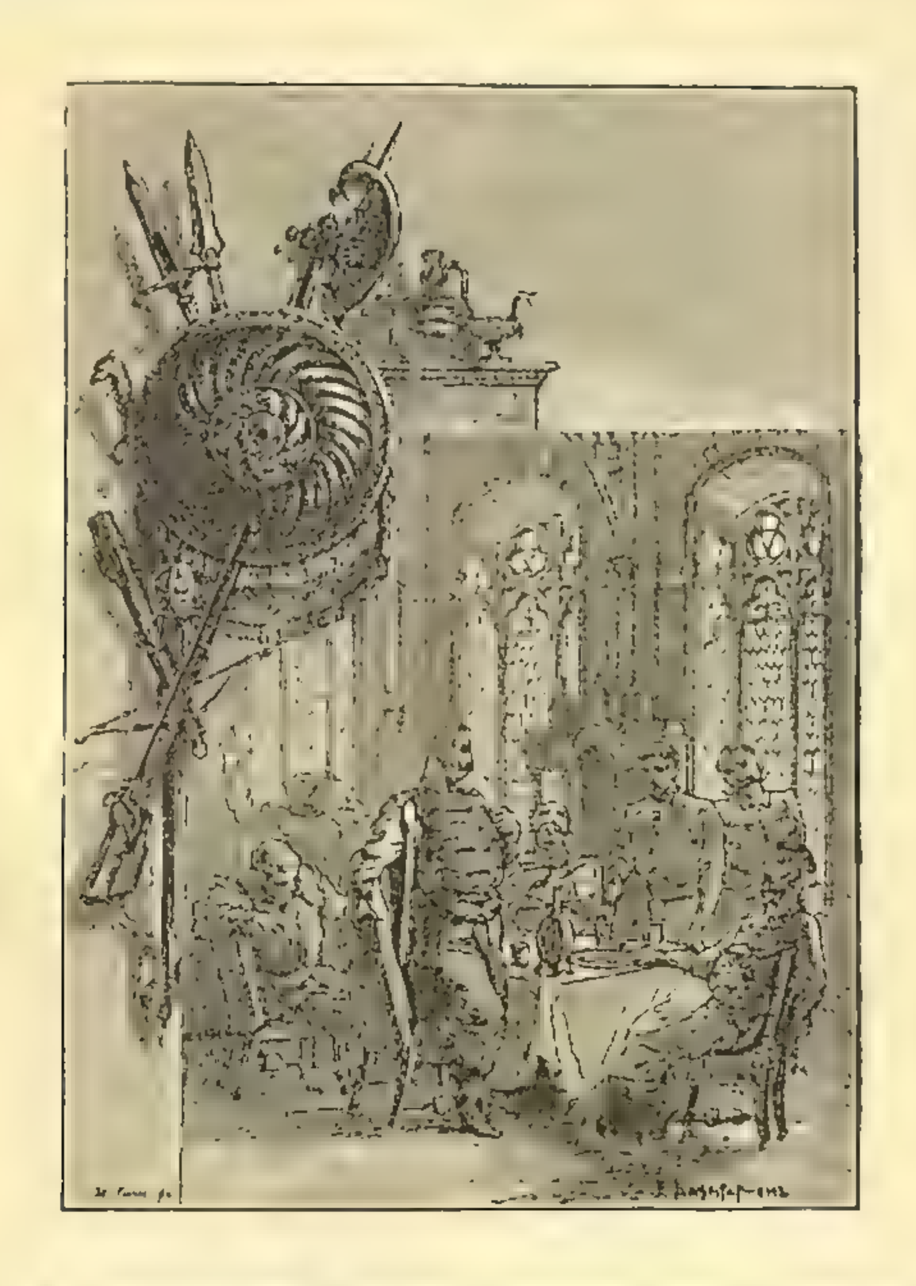
Если-бы въ комнату залетѣла бомба, она, пожалуй, произвела-бы не бóльшее впечатлѣніе, чѣмъ появленіе молодаго Грабовскаго. Всѣ повскакали съ мѣстъ. Панъ Казиміръ Заремба покраснѣлъ, какъ кумачъ. Одною рукой онъ схватился за длинный сѣдой усъ, другую опустилъ на эфесъ сабли. Панъ Головинскій, Бержинскій, Проскура, Залѣскій, — тоже кто покраснѣлъ, кто поблѣднѣлъ. О. Бенедиктъ отвернулся и сталъ смотрѣть изъ окна. Одинъ только ксендзъ-прóбощъ былъ совершенно спокоенъ. — Но впрочемъ, это, только одну минуту. Затѣмъ всѣ оправились и продолжали прерванный разговоръ.

— Да, мой пане кохáный, говорилъ Станиславъ Залѣскій пану Бержинскому, — *magna est vis philosophiae, quum medetur animis, inanes sollicitudines detrahit, cupiditatibus liberat* *)!.. Я на себѣ испыталъ... Когда я взялся за Аристотеля...

---

*) Велика сила философіи: она врачуетъ духъ, удаляетъ пустыя заботы, избавляетъ отъ страстей.

Отъ Болеслава не укрылось произведенное имъ впечатлѣніе, и по губамъ у него пробѣжала насмѣшливая улыбка. Панъ Ромуальдъ крякнулъ и, все еще немного смущенный, пошелъ на встрѣчу гостю.

— А, здравствуй, Бóлесь! говорилъ онъ, пожимая руку Грабовскому. — Что не пріѣхалъ къ обѣду? Я дожидался... Отецъ... Ему не лучше?..

— Не лучше, панъ Ромуальдъ. — Онъ кланялся вамъ и ве-

лѣлъ поздравить... Раньше не могъ, — задержали... А что́ пани Ядвига? Здорова-ли? Маленькій Стась?

— Благодарю, милый... Все хорошо, — здоровы... — Позвольте представить,—обратился панъ Ромуальдъ къ гостямъ.— Сынъ пана Яна Грабовскаго, — Болеславъ.

Панъ Болеславъ поклонился, слегка щелкнулъ шпорами. Гости сухо раскланялись.

— Я ужь знакомъ съ молодымъ паномъ, рѣзко заговорилъ Заремба. — Видѣлъ его у Ястржембскихъ, и даже знакомъ кое съ какими его идеями... Понялъ изъ разговоровъ...

Болеславъ опять поклонился, но промолчалъ.

— Весьма прискорбно, конечно, продолжалъ Заремба, — что такой высоко - развитой и даровитый панъ, знакомый съ Вольтеромъ и другими передовыми людьми Франціи, — пріѣхалъ въ страну варваровъ и вандаловъ... Онъ не найдетъ здѣсь себѣ подходящаго общества... Его не поймутъ...

Легкая краска вспыхнула въ лицѣ Болеслава.

— Панъ... Прошу извинить: не знаю имени...

— Панъ Казиміръ Заремба, бывшій хорунжій гвардіи его величества, короля! гордо отвѣчалъ панъ Казиміръ и выпятилъ грудь впередъ.

— Да, такъ панъ Казиміръ Заремба, должно быть, забылъ, что я вернулся въ свое *отечество*, подчеркнулъ Болеславъ. — И я...

— Перестаньте, панове, не ссорьтесь! вмѣшался панъ Ромуальдъ. — Зачѣмъ ссоры!..

— Панъ слишкомъ молодъ, чтобы съ нимъ ссориться! говорилъ Заремба. — Не ссорюсь, а говорю правду... Да, не могу молчать... Молодой панъ вернулся изъ-за границы, нахватавшись тамъ кое-какихъ вершковъ у безбожниковъ вольтеріанцевъ, — и проводитъ здѣсь ихъ идеи... Идеи эти *вредны!* Онѣ производятъ смуту въ обществѣ!..

— Да, это правда! поддержалъ панъ Бержинскій. — Я самъ слыхалъ... Панъ нападаетъ на школы іезуитовъ... Онъ говоритъ, что въ нихъ учатъ низкопоклонству предъ высшими, высокомѣрію передъ низшими... И наши отцы и дѣды... и мы всѣ... да, *мы* воспитывались у іезуитовъ... Такъ что-жь, значитъ, и мы низкопоклонны съ одними, высокомѣрны съ другими? Да?..

Панъ Болеславъ только пожалъ плечами.

— *Quod dixi — dixi* *), говорилъ онъ, — я отъ своихъ словъ не отказываюсь... Я проводилъ не свои, а *человѣческія* идеи... Но что-жь дѣлать... Французы не даромъ-же говорятъ, что *nul n'est prophète en son pays*... Я не прошу и не требую никого раздѣлять эти идеи... Но, что касается до того, что онѣ производятъ смуту въ обществѣ, — я сомнѣваюсь... Мнѣ кажется, что поступки панства...

— Посту-упки!.. заревѣлъ вдругъ Зaремба и опять весь побагровѣлъ. — Какіе?..

— Да хоть поступки пана Зарембы, невозмутимо продолжалъ Болеславъ. — И многихъ другихъ пановъ... Они, по моему, безобразны!..

— Ка-акъ?!. — Панъ Заремба чуть не задохся. Весь красный, стоялъ онъ съ разинутымъ ртомъ и слова не могъ промолвить отъ ярости. Рука его нервно прыгала по эфесу сабли.

Гости вскочили.

— Панъ Болеславъ Грабовскій сейчасъ-же намъ объяснитъ эти слова!.. заговорилъ Станиславъ Залѣскій. — Или... — И онъ брякнулъ саблею объ полъ.

— Да, объяснитъ, сейчасъ-же, сію минуту! говорилъ панъ Бержинскій, — и тоже брякнулъ.

— Оставьте, панóве!.. Оставьте, прошу васъ!.. кинулся панъ Ромуальдъ. — Не ссорьтесь... Не омрачайте этого

---

*) Что сказано — сказано.

дня!.. Оставь, Бо́лесь!.. — И онъ слегка взялъ за плечо Болеслава.

— Позвольте, пане, — и тотъ отстранилъ его руку. — Я долженъ-же объясниться... Я назвалъ поступки пана Зарембы и многихъ другихъ безобразными, говорилъ онъ. — Я иначе и назвать не могу ихъ... Рѣчь шла о выборахъ депутатовъ...

— Говорите-же!.. заревѣлъ Заремба.

— Я былъ свидѣтелемъ безобразій на сеймикѣ, продолжалъ Болеславъ, не обращая вниманія на Зарембу. — Третьяго дня я былъ въ N... Близъ костела доминиканцевъ собралось человѣкъ двѣсти шляхты... Не буду описывать ихъ безобразій... Крикъ, гамъ, ругательства, драка... Они всѣ были пьяны... На травѣ стояли пустыя и только что начатыя бочки съ водкой и пивомъ... А тамъ, въ костелѣ, шла месса; раздавались звуки органа... — Пусть я «безбожникъ», по вашему, горько вдругъ усмѣхнулся панъ Болеславъ. — Но тамъ, во Франціи, гдѣ нахватался я «вредныхъ идей», — и въ мысляхъ не допустили-бы подобнаго святотатства!.. Но, впрочемъ, оставимъ это!..—Въ шумѣ и гамѣ пьяницъ я разобралъ слова: «виватъ панъ Казиміръ Заремба»!— и сталъ прислушиваться. Наконецъ понялъ, что рѣчь шла о выборѣ пана Зарембы въ трибуналъ, депутатомъ, и что эта орда, безобразная, пьяная, богохульная, нанята имъ, чтобы стоять за него на сеймикѣ... Это были купленные голоса...

— Такъ что-жь тутъ такого!.. заоралъ Заремба. — Ну, да, я хотѣлъ попасть въ депутаты,— и моя шляхта стояла горой за меня... Что-жь тутъ такого?..

— А, панъ *ничего* не видитъ?..—Я продолжаю... Саженяхъ во ста отъ этой пьяной аравы, размѣстилась другая, не менѣе пьяная, и тоже возлѣ костела... Тамъ поминали имя Демчинскаго... Не знаю его...

— Ну, такъ я знаю!.. опять заоралъ Заремба. — Демчин-

скій тоже хотѣлъ быть депутатомъ... Но уши выше лба не растутъ... Забраковали!..

— Да, слышалъ, продолжалъ Болеславъ. — Сила солому ломитъ, и принципъ: *capiat qui capere possit* *), примѣнимый въ нашемъ вѣкѣ только у дикарей, — примѣняется еще и въ моемъ отечествѣ!..

— Да, шляхта пана Зарембы одержала блистательную побѣду! горько продолжалъ онъ. — Я видѣлъ, какъ эти шайки схватились не на животъ, а на смерть... Кровь, стоны, вопли, ругательства... Сколько убитыхъ, раненыхъ, искалѣченныхъ!.. Побѣдители *грабили* побѣжденныхъ... Они обирали деньги у нихъ; снимали оружіе, платье... Но это не все еще... Изъ костела вышелъ священникъ, сѣдой, почтенный старикъ, съ крестомъ въ рукахъ... Онъ умолялъ шляхту оставить это кровопролитіе, разойтись... Они вышибли у него изъ рукъ крестъ; кто-то ударилъ его, — и бѣдный ксендзъ едва унесъ ноги!.. — Что-жь, панъ Зарембa... панове? Какъ назовете вы это?.. Не вопіющимъ-ли безобразіемъ?..

— Нѣтъ, правомъ сильнаго! рявкнулъ Заремба. — И наши отцы и дѣды такъ поступали... Не намъ измѣнять!

— Безобразно!.. пробормоталъ панъ Проскура. — Но что-жь, — люди пьяные... не понимаютъ!..

— Да кто-жь напоилъ ихъ, пане? Кто ихъ заставилъ такъ безобразничать?.. горячился панъ Болеславъ. — Въ нашъ просвѣщенный, гуманный вѣкъ развѣ можно это дозволить?.. Кто-жь виноватъ тутъ?.. Эта-ли пьяная, безобразная шляхта?.. (Она считаетъ за униженіе заниматься работами, промыслами, торговлей, и не считаетъ за униженіе лакействовать и продавать себя всякому, кто даетъ ей грошъ)!.. Да, шляхта-ли тутъ виновата, или тѣ, кто подкупилъ, напоилъ ее?..

---

*) Захватывай, кто можетъ захватить.

Ксендзъ-пробощъ не спускалъ глазъ съ молодого Грабовскаго. Онъ все время смотрѣлъ на него, и смотрѣлъ грустно, печально... — «Слишкомъ горячъ!.. думалъ онъ. — Слишкомъ... Бѣдный!.. Ему не сносить головы»!..

О. Бенедиктъ, тотъ, подъ шумокъ, давно исчезъ изъ столовой. Одинъ видъ Грабовскаго былъ ужъ ему противенъ...

— Да, кто виноватъ тутъ, панóве? Кто?.. говорилъ Болеславъ, и ярко сверкающими глазами оглядывалъ всѣхъ гостей. Паны притихли и успокоились. Только одинъ Зарембa ворчалъ что-то подъ носъ о «молодыхъ щенкахъ, и о яйцахъ, которыя учатъ курицъ»...

— Такъ что-же, панове? бросился вдругъ къ гостямъ панъ Маевскій.—Иль вы забыли, какое у кубковъ дно?.. Не пьете!..— Вина, Дембинскій!..

И опять началась попойка.

— А ты поди, прогуляйся!.. шепнулъ панъ Ромуальдъ Грабовскому, и какъ-то особенно подмигнулъ. — Видишь, какъ разгорѣлся!.. О, молодость, молодость!..

Болеславъ пожалъ плечами и вышелъ.

V.

Прошло десять лѣтъ. Въ усадьбѣ пана Маевскаго все шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Какъ и всегда, чуть не съ восходомъ солнца, подымался хозяинъ и хлопоталъ, хлопоталъ. Какъ и всегда, каждый праздникъ, казачекъ отправлялся на крышу и, завидѣвъ оттуда облачко пыли, сбѣгалъ внизъ и громогласно извѣщалъ: «гости ѣдутъ»! — И въ домѣ подымалась неимовѣрная суетня. Панъ Ромуальдъ облекался въ свой праздничный кунтушъ; пани Ядвига-тоже. Гостей приглашали въ гостиную.

Гайдукъ Михáлъ Дембинскій (съ замѣтной уже сѣдиной въ громадныхъ усахъ) подавалъ венгерское. И начинались оживленные разговоры. Но только разговоры эти теперь не перескакивали съ предмета на предметъ, какъ прежде. Нѣтъ, вертѣлись они около одного пункта, около одной злобы дня, отъ которой дрожало и трепетало все польско-еврейское населеніе края... Рѣчь шла о страшныхъ, кровавыхъ подвигахъ гайдамаковъ... Слышалось, то и дѣло: въ такомъ-то имѣніи все разграбили и сожгли; *губернатора* *) звѣрски замучили; повѣсили двухъ ксендзовъ... Въ такомъ-то перерѣзали всѣхъ поляковъ до одного; не пощадили ни старпковъ, ни дѣтей, ни женщинъ... — Да, эти искры, зароненныя давнымъ давно еще до «батьки Богдана», — все разгорались и разгорались и грозили превратиться въ огромный пожаръ. Пламя бунта охватывало все больше и больше весь край... Поникли гордыя головы пановъ; сердца ихъ сжались страхомъ, тоской... — И вотъ теперь въ гостиной папа Маевскаго не раздавалось ужь больше хвастливыхъ рѣчей. Ни панъ Головинскій, ни панъ Залѣскій не покручивали гордо усовъ и не постукивали саблями объ полъ, вспоминая о своихъ славныхъ боевыхъ подвигахъ... Нѣтъ, и тотъ и другой призадумались. Даже самъ панъ Зaремба (а онъ ли ужь не прославился на войнѣ, а больше «наѣздами» на сосѣдей)! и тотъ теперь, зачастую, по цѣлымъ часамъ, сидѣлъ мрачный, нахмуренный, и только дергалъ себя за усы да пускалъ клубы дыма изъ огромной пѣнковой трубки, съ серебрянымъ колпачкомъ...

Былъ чудный іюльскій вечеръ. Легонькій вѣтерокъ чуть-чуть шелестилъ листочками на деревьяхъ. Въ раскрытое настежь окно лился волнами теплый, душистый воздухъ изъ сада... — Панъ Ромуальдъ сидѣлъ за стаканомъ кофе. — Прошло десять

*) *Губернаторомъ* звали управляющаго имѣніемъ.

лѣтъ, но эти годы почти нисколько не измѣнили его. Онъ все глядѣлъ такимъ-же здоровымъ, цвѣтущимъ. Только въ усахъ еще замѣтнѣй серебрилась сѣдинка, и на высокомъ, открытомъ лбу прорѣзались двѣ-три морщины.

Но не то было съ паномъ Грабовскимъ. Онъ тутъ-же сидѣлъ въ комнатѣ и поглядывалъ изъ окна, задумчиво слѣдя за бѣлыми облачками, катившимися по темно-синему небу. Грабовскій измѣнился ужасно. Онъ постарѣлъ, похудѣлъ; глаза у него какъ-то ввалились,—и изъ здороваго, цвѣтущаго юноши онъ превратился въ худого, болѣзненнаго мужчину. Да, впрочемъ и немудрено было. Онъ такъ много пережилъ, испыталъ въ эти годы!.. Старикъ отецъ умеръ, лѣтъ пять назадъ, и умеръ, почти проклиная сына и называя его безбожникомъ и ренегатомъ. Скоропостижная смерть отъ удара помѣшала ему привести въ исполненіе свою мысль: лишить единственнаго сына наслѣдства и оставить все о. о. піарамъ и іезуитамъ... И вотъ панъ Болеславъ сталъ владѣльцемъ большаго имѣнія и капитала въ нѣсколько сотъ тысячъ злóтыхъ. Не будь онъ Грабовскимъ, онъ былъ-бы одинмъ изъ самыхъ богатыхъ и выгодныхъ жениховъ во всемъ повѣтѣ. Но его репутація пала, и, сохрани Богъ, чтобъ кому нибудь пришло въ голову выдать за него свою дочь!..) Нѣтъ, лучше выдать ее за татарина, за жида, чѣмъ за него, безбожника, отступника, ренегата!.. Его избѣгали, точно чумы; и долго пришлось-бы разсказывать о разныхъ подкопахъ, какіе вели противъ него сосѣди; о тѣхъ ямахъ, какія они усердно рыли ему, о подставленіи ножекъ... И это, естественно, огорчало, и глубоко огорчало пана Грабовскаго. — Но вотъ онъ не выдержалъ, наконецъ, и озлобился противъ своихъ злобныхъ сосѣдей. Онъ плюнулъ, махнулъ рукой и поселился почти безвыѣздно въ своемъ имѣніи, какъ отшельникъ. Изрѣдка только навѣщалъ онъ пана Маевскаго и проводилъ у него денегъ въ дружной и задушевной бесѣдѣ.—Панъ Ромуальдъ начиналъ понимать его,—

и, наконецъ, совершенно понялъ и полюбилъ, какъ родного. Не разъ ухмылялся онъ, правда, надъ горячностью Болеслава, надъ его, порой, чуть не дѣтскими выходками. Но онъ не могъ не признать въ немъ любящаго, добраго сердца и вѣчной готовности сдѣлать все, что только возможно, для ближняго. Онъ понималъ, что Болеславъ не былъ измѣнникомъ, ренегатомъ, какъ называли его сосѣди. Нѣтъ, онъ любилъ, горячо любилъ свою родину, — не такъ какъ *эти*,— и всѣмъ сердцемъ болѣлъ за нее. Но его возмущали до глубины души фарисейство и ханжество его соотечественниковъ, ихъ подличанье и унижение передъ сильными, и гордое высокомѣріе передъ низшими, слабыми...

— Да, онъ, точно, пророкъ у себя въ отечествѣ! не разъ говаривалъ панъ Маевскій, и горькая улыбка пробѣгала по губамъ его. — И нѣтъ ему хвалы и не будетъ!.. Но я только одно скажу, — и онъ вдругъ гордо поднималъ голову; его рука сжималась крѣпко въ кулакъ,—я за такого «измѣнника», «ренегата» не пожалѣлъ-бы десятковъ двухъ-трехъ нашихъ *пламенныхъ* патріотовъ... Да только не стоятъ они, не стоятъ его!..

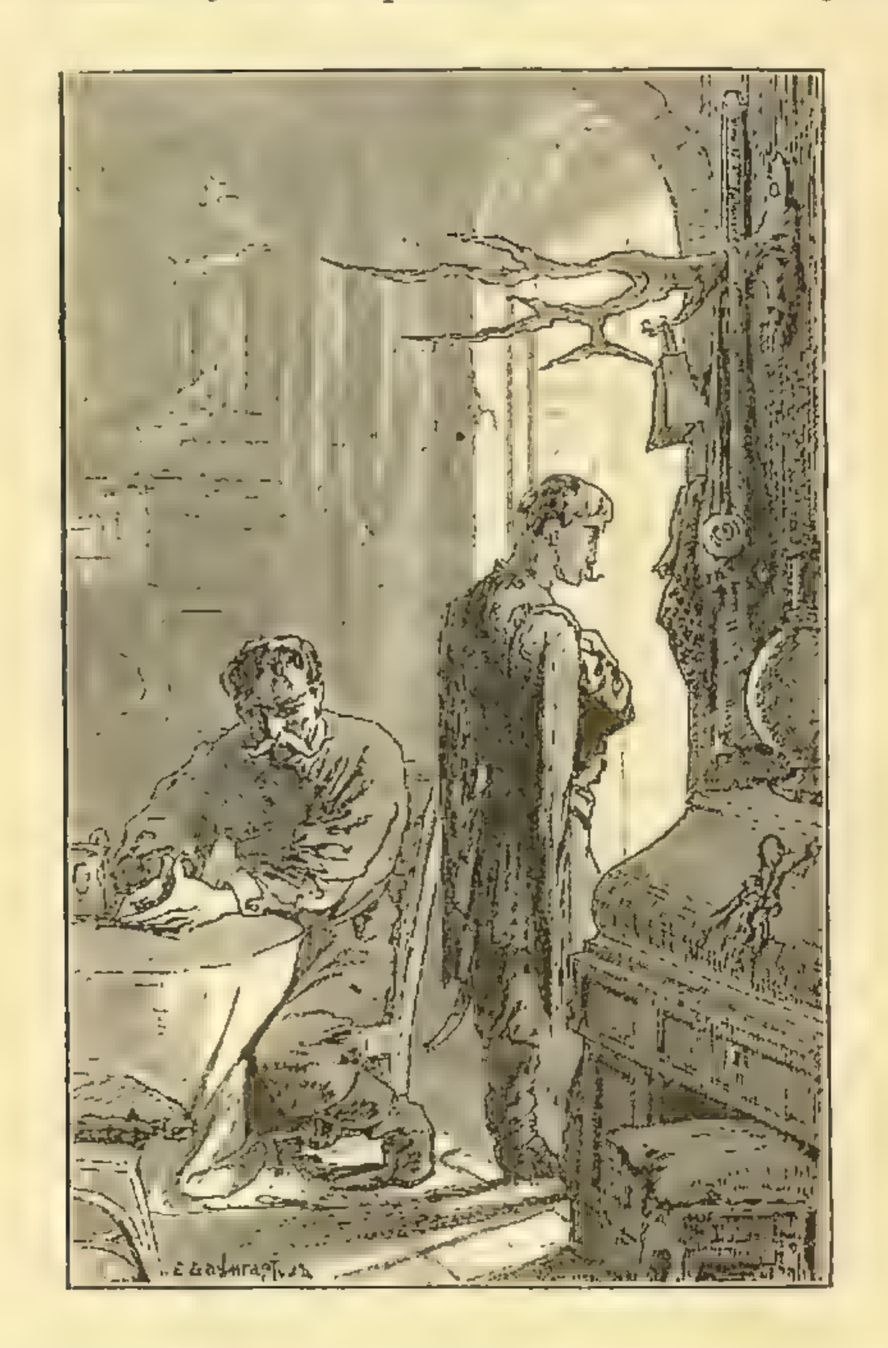
И сосѣди косились на пана Маевскаго. Они начинали подозрѣвать его въ единомысліи съ этимъ безбожникомъ. Но, впрочемъ, знакомства съ нимъ пока не думали прекращать, и, какъ прежде, ѣли его хлѣбъ-соль и пили старый *венгжинъ,* *) а порой, и перехватывали «на самый короткій срокъ» десятка два-три червонныхъ.

И панъ Болеславъ жилъ у себя въ имѣніи, много читалъ, занимался хозяйствомъ. Изрѣдка уѣзжалъ за границу, въ Лондонъ, въ Парижъ, но вскорѣ опять возвращался и еще съ большимъ рвеніемъ принимался хозяйничать. Крестьяне его благоденствовали, и день и ночь молили Бога за пана...

— Да, наши карты плохи! задумчиво говорилъ панъ Ромуальдъ. — Вѣдь если все такъ пойдетъ, — сохрани насъ Господи

*) Венгерское вино.

и помилуй, — отъ Польской Украйны не останется и камня на камнѣ!.. Кровь льется потоками; мѣстечки, села пылаютъ!.. Теперь гайдамаки ужь не скрываются больше: не пробираются

къ намъ воровскимъ манеромъ... Они сознали свою силу и гордо подняли головы... Да, скверно, Бóлесь, ужасно скверно!..

Но панъ Болеславъ только пожалъ плечами.

— А кто-жь виноватъ въ этомъ? Кто? съ горечью гово-

рилъ онъ. — Не мы-ли сами? Не наши-ли достославные предки?.. Грѣхи вѣковъ не такъ-то легко поправить, — и никогда не слѣдуетъ забывать, что существуетъ законъ историческаго возмездія... Не мы-ли сами сто лѣтъ назадъ усердно рыли для себя яму? Не мы-ли съ такимъ пылкимъ рвеніемъ, старались ополячить весь край, и *ad majorem gloriam Dei* *) крестили въ католицизмъ малорусскихъ дѣтей?.. И ка́къ крестили? — Мечемъ и огнемъ!.. Святые отцы ужь слишкомъ переусердствовали и слишкомъ много пролили неповинной крови!.. Вѣдь мучили и пытали, силою заставляли креститься!.. Не даромъ-же панъ Квасневскій выгналъ разъ изъ села іезуитовъ нагайками **)... Вѣрный католикъ выгналъ своихъ духовныхъ отцовъ... Ужь слишкомъ, должно быть, они тамъ безобразничали!..

— Да, мой шановный панъ Ромуальдъ, и Болеславъ вдругъ тяжело вздохнулъ. — Мы сами одни во всемъ виноваты... Достопочтенные дѣды наши пролили много крови... И вотъ теперь внуки ихъ сами въ ней захлебнулись...

— Не предки тутъ виноваты, Бо́лесь, — исторія...

— Да. Но исторію-то кто-жь дѣлалъ? Кто породилъ страшныя времена хмельничины, а теперь гайдамаковъ?

— Но это было давно...

— А наѣзды нашихъ отважныхъ пановъ на запорожскія хуторы и паланки? Давно это было? Давно ихъ раззоряли, сжигали, а жителей уводили въ плѣнъ, а потомъ вѣшали во дворахъ своихъ за́мковъ, сажали на колъ ***)? Давно эти подвиги

*) Къ вящшей славѣ Божіей.

**) Историческій фактъ.

***) Еще до появленія гайдамаковъ, польская молодежь устраивала такіе наѣзды (najazdy), упражняя свои воинскія познанія. Въ промежуткахъ между ловлями и охотами, между придворными турнирами (*gonitwy*), пиршествами и танцовальными вечерами, устраивались болѣе серьезныя охоты — охоты на людей. Онѣ состояли въ томъ, что отрядъ польской молодежи, съ легкимъ, а иногда и тяжелымъ вооруженіемъ, отправлялся въ запорожскую глушь, выжигалъ хуторы, паланки и зимовники; вытаптывалъ ихъ хлѣба, угонялъ скотъ,

былъ, панъ Ромуальдъ? Не вчера-ли?.. — Что-жь дѣлать, если хлопы поняли, что̀ значитъ: око за око, зубъ за зубъ!..

— Да, но теперь-то что-жь дѣлать Бо̀лесь? Теперь-то?..

— Теперь? А вы за себя боитесь?..

табуны лошадей, убивалъ и уводилъ въ плѣнъ запорожскихъ казаковъ. — Съ приличной торжественностью, отрядъ возвращался въ свои имѣнія; при звукахъ трубъ и литавръ, входили въ за̀мки, ведя связанныхъ плѣнниковъ, какъ римскіе полководцы вводили въ Римъ побѣжденныхъ царей. Молодые побѣдители награждались общими рукоплесканіями старыхъ пановъ, улыбками прекрасныхъ паннъ, а грубые плѣнники, безъ всякаго суда, отправлялись на висѣлицу, или на колъ. Все это было въ порядкѣ вещей въ то дикое, безчеловѣчное время... Загудѣли рожки, затрещали литавры; пушки палятъ неистово; все валитъ на мѣсто казни, чтобъ посмотрѣть, какъ сажаютъ на колъ человѣка, или затягиваютъ его шею веревкой. Грубые запорожцы-хлопы должны были и умирать грубо. Но чтобъ не ударить лицомъ въ грязь передъ «пражьими ляхами», иной добрый молодецъ, умирая на колу, попроситъ, чтобъ ему дали въ послѣдній разъ покурить люльки, — и люльку давали, — и онъ курилъ и обводилъ страшными глазами своихъ враговъ. — Подобные наѣзды и захваты людей были нерѣдки, и начались довольно рано въ польской сторонѣ. Еще лѣтъ за 30 до *уманской рѣзни*, поляки захватили въ Брацлавѣ и другихъ своихъ городахъ, всѣхъ запорожскихъ казаковъ, заѣхавшихъ туда, для торга рыбой, и всѣхъ ихъ перевѣшали. Запорожцы требовали отъ Польши удовлетворенія, и не получили. Лѣтъ за 20 до уманской рѣзни, отрядъ польской кавалеріи, переправившись черезъ р. Синюху, — устроилъ свою дикую охоту на земляхъ Бугогардовской паланки, захватилъ у Мертвоводья казачью усадьбу, сжегъ полковничій зимовникъ, основалъ тамъ свое польское поселеніе, и оттуда дѣлалъ безпрестанные набѣги на окрестности, убивалъ людей, уводилъ скотъ. Съ 1733 г., со времени возвращенія запорожцевъ подъ русскую державу, по 1750 г., поляки только и дѣлали, что вѣшали запорожцевъ, какими судьбами они бы ни попадались къ нимъ въ руки. Когда русскія войска, подъ начальствомъ Миниха и Ласси, возвращались изъ Днѣпровскаго похода противъ турокъ и проходили черезъ Польшу, раненые и измученные дорогой казаки, тоже попавшіе съ этими войсками въ Польшу, были тамъ безчеловѣчно умерщвляемы. Въ 1738 г. казацкій отрядъ, въ числѣ 102 человѣкъ, зашедшій въ Умань, для покупки хлѣба, — былъ приглашенъ въ домъ уманьскаго коменданта Антона Табаня «на кушанье». Тамъ у этихъ казаковъ обманомъ отняли оружіе и лошадей и публично перевѣшали всѣхъ на рынкѣ. Имущество ихъ было заграблено комендантомъ. Другая партія, возвращавшаяся изъ тогоже похода, въ числѣ 18 человѣкъ, остановилась въ мѣстечкѣ Стебловѣ, для покупки припасовъ. Поляки окружили ихъ, схватили и отвели въ Немировъ, какъ военноплѣнныхъ. Немировскій губернаторъ всѣхъ ихъ перевѣшалъ. Въ слѣдующемъ году губернаторы: смилянскій, чигиринскій и богуславскій предали смерти, первый 7 казаковъ, второй — тоже 7, третій 2, опять таки по собственному произволу. Такихъ убійствъ, въ теченіи 17 лѣтъ, было 202 случая, — и все это погибали запорожцы. А сколько тайныхъ, а жертвъ *hajazd*'овъ!.. (*Мордовцевъ*. «Гайдамачина»).

— О нѣтъ! Чего-жь мнѣ бояться? Здѣсь у меня все спокойно, и гайдамаки еще далеко... Да еслибъ они и пришли сюда... Не думаю, чтобъ причинили мнѣ особенный вредъ... Я никогда не притѣснялъ моихъ хлоповъ, и они меня не дадутъ въ обиду... Я за себя спокоенъ...

— А за другихъ вамъ нечего безпокоиться. Они не стоятъ того!.. Пускай, что сѣяли, то и жнутъ!..

— Бо́лесь!..

— Да... И что́-жь они могутъ подѣлать?.. — Въ Варшавѣ и знать ничего не хотятъ о гайдамачинѣ и считаютъ всѣ слухи о ней сильно преувеличенными. Да и когда-жь думать имъ объ этихъ «шалостяхъ подлыхъ гультаевъ»? — Балы у нихъ тамъ идутъ за балами, попойки... Войско... — Панъ Болеславъ засмѣялся. — О войскѣ, вѣдь, просто совѣстно говорить!.. — Жалкая кучка разнаго сброда, и въ ней около половины начальниковъ, офицеровъ!.. И весь этотъ сбродъ не стоитъ и мѣднаго гроша... Онъ годенъ не для войны, не для правильной самозащиты, — а только для криковъ: вива́тъ, да залповъ за тостами... Офицеры... Да развѣ найдется и въ сотнѣ ихъ хоть одинъ настоящій воинъ и патріотъ, какъ было во времена Жолкѣвскаго? Куда они годны? — Блестѣть золотымъ шитьемъ на мундирахъ, брячать шпорами, да лихо плясать мазурку съ прекрасными паннами... Только!..

— Ну, а надворная кавалерія?

— Она? — На три четверти изъ малороссовъ, — и надежда на нихъ такая-же, какъ и на вешній ледъ... — Нѣтъ, дорогой мой панъ, тутъ ничего не подѣлаешь... Намъ остается только смотрѣть и ждать... Ждать самого худшаго... Развѣ еще уповать на Бога... Да только захочетъ-ли Онъ за насъ заступиться?..

— Нѣтъ, лучше оставимъ все это, панъ Ромуальдъ! — рѣзко проговорилъ онъ.

— Бо́лесь!..

Панъ Ромуальдъ замолчалъ. Дверь скрипнула, отворилась, и на порогѣ ея показался о. Бенедиктъ. — Старикъ въ эти годы почти нисколько не измѣнился. Все тотъ-же, мрачный, нахмуренный, съ глазками, хмуро глядѣвшими изъ подъ нависшихъ, густыхъ бровей. Только на гладко выбритомъ лицѣ его прибавилось нѣсколько новыхъ морщинъ, да станъ еще болѣе сгорбился.

Замѣтивъ Грабовскаго, о. Бенедиктъ поморщился. При каждой встрѣчѣ съ этимъ «безбожникомъ», его всегда подмывало повернуться и выйти изъ комнаты. Но онъ удержался и на этотъ разъ. Панъ Болеславъ поклонился ксендзу, и закусилъ улыбку, когда тотъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ его поклона. Онъ ужь давно привыкъ къ презрительнымъ выходкамъ старика и пересталъ обращать на нихъ вниманіе. Только, порой, (что-жь дѣлать, — и панъ Болеславъ былъ не прочь сшкольничать!) любилъ онъ его слегка подразнить...

— Что скажете, достопочтенный отецъ? обратился къ старику Маевскій.

— Мнѣ надо поговорить съ паномъ... — И о. Бенедиктъ, тяжело дыша, опустился на кресло. Онъ былъ чѣмъ-то замѣтно взволнованъ.

— Быть можетъ, я помѣшаю святому отцу, замѣтилъ Грабовскій. — Я могу выйти...

Но ксендзъ не удостоилъ его даже отвѣтомъ.

— Въ чемъ дѣло, о. Бенедиктъ? говорилъ Маевскій.

— Да въ томъ-же, пане, что и всегда.

— Опять, видно, что-нибудь насчетъ Стася? — И панъ Ромуальдъ ухмыльнулся. — Ну, говорите, въ чемъ суть... Что́ онъ тамъ напроказилъ?..

О. Бенедиктъ нахмурился.

— Пану смѣшно, а мнѣ совсѣмъ не до смѣху! говорилъ онъ.—Вѣдь эти выходки... эти... Я, наконецъ, буду вынужденъ отказаться отъ воспитанія вашего сына...

— Да что́-жь онъ сдѣлалъ?

— Я вамъ не разъ говорилъ, что эти поблажки не доведутъ до добра... Вѣдь такъ совсѣмъ можно испортить ребенка, и сдѣлать изъ него негодяя... Я вамъ совѣтовалъ бросить эту методу (въ ней смысла нѣтъ, пане, ни капли смысла!) и взяться за старую, по какой воспитывали и нашихъ отцовъ и дѣдовъ...

— То есть, я долженъ сѣчь его?.

— Да, сѣчь, панъ Ромуальдъ. И это давно-бы слѣдовало... Розга вреда не сдѣлаетъ, а напротивъ...

— Но въ чемъ-же онъ напроказилъ?

— Да, если это назвать «проказами»... Нѣтъ, панъ, — насмѣшка, а не проказа; не дѣтская шалость — глумленье надъ старикомъ — священникомъ...

— Ахъ, Боже мой! испугался даже панъ Ромуальдъ. — Да въ чемъ же дѣло? Скажите!..

— Я табакерку взялъ давече, нюхнулъ щепотку, — и расчихался... Онъ перцу туда мнѣ подсыпалъ!..

— Перцу?—Ахъ, негодяй! — Панъ Ромуальдъ съ трудомъ удерживался отъ хохоту. — Я накажу его, о. Бенедиктъ.

Но старикъ понялъ и надулся, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Конечно, вы находите все это пустяками, нестоющими вниманія... обиженно говорилъ онъ...

— Помилуйте! Пустяками!.. Да я за перецъ ему надеру уши... Но что-же еще, о. Бенедиктъ?

— Вамъ мало этого? — Ну, извольте... Онъ задаетъ, иной разъ, мнѣ вопросы... Конечно, я понимаю... Мальчуганъ пользуется безусловной свободой... Бываетъ Богъ знаетъ, гдѣ... слушаетъ...

— Но гдѣ-жь онъ можетъ бывать, о. Бенедиктъ?

— А это вамъ неизвѣстно?—Да, вотъ, напримѣръ, у здѣшняго попа...— И старикъ взглянулъ на пана Маевскаго, ожидая увидѣть на его лицѣ ужасъ, по меньшей мѣрѣ. Но тотъ даже не моргнулъ бровью.

— Ну, что-жь изъ этого? говорилъ онъ.—И пускай ходитъ. Тамъ дѣти есть,—онъ играетъ...

— А панъ не боится—за его душу?..

— За душу?.—О. Бенедиктъ! Господь съ вами! Что́ говорите вы!..

— Да, не боится, что онъ можетъ заразиться тамъ ересью?...

Есть ужь плоды... Онъ сталъ задавать мнѣ такіе вопросы...

— Чтожь, значитъ доводы схизматическіе убѣдительнѣе, чѣмъ *ваши* католическіе аргументы, святой отецъ, вмѣшался Грабовскій. — И это, мнѣ кажется, не говоритъ въ вашу пользу...

Старикъ побагровѣлъ и злобно метнулъ глазами. Но, впрочемъ, тотчасъ-же удержался и презрительно отвернулся отъ Болеслава.

— Я вамъ совѣтовалъ-бы хорошенько приглядывать за ребенкомъ, зловѣщимъ шопотомъ обратился опять онъ къ Маевскому, — и повнимательнѣе слѣдить за его знакомствами, а иначе... Я...

О. Бенедиктъ вдругъ поднялся и выпрямился во весь ростъ. Глаза у него загорѣлись...

— Я вамъ приказываю это даже! глухо, но твердо говорилъ онъ.—Въ силу мнѣ данной отъ Бога власти... Мой долгъ слѣдить за душами ввѣренной въ мои руки паствы и заботиться объ ихъ спасеніи... Вы понимаете, панъ Ромуальдъ?..—Я не могу допустить... и *не допущу* гибели ни одной изъ нихъ!..— Онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Панъ Ромуальдъ только пожалъ плечами. Болеславъ насмѣшливо улыбался и крутилъ усъ...

А маленькій Стась подросталъ... Давно-ли, кажется, крошечный, слабый, лежалъ онъ на розовомъ одѣяльцѣ, подлѣ пани Ядвиги, и шевелилъ лапками, какъ таракавъ! Давно-ли о. Бенедиктъ окрестилъ его? — Но этому минуло десять лѣтъ. И вотъ теперь Стась довольно высокій, не по годамъ, ребенокъ. Порой, онъ какъ-то грустенъ, задумчивъ; готовъ цѣлый день сидѣть гдѣ-нибудь въ уголку, за книжкой; порой, лихорадочно оживленъ, и ни минуты не посидитъ на мѣстѣ. О. Бенедиктъ разводитъ только руками и жалуется на него отцу чуть-ли не каждый день; совѣтуетъ сѣчь его. — Но развѣ панъ Ромуальдъ подниметъ руку на сына? — Вѣдь онъ въ немъ души не чаетъ!.. Положимъ, поблажки ему не даютъ понапрасну. Его оставляютъ безъ завтрака, безъ обѣда. — Но сѣчь... За что-же? За то, что онъ спряталъ молитвенникъ у о. Бенедикта, закладку вынулъ изъ книги?.. Да, перцу въ табакъ подсыпалъ... И это случилось ужь во второй разъ. Панъ Ромуальдъ и въ тотъ разъ, и въ этотъ надралъ ему больно уши и поставилъ на часъ на колѣни въ уголъ... — Но это все чисто дѣтскія шалости, и онѣ скоро пройдутъ... А такъ, вообще, Стась славный, хорошій мальчикъ, и общій любимецъ и матери и отца. На видъ онъ кажется худенькимъ, слабымъ, болѣзненнымъ. Но это только на видъ. Стась совершенно здоровъ и никогда ни на что не жалуется...

А много съ нимъ было заботъ отцу, и особенно въ первые годы! Стась росъ такимъ слабенькимъ, хилымъ... Не проходило недѣли, чтобъ онъ не былъ боленъ. — И панъ Ромуальдъ дрожалъ, трепеталъ за ребенка... Не разъ случалось, что онъ съ отчаяньемъ опускалъ руки и во всемъ полагался только на Бога: «что̀ будетъ, то будетъ»!.. — Но Стась неожиданно поправлялся, почти воскресалъ изъ мертвыхъ, — и поправлялся безъ докторовъ, безъ лекарствъ... Да, впрочемъ, въ то время Польша и не могла похвастаться докторами. Ихъ было, во первыхъ, одинъ-два, — обчелся; а во вторыхъ, и тѣ ничего не смыслили въ

медицинѣ. Помѣщикамъ, даже магнатамъ, случалось довольствоваться захожими доморощенными врачами, вродѣ разныхъ жидковъ и венгерцевъ, свободно и безпрепятственно путешествующихъ по краю, съ разными эликсирами и приворотными корешками...

Но вотъ, наконецъ, Стасикъ началъ ходить, съ трудомъ еще, правда, держась на неокрѣпшихъ ножкахъ; сталъ лепетать... И первыя слова, послѣ «папы» и «мамы», были слова молитвы.— Онъ, съ этихъ поръ, поступилъ ужь «въ науку», подъ наблюденіе къ о. Бенедикту, и тотъ принялся учить его грамотѣ. Но Стасикъ, порой, былъ упрямъ и лѣнивъ и не хотѣлъ слушаться старика... Тотъ вздумалъ пустить въ ходъ розгу, — но панъ Ромуальдъ разъ навсегда запретилъ сѣченье...

— Онъ очень нервенъ и слабъ, говорилъ онъ, — и розга ему повредитъ...

О. Бенедиктъ только пожалъ плечами.

— Но какъ-же, пане, протестовалъ онъ. — И насъ, вѣдь, бывало сѣкли... Да какъ еще, Боже мой!.. Не говорили про нервы и слабость... И развѣ мы не вышли людьми?—Нельзя-же безъ наказаній...

— Найдутся другіе, и кромѣ розги... Ну, безъ обѣда оставьте его, поставьте на часъ, на другой въ уголъ... Уши ему надерите (но только не сильно, конечно), вихоръ...

И старый ксендзъ пользовался дарованнымъ ему правомъ. Онъ дралъ Стася за уши, чуть не каждый день, — да не слегка только. Онъ какъ-то особенно и пребольно закручивалъ ему ухо, — такъ что мальчикъ оралъ благимъ матомъ и бѣжалъ къ отцу съ жалобой. Начиналось слѣдствіе, — а за нимъ непріятности, иной разъ довольно крупныя, съ о. Бенедиктомъ. — И такъ изо дня въ день шло ученье... Старикъ-ксендзъ злился, ворчалъ и говорилъ, что безъ розги ничего не подѣлаешь; а Стась, порой, усердно училъ уроки, порой, лѣнился, былъ какъ-

то разсѣянъ и отвѣчалъ невпопадъ; а порой, и подшучивалъ надъ своимъ учителемъ и выводилъ его окончательно изъ терпѣнія.— Панъ Ромуальдъ не бралъ ни гувернера, ни гувернантки.

— Да и зачѣмъ? говорилъ онъ. — Хорошихъ, вѣдь, трудно найти, а плохихъ мнѣ не надо и даромъ... Вонъ, напримѣръ, у пана Огинскаго... Развѣ не тѣ-же няньки?.. Слѣдятъ за каждымъ шагомъ дѣтей; кутаютъ ихъ и въ тепло и въ холодъ; заботятся, какъ-бы ихъ вѣтеръ не опахнулъ, муха на нихъ не сѣла... И въ результатѣ, — простуда, при первомъ удобномъ случаѣ... Нѣтъ, слишкомъ они берегутъ дѣтей и только на каждомъ шагу стѣсняютъ ихъ!.. Я не хочу, чтобъ изъ Стася вышелъ оранжерейный цвѣтокъ... Пускай онъ растетъ на свободѣ и пріучается и къ теплу, и къ холоду... Вонъ, какъ спартанцы воспитывали дѣтей...

— Но, Ромусь, порой замѣчала пани Ядвига. — Нельзя-же и безъ присмотра... Ребенокъ къ рѣкѣ убѣжать можетъ, упасть откуда нибудь... Сохрани Богъ!..

— Зачѣмъ? — Я разъ навсегда скажу ему: Стасикъ! ты не ходи туда-то, не дѣлай этого! — И онъ послушаетъ... Долженъ!..

И Стасикъ росъ на свободѣ на вольномъ воздухѣ, точно птичка, почти совсѣмъ безъ присмотру... — Осень и зима были ему тяжелы, почти ненавистны... Его будили въ пять съ половиной часовъ утра, давали стаканъ молока съ булкой, — и тотчасъ-же засаживали за ученье...—Иной разъ Стась и самъ просыпался. Его будилъ старческій, завывающій голосъ о. Бенедикта. Старикъ постоянно вставалъ съ разсвѣтомъ и часа по два, по три молился...

Вѣтеръ воетъ и стонетъ на улицѣ; въ окна стучитъ проливной дождь... Въ открытый ставень глядитъ осеннее утро; небо пасмурно, хмуро; по немъ, тамъ и сямъ, плывутъ вереницами облака... Стась проснулся, открылъ глаза... Тамъ, за стѣной,

какъ разъ за его кроватью, слышатся звуки, жалобные и грустные, точно кто плачетъ... И Стась начинаетъ слушать...

О. Бенедиктъ читаетъ 50 псаломъ... Никто въ домѣ, не исключая и пана Маевскаго, не могъ слушать, безъ содраганія, этихъ мрачныхъ словъ, этихъ рыдающихъ звуковъ... Старикъ каждый день читалъ этотъ псаломъ, и читалъ съ особеннымъ чувствомъ. Онъ, кажется, душу влагалъ въ него. И вотъ за стѣной слышится «Miserere»...

— «Miserere mei Deus... (голосъ о. Бенедикта дрожитъ; въ немъ такъ и звучатъ слезы) secundum magnam misericordiam Tuam» *)!..

Тяжелый, болѣзненный вздохъ... Пауза... И вотъ опять все громче и жалобнѣе звучитъ:

— «Et secundum multitudinem miserationum Tuarum dele iniquitatem meam» **)...

Стась вздрагиваетъ и закрываетъ голову одѣяломъ. Но и туда проникаютъ плачевные, молящіе звуки:

— «Ecce enim in iniquitatibus conceptus sum, et in peccatis concepit me mater mea» ***)...

И долго молится, плачетъ о. Бенедиктъ. Но вотъ, наконецъ, и послѣдній стихъ покаяннаго гимна:

— «Tunc acceptatis sacrificium justitiae oblationes: et holocausta tunc imponent super altare Tuum vitulas... Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto» ****)...

О. Бенедиктъ умолкъ. Онъ кончилъ молиться... Вотъ-вотъ сейчасъ скрипнетъ дверь, и онъ покажется на порогѣ, суровый, мрачный, какъ и всегда, съ еще не высохшими глазами, весь въ

*) Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей.

**) И по множеству щедротъ Твоихъ, очисти беззаконія мои.

***) Вотъ я въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхѣ родила меня мать моя.

****) Тогда благоугодны будутъ Тебѣ жертвы правды, возношеніе и всесожженіе; тогда возложатъ на алтарь Твой тельцовъ. Слава Отцу и Сыну и Св. Духу.

бѣломъ, какъ привидѣніе... И Стась торопливо вскакиваетъ съ постели... И вотъ онъ въ комнаткѣ о. Бенедикта. Книги, бумага, чернильница, перья... Старикъ надѣваетъ очки.

— In nomine Patris et Filii *)... какъ и всегда, говоритъ онъ, —и вдругъ строго взглядываетъ на Стасю. Тотъ почему-то смущается.

— Ну, что, училъ ты урокъ сегодня? говоритъ старикъ.

— Училъ.

— Отвѣчай-же!

Вѣтеръ шумитъ; дождь колотитъ, стучитъ въ окно... На улицѣ полумракъ еще, — солнышко не всходило. — Да и взойдетъ-ли оно въ этотъ день?— И только въ комнатѣ ярко горятъ лампадки и свѣчи предъ образами.

— Что-жь ты молчишь? говоритъ о. Бенедиктъ.

Стась зѣваетъ, —и вдругъ начинаетъ тереть заспанные глаза. Они такъ и слипаются; онъ спать хочетъ. Въ его головѣ туманъ какой-то, и тамъ, въ разбивку, безъ всякой опредѣленной связи, мелькаютъ слова и тексты изъ катихизиса. Стась чуть-ли не позабылъ урокъ. Да, правда, онъ ничего въ немъ не понялъ. — И вотъ о. Бенедиктъ начинаетъ читать нотацію. Онъ говоритъ въ ней о лѣни, матери всѣхъ пороковъ, о нерадѣніи, непослушаніи,— и затѣмъ объясняетъ новый урокъ на завтра. Но объясняетъ онъ какъ-то темно, туманно, и ужасно не любитъ распросовъ... Затѣмъ идетъ урокъ ариометики. И здѣсь какъ-то темно и туманно. — Но вотъ занятія кончились, и Стасикъ вздохнулъ свободно. Обѣдъ; за нимъ небольшой отдыхъ... А тамъ уроки на завтра...—Скука, тоска; на улицѣ дождь, какъ изъ ведра, льетъ,— — и носу нельзя показать на дворъ... Хотѣлось-бы почитать,— но надо учить уроки... А завтра опять то-же. И такъ изо дня въ день... Зимою не веселѣе, чѣмъ осенью. Развѣ, порой, выскочитъ

*) Во имя Отца и Сына...

Стась на дворъ, поиграть въ городки, въ снѣжки, съ дворовыми ребятишками. Но строгій о. Бенедиктъ не позволяетъ ему по долгу заигрываться... — Но вотъ прошла мрачная, дождливая осень; прошла и зима, съ ея морозами и мятелями... Весна на дворѣ. Солнышко ярко и весело свѣтитъ; какъ снѣгомъ, осыпаны яблони, груши въ саду цвѣтами; ароматъ отъ нихъ волнами льется въ окно... Занятія Стася окончились, и онъ свободенъ до осени... И онъ на улицѣ цѣлый день, съ восхода солнца и до заката. Его даже не ждутъ обѣдать. Онъ самъ забѣжитъ домой и на скоро чего нибудь перехватитъ; сунетъ въ карманъ пирогъ, хлѣба ломтика два-три, соли, картофелю, — и опять на улицу... И лучше ужь не ищи его въ это время и не зови: Стась точно въ воду канетъ... И гдѣ только, гдѣ ни бываетъ онъ!... Онъ и въ лѣсу съ дворовыми ребятишками, — и лазитъ тамъ по деревьямъ; и въ полѣ, и у себя въ саду... И только строго онъ исполняетъ приказъ отца: не купаться въ глубокихъ мѣстахъ на рѣчкѣ, и не плавать по нимъ ни въ лодкѣ, ни на плотѣ... — И ребятишки всюду слѣдуютъ за барченкомъ, — онъ ихъ вожатый и коноводъ. Они играютъ въ солдаты... Избранный дружно и единогласно начальникомъ, — Стасикъ учитъ свою команду ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. И ребятишки любятъ его, горячо любятъ. Онъ не задираетъ носъ, какъ прочіе барчуки. Нѣтъ, никогда и никто изо всей Маіовки не могъ пожаловаться на Стасика. Онъ никогда никого не обидѣлъ и не ударилъ... Да, былъ, правда, разъ, одинъ случай, — и Стасикъ долго не могъ забыть его. Въ тѣ времена у польскихъ помѣщиковъ барчука рано начинали пріучать къ военному дѣлу. Изъ нихъ, еще чуть не съ пеленокъ, исподволь, по маленьку, подготовляли будущихъ воиновъ. Вздумалъ и панъ Маевскій дать сыну урокъ-другой фехтованья. Ни сабли, ни шпаги, конечно, ребенку нельзя было дать. И вотъ ему дали палку и заставили биться съ такимъ-же, какъ онъ, мальчуганомъ, дворовымъ парнишкой, Васей.—Сперва

дѣло шло ничего, какъ слѣдуетъ. Только Вася конфузился и неумѣло отражалъ удары. Но вотъ Стась увлекся, съ азартомъ напалъ на противника, — и ловкимъ ударомъ по головѣ нанесъ ему рану. Тотъ застоналъ, заплакалъ; полилась кровь... Стась сперва точно окаменѣлъ, — и вдругъ зарыдалъ, какъ истый ребенокъ, бросился обнимать, цѣловать Васю... Панъ Ромуальдъ ухмыльнулся и покрутилъ усъ...

— Ну, не скажу, чтобъ изъ тебя вышелъ хорошій воинъ! говорилъ онъ. — Фи, срамъ! Расхныкался, какъ дѣвчонка!...— И онъ ушелъ со двора, въ душѣ совершенно довольный, впрочемъ, что въ Стасикѣ не оказалось кровожадныхъ наклонностей. И Стась, съ той поры, не бралъ въ руки палки. Не по душѣ пришлась ему и верховая ѣзда, которой тоже учили польскихъ дѣтей...

— Ну, ладно, время еще не ушло! говорилъ панъ Ромуальдъ.—Успѣетъ!...—Да если и не выйдетъ онъ воиномъ и рубакой,—бѣды не будетъ большой... Не всѣмъ-же честнымъ, хорошимъ людямъ обязательно умѣть владѣть саблей!...

VI.

Солнышко ярко всходило. День обѣщалъ быть теплымъ и яснымъ; на небѣ не виднѣлось ни малѣйшаго облачка. Стась проснулся. Его разбудилъ лучъ, пробившійся въ прорѣзъ ставня, и ударилъ ему прямо въ глаза. — Ужь года два Стась обходился безъ помощи няньки и казачка. Панъ Ромуальдъ не баловалъ его въ этомъ. Онъ самъ одѣвался, самъ мылся. — Комнатка Стася была очень маленькая, но чистенькая и уютная. Въ ней не было безпорядка, какой, вообще, замѣчается въ дѣтскихъ,—панъ Ромуальдъ строго слѣдилъ и за этимъ. Надъ самой кроваткой его

висѣлъ портретъ пани Ядвиги, недурно рисованный акварелью. Столъ у окна, стулъ; въ углу полочка, и на ней, въ величайшемъ порядкѣ, разложены книжки Стася, его игрушки. Въ другомъ углу: барабанъ, труба, ружье и большая лошадь-качалка, съ уздечкой, сѣдломъ, стременами.

Стукнулъ засовъ у ставня, онъ распахнулся,—и въ комнату ворвалось цѣлое море свѣта... Мальчикъ зажмурился, быстро вскочилъ съ кровати, одѣлся и распахнулъ окно... — Тамъ, на дворѣ, давно ужь началась обычная дѣятельность. Лѣтомъ въ усадьбѣ Маевскаго вставали за часъ до восхода солнца. — Вонъ старый кучеръ Панасъ (онъ все еще былъ живъ и здоровъ и, по прежнему, бодро сидѣлъ на козлахъ) провелъ лошадей съ купанья. Еще не просохшая шерсть на нихъ такъ и лоснилась, такъ и блестѣла на солнцѣ... Вонъ Гапка (изъ худенькой замарашки дѣвчонки теперь превратившаяся въ здоровенную, краснощекую дѣвку) — пробѣжала на ледникъ, съ блюдомъ подъ мышкой... Панъ Ромуальдъ, въ домашнемъ кунтушѣ изъ небѣленой холстины, толковалъ со старымъ Остапомъ — садовникомъ, — и тотъ молча слушалъ его, почтительно склонивъ сѣдую, обнаженную голову... — Солнце такъ ярко свѣтило, птички такъ звонко пѣли и заливались въ кустахъ, — но Стасю было что-то не весело... Наскоро вымывшись и прочитавъ «Отче нашъ», мальчикъ прошелъ въ столовую. — Тамъ хлопотала и суетилась надъ огромнымъ кофейникомъ панна Барбара. Височки ея еще больше порѣдѣли и посѣдѣли, но эти бантики, ленточки украшали ее, какъ и прежде. «Стара панна» такъ и не вышла замужъ. За то питомица ее, Зося, ужь года три назадъ, сдѣлалась пани Балуцкой, женою одного изъ сосѣдей Маевскаго, тоже помѣщика, и не изъ бѣдныхъ.

Стась молча усѣлся за столъ и принялся за свое молоко съ хлѣбомъ. Онъ былъ что-то грустенъ, задумчивъ.

— Головка, что-ли, болитъ? вдругъ обратилась къ нему панна Барбара.

— Нѣтъ, не болитъ...

— Такъ что-жь ты такой, точно въ воду опущенный? — И поблѣднѣлъ, вонъ...

— Я ничего... такъ...

Стась допилъ кружку и вышелъ изъ комнаты. Панна Барбара проводила его глазами.

— Да, знаю я... бормотала она. — Опять, видно, вчера шалилъ, безобразничалъ... Головорѣзъ этакій!.. Вотъ мнѣ-бы въ руки его, — сдѣлался-бы у меня шелковый!.. — И она злобно сжала свои тонкія губы. — Но, вотъ, вдругъ лицо ея приняло умиленное, подобострастное выраженіе. Вошелъ о. Бенедиктъ, — и панна Барбара, съ опущенной головой и глазами, подошла къ нему...

— На вѣки вѣкувъ... пробормоталъ ксендзъ и тотчасъ-же принялся за яйца въ смятку и кофе, а панна Барбара опять загремѣла посудой...

Скучный, задумчивый, шелъ Стась по берегу рѣчки... Тихо и неподвижно лежала она въ своихъ зеленѣющихъ берегахъ, поросшихъ ракитой и ивнякомъ... Въ другой разъ онъ непремѣнно остановился-бы, набралъ-бы полную горсть камушковъ и сталъ-бы пускать ихъ, одинъ за другимъ, слѣдя за этими кругами, расходившимися по гладкой, зеркальной поверхности... Онъ посмотрѣлъ-бы на окуньковъ и плотичекъ, то и дѣло выскакивавшихъ изъ воды и блестѣвшихъ на солнцѣ серебристою чешуей... Быть можетъ, онъ побѣжалъ-бы домой, захватилъ тамъ удочку, червей накопалъ и усѣлся-бы тутъ въ тѣни, подъ кустомъ ракиты, не сводя глазъ съ неподвижнаго поплавка... Быть можетъ, нарвалъ-бы онъ цѣлый букетъ бѣлыхъ и желтыхъ кувшинокъ и поставилъ-бы ихъ у себя дома въ стаканъ съ водой... Но Стась ничего не видѣлъ, не слышалъ... Онъ такъ-же задум-

чиво шелъ по берегу, и его зеленые сафьянные сапоги, порой, утопали по щиколотку въ нагрѣтомъ солнцемъ пескѣ...

— Панычу! послышался вдругъ чей-то тоненькій, звонкій голосъ.

Стась поднялъ голову. Въ тѣни густой, развѣсистой ивы, сидѣлъ Охримка, сынъ повара, другъ и пріятель Стася и вѣрный и неизмѣнный участникъ во всѣхъ его играхъ. Онъ не спускалъ своихъ черныхъ, плутоватыхъ глазокъ съ полдюжины поплавковъ и весело улыбался.

— Гляди-тка, пани́чу! говорилъ онъ. — Не больше часу сижу, а сколько, вонъ, наловилъ-то... Гляди-тка!.. — Онъ сдернулъ ветошку съ желѣзнаго небольшаго ведерка, стоявшаго тутъ-же подлѣ него въ травѣ, и показалъ Стасю. Въ водѣ тамъ плескалось десятка два-три окуньковъ и плотичекъ...

— Аа... Хорошо клюетъ? — И на задумчивомъ и блѣдномъ личикѣ Стася вдругъ мелькнула улыбка.

— Стра-ахъ, какъ клюетъ!.. Только ты успѣвай вытаскивать!.. Да, вонъ, она, вонъ, — смотри!.. шопотомъ говорилъ онъ и указалъ глазами на шевелившійся поплавокъ. — Во-одитъ!.. Плотва это, — вѣрно... Кому больше! — А, стой!.. — Онъ дернулъ съ размаху удочку, и на пескѣ затрепеталась, блестя серебристою чешуей, плотичка. — А вонъ и другой поплавокъ вдругъ, сразу, весь ушелъ въ воду, — и Охримка вытащилъ окуня.

— Клевъ, братъ, такой, что чудо! говорилъ онъ, заботливо снимая рыбу съ крючковъ. — Садись-ка со мной, паны́чу, — половимъ!

Но улыбка, мелькнувшая было на лицѣ Стася, исчезла, и оно опять стало грустно, задумчиво.

— Да что съ тобой, Стасинька? говорилъ Охримка. — Аль кто обидѣлъ тебя?.. Не тотъ-ли опять... *бѣлый*-то?.. — И онъ вдругъ испуганно оглянулся по сторонамъ. — Что, высѣкъ тебя онъ, что-ли?..

— Не смѣетъ онъ сѣчь меня!.. Никогда не смѣетъ!.. вдругъ поднялъ головку Стась, и въ глазахъ его блеснулъ огонекъ. — Онъ и за уши-то не смѣетъ меня...

— Ой-ли?.. не довѣрялъ Охримка.

— Не смѣетъ!.. Никто меня не обидѣлъ... Никто!.. А такъ я... Просто такъ себѣ, — скучно... — И Стась вдругъ повернулся спиной и опять зашагалъ по берегу.

Охримка мотнулъ головой и, нажививъ на крючки червяковъ, поплевалъ на нихъ и закинулъ удочки въ воду.

Глухой, дребезжащій ударъ пронесся и замеръ въ воздухѣ... Еще и еще... Звонили къ заутренѣ въ маленькой православной церкви... Вонъ колокольня ея, съ потускнѣвшимъ золоченымъ крестомъ, выглядываетъ изъ-за деревьевъ ограды... Священникъ, о. Илья, дряхлый, сѣдой старикъ, прошелъ, опираясь на суковатую палку, и скрылся въ воротахъ... Прошла старуха какая-то; пять-шесть бабъ; Михалка—сторожъ, въ изодранной и засмоленной свиткѣ.—А Стась все шелъ себѣ, шелъ впередъ,— и вдругъ очутился въ церковной оградѣ...

Онъ оглянулся... Со всѣхъ сторонъ протянули длинныя и густыя вѣтви, зеленые дубы и клены... Тамъ, между ними, вдали, виднѣлись какіе-то, поросшіе травой и цвѣтами, холмики; на нихъ почернѣвшіе и покривившіеся кресты... На ветхой, низенькой колокольнѣ бродили и ворковали голуби; ласточки, то и дѣло, вылетали откуда-то изъ подъ стропилъ, и гонялись за мухами и за мошками... Въ раскрытое настежь окно, съ желѣзной рѣшеткой, пробивался синеватый дымокъ отъ ладана, слышался старческій, дребезжащій голосъ дьячка... Стась отворилъ дверь и очутился въ церкви... Но онъ недолго въ ней пробылъ; постоялъ, постоялъ и потихоньку выбрался за дверь. И ни прихода его, ни ухода никто въ церкви и не замѣтилъ...

И вотъ Стась ужь въ садикѣ у о. Ильи. Онъ здѣсь частенько бываетъ. Такъ хорошо въ немъ, такъ много тѣни!.. Яблони,

груши здѣсь разрослись чуть не сплошною стѣной, — и, подъ осень, вѣтви ихъ гнутся совсѣмъ, ломятся отъ плодовъ... Много цвѣтовъ; есть и ручеекъ маленькій, и Стась много разъ ужь устраивалъ на немъ плотины и ставилъ мельницы, вмѣстѣ съ внукомъ о. Ильи, Колей. Они съ нимъ были большіе друзья. Не менѣе друженъ онъ былъ и съ Варей, его десятилѣтней сестренкой. — И вотъ Стась въ бесѣдкѣ, опутанной хмѣлемъ, и машинально слѣдитъ глазами за паукомъ, раскинувшимъ въ углу паутину... Это большой паукъ, изъ рода *крестовиковъ*. Онъ неподвижно сидитъ въ паутинѣ и поджидаетъ жертвы, — а солнечный лучъ, пробившись сквозь щель въ стѣнѣ, золотитъ его крѣпкія и липкія сѣти... Въ бесѣдкѣ, на столикѣ, на полу, лежали разбросанныя игрушки: кукла, съ кудельной косой, и выведенными углемъ глазами, носомъ и ртомъ; глиняный пѣтушекъ, лошадка; крошечныя грабли и лейка. Но самихъ владѣльцевъ этихъ игрушекъ не было. Они, должно быть, еще крѣпко спали... — И долго сидѣлъ Стась въ бесѣдкѣ, думалъ о чемъ-то... Но вотъ до него донесся изъ раскрытаго окна хатки о. Ильи стукъ ножей и тарелокъ; запахло чѣмъ-то вкуснымъ такимъ, печенымъ... Это о. Илья вернулся, должно быть, изъ церкви и сѣлъ съ попадьей завтракать... Вотъ кто-то вздохнулъ, глубоко, тяжело такъ...

— О, Господи Іисусе Христе! послышался дрожащій старческій голосъ. — Спаси и помилуй насъ грѣшныхъ!..

— Да ѣшь, что-ли, о. Илья! Ты только все по тарелкѣ бродишь!..

— Не хочется, мать моя!.. — И о. Илья опять тяжело вздохнулъ.

— А что такъ?

— Да, вотъ, дѣла-то... Охъ, больно плохи дѣла!.. Знать, прогнѣвили мы Господа Бога... Ты слышала, Анна Петровна: опять они появились въ здѣшнихъ мѣстахъ...

— Кто они-то?

— Да гайдамаки...

— Царица небесная!.. Полно, что ты!.. — И попадья всплеснула руками. — Да быть не можетъ!..

— Вѣрно тебѣ говорю!.. Слыхала ты о панѣ Джевецкомъ?.. — Рукой подать отсюда живетъ... Богатый и гордый панъ...

— Еще-бы мнѣ не слыхать! Такого аспида, кровопійцы на всей Украйнѣ и днемъ съ фонаремъ не сыщешь...

— Не осуждай, Анна Петровна, — не намъ судить!.. строго замѣтилъ священникъ. — Никто изъ насъ не безгрѣшенъ... — А если панъ Брониславъ и много лилъ на вѣку православной христіанской крови, — такъ онъ ужь теперь самъ отвѣтитъ за все, тамъ, передъ престоломъ Всевышняго...

— Какъ?.. Развѣ онъ...

— Убитъ, Анна Петровна... звѣрски убитъ... замученъ!..— И въ голосѣ старика зазвучала грусть. — Господь да помилуетъ и спасетъ его душу!.. Не мало грѣховъ проститъ ему Богъ за его страдальческую кончину... Вѣдь что́ они дѣлали съ нимъ, — волосъ дыбомъ становится!.. Это не люди, — звѣри какіе-то, волки жадные!..

— Ну, и Господь съ нимъ! вздохнула матушка-попадья. — А по моему, все-жь хоть однимъ кровопійцей меньше...

— Не осуждай, говорю!.. Грѣхъ осуждать такъ!.. — Звѣри, звѣри, — не люди!.. Они не только его, старика, убили, — они замучили и дѣтей, чистыхъ, непорочныхъ младенцевъ!.. Сынокъ у пана Джевецкаго былъ, — мальчикъ лѣтъ 9... Такъ, вѣдь, они его...

О. Илья вдругъ умолкъ и высунулъ изъ окна голову.

— Что ты?

— Да тамъ никакъ плачетъ кто-то, въ бесѣдкѣ...

— Ну, полно, кому тамъ быть! Видно послышалось...

Но, нѣтъ, о. Ильѣ не послышалось... Закрывъ руками лице, Стась горько плакалъ, и слезы ручьемъ текли сквозь его пальцы;

грудь такъ и вздрагивала отъ рыданій... — Боже мой... панъ Джевецкій — убитъ!.. — Онъ рѣдко когда бывалъ у нихъ въ домѣ, — и Стась не любилъ его, даже боялся просто... Злое лице, съ громадными щетинистыми усами; глаза, налитые кровью... Но сынъ его, Ми́хась, частенько бывалъ у нихъ съ гувернеромъ, и Стась горячо любилъ тихаго, блѣднолицаго, кроткаго мальчика... Они убѣгали съ нимъ въ лѣсъ, потихоньку отъ гувернера, — и тамъ Ми́хась ему говорилъ, ка́къ трудно ему, тяжело живется!.. Отецъ не любитъ его (да онъ и не былъ его роднымъ отцомъ — отчимомъ) и часто бьетъ и сѣчетъ... И Ми́хась плакалъ и показывалъ Стасю синебагровыя полосы и рубцы на своихъ худенькихъ, тонкихъ рученкахъ... Одна только мать горячо любила его... А онъ... онъ жизнь за нее-бы отдалъ!.. И сколько разъ Ми́хась разсказывалъ съ увлеченіемъ (лицо его разгоралось, глаза блестѣли) — какъ выростетъ онъ большой и потихоньку уйдутъ съ матерью отъ Джевецкаго... Какъ онъ достанетъ откуда-нибудь много такъ, много денегъ, и купитъ для матери домъ большой, съ садомъ и цѣлую кучу дорогихъ платьевъ!.. — И вотъ этотъ Ми́хась — убитъ... замученъ... За что? кѣмъ?.. — Какими-то гайдамаками... — Гости, бывавшіе у пана Маевскаго, все говорили и говорили о гайдамакахъ, — и Стась, разумѣется, тоже слыхалъ кое-что... Не разъ онъ обращался къ отцу, съ распросами, но тотъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ это тебѣ знать, Стасикъ? — Лучше поди, поиграй... Книжку возьми съ картинками... Хочешь, я дамъ тебѣ?.. — А гайдамаки, мой милый... Дай Богъ, чтобы, когда ты выростешь, даже и слово-то это забыли!.. Иди, Стасикъ!» — И Стась уходилъ грустный, задумчивый, отказавшись и отъ книжки съ картинками... Разъ обратился онъ съ этимъ вопросомъ къ старику-ксендзу — но тотъ такъ строго, сурово взглянулъ на него, что Стась замолчалъ и только понурилъ голову... — Такъ ничего и не узналъ онъ объ этихъ таинственныхъ гайдамакахъ... И они

представлялись ему чудовищами какими-то, чѣмъ-то вродѣ драконовъ, о которыхъ читалъ онъ въ одной изъ своихъ книжекъ съ картинками. Они пьютъ человѣческую кровь, и изъ ихъ пастей пышетъ пламя и вылетаетъ клубами дымъ... Но только, вѣдь, это выдумки однѣ, сказки, какъ говорилъ отецъ: драконовъ нѣтъ и никогда не было...—И Стась рыдалъ, горько рыдалъ...—Но вотъ на плечо его вдругъ опустилась чья-то рука.

Онъ поднялъ мокрое отъ слезъ лицо. Передъ нимъ стоялъ старый священникъ, о. Илья.

— Дитя мое, что ты, Господь съ тобой? заботливо говорилъ онъ. — О чемъ ты плачешь?... Ты здѣсь давно?... Я не видалъ, какъ пришелъ ты... Зачѣмъ ты не зашель ко мнѣ въ хату?

— Полно-же, успокойся, Стасинька!... Ты о чемъ? Тебя кто обидѣлъ?...

Но Стась только всхлипывалъ.

— Ну, полно-же, полно, милый!... Пойдемъ со мной!... Тамъ пирожки у насъ есть со сливами... Помнишь, какъ-то разъ ку-

шалъ ихъ, и хвалилъ все? Пойдемъ! — И онъ взялъ мальчика за руку и потихоньку повелъ его къ дому. Тотъ не противился.

— Стасинька! Боже мой!... встрѣтила его на порогѣ низенькая, худая старушка, попадья Анна Петровна. — Такъ это ты тамъ плакалъ въ бесѣдкѣ?... О чемъ, голубчикъ ты мой? о чемъ?...

И мальчика усадили за столъ; поставили передъ нимъ цѣлое блюдо горячихъ, только что вынутыхъ изъ печи, пирожковъ со сливами... Но Стась оттолкнулъ его... Пришелъ и Коля, румяный, толстенькій мальчикъ, и съ удивленіемъ вытаращилъ глаза на Стася. Пришла Варя...

— Полно, мой милый, Христосъ съ тобой!... На-ка, вотъ, выпей лучше водицы холодненькой... Легче будетъ!... Вишь, и головка какъ разгорѣлась!... — И о. Илья совалъ мальчику кружку съ водой. Но тотъ оттолкнулъ и ее.

Но вотъ Стась поднялъ голову. Слёзы ручьемъ текли у него по щекамъ...

— Дѣдушка!... говорилъ онъ, и голосъ его дрожалъ, захлебывался отъ рыданій. — Скажи мнѣ... скажи: зачѣмъ они убили Михáся?...

— А, такъ вотъ оно что!... пробормоталъ священникъ, и лицо у него омрачилось. —Такъ ты все слышалъ, тамъ... Да?...— И я-то, старый дуракъ... Да развѣ я зналъ, что онъ тамъ, въ бесѣдкѣ!...

— За что-же... за что они убили его?... рыдалъ Стась. — Чтó сдѣлалъ онъ имъ худого? И кто убилъ?... Они... гайдамаки?

— Да... прошепталъ священникъ.

— Но кто-жь они, дѣдушка?... Кто они?... Я спрашивалъ и у папы, и у о. Бенедикта... Они не хотѣли ничего отвѣчать... Ты говорилъ, вонъ, — я слышалъ давече, — это не люди, звѣри какіе-то...

— Видишь-ли, милый мой... робко какъ-то заговорилъ священникъ. — Они разбойники, злые люди...

— Да... Но зачѣмъ-же имъ позволяютъ мучить и убивать дѣтей? .. Зачѣмъ имъ позволили убить Михася?... Онъ былъ такой славный, хорошій мальчикъ... Онъ такъ любилъ свою маму... Ну, панъ Джевецкій,—тотъ злой; тотъ самъ билъ Михася.—Я пана Джевецкаго самъ-бы убилъ... Да!..—И Стась вдругъ крѣпко сжалъ кулачонки. — А, вотъ, Михася за что?...

Старикъ молчалъ, грустно понуривъ голову.

— Еслибъ я былъ большой, съ жаромъ говорилъ Стась,— развѣ-бы я позволилъ мучить и убивать дѣтей?... Развѣ позволилъ-бы... развѣ позволилъ я этимъ разбойникамъ... гайдамакамъ...—Такъ вотъ они кто: они злые люди, и убиваютъ бѣдныхъ и слабыхъ дѣтей!... Чего-же мой папа смотритъ?... Вѣдь у него есть сабля, — и не одна, много сабель, — есть пистолеты... Зачѣмъ-же онъ не возьметъ ихъ и не прогонитъ отсюда этихъ разбойниковъ?... Ну, а панъ Залѣскій, мой крестный отецъ?... Панъ Заремба?... Вѣдь и у нихъ есть сабли, ружья и пистолеты... Зачѣмъ-же, дѣдушка? а?. . Зачѣмъ?...

Но о. Илья только вздохнулъ.

— Вотъ видишь, дитя мое... началъ онъ. Но Стась перебилъ его.

— Господи, что-жъ это... что-жъ такое!... съ отчаяньемъ говорилъ онъ. — Зачѣмъ я не сильный и не большой, а такой маленькій, слабый!... Я взялъ-бы саблю, ружье... сѣлъ на коня... Я-бы...—Но тутъ онъ опять закрылъ руками лицо и зарыдалъ, зарыдалъ...

VII.

Въ домѣ пана Грабовскаго было много большихъ, свѣтлыхъ комнатъ, но едва-ли не самой большой изъ нихъ былъ его кабинетъ. Огромный письменный столъ стоялъ въ широкомъ про-

стѣнкѣ, между двухъ оконъ... Изъ нихъ открывался видъ на озерко, съ носящимися надъ нимъ чайками, и ихъ рѣзкій, пронзительный крикъ весь день оглашалъ его берега, заросшіе высокимъ, густымъ камышомъ... За озеркомъ бѣлѣли хатки маленькой деревушки; виднѣлся господскій домъ, съ громаднымъ фруктовымъ садомъ; а тамъ, дальше, изъ-за деревьевъ, ярко сверкалъ на солнцѣ крестъ каменнаго костела...

Вдоль стѣнъ кабинета тянулись шкафы, биткомъ набитые книгами; на полкахъ и полочкахъ, тамъ и сямъ, виднѣлись физическіе приборы и инструменты; банки съ образцами хлѣбныхъ сѣмянъ. Съ полдюжины ружей и пистолетовъ развѣшаны были на одной изъ стѣнъ, на коврѣ, какъ разъ надъ кроватью. Каминъ (о нихъ въ тѣ времена въ Польшѣ и не слыхали почти) занималъ не малую часть кабинета. Порой, въ долгіе зимніе вечера, панъ Болеславъ любилъ сидѣть передъ нимъ, съ книгой въ рукѣ, протянувъ ноги на массивную бронзированную рѣшетку, за которой ярко пылалъ цѣлый костеръ дровъ...—На улицѣ холодно; вѣтеръ, морозъ трещитъ; иней покрылъ стекла оконъ, и ярко сверкаетъ, переливается радужными цвѣтами... А здѣсь, въ кабинетѣ, свѣтло такъ, тепло и уютно!.. Сидитъ панъ Болеславъ, склонясь надъ огнемъ, весь погруженный въ чтеніе... И это, навѣрно, что нибудь по исторіи (одна изъ самыхъ любимыхъ его наукъ), или сухой и скучный, но для него интересный, трактатъ по сельско-хозяйственной части, по агрономіи.

Болеславъ почти не спалъ эту ночь. Душно было какъ-то въ его кабинетѣ, не смотря на раскрытыя настежь окна, — и онъ все ворочался съ боку на бокъ и не могъ сомкнуть глазъ. Онъ всталъ еще до восхода солнца, зарядилъ ружье и, кликнувъ свою лягавую собаку, Медора, — отправился съ ней бродить въ камышахъ. И долго бродилъ онъ, да такъ и вернулся ни съ чѣмъ: ему не попалось нигдѣ ни одной утки. — И вотъ онъ сидѣлъ у письменнаго стола и читалъ только что полученное письмо изъ

Парижа. Тутъ-же предъ нимъ стоялъ поднос съ завтракомъ: яйца въ смятку, сыръ, кусокъ холодной дичины и бутылка съ легкимъ французскимъ виномъ. Вдругъ онъ обернулся. Тамъ, за стѣной, послышались чьи-то шаги, дѣтскіе, торопливые, — и въ кабинетъ вбѣжалъ Стась. Онъ запыхался страшно, усталъ; по его раскраснѣвшемуся лицу текли крупныя капли пота...—Грабовскій вскочилъ; сердце у него забилось...

— Стасикъ!.. Откуда ты?.. Что случилось?.. испуганно вскричалъ онъ. — Ты плакалъ?.. — Да, плакалъ... Глаза у тебя мокры отъ слезъ... Голубчикъ мой, что съ тобой?.. — Онъ схватилъ на руки мальчика и усадилъ его къ себѣ на колѣни. Тотъ крѣпко обнялъ его руками за шею, прижался къ нему...

— Обидѣлъ тебя кто нибудь? А?.. Стасикъ! Скажи-же!..— И онъ гладилъ его темнорусые влажные волосы. — Ну, посмотри на меня, подними головку!..

— Они всѣ гадкіе... гадкіе, дядя Болесь! вдругъ вскричалъ мальчикъ дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ и поднялъ на Болеслава сверкающіе глаза, еще не высохшіе отъ слезъ. — Я не люблю ихъ!.. И папу я не люблю, и пана Проскуру и Головинскаго, и Зарембу... Я никого не люблю ихъ...

— Господь съ тобой!.. Что́ говоришь ты!..

— Я только тебя люблю, дядя Бо́лесь!.. Да, крѣпко, крѣпко люблю!.. — И онъ опять обнялъ его; прижался щекою къ его щекѣ. — Ты милый, добрый, хорошій!.. А они трусы, дядя... боятся!.. У нихъ есть сабли, ружья и пистолеты... Зачѣмъ-же... А ты, вѣдь, не трусъ, дядя?.. Нѣтъ?.. Ты не позволишь имъ убивать дѣтей?.. Они Миха́ся убили, зарѣзали!.. безсвязно бормоталъ Стась, и вдругъ горько заплакалъ.

Грабовскій былъ изумленъ и не на шутку испуганъ...—«Ужь не горячка-ли это?.. Не бредъ-ли»?.. мелькнула у него мысль.— Онъ приложилъ руку къ головѣ мальчика. Она пылала.

— Милый мой, что съ тобой? говорилъ онъ. Головка болитъ у тебя?.. Ты боленъ?..

— Да нѣтъ-же, здоровъ я!.. Ты развѣ не понимаешь?..

— Ни капли!..

— Такъ слушай-же, дядя Бо́лесь... — И Стась разсказалъ Болеславу, что́ слышалъ онъ отъ старика священника. Тотъ молча слушалъ его. Лицо его было хмуро.

— А, такъ ты вотъ о чемъ! — грустно говорилъ онъ. — Теперь я все понимаю... Набѣгъ опять новый... на пана Джевецкаго... Близко... Да, чаша все наполняется и наполняется!..

— Миха́ся убили они, говоришь ты? И тебѣ жаль? Ты очень любилъ его?

— О, — очень!.. — И Стась опять залился слезами.

— И я его зналъ, Стась. Онъ былъ славный, хорошій мальчикъ, такой-же, какъ ты... Только... — Но полно, не плачь, мой милый!.. Слезами, вѣдь, не поможешь!.. Ты хочешь знать, кто́ эти разбойники-гайдамаки?..

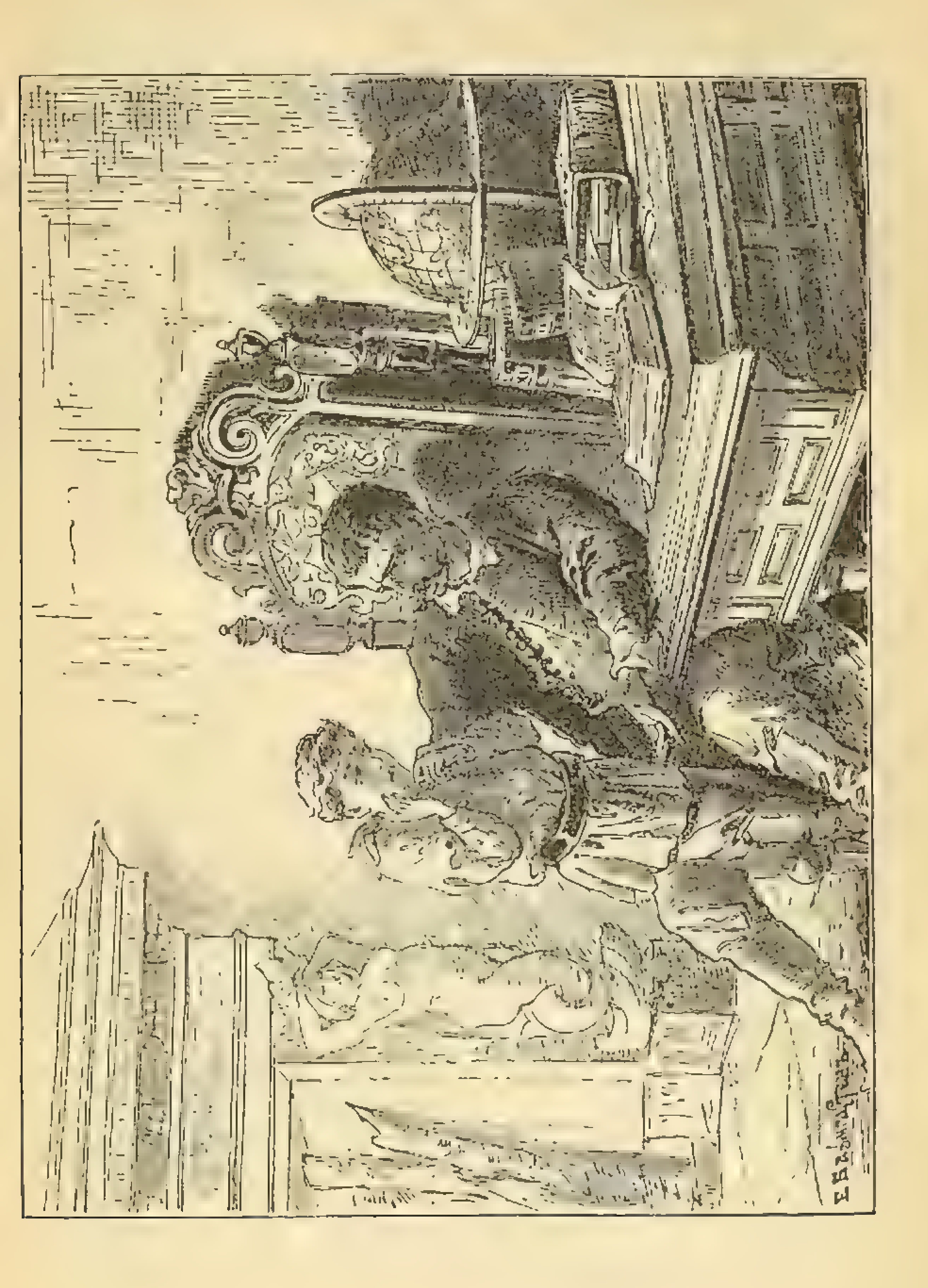
— Да... — мальчикъ поднялъ глаза.

— Ну, такъ послушай-же, что́ я скажу тебѣ... Ты, вѣдь, поймешь меня: ты умный мальчикъ... Слушай! — Давно это было, очень давно, ни ты еще не родился, ни папа твой... Дѣдушки даже не было... Въ Польской Украйнѣ, какъ и теперь, жили поляки и малороссы... Ты знаешь, что малороссы другой вѣры, чѣмъ мы?..

— Да, знаю. О. Бенедиктъ мнѣ разсказывалъ.

— Гм... да... Такъ вотъ... Господь заповѣдалъ намъ всѣмъ любить своихъ ближнихъ, какой бы вѣры они не держались... Вѣдь всѣ они молятся одному Богу и славятъ Его, только каждый по своему... Онъ заповѣдалъ любить не только христіанъ, но и язычниковъ... любить всѣхъ, кто носитъ на себѣ образъ и подобіе человѣка... Ты понимаешь?..

— Да, дядя...

— Ну, а въ тѣ времена (давно это было!) не понимали этого... Мало еще тогда учились поляки, и были грубы, не развиты... Имъ казалось, что только ихъ вѣра одна и правая на землѣ, — а всѣ другія достойны только презрѣнія... Всѣхъ иновѣрцевъ ненавидѣли, презирали... Они забыли, что самъ Господь Іисусъ Христосъ и ѣлъ и пилъ съ мытарями и грѣшниками, и разсказывалъ евреямъ притчу о сострадательномъ самарянинѣ. Ты, вѣдь, знаешь ее изъ священной исторіи?

— Да.

— И вотъ поляки тѣснили и обижали своихъ иновѣрцевъ, хлоповъ... Они не считали ихъ даже людьми, а просто рабочимъ скотомъ, и думали, что католикъ только одинъ и можетъ быть человѣкомъ... (Неразвиты были, грубы, темны, говорилъ я). Чтобъ больше еще угодить Богу, они старались обращать въ католицизмъ малороссовъ, а когда тѣ противились, — они прибѣгали къ силѣ...

. . . .

. . . .

Стась молча слушалъ Грабовскаго и то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Слезы высохли у него на глазахъ, и въ нихъ то виднѣлась печаль, грусть, задумчивость, то, порой, они вдругъ загорались.

— О, нѣтъ, дядя, нѣтъ!.. вскричалъ онъ. — Но что́-жь дѣлать?.. Мы...

— Что дѣлать? — Ты говорилъ, что и папа твой и Заремба, и Головинскій—всѣ трусы, боятся...—Нѣтъ, не боятся они, Стась: они не могутъ собраться съ силами!.. Эти разбойники очень хитры, осторожны... Они налетаютъ, какъ саранча, оттуда, откуда ихъ вовсе не ожидали... Но ты не тревожься и не горюй, мальчикъ!.. Мы принимаемъ мѣры: сбираемъ народъ, вооружаемъ его; строимъ и укрѣпляемъ за́мки... Никто, какъ Богъ, — Онъ сохранитъ и спасетъ насъ... Мы отразимъ силу силой, прогонимъ

и усмиримъ разбойниковъ... И ужь не будутъ больше они рѣзать дѣтей, стариковъ и женщинъ...

— Amen!.. какъ на молитвѣ набожно прошепталъ Стась.

— Да, amen!.. — И панъ Болеславъ умолкъ. — «Мы отразимъ силу силой, прогонимъ и усмиримъ разбойниковъ»... мелькнуло у него въ головѣ. — «Полно, — это слова только!.. А дѣло... будетъ-ли?.. Это, вѣдь, такъ, чтобъ успокоить и утѣшить ребенка»...

Но вотъ онъ провелъ рукой по лбу, тряхнулъ головой.

— Да, ты не бойся, Стась, говорилъ онъ. — Все будетъ опять хорошо и спокойно... Только не забывай, что́ говорилъ я: зло порождаетъ зло... Не забывай, что истина, справедливость и любовь къ ближнему — вотъ что́ намъ надо и чѣмъ мы должны жить, и свѣтъ, свѣтъ и свѣтъ, — ученье!.. Когда ты будешь большой, — все измѣнится... Дѣти будутъ краснѣть за дѣла отцовъ, стыдиться ихъ слѣпоты и невѣжества, и тогда...

Грабовскій опять умолкъ и вдругъ круто измѣнилъ разговоръ.

— А знаешь, Стась, весело заговорилъ онъ, — я покажу тебѣ кое что. Тебѣ, навѣрно, понравится. Посмотри-ка! — Онъ выдвинулъ ящикъ стола и досталъ оттуда пачку журналовъ.

— Я это на той недѣлѣ еще получилъ изъ Лондона. Тутъ все разсказы о разныхъ животныхъ, о птицахъ, о насѣкомыхъ... Ты это любишь, — я знаю... Смотри-ка, сколько картинокъ, — и что за картинки, — прелесть! Какъ чудно онѣ раскрашены!.. Вотъ это... Ты знаешь, кто?

— Да, знаю, — слонъ.

— А ты слыхалъ, читалъ о слонѣ? Хочешь, я разскажу тебѣ кое что? — И онъ, не дожидаясь согласія, сталъ говорить о характерѣ, нравѣ, привычкахъ слона; объ его умѣ и замѣчательномъ добродушіи. Грабовскій разсказывалъ мастерски, и Стась съ удовольствіемъ его слушалъ. И вотъ лицо мальчика стало проясниваться, и на губахъ его показалась улыбка.

— Давно-бы мнѣ догадаться... Вотъ такъ-то... думалъ Грабовскій. — А то я... Эхъ!.. — Возьми-ка, Стась, эти картинки да разсмотри ихъ... — И онъ бросилъ ему на столъ цѣлую кипу гравюръ, великолѣпно раскрашенныхъ. — Ихъ стоитъ пересмотрѣть... Тутъ насѣкомыя: бабочки, мухи, жуки, — точно живыя, и только не шевелятся, не ползаютъ!... Ты здѣсь, навѣрно, узнаешь многихъ...

И Стась смотрѣлъ этихъ бабочекъ, мухъ, откладывая одинъ за другимъ рисунки. Но вотъ онъ остановился.

— Тутъ пчелы, дядя, говорилъ онъ. — Какъ славно онѣ нарисованы!.. Да, какъ живыя!..—А, знаешь, какой чудный медъ я ѣлъ вчера у стараго Павлюка́?..

— У Павлюка́?.. У какого?..

— Да у того, что живетъ въ хуторкѣ, за лѣсомъ...

Панъ Болеславъ вдругъ поблѣднѣлъ.

— И ты... ты знаешь его?.. Давно?.. пробормоталъ онъ.

— Давно, дядя, еще съ весны... Ты послушай... — И онъ разсказалъ Грабовскому, какъ познакомился съ Павлюкомъ. Онъ былъ въ лѣсу съ Охримкой и Василёмъ, — но тѣ отстали, и онъ очутился одинъ. — Вдругъ слышитъ лай тамъ гдѣ-то, между деревьями. (Онъ не боялся собакъ,—онѣ его всѣ знали въ Маювкѣ). И вотъ, вдругъ, собака... «большая, большая, дядя, какъ твой Медоръ, чужая совсѣмъ, незнакомая». Она бросается на меня, валитъ съ ногъ и впивается въ руку зубами...

— О, какъ-же я, дядя, перепугался!.. заплакалъ и закричалъ... говорилъ Стась. — Вдругъ, вижу: старикъ выходитъ изъ-за деревьевъ... Я испугался еще больше... Вѣдь это тотъ страшный дѣдъ, о которомъ мнѣ разсказывали ребята... Они говорили, что онъ давно ужь проклятъ людьми и Богомъ и продалъ душу нечистому... Что, будто, онъ пьетъ кровь у дѣтей, живыми съѣдаетъ ихъ... У насъ въ Маювкѣ боятся его, пуще огня, и взрослые и ребята... Но только все это ложь, дядя, все ложь!...

горячо говорилъ Стась. — Павлюкъ совсѣмъ не такой: онъ ласковый, добрый, хорошій!...

— Ну, дальше!.. Что-жь дальше?..

— Онъ отогналъ собаку и подошелъ ко мнѣ... Ахъ, дядя, какой онъ мнѣ показался страшный!.. Такой высокій, высокій, худой, какъ палка... На головѣ только одинъ чубъ виситъ, а тамъ она — совсѣмъ лысая... Брови, точно щетина; глаза ввалились, — и, вотъ, такіе усы!.. (И Стась отмѣрилъ чуть не аршинъ). — «Ты кто, мальчикъ? Откуда? говоритъ онъ, — и какъ ты сюда попалъ?» — Молчу я, слова сказать не могу, точно у меня застряло что въ горлѣ... А онъ глядитъ на меня совсѣмъ не строго, не грозно... И я разсказалъ ему, ка́къ попалъ въ лѣсъ. — «А, такъ ты сынъ того... пана Маевскаго? — Знаю я твоего отца: онъ добрый, хорошій панъ. Пойдемъ, мальчикъ!» — Онъ взялъ меня за руку и повелъ. Пришли мы въ хату... Такая маленькая и низкая: онъ головой чуть не касается потолка... «А покажи-ка мнѣ руку, мальчикъ! говоритъ онъ. — Что, больно она покусала?» — Я показалъ. Старикъ приложилъ къ ранкѣ травы какой-то и завязалъ тряпкой. Потомъ на лавку меня посадилъ, по головѣ погладилъ... «Да, знаю я, говоритъ, пана Маевскаго; и молодого Грабовскаго тоже знаю»...

— Какъ? удивился панъ Болеславъ. — Онъ и меня знаетъ? Онъ такъ и сказалъ?

— Да... «Вотъ если-бы, говоритъ, всѣ были такіе, какъ эти!».. — Меду принесъ мнѣ, лепешекъ... «На, говоритъ, поѣшь!.. Ну, а теперь и ступай съ Богомъ, да только не сказывай никому, что у меня былъ... Меня, вѣдь, всѣ тамъ у васъ считаютъ за звѣря лютаго, людоѣда... Да, правда, я много людей съѣлъ на своемъ вѣку, — но только дурныхъ, злыхъ людей, — а хорошихъ я никогда не трогалъ»... — Я разсмѣялся. — Ну, это ты врешь, дѣдушка, говорю. — Людей ты не ѣлъ... Неправда!..

Грабовскій всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Гм... Странно... странно!.. бормоталъ онъ. — Положимъ, что и они люди, — не все человѣческое угасло въ нихъ... Но этотъ... — И ты у него бывалъ? Часто?..

— Да, разъ пять-шесть былъ... Вотъ и вчера тоже... Медомъ кормилъ меня... «Ѣшь, говоритъ, мальчикъ, ѣшь, пока еще я здѣсь, — а то и меду не будетъ, и пчелы всѣ разлетятся»...— А ты развѣ куда уѣзжаешь, дѣдушка? — «Да, говоритъ, уѣзжаю... Я ужь съ десятокъ лѣтъ здѣсь живу, копчу потолокъ да стѣны; съ пчелишками все вожусь... Да, вотъ, и моя подошла пора... Ѣду»!.. — Куда? — «А этого тебѣ знать не надо... Ты только послушай, мальчикъ... Ты будь такой-же, какъ твой отецъ, — не обижай, не притѣсняй никого... (И опять меня по головѣ погладилъ). И будь спокоенъ: ни я, ни другіе, — никто и пальцемъ васъ не задѣнетъ»!..

— Аа!.. протянулъ Грабовскій и опять заходилъ по комнатѣ. На лбу его появилась складка; брови были нахмурены. Онъ думалъ о чемъ-то, серьезно думалъ...

— А знаешь что, мой голубчикъ, заговорилъ онъ вдругъ, останавливаясь передъ Стасемъ... Пойдемъ-ка мы съ тобой къ этому Павлюку?.. А?..

— Пойдемъ, дядя Бо́лесь, пойдемъ!.. Сейчасъ?..

— Да, сейчасъ.

Грабовскій взялъ шляпу, трость и они вышли на улицу.

Про стараго Павлю́ка ходили страшные слухи. Много чего говорили о немъ въ Маювкѣ, но говорили часто совсѣмъ ужь несообразное. То онъ отрекся отъ Бога и Его святыхъ заповѣдей, и продалъ чорту свою многогрѣшную душу; и чортъ помогаетъ ему изводить людъ христіанскій, напускать на него болѣзни, портить его... То, — онъ ужь такой страшный грѣшникъ, что даже земля его не беретъ, и смерть не хочетъ къ нему приступиться... Другіе прямо считали его «вовкулакомъ», сосущимъ

кровь изъ невинныхъ младенцевъ... — Былъ, правда, въ Маювкѣ одинъ человѣкъ, который-бы могъ разсказать кое что про стараго Павлюка. Но дядя Матвѣй, лѣтъ двадцать лежалъ ужь разбитый параличемъ, не говорилъ ни слова, и только мычалъ... Онъ разсказалъ-бы, что очень, очень давно, когда онъ мальчишкой еще бѣгалъ по улицамъ, — Павлюкъ былъ рослымъ, здоровымъ, красивымъ паробкомъ и жилъ тамъ-же на хуторѣ, что и теперь. Но только онъ тогда жилъ не одинъ. Была у него жинка, Дома́ся, красавица, чернобровая, съ длинною темнорусой косой; былъ маленькій сынъ Ивась. И ка́къ-же любилъ Домасю Павлюкъ, какъ онъ лелѣялъ, берегъ ее! Ка́къ онъ любилъ сынишку!.. И жили они хорошо, словно сыръ въ маслѣ катались. Павлюкъ былъ лихой, ретивый работникъ. Работа кипѣла въ его рукахъ! Онъ много сѣялъ и собиралъ хлѣба; зеленыхъ арбузовъ и дынь... Въ его небольшомъ, но густомъ садикѣ много росло яблонь, вишень и сливъ... И церковь Божію не забывалъ Павлюкъ: ходилъ туда каждое воскресенье, хоть церковь и отстояла отъ его хутора верстъ на пятнадцать... — Но, вотъ, разъ какъ то, вернувшись подъ утро домой, Павлюкъ нашелъ свою хату разграбленной, а жену и сына—убитыми. И это сдѣлали *ляхи!*.. Что́ сталось потомъ съ Павлюкомъ, — никто не зналъ. Но въ тотъ-же день онъ исчезъ неизвѣстно куда изъ хутора. И больше объ немъ никто ничего не слыхалъ.

Прошло лѣтъ двадцать... Хата стояла пустой и наглухо заколоченной. Никто и носу не смѣлъ показать въ тѣхъ мѣстахъ: тамъ, говорятъ, появлялся духъ бѣдной Домаси... Но вотъ чуть не по всей Польской Украйнѣ пронеслись слухи о какой-то шайкѣ страшныхъ разбойниковъ. Они нападали на усадьбы пановъ-помѣщиковъ, грабили ихъ, жгли, а владѣльцевъ звѣрски мучили и убивали, не щадя ни пола, ни возраста. И во главѣ этой шайки стоялъ, говорятъ, какой-то высокій, черноволосый мужчина, съ глубокимъ шрамомъ на правой щекѣ. Такой-же шрамъ видали и

у Павлюка. Не онъ-ли ужь это мстилъ за смерть своей жинки и сына?—Но, впрочемъ, этому мало вѣрили.—Помѣщиковъ охватилъ ужасъ. Они набирали вооруженныхъ людей и посылали ихъ въ поиски за разбойниками; обѣщали огромныя деньги тому, кто доставитъ ихъ атамана, живого, иль мертваго. Но все было напрасно... Разбойники ускользали, точно ужи, а ихъ атамана, какъ говорятъ, ни пулей нельзя было взять, ни саблей...

Разъ какъ-то ночью Максимъ — коваль возвращался домой изъ шинка, и весело распѣвалъ пѣсни. Дорога его шла какъ разъ близъ хутора Павлюка... Вдругъ видитъ онъ въ хатѣ огонь... Максимъ не былъ трусомъ. Онъ прочиталъ: «да воскреснетъ Богъ», отплюнулся, отчурался,—но огонь все такъ-же мелькалъ между деревьями. Коваль добрался до хаты, глянулъ: доски разобраны, дверь открыта, и въ окнѣ горитъ огонекъ. Онъ заглянулъ туда...

— Ну, вотъ побей меня Богъ на семъ самомъ мѣстѣ, коль это не былъ Павлюкъ!.. разсказывалъ онъ. — Но только теперь худой — прехудой онъ, какъ щепка... И шрамъ на правой щекѣ...

Павлюкъ вернулся. Но никто не узналъ-бы его, еслибы не этотъ шрамъ. Старикъ глядѣлъ истымъ волкомъ, и знать никого не хотѣлъ. Забрелъ-было въ хату къ нему Андрей-столяръ, когда-то его хорошій знакомый, но Павлюкъ та́къ принялъ его, что тотъ едва уволокъ ноги. И Павлюка стали всѣ избѣгать и бояться. Пошли про него по Маювкѣ слухи, одинъ другого страшнѣй и нелѣпѣй. Но вотъ появились и гайдамаки... И старый Павлюкъ опять исчезъ. Онъ, говорятъ, разбойничалъ въ шайкахъ извѣстныхъ Чуприны и Чортовуса, и былъ тамъ всѣхъ злѣе и кровожаднѣе... Прошло еще года два,—и Павлюкъ снова вернулся. Онъ поселился опять въ своей хатѣ, развелъ пчелъ,—и живетъ, не показываясь никому, какъ медвѣдь въ берлогѣ... И его всѣ боятся, всѣ избѣгаютъ... Ребятамъ онъ страшенъ,

пуще огня, а старики крестятся и плюютъ, проходя за версту отъ его хаты...

И вотъ панъ Грабовскій и Стась шли теперь къ этому страшному старику. Вонъ тамъ, на концѣ лѣса, хатка бѣлѣетъ. «Онъ» въ ней живетъ... Передъ хаткою палисадничекъ; въ немъ конопля; съ десятокъ крупныхъ подсолнечниковъ...

— Ты меня подожди здѣсь, говорилъ Грабовскій. — Мнѣ надо поговорить съ нимъ... Я скоро вернусь...

Стась въ изумленіи остановился... Болеславъ отворилъ дверь и вошелъ въ хату.

Она была очень стара и ветха; стѣны покривились, покосились; глиняный полъ потрескался... Столъ у стѣны, скамья; кровать изъ дубовыхъ досокъ, грубо сколоченная, — и болѣе въ хатѣ ничего не было. Въ печкѣ горѣлъ огонекъ, и на немъ что-то шипѣло на сковородкѣ... Высокій, худой старикъ, съ сѣдыми усами, повернулъ голову и въ величайшемъ изумленіи уставился на Грабовскаго.

— Ты кто такой?.. Чего надо?.. сурово зарычалъ онъ и, съ гнѣвнымъ жестомъ, шагнулъ впередъ. Но Болеславъ недвижно стоялъ на порогѣ.

— Я Болеславъ Грабовскій, говорилъ онъ. — И ты меня знаешь, Павлюкъ...

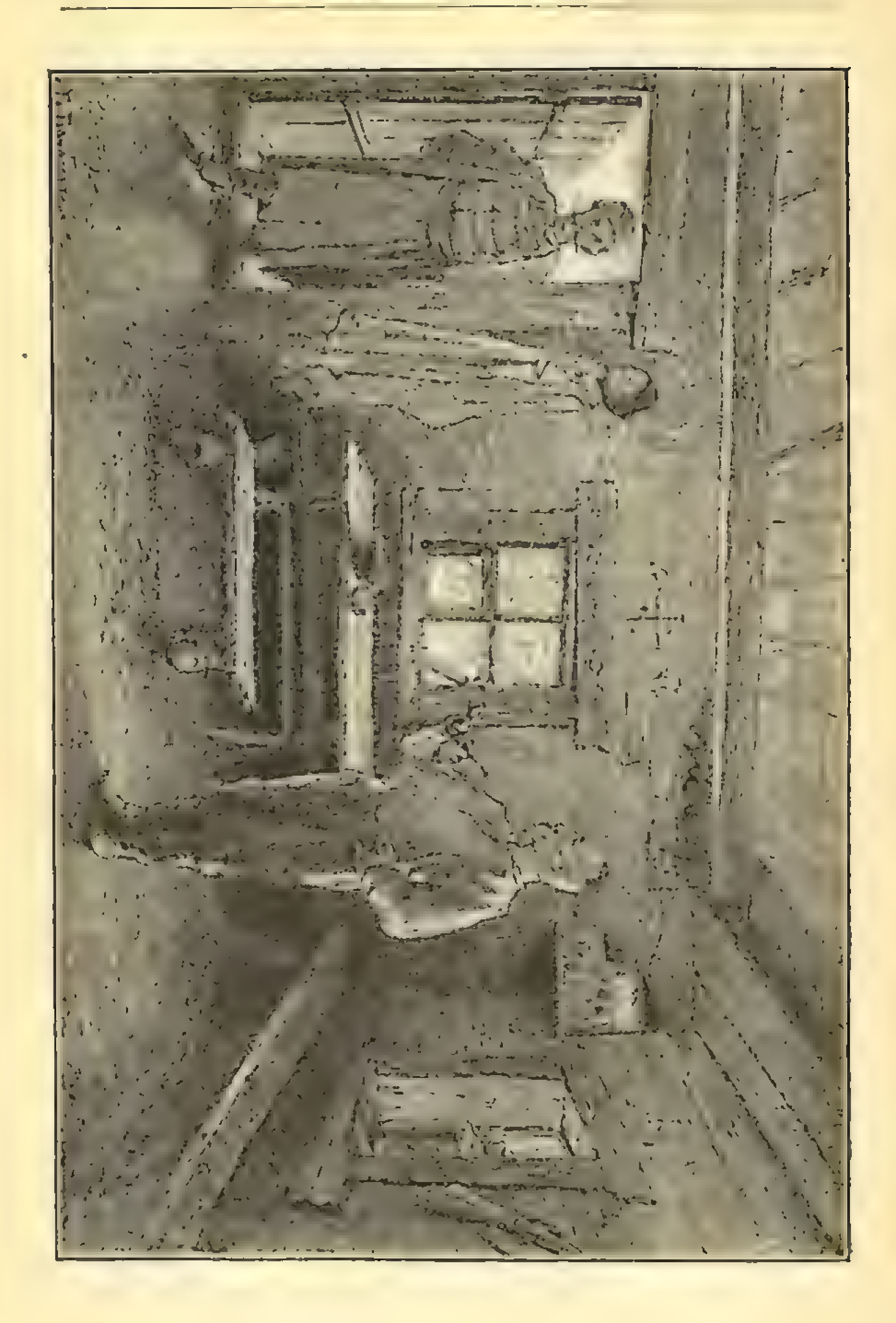
— Аа!.. — Павлюкъ отступилъ. Морщины на его лбу разгладились, и даже что-то вродѣ улыбки мелькнуло вдругъ у него на губахъ.

— Но что-жь отъ меня нужно пану? спросилъ онъ чисто по польски.

— Мнѣ захотѣлось взглянуть на тебя, Павлюкъ...

— Взглянуть?.. Да что-жь, я звѣрь какой, что-ли, чудо заморское?..

— О, нѣтъ, нѣтъ... Не сердись!.. Вотъ видишь, я много слышалъ про тебя дурного... Да какое дурное, — страшнаго...

Ты, говорятъ, такой великій злодѣй, какого еще и земля не носила... Ну, вотъ, мнѣ и вздумалось самому взглянуть на тебя: точно-ли ты такъ страшенъ...

— Гм... Панъ, надо быть, не изъ робкихъ, пробормоталъ Павлюкъ.

— Да что-жь мнѣ бояться, что-ли, тебя? Зачѣмъ? — Вѣдь ты не убьешь-же меня, надѣюсь, не съѣшь живьемъ... Пользы тебѣ отъ того никакой не будетъ...

— Однако, дай-ка присѣсть, — усталъ! — И Грабовскій опустился на лавку. Старикъ покосился на него только, но ничего не сказалъ.

— Ну, вотъ, и вижу я, продолжалъ Грабовскій, — что ты такой-же, какъ всѣ, и съ виду совсѣмъ не страшенъ... А Стась, вонъ (онъ, кажется, твой другъ и пріятель?) — такъ тотъ говоритъ, что ты и вовсе даже не злой, а добрый, хорошій... Что, не совралъ онъ, Павлюкъ? Нѣтъ?..

Павлюкъ, молча и съ изумленіемъ, глядѣлъ на Грабовскаго. Онъ никогда еще не слыхалъ такихъ рѣчей ни отъ одного пана. И ничего злого не было въ его смугломъ и страшно худомъ лицѣ; въ немъ было только одно изумленіе. Онъ покрутилъ усъ и слегка улыбнулся.

— Нѣтъ, пане, мальчикъ совралъ! говорилъ онъ. — Не вѣрь ему!.. — Точно, было когда-то, и я не былъ золъ... Но это, вѣдь, такъ давно, давно, пане, — я даже и думать совсѣмъ забылъ... Да!..

Онъ помолчалъ немного и опять покрутилъ усъ.

— А знаешь, пане Грабовскій, продолжалъ онъ. — Не будь ты только полякъ, — вѣдь мы бы съ тобой поладили... Вѣрно!.. Ты добрый, хорошій панъ; ты не сосешь кровь изъ своихъ хлоповъ и не дерешь съ нихъ послѣдней шкуры, какъ тѣ, другіе... Ну, и ты правду сказалъ, что я тебя знаю... Точно, я много слыхалъ о тебѣ хорошаго: тебя всѣ хвалятъ... Потомъ, я ви-

жу, — ты не изъ робкихъ, не трусъ... Ко мнѣ-бы никто не смѣлъ сюда показать носу; никто-бы не смѣлъ говорить, какъ ты...

— Чего-жь мнѣ бояться?

— Чего? — И старикъ пристально взглянулъ на Грабовскаго. — Да не ты-ли сейчасъ самъ сказалъ, что меня считаютъ великимъ злодѣемъ, грѣшникомъ, какого еще земля не носила?..

— Да мало-ли тамъ что болтаютъ!.. Что-жь, такъ и вѣрить всему?.. Вѣдь ты не злодѣй? Нѣтъ?..

Павлюкъ ничего не отвѣтилъ. Мрачный, какъ туча, стоялъ онъ и только крутилъ усы. Но вотъ онъ поднялъ глаза.

— Нѣтъ, пане, я не злодѣй!.. говорилъ онъ. — Такіе-ли бываютъ злодѣи!.. Вотъ еслибъ такъ было... Ты слушай меня!.. — И вдругъ глаза у него засверкали изъ подъ косматыхъ бровей, и голосъ, съ хрипомъ какимъ-то, съ трудомъ, выходилъ изъ горла.

— Вотъ если-бы человѣкъ жилъ... жилъ мирно, тихо, спокойно, никого не обижая, не притѣсняя; и если-бы къ нему, къ этому человѣку, другіе подкрались ночью, какъ волки жадные и трусливые... Жену-бы зарѣзали у него, сына... Вотъ это злодѣи!.. И нѣтъ оправданья имъ ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ!.. Да!.. А я какой-же злодѣй!.. Я только за ту кровь, чистую, неповинную, — поганую проливалъ!.. Но все еще не упился... Нѣтъ!..

Грабовскій невольно поотодвинулся. Дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Старикъ былъ страшенъ въ эти минуты. Глаза у него разгорѣлись и сверкали, какъ угольки; усы ощетинились и точно поднялись кверху.

— Постой, Павлюкъ!.. заговорилъ вдругъ Грабовскій. — Я слышалъ эту исторію... И мнѣ жаль тебя, глубоко жаль!.. Ну, да, убили жену, тамъ, сына... Злодѣи!... Но тѣ-то чѣмъ виноваты, другіе-то?.. Ты, говорятъ, вѣдь, всѣхъ безъ разбору рѣзалъ: и стариковъ и дѣтей...

— Нѣтъ, это не правда, пане, — не всѣхъ... Я никогда и пальцемъ не тронулъ добрыхъ, хорошихъ пановъ... Да только много-ли ихъ, этихъ хорошихъ? Ну, а другихъ... И рѣзалъ и буду рѣзать!.. — И снова сверкнули его глаза. — Довольно валялся я на печи, отдыхалъ все... Опять пора за работу взяться... Еще не совсѣмъ пропала сила у Павлюка; сабля не притупилась...

Грабовскій взглянулъ на него почти съ ужасомъ.

— Бога ты не боишься!.. пробормоталъ онъ.

Павлюкъ удивился, точно.

— Я? Не боюсь? Да что, я грѣшу, что-ли, по твоему?.. Развѣ не самъ Богъ такъ хочетъ, чтобъ мы въ конецъ зруйновали*) лядскую землю, и чтобъ въ Украйнѣ латинскимъ духомъ не пахло?..

Грабовскій пожалъ плечами.

— Такъ ты за вѣру сражаешься, не изъ мести? спросилъ онъ.

Старикъ, какъ будто, опѣшилъ.

— Ну, это тамъ все равно! махнулъ онъ рукой. — За вѣру, аль не за вѣру, — а буду рѣзать проклятыхъ ляховъ... Тебя, вотъ, только не трону: ты добрый, хорошій панъ.

— Спасибо!.. горько усмѣхнулся Грабовскій.

— Ну, и Маевскаго пана тоже...

— И такъ ты пойдешь... Опять пойдешь съ гайдамаками?..

— Да... Довольно лежать на печи, — будетъ!..

Грабовскій глубоко вздохнулъ и всталъ.

— Ну, ладно... Прощай, Павлюкъ! грустно говорилъ онъ. — мнѣ больше не о чемъ говорить съ тобой!.. Вѣдь ты въ Бога вѣруешь... Много ты нагрѣшилъ; много невинной ты крови пролилъ... И о душѣ-бы надо подумать... Смотри!..

Но Павлюкъ усмѣхнулся только. И вдругъ сурово взглянулъ на Грабовскаго.

---

*) Разрушили.

— Ты о душѣ мнѣ не толкуй, пане, говорилъ онъ. — Я ужь о ней самъ позабочусь... Да!.. А отвѣчать придется, — отвѣчу во всемъ предъ Богомъ... Ну, а теперь ступай, пане, — будетъ!..

Грабовскій вышелъ, разстроенный и взволнованный. Онъ оглянулся. Стася не было.

— Стась! крикнулъ онъ. — Гдѣ ты?

Но Стась скрылся, исчезъ куда-то...

VIII.

Чудное лѣто стояло тотъ годъ въ Маювкѣ! Дни были ясные, теплые. Изрѣдка выпадали жаркіе даже; солнце палило немилосердно. Но къ вечеру зной смѣнялся легкой прохладой. На голубомъ небѣ сбирались тучки, и благодатный дождикъ освѣжалъ воздухъ... Хлѣбъ колосился на славу. И рожь и пшеница еще въ половинѣ лѣта давали надежду на превосходнѣйшій урожай. И эта надежда исполнилась: хлѣбъ уродился такой, какого ужь давно не видали. Яблони, груши, вишни въ садахъ, какъ въ молокѣ потонули въ цвѣту ранней весной, даже зелени не было видно, — а въ серединѣ лѣта гнулись и чуть не ломались онѣ подъ тяжестью крупныхъ, сочныхъ плодовъ... — Но вотъ полевыя работы кончились; кончился сборъ плодовъ. Свезли съ поля послѣдній снопъ; сняли съ деревьевъ яблоки, груши, вишни, — и опять осень, темная и холодная, смѣнила теплое лѣто...

Утро... Въ окна стучитъ мелкій и частый дождикъ; вѣтеръ шумитъ и воетъ, качаетъ деревья въ саду; ихъ вѣтви, почти оголенныя, хлещутъ по стекламъ оконъ... Но тихо въ домѣ пана Маевскаго. Только въ залѣ съ трескомъ пылаетъ въ печи огонь... Панъ Ромуальдъ, въ домашнемъ суконномъ жупанѣ,

ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, съ трубкой въ рукѣ. Онъ веселъ, доволенъ; улыбка не сходитъ съ его лица. И еще-бы... Во первыхъ, амбары его чуть не ломятся отъ превосходной пшеницы и ржи, а во вторыхъ... во вторыхъ, — и пшеница и рожь ужь запроданы, и за хорошую цѣну. Вчера получилъ онъ задатокъ, сегодня получитъ и остальное, — сумму кругленькую, порядочную. Хватитъ и на уплату старыхъ долговъ (а ихъ накопилось порядкомъ!) да и останется еще кое-что... — И панъ Ромуальдъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, улыбаясь и потирая руки... Порою онъ подойдетъ къ окну и взглянетъ сквозь мокрыя, запотѣвшія стекла въ садъ... Но тамъ теперь мрачно такъ, скучно и грязно!.. Деревья стоятъ совсѣмъ обнаженныя,— кой-гдѣ развѣ торчитъ на вѣткѣ еще уцѣлѣвшій листочекъ; а вонъ кучи ихъ красныхъ и пожелтѣвшихъ, лежатъ на мокрой, грязной землѣ, на дорожкахъ... Грязь вездѣ, лужи... Панъ Ромуальдъ отвернется и опять ходитъ и ходитъ... — Но вотъ вдругъ улыбка исчезла съ его лица; на лбу появилась складка; брови нахмурились... Панъ Ромуальдъ пустилъ цѣлый клубъ дыму и задумчиво покрутилъ усы... Онъ вспомнилъ, какъ двѣ недѣли тому назадъ, шла рѣчь о Стасѣ съ пани Ядвигой...

— Довольно хлопцу гулять! говорилъ онъ. — Довольно шалить съ ребятишками!.. Пора ужь его везти и къ о.о. піарамъ, иль іезуитамъ... Положимъ, онъ тамъ немного пріобрѣтетъ премудрости... Вѣдь это ученье ихъ... — Панъ Ромуальдъ поморщился и махнулъ рукой. — Помню и я... Чему я отъ нихъ научился? — Или вершки одни, или туманъ какой-то непроницаемый. — И ничего въ немъ не видишь, не разберешь!.. Ну, да хоть что-нибудь; лучше, чѣмъ ничего... А о. Бенедикту съ нимъ, все равно ничего не подѣлать, не справиться... Жалуется на него чуть-ли не каждый день... Надоѣлъ даже!.. — Да, отвезу, Ядичка... Въ Кіевъ хоть, что-ли, къ о.о. піарамъ...

— Ахъ, Ромусь, Ромусь!.. — И пани Ядвига грустно поу-

рила голову; въ ея темныхъ глазахъ вдругъ заблестѣли слезинки. Мысль о разлукѣ съ сыномъ все какъ-то не приходила ей въ голову; а если и приходила, то пани Ядвига старалась ее отогнать. Конечно, не постоянно-же Стась будетъ жить съ ними; вѣдь надо и въ школу его отдать, — всѣ такъ дѣлаютъ. Но школа эта представлялась ей чѣмъ-то еще очень далекимъ... И вотъ вдругъ... Пани Ядвига смутилась...

— Какъ знаешь, Ромусь... какъ знаешь... грустно говорила она. — Но только подумай: вѣдь десять лѣтъ онъ былъ на моихъ глазахъ... А тутъ... — И голосъ у нея дрогнулъ; въ глазахъ опять блеснули слезинки.

Панъ Ромуальдъ сдвинулъ брови и покрутилъ усы.

— А мнѣ его не жаль развѣ? говорилъ онъ. — Не жаль?.. Но что-жь дѣлать, Ядичка,—надо!.. Положимъ, онъ малъ еще,— только десятый годъ; да и меня, вѣдь, девяти лѣтъ отдали въ школу къ іезуитамъ... Нѣтъ, ужь пускай поучится... Онъ умный и добрый мальчикъ, и я увѣренъ, что изъ него человѣкъ выйдетъ. — Да, пусть становится помаленьку на свои ноги... Вѣдь мы сегодня живы, здоровы, со средствами... Ну, а завтра... — И панъ Ромуальдъ замолчалъ.

— Ахъ, Ромусь, зачѣмъ-же такія мысли?..

— Зачѣмъ? — Да надо о всемъ подумать, голубчикъ... А времена теперь такія тяжелыя, сама знаешь... Никто не можетъ ручаться за завтрашній день...

— И такъ ты совсѣмъ рѣшилъ?

— Да. На той-же недѣлѣ я отвезу его въ Кіевъ... — Ядичка!.. — Онъ положилъ ей на плечо руку. — Ну, перестань!.. Зачѣмъ-же плакать!.. Не на вѣкъ, вѣдь, мы съ нимъ разстаемся... На Рождество онъ пріѣдетъ сюда. А тамъ опять — къ Пасхѣ...

И вотъ панъ Ромуальдъ задумался. Вспомнилъ онъ и разговоръ со Стасемъ. Услышавъ объ этой поѣздкѣ въ Кіевъ къ о.о. піарамъ, — мальчикъ сперва поблѣднѣлъ; потомъ вдругъ бро-

сился къ отцу на грудь и громко заплакалъ. Панъ Ромуальдъ растерялся даже. Долго онъ успокаивалъ Стася, все говорилъ, что тамъ ему въ школѣ хорошо будетъ. — «Только ты самъ будь умный, послушный мальчикъ, и учись, учись — главное!» — Стась цѣлый день ходилъ какой-то мрачный, задумчивый, и даже ни разу не принимался за свои книжки. — А, между тѣмъ, въ домѣ шли понемногу приготовленія къ «дальней» дорогѣ. Панъ Ромуальдъ чуть не весь вѣкъ прожилъ въ своей Маювкѣ, и ужь давно не ѣзжалъ никуда дальше, какъ за сто, за полтораста верстъ. Немудрено, что эта поѣздка въ Кіевъ представлялась ему чѣмъ-то ужасно длиннымъ, и онъ готовился къ ней, точно къ кругосвѣтному плаванію. Перво на перво панъ Ромуальдъ заглянулъ въ сарай и осмотрѣлъ тамъ дорожную колымагу. Она была очень стара и ветха, и онъ приказалъ отвезти ее въ кузницу, для починки. Затѣмъ, тамъ, вещи разныя Стасю: платье, бѣлье; кой что пришлось починить, кой что вновь сдѣлать... Нельзя-же сразу, — все время...

Вѣтеръ шумѣлъ и гудѣлъ на улицѣ; дождь барабанилъ по стекламъ .. Панъ Ромуальдъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и курилъ трубку за трубкой...

— Э, да чего тамъ откладывать! заговорилъ онъ! — Только вотъ получу деньги съ Мойши, — и ѣду. Сегодня-же ѣду вечеромъ... Кажется, все готово... Дорога не близкая, — сколько еще протащишься... Не одинъ день... Грязь, слякоть, корчмы!..— И панъ Ромуальдъ поморщился. Вспомнилъ онъ эти корчмы. Случалось ему тамъ ночевать раза два, три... Грязь, вонь ужасная; тараканы, блохи, клопы; полуголые, грязные жиденята...

— Эй, кто тамъ? Люди! крикнулъ панъ Ромуальдъ.

Въ комнату вбѣжалъ казачекъ.

— Починена колымага?

— Починена, пане.

— И привезли?

— Привезли-съ.

— Гм... Хорошо... Поди и скажи Панасу, чтобъ къ вечеру лошадей: чернаго съ каримъ... Слышишь? Да чтобъ овса захватилъ, сѣна побольше...

— Слушаю-съ.

— Погоди... Стой!.. Скажи... Да нѣтъ, — пусть лучше онъ самъ придетъ...

Казачекъ скрылся. Черезъ минуту пришелъ Панасъ. Молча отвѣсилъ онъ низкій поклонъ пану и сталъ въ дверяхъ, держа въ обѣихъ рукахъ высокую мѣховую шапку.

— Сегодня мы ѣдемъ, Панасъ, говорилъ Маевскій. — Надолго, недѣли такъ на двѣ, на три...

— Слушаю-съ, пане. Можно...

— Въ Кіевъ.

Старикъ удивился, какъ будто. Онъ посмотрѣлъ на пана изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей. Но, впрочемъ, тотчасъ-же отвѣчалъ:

— Можно-съ...

— Я сына туда въ школу везу... Такъ ты ужь, тамъ, все какъ слѣдуетъ...

— Слушаю-съ.

— Сѣна возьми побольше, овса... Въ корчмахъ, вѣдь, тамъ лупятъ немилосердно...

— Какъ можно, пане!

— А колымага ка́къ? Ничего? Выстоитъ?

— Выстоитъ-съ... Если, конечно, не шибко ѣхать... Дороги теперь, пане, — грязь... — Выстоитъ, ничего-съ! увѣренно повторилъ онъ.

— Ну, то-то, смотри.

Панъ Ромуальдъ помолчалъ.

— А какъ тамъ... эти... Не слышно? спросилъ онъ.

— Чего-съ?

— Гайдамаки?

— Богъ милостивъ, пане!..

— А говорятъ?

— Говорятъ-съ... Да мало-ли, тамъ, толкуютъ... Брехня, можетъ...

— Ну?..

— Павлюкъ, говорятъ, опять ножъ за *халяву* *) засунулъ... Разбойничаетъ по близости...

— Гм...— Панъ Ромуальдъ сдвинулъ брови. Онъ за себя не боялся, — за Стася. Еще напугаютъ до полусмерти, — сохрани Богъ!...

— И не врутъ? спросилъ онъ.

— Да Господь вѣдаетъ!.. А надо полагать, — нѣтъ, потому хата у него пуста, досками забита...

Панъ Ромуальдъ покрутилъ усы и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, ладно, тамъ какъ-нибудь, говорилъ онъ. — Проѣдемъ!.. Я пистолеты возьму, ружье... — Такъ къ вечеру чтобъ все было готово... Слышишь?

— Слушаю-съ, пане... Можно...

— Ступай!

Панасъ вышелъ.

— Гости, пане! гости пріѣхали! закричалъ вдругъ казачекъ, вбѣгая въ комнату.

Панъ Ромуальдъ поморщился.

— А! пробормоталъ онъ.—Вотъ принесла нелегкая!.. Вѣдь никакая ихъ погода не держитъ!.. — И онъ побѣжалъ къ себѣ въ спальную, одѣваться.

Ворота заскрипѣли на петляхъ и распахнулись. Во дворъ въѣхала колымага. Въ ней, подъ огромнымъ дождевымъ зонтикомъ, сидѣлъ панъ Заремба, въ медвѣжьей шубѣ и мѣховой

---

*) Голенище.

шапкѣ; а рядомъ съ нимъ помѣщалась его супруга. И насколько панъ Сигизмундъ еще болѣе растолстѣлъ, покраснѣлъ въ эти годы,—настолько пани Гертруда похудѣла и пожелтѣла. За колымагой ѣхали пять гайдуковъ верхомъ, съ саблями у бедра и ружьями за плечами. Ни одинъ панъ въ то время не пускался въ дорогу безъ провожатыхъ, — такъ напугали ихъ гайдамаки!..

Гдѣ-то на чердакѣ отворилось окно, и изъ него выглянули усы Михала Дембинскаго. Они шевельнулись, точно у таракана. Гайдукъ выругалъ почему-то пріѣзжихъ и погрозилъ кулакомъ.

— Стасинька!.. Какъ ты сюда попалъ? всплеснула руками Марыня, кухарка ксендза-пробоща.—Да ты до нитки промокъ... Въ грязи весь!.. Ну, неужели-же ты пѣшкомъ?.. Господи!..

— Нѣтъ, я пріѣхалъ, Марыня... Меня мужикъ какой-то довезъ.. говорилъ Стась. — Его зеленый жупанчикъ, подбитый бѣличьимъ мѣхомъ, промокъ такъ, — хоть выжми; съ шапки текла вода...

— Я торопился, Марыня... бѣгомъ бѣжалъ... Потомъ этого мужика встрѣтилъ... Я уѣзжаю сегодня въ Кіевъ, учиться...

— Учиться? Въ Кіевъ? — И старуха вдругъ развела руками. — Да какъ-же это... Я ничего не знала...

— А гдѣ-же о. Іеронимъ? Дома?..

— Сейчасъ придетъ, мой голубчикъ, сейчасъ придетъ... Къ больной одной онъ ушелъ, причастить ее... — Да ты постой-ка, постой!.. Тебя, вѣдь, обсушить надо... Давай!.. — И она моментально сдернула съ него верхнее платье и повѣсила его передъ печкой. Потомъ сняла сапоги и долго качала сѣдой головой и ворчала что-то... Ноги были промочены...

— Ну, такъ и знала я, такъ и знала!.. бормотала она. — Ахъ, Боже мой, еще простудишься, заболѣешь!.. Водкой-бы надо ихъ вытереть, а гдѣ ее возьмешь, водки-то, — нѣту!..

— Такъ ты проститься пришелъ, голубчикъ?

— Проститься, Марыня... Да...

Старуха грустно понурила голову.

— Гм... Какъ-же такъ... какъ-же... вдругъ... бормотала она. — А я ничего не знала... И ты надолго, милый?

— До Рождества, говорятъ...

— Ахъ, Боже мой!.. Да это, вѣдь, еще цѣлыхъ три мѣсяца!.. — Ты, Стасинька, кушать не хочешь-ли? Я сейчасъ...— И старуха засуетилась. — Баранина есть вчерашняя, — разогрѣю...

— Не надо, Марыня, не хлопочи! Я сытъ...

— Какое ужь сытъ, я думаю!.. Мигомъ вѣдь, Стасинька... Э, да никакъ и панъ пробощъ? — Онъ!

Дверь отворилась, и въ кухню вошелъ о. Іеронимъ. Онъ очень измѣнился за эти годы: сгорбился весь, посѣдѣлъ; на лицѣ его появились морщины, и въ пятьдесятъ лѣтъ онъ выглядывалъ чуть не дряхлымъ.

— Опять, поди, ноги-то промочили?.. Насквозь?.. бросилась къ нему вдругъ Марыня.

— Да, такъ... немножко...

— А покажите-ка, покажите!

Онъ улыбнулся и поднялъ ногу. Немудрено было промочить ихъ! Ветхіе сапоги пробоща почти совсѣмъ развалились. — Взглянула старуха, — и замотала отчаянно головой.

— Нѣтъ, ойче мой добродѣю, — нѣ-ѣтъ!.. вдругъ завопила она. — Такъ, вѣдь, нельзя, невозможно!.. На что-же это похоже!.. Не завести сапоговъ... Два года... Да развѣ не на что было?.. Гдѣ эти деньги? Куда дѣвали?.. А?.. Все этимъ бѣднымъ... все пьяницамъ, негодяямъ, лѣнтяямъ!..

— Ахъ, замолчи, Марыня, ради Христа!.. Дай мнѣ хоть поздороваться съ мальчикомъ... — И ксендзъ-пробощъ, благословивъ Стася, поцѣловалъ его въ голову.

— Откуда ты, Стась? Въ такую погоду!.. говорилъ онъ.

— Я уѣзжаю учиться, въ Кіевъ...

— Учиться?

— Нѣтъ, такъ нельзя, такъ нельзя!.. вопила Марыня, немилосердно гремя посудой. — Что-жь, простудиться опять хотите? Горячку схватить?.. Да?..—Зачѣмъ дѣло!.. Ну, и болѣйте!... Хоть умирайте совсѣмъ... Ухаживать я не буду... Нѣ-ѣтъ, ни въ какомъ ужь случаѣ!..

— Ахъ, ты ворчунья моя, ворчунья!.. усмѣхнулся пробóщъ. — И какъ тебѣ, право, не надоѣстъ? — Пойдемъ-ка, Стась, въ комнату, потолкуемъ... А ты, чѣмъ ворчать-то, вотъ, попусту, дай закусить намъ чего-нибудь...

— Есть, вонъ, баранина, — разогрѣла... Ну, а хлѣба ни крошки нѣтъ...

— Купить надо.

— На чтó-жь, позвольте спросить?

— Да развѣ у тебя ничего не осталось?

— Откуда?.. — Вчера послѣдніе пять грóшей истратила... Вотъ вы мнѣ лучше скажите: у васъ-то осталось-ли что нибудь?.. Гдѣ эти три злотыхъ-то? А?..

— Да ты тамъ въ долгъ возьми, что-ли, замялся вдругъ прóбощъ.

— А, такъ вы, значитъ, ихъ издержали!.. Отдали опять этимъ... Господи! да что-же это такое?.. Когда этому конецъ будетъ!..—И старуха, какъ полоумная, выскочила вдругъ за дверь.

Прóбощъ пожалъ плечами.

— Такъ ты уѣзжаешь, Стась? говорилъ онъ. — Учиться, въ Кіевъ?.. Когда-же?..

— Вечеромъ папа хочетъ... Сегодня...—И мальчикъ грустно понурилъ голову.

— Та-акъ!.. Но о чемъ-же ты призадумался? Тебѣ не хочется ѣхать?

— Нѣтъ... О-очень, очень не хочется!..

— Но почему-же, дитя мое? Скучно тамъ будетъ?.. Положимъ, на первыхъ порахъ... Но ты понемногу привыкнешь... Да ты и будешь сюда пріѣзжать: на Пасху, на Рождество...

— Буду.

— Ну, вотъ. — А учиться надо, дитя мое. Да, надо!.. Вѣдь безъ науки, безъ знаній, мы, все равно, какъ въ потьмахъ... Мы, какъ слѣпые, идемъ по дорогѣ и ничего не видимъ вокругъ, — и натыкаемся мы на предметы, падаемъ... Многіе на смерть расшиблись отъ слѣпоты... Господь да помилуетъ и спасетъ ихъ души!..

— Учись, мой милый, учись! — И онъ положилъ ему на плечо свою худую, дрожащую руку. Ученье — свѣтъ!.. Учись быть человѣкомъ и христіаниномъ... Люби ближнихъ, какъ самого себя... Не обижай, а защищай слабыхъ и не давай ихъ обижать другимъ... Тамъ, въ школѣ, ты много увидишь, узнаешь новаго... Много тамъ бѣдныхъ и беззащитныхъ дѣтей; родители ихъ не имѣютъ никакихъ средствъ,—и за ихъ дѣтей некому заступиться... Такъ, вотъ, ты будь ихъ заступникомъ и покровителемъ, Стась; дѣлись съ ними всѣмъ, чѣмъ только можешь... Ты тамъ увидишь, что этихъ бѣдныхъ, беззащитныхъ дѣтей всегда обижаютъ дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей... Ты имъ не давай, не позволяй этого!.. Понялъ, дитя мое?

— Да, понялъ.

— И ты будешь такъ поступать?

— Да.

— Хорошо, милый... Господь тебя вразумитъ, подкрѣпитъ; спасетъ Онъ тебя и помилуетъ!.. — И прóбощъ перекрестилъ Стася.

— И никогда не лги, мальчикъ!.. Слышишь? — Всегда говори только одну правду... Ложь — отвратительный, гадкій порокъ; ея отецъ—дьяволъ... Ты много увидишь тамъ, въ школѣ,

лжи, ябедъ и клеветы... Много увидишь чего дурного... Да гдѣже и нѣтъ его!.. Но ты никогда не лги и не клевещи, Стась!.. Сохрани тебя Господи и помилуй!.. Не будешь?

— Не буду, о. Іеронимъ!

— То-то... И ничего не бойся... Все пойдетъ хорошо... Ну, а я...

Дверь отворилась. Вошла Марыня, съ блюдомъ въ одной рукѣ: на немъ дымился кусокъ баранины, — и съ тарелкой въ другой, съ нарѣзаннымъ на ней хлѣбомъ.

— Ну, что, достала, таки? улыбнулся прóбощъ.

Марыня фыркнула.

— Будь я, не я, ойче мой добродѣю, сердито ворчала она, — если то не въ послѣдній разъ!.. Не стану я кланяться всякому тамъ жиду... Будетъ!..

— Да, будетъ, Марыня, будетъ тебѣ ворчать-то... Ступай!..

И она вышла, хлопнувъ дверями.

— А ты не закусишь развѣ? спрашивалъ прóбощъ Стася. — Не хочешь?

— Не хочется что-то...

— Напрасно!.. Я такъ проголодался... — И онъ сталъ рѣзать баранину. — Съ пяти часовъ сегодня не ѣлъ...

Стась молча сидѣлъ и глядѣлъ въ окно. Дождь пересталъ, и небо немного прояснилось... А вонъ и солнышко выглянуло изъ-за тучки... Вдругъ мальчикъ всталъ.

— Куда ты?

— Да мнѣ домой ужь пора... Я тамъ ничего не сказалъ, — меня искать будутъ...

— Такъ, значитъ, сегодня?

— Да.

— Ну, прощай, милый мой, дорогой мальчикъ! — Прóбощъ благословилъ Стася и крѣпко обнялъ его. — Господь съ тобою!.. Такъ помни, чтó я говорилъ, милый, и не забудь... Ну, а тамъ,

Богъ дастъ, на праздники и опять пріѣдешь... Увидимся, коли живъ буду... Плохъ что-то я нынче сталъ, очень плохъ!..— Прощай-же!..—И онъ еще разъ обнялъ, поцѣловалъ его.— Постой, погоди немного,—я дамъ тебѣ кой-что на память...— Онъ вышелъ въ другую комнату и вернулся съ маленькой книжкой въ рукахъ, въ кожаномъ переплетѣ, съ серебряными застежками.

— Вотъ, на, возьми! говорилъ онъ.—Этотъ молитвенникъ подарила мнѣ мать, и я молился по немъ съ самаго дѣтства... Ты береги его, не потеряй!.. У меня, вѣдь, только и есть двѣ дорогихъ вещи: вотъ этотъ молитвенникъ, да еще крестикъ...— Онъ распахнулъ воротъ рубашки и вынулъ золотой крестъ.— Она, умирая, надѣла его мнѣ на шею, за четверть часа до смерти...—И прóбощъ прижалъ крестикъ къ губамъ.

— Прощай-же, прощай, мой милый! Господь съ тобой!..

— Прощай, Стасинька, не забывай старуху!.. говорила Марыня, утирая заскорузлой рукою слезы.—Да пріѣзжай, смотри, поскорѣе! Слышишь?..

— Ты подождалъ-бы, голубчикъ... Чего пѣшкомъ-то идти,— не близко... Да и грязь на улицѣ, слякоть... Матвѣй, вонъ, скоро поѣдетъ,—онъ довезетъ тебя.

— Ничего,—добѣгу!

И Стась быстро пошелъ по улицѣ. Марыня глядѣла ему долго вслѣдъ и все вздыхала и отирала слёзы... Ксендзъ-прóбощъ благословлялъ его...

Панъ Ромуальдъ порядкомъ таки пожурилъ мальчика за его отлучку.

— Ну, гдѣ ты былъ? говорилъ онъ.— Искали, искали тебя,—точно ты въ воду канулъ!..

— Да я къ о. Іерониму ходилъ, проститься...

— То-то, вотъ, ты: проститься... Могъ-бы и сказать, что-ли... Панъ Казиміръ Заремба сюда пріѣзжалъ, съ пани Гертрудой. Видѣть тебя хотѣли. Ждали, ждали, — уѣхали... — Однако иди: тебя тамъ сестра дожидается, мать... Да сапоги-то сначала вытри, почистись немного... Гляди-ка, вѣдь ты въ грязи весь!.. Ахъ, Стасикъ! Стасикъ!.. — И отецъ покачалъ головой.

Стась вытеръ себѣ сапоги, почистилъ жупанчикъ, забрызганный грязью, и пошелъ въ гостиную.

А панъ Ромуальдъ вышелъ во дворъ. — Тамъ ужь стояла огромная колымага, и люди хлопотали и суетились вокругъ нея, укладывая корзинки и узелки. Эти сборы напоминали собой сборы какой-нибудь старой панны — помѣщицы; только и не хватало картонокъ со шляпками да собачекъ. Одной провизіи панъ Ромуальдъ взялъ болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. Но, впрочемъ, иначе и нельзя было. Во-первыхъ, дорога была не близкая, а въ корчмахъ, кромѣ грязи и таракановъ, ничего нельзя было достать... Развѣ десятокъ яицъ, и то съ грѣхомъ пополамъ, и не справляясь о ихъ безусловной свѣжести. Во-вторыхъ, надо было оставить запасъ и Стасю. Панъ Сигизмундъ Вериго, къ которому панъ Ромуальдъ хотѣлъ помѣстить Стася, былъ человѣкъ бѣдный, съ кучей дѣтей, малъ-мала меньше, и ѣлъ, должно полагать, не очень роскошно. И, наконецъ, въ третьихъ... Вонъ та корзина, что еле втиснулъ на дно колымаги здоровый хлопецъ, предназначалась всецѣло для о. ректора школы. Таковъ ужь существовалъ обычай: на первый разъ, для знакомства, преподносились начальству куры, индѣйки, гуси и прочая живность. И панъ Ромуальдъ не могъ отступить отъ общаго правила...

А вонъ старый Панасъ вывелъ и лошадей изъ конюшни. Карій никакъ не хотѣлъ идти, и все лягался, билъ задомъ. Панасъ принужденъ былъ пустить въ ходъ нагайку. Зато Воронко шелъ смирно, послушно.

— Ну, запрягай, съ Богомъ! говорилъ панъ Ромуальдъ и

посмотрѣлъ на небо. — Проясниваетъ, какъ будто... Оно хорошо-бы безъ дождя выѣхать... Ты поскорѣе, Панасъ, — не медли!..

— Слушаю-съ, пане. Можно!..

Панъ Ромуальдъ прошелъ въ гостинную. Тамъ ужь сидѣли: пани Ядвига, грустная и печальная; Зося, мужъ ея, панъ Балуцкій, видный, красивый мужчина, лѣтъ за 40, съ длинными темнорусыми усами, съ легкою просѣдью, и о. Бенедиктъ. — При входѣ Маевскаго, ксендзъ читалъ какое-то наставленіе Стасю. Тотъ молча стоялъ передъ нимъ, опустивъ голову. Онъ думалъ о панѣ Грабовскомъ, и удивлялся, отчего онъ не пріѣзжаетъ. Положимъ, Стась былъ у него вчера, попрощался; но онъ хотѣлъ-бы проститься съ нимъ еще разъ...

— Да, послушаніе и послушаніе!.. строгимъ, суровымъ голосомъ говорилъ старикъ. — Все, что тебѣ ни прикажутъ старшіе, — исполняй!.. И, сохрани тебя Богъ... — онъ погрозилъ пальцемъ,—хоть разъ подумать, что то́, что они тебѣ приказали, не хорошо, осудить ихъ... Господь тебя за это накажетъ!.. Все, что велятъ тебѣ старшіе, — все хорошо, и все только для твоего блага... — Ну, подойди ко мнѣ!

Стась подошелъ, и о. Бенедиктъ благословилъ его.

Разговоръ какъ-то не клеился. Панъ Балуцкій пробовалъ заговорить съ хозяиномъ о нынѣшнемъ урожаѣ, — но тотъ отвѣчалъ нехотя, невпопадъ... Пани Ядвига молчала. Зося смотрѣла въ окно и думала: а какова-то будетъ завтра погода? Ахъ, если-бы только дождя не было! Она поѣдетъ въ Залѣсье въ Гонсѣвскимъ... Тамъ будутъ гости... музыка... Танцы, быть можетъ... — Стась тоже молчалъ и тоже о чемъ-то думалъ. О. Бенедиктъ вздыхалъ и перебиралъ четками... — И такъ время прошло вплоть до обѣда... И за обѣдомъ веселѣй не было... Только о. Бенедиктъ съ Балуцкимъ да Зося отдали честь и превосходному борщу, и гусю съ яблочною начинкой. Но прочіе

почти ни къ чему не притронулись... Панъ Ромуальдъ хлебнулъ ложки двѣ-три, — и только... Даже вина онъ выпилъ всего одну рюмку...

Но вотъ начались и сборы. Пора! — О. Бенедиктъ громко, торжественно прочелъ молитву, — и пани Ядвига, съ плачемъ, обняла Стася... И долго она цѣловала его, крестила, и опять цѣловала и обнимала...

— Ну, будетъ, Ядичка, — перестань!.. — И панъ Ромуальдъ чуть не силою оторвалъ отъ нея ребенка. — Не на вѣкъ, вѣдь, разстаетесь... Ты только себя разстраиваешь и его... Видишь?..

Стась плакалъ навзрыдъ.

— Полно, мой мальчикъ, полно!.. успокаивалъ его панъ Ромуальдъ. — Садись, вотъ, сюда, ближе... Подвинься ко мнѣ... Постой, я потеплѣе тебѣ ноги закутаю... Вотъ такъ!.. Ну, трогай, старина, трогай!.. Благослови, Господи, въ добрый часъ!..— И онъ снялъ шапку, перекрестился. Перекрестились и прочіе.

Панасъ дернулъ возжами, — и экипажъ, точно корабль на волнахъ, покачиваясь на неуклюжихъ рессорахъ, съ какимъ-то скрипомъ и звономъ, выѣхалъ со двора. Прохожіе сворачивали съ дороги въ грязь, снимали шапки и кланялись; панъ Ромуальдъ вѣжливо отвѣчалъ имъ. — Но вотъ онъ обернулся. Усадьба осталась далеко позади. Но тамъ, у воротъ, виднѣлась чья-то фигура и махала бѣлымъ платкомъ. Это была пани Ядвига.

— Стегни-ка карягото, Панасъ, стегни хорошенько!.. Лѣнится!..

— Тяжело, пане... Дорога больно плоха... — Эй, ты, чего, карько!.. — И онъ вытянулъ лошадь плетью. — Карій мотнулъ головой и прибавилъ шагу.

И колымага, скрипя и звеня, плелась по размытой дождями дорогѣ; порой, она точно ныряла въ глубокій ухабъ; порой, по ступицу вязла въ жидкой и непролазной грязи... Виды кругомъ попадались не очень веселые: лѣсъ, почти обнаженный; поляна,

со сжатою на ней рожью; кой гдѣ виднѣлись еще неубранные снопы... Дорога была ужасно плохая, и колымагу встряхивало и качало чуть не на каждомъ шагу... Поразгулявшаяся было погода опять стала хмуриться. — На небѣ показались тучки; накрапывалъ дождикъ...

— Ты не озябъ-ли, Стась? говоритъ панъ Ромуальдъ и поплотнѣе закутывался въ мѣховой теплый жупанъ.

— Немножко, папа...

Мальчику было скучно. Онъ какъ-то разсѣянно, машинально поглядывалъ по сторонамъ. Да и на что́ было смотрѣть?—Поле, вонъ; точно щетина, торчатъ остатки подрѣзанныхъ желтыхъ колосьевъ; дрофы бродятъ по нимъ... Завидѣвъ проѣзжихъ, пугливыя птицы взмахнули крыльями и тяжело поднялись на воздухъ... Вонъ рѣчка течетъ близъ дороги и, извиваясь и изгибаясь причудливо, пропадаетъ гдѣ-то въ кустахъ... Хуторъ; маленькій огородикъ; на грядкахъ еще зеленѣютъ тыквы, арбузы... Старый, сѣдой весь, какъ лунь, дѣдъ, безъ шапки, что-то копаетъ лопатой въ грядкахъ... При стукѣ колесъ, онъ поворачиваетъ вдругъ голову и, окинувъ равнодушнымъ взглядомъ проѣзжихъ, опять принимается за работу... Хатка бѣлѣетъ изъ-за густой, развѣсистой яблони; овцы перебѣгаютъ черезъ дорогу и жалобно блѣютъ; корова пьетъ у колодца... — А колымага плетется все дальше и дальше; карій, порой, шалитъ, но Панасъ угощаетъ его внушительно плетью, — и онъ опять берется за умъ... Дорога ужасно грязная и ухабистая. — Но вотъ она стала ровнѣе. Исчезли лѣсъ и поля, и передъ путниками вдругъ открылась обширная равнина, — степь... Видъ мрачный, дикій, пустынный... Только трава кругомъ пожелтѣлая; вѣтеръ качаетъ, колышетъ ее; надъ головой небо; тучи плывутъ по немъ, и, точно изъ сита, сѣетъ мелкій и частый дождикъ... Порой, покажется тамъ, вдали, деревушка, крылья вѣтряной мельницы, — и останутся далеко позади... И опять степь, — пустыня, мрачная и безлюдная...

Нигдѣ ни души не видно, не слышно; птица развѣ гдѣ пролетитъ... Панъ Ромуальдъ начинаетъ поёживаться отъ холода, и все плотнѣй и плотнѣй закутывается въ жупанъ... Стась ужь давно заснулъ. Онъ крѣпко прижался къ плечу отца и храпитъ: его укачала дорога...

А дождь все сильнѣй и крупнѣй; мракъ все сгущается и сгущается; время близится къ ночи. Небо пасмурно, хмуро; нигдѣ ни звѣздочки не видать, ни проблеска мѣсяца... — Кончилась степь, и дорога опять пошла лѣсомъ. Стало еще темнѣе... Стась крѣпко спитъ, но панъ Ромуальдъ бодрствуетъ и все оглядывается и прислушивается къ чему-то... Но ничего не видно, не слышно кругомъ; вѣтеръ только шумитъ и воетъ въ лѣсу; скрипятъ и трещатъ деревья...

— Гм... закусить теперь хорошо-бы думаетъ панъ Ромуальдъ. — Водки выпить стаканчикъ... Да и уснуть... — Не ночь-же, вѣдь, ѣхать... Холодно!.. — И онъ потираетъ руки. — Эй, ты, Панасе!..

Старикъ, вздремнувшій было немного, очнулся и поднялъ голову.

— Что, пане?

— А до кормы, не знаешь-ты, — далеко?

— Гм... до корчмы... до корчмы... бормоталъ Панасъ. — Кажись, она здѣсь гдѣ-то, близко...

— Такъ ты, братъ, остановись тамъ, — ночуемъ...

— Слушаю-съ, пане. Можно!..

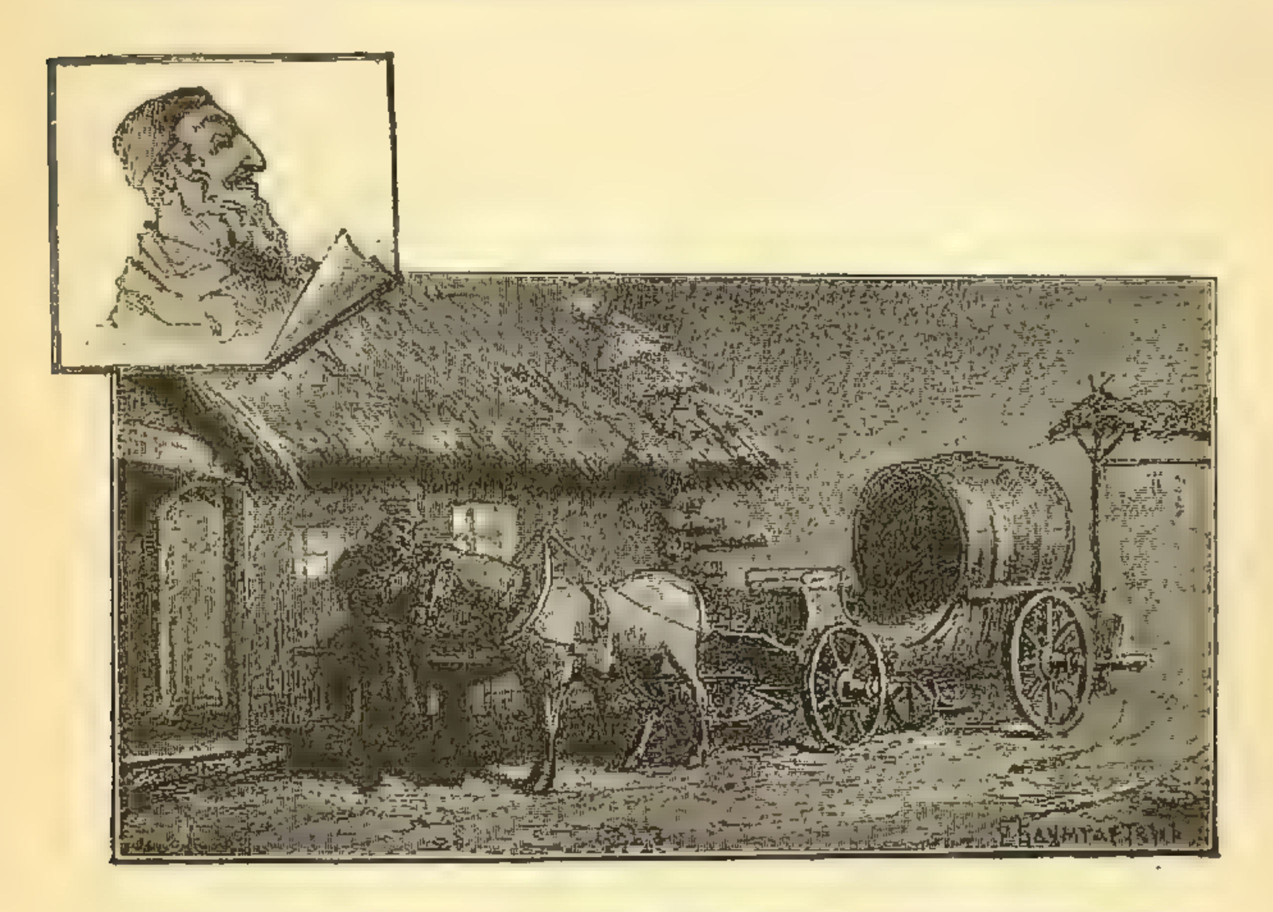
И онъ опять задергалъ возжами.

А, вонъ, должно быть, она! Между деревьями вдругъ замелькалъ огонекъ; въ воздухѣ словно дымкомъ запахло...

— Гм... Да не *эти*-ли тутъ ужь?.. мелькнуло въ головѣ пана Маевскаго, и рука его невольно ощупала пару огромныхъ пистолетовъ за поясомъ. Но подозрѣнія его оказались напрасны. Передъ ними была корчма, ветхій, почти развалившійся домикъ,

кой гдѣ подпертый кольями... Юркій, лохматый жидъ, въ оборванномъ лапсердакѣ, со свѣчкой въ рукѣ, выскочилъ на крылечко...

— Милости просимъ, пане! Позалуйте!.. трещалъ онъ, кланяясь чуть не въ землю и размахивая свободной рукой. — Ноцевать? — Мозно! Постели цистыя, теплыя... Ку́сать?.. — Все, цто зелаете... Свѣзія яйца... кильбасы... Мозно яицницы сдѣлать...

Панъ Ромуальдъ съ трудомъ разбудилъ Стася. Мальчикъ открылъ глаза и съ удивленіемъ оглядывался кругомъ, ничего рѣшительно не понимая.

— Корчма это, Стась, говорилъ отецъ. — Мы здѣсь ночуемъ...

— Аа!..

— Ну, ладно, веди насъ... Янкель?.. Мойша?.. Хаимъ?.. Какъ тебя, тамъ?..

— Мойса!.. осклабился жидъ. — Позалуйте, васа ясневельмозность!.. — И онъ, низко клапяясь, повелъ пріѣзжихъ въ корчму.

Панъ Ромуальдъ поморщился. Все было такъ, какъ онъ думалъ... Душный и спертый воздухъ; грязь на каждомъ шагу, вонь; батальоны прусаковъ... Не отсутствовали на картинѣ и жиденята: ихъ куча цѣлая, грязныхъ, оборванныхъ, полуголыхъ, выглядывали изъ разныхъ угловъ, словно клопы изъ щелей...

— Не надо мнѣ ничего: ни яицъ, и ни «кильбасовъ», говорилъ панъ Ромуальдъ Мойшѣ, съ азартомъ выхвалявшему свою провизію. — Знаю я ваши яичницы: при одномъ видѣ вырветъ!.. У меня все есть!..

Мойша оторопѣлъ...

— Но яйца только цто изъ подъ куры... Масло... Такого масла вы не достанете и въ Варсавѣ, васа ясневельмозность!.. увѣрялъ онъ. — Кильбасъ...

— Ну, ладно, проваливай!.. Все, говорю, свое есть... Понимаешь?..

— Вудки, васа ясневельмозность?.. Пива, мозетъ быть?.. Луцсе вы и въ Варсавѣ...

— И водка есть...

— Рому?.. Наливокъ?..

— Ахъ, убирайся, пожалуйста! Надоѣлъ!.. Я говорю тебѣ, что мнѣ ничего не надо... Я только ночую здѣсь, и на разсвѣтѣ— въ дорогу...

Лицо у Мойши вытянулось въ аршинъ. Его надежды пропали.

— Такъ свѣцку, мозетъ быть?.. робко бормоталъ онъ.

— Ну, разумѣется, надо... Давай!..

Жидъ подалъ свѣчку, въ мѣдномъ, затемнѣвшемъ подсвѣчникѣ, и исчезъ.

Панасъ внесъ корзинку съ припасами; одѣяло, подушки. Панъ Ромуальдъ выпилъ водки и закусилъ жаренымъ гусемъ съ капустой. Стась ѣлъ лѣниво, — ему спать хотѣлось.

Къ постелямъ, разумѣется, и прикоснуться было нельзя: до того онѣ были грязны! И панъ Ромуальдъ со Стасемъ улеглись на полу. Стась моментально уснулъ,—онъ даже не успѣлъ натянуть на себя одѣяло; но панъ Ромуальдъ долго ворочился съ боку на бокъ: его одолѣли клопы...

Еще до разсвѣта вскочилъ онъ и разбудилъ Стася. Мойша, все такъ-же низко раскланиваясь, проводилъ ихъ до колымаги. Онъ не остался въ накладѣ, и за одинъ ночлегъ и за свѣчку содралъ столько, что панъ Ромуальдъ только развелъ руками и вытаращилъ глаза.

— Ахъ, ты, ла́йдакъ! Пся кревъ!..*) закричалъ онъ. — Да ты одурѣлъ, видно!

Но жидъ только ёжился да улыбался. И панъ Ромуальдъ, выругавъ его на всѣ корки, бросилъ ему чуть не въ лицо деньги, которыя тотъ безпрекословно и подобралъ.

Сытыя и отдохнувшія лошади поприбавили шагу, и колымага довольно быстро катилась впередъ. Дорога теперь шла лѣсомъ. И съ той и съ другой стороны, тянулись высокія, сплошныя деревья. Панъ Ромуальдъ, не безъ нѣкоторой тревоги, поглядывалъ на лѣсъ и безпрестанно прислушивался. Вдругъ онъ слегка поблѣднѣлъ и крѣпко сжалъ ручку у пистолета...

Въ лѣсу послышался рѣзкій свистъ; ему отвѣчалъ другой, гдѣ-то тамъ, въ самой глубинѣ чащи... Все ближе, ближе... Трескъ сухихъ вѣтокъ и сучьевъ; топотъ конскихъ копытъ,—и на дорогу вдругъ выѣхало человѣкъ десять всадниковъ, въ бѣлыхъ свиткахъ и высокихъ овчинныхъ шапкахъ, съ винтов-

*) Бездѣльникъ! Собачья кровь!..

ками за плечами. Панасъ гаркнулъ на лошадей и хлестнулъ ихъ плетью. Онѣ рванулись...

— Стой! крикнулъ передовой всадникъ и схватилъ лошадей подъ устцы.

Панъ Ромуальдъ выхватилъ пистолетъ.

— Папа!.. Да это Павлюкъ, вѣдь... старый Павлюкъ!.. говорилъ Стась. Онъ вовсе не испугался, но только не понималъ, въ чемъ дѣло.

Да, это былъ Павлюкъ!..

Разбойники окружили проѣзжихъ. Панъ Ромуальдъ спустилъ курокъ пистолета... Осѣчка!..

— Э-э!... крикнулъ вдругъ старый разбойникъ. — Стой, хлопцы! Ни съ мѣста! То панъ Маевскій!..

— Ѣзжай, пане, съ Богомъ! — И Павлюкъ снялъ шапку и поклонился. — Ты добрый, хорошій панъ, — мы добрыхъ пановъ не рýшимъ!.. *)

Тотъ въ изумленіи вытаращилъ глаза.

— Гайда, хлопцы! Назадъ!.. скомандовалъ атаманъ. — И всадники повернули къ лѣсу...

— Дѣдушка! дѣдушка! Погоди!.. крикнулъ вдругъ Стась.

Павлюкъ обернулся, махнулъ рукою и скрылся между деревьями.

— Кáкъ?.. изумлялся панъ Ромуальдъ. — Ты знаешь... знаешь его?..

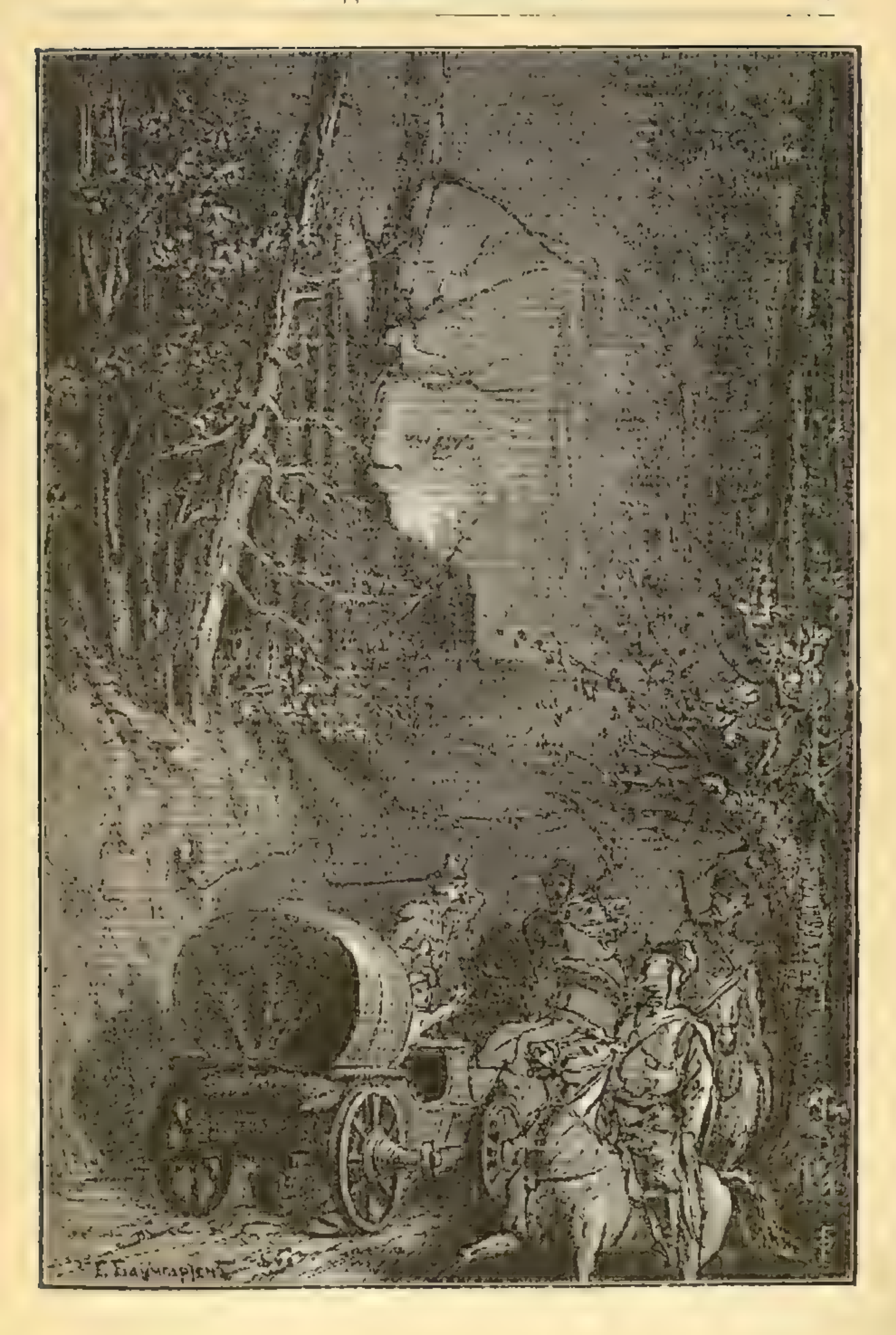
— Да, знаю, папочка!..

И Стась разсказалъ отцу, какъ познакомился онъ съ Павлюкомъ. Тотъ слушалъ его съ изумленіемъ. Онъ просто ушамъ не вѣрилъ!..

— Ну, ну, живѣй, карько! ворчалъ старый Панасъ и вытянулъ лошадей плетью...

---

*) Не тронемъ, не задѣваемъ.

Е. Баумгартенъ

IX.

Почти на самомъ краю Кіева, въ узенькой, грязной улицѣ, стояла ветхая хатка. Четыре кривыхъ оконца, съ тусклыми, зазеленѣвшими стеклами, выглядывали на свѣтъ Божій. Въ маленькомъ огородикѣ кой что расло на грядкахъ: рѣпа, капуста, морковь; въ углу, прижавшись къ плетню, стояла одинокая старая вишня, съ бурой, потрескавшейся корой. Къ огородику примыкалъ дворъ, грязный, запущенный, съ кучами мусора, тамъ и сямъ. Съ полдюжины куръ бродило здѣсь, копаясь въ навозѣ; два индюка; свинья, съ надрѣзаннымъ ухомъ, вступала въ ожесточенную схватку съ косматымъ рыжимъ барбосомъ, изъ за выплеснутыхъ помоевъ... — Да, все, вообще, глядѣло очень бѣдно и грязно!.. Хата давнымъ давно ужь требовала капитальнѣйшаго ремонта, но панъ Сигизмундъ Вериго (онъ почему-то ее называлъ *домомъ*), никакъ не могъ собраться съ починкой... — Въ узенькой, грязной улицѣ было не больше десятка такихъ-же ветхихъ и грязныхъ хатъ. Въ нихъ жили сапожники, слесаря; столяръ, съ женой и цѣлой дюжиной ребятишекъ... Съ утра и до ночи здѣсь кипѣла оживленная дѣятельность; стоялъ шумъ и гамъ; визжала пила, стучали молотки, молоточки; слышались крики и хохотъ безчисленныхъ ребятишекъ; шумъ драки, порой...

Панъ Сигизмундъ не могъ гнѣвить Бога, что Тотъ обидѣлъ его потомствомъ. Цѣлый десятокъ ртовъ, начиная съ маленькаго ротишка Юзи (ему только что минуло полтора года), и кончая огромнымъ, широкимъ, какъ пропасть, ртомъ старшаго сына, Стаха,—каждый день открывался и настоятельно просилъ ѣсть. И панъ Вериго бился, какъ рыба объ ледъ. Работать онъ, разумѣется, не умѣлъ и не могъ, ни въ какомъ случаѣ: онъ былъ чистокровный шляхтичъ, и его знаменитый родъ помнилъ еще времена Пястовъ... Когда-то, въ былые годы, имѣлись у пана

Вериго и дорогіе кунтуши, и литые серебряные, вызолоченные пояса, и хорошія сабли и пистолеты. У пани Констанціи были жемчужныя ожерелья, серьги съ брильянтами, кольца... Но эти годы давно прошли; всѣ драгоцѣнности потонули въ бездонныхъ скрыняхъ Янкелей, Мошекъ и Іоселей, — и панъ Сигизмундъ Вериго былъ яко благъ, яко нагъ... Вставая утромъ съ постели, онъ думалъ: «да, надо добыть деньжонокъ, — поправить эти, чортъ возьми, подлыя обстоятельства!..» — И обѣщалъ объ этомъ серьезно подумать. Съ такою-же мыслью, онъ отходилъ и ко сну, и, засыпая на жесткихъ подушкахъ, все думалъ: «да, надо, чортъ возьми, поправить эти подлыя обстоятельства, — надо добыть деньжонокъ!..»

И вотъ, въ одинъ сѣренькій, мрачный, осенній день, панъ Сигизмундъ былъ удивленъ, пораженъ, обрадованъ... Удивилась и вся узкая, грязная улица... Рѣдко когда видали здѣсь посторонныхъ прохожихъ, не говоря ужъ, — проѣзжихъ. Развѣ телѣжка, запряженная клячонкой, протащится по дорогѣ; старый и грязный жидъ Іосель, съ какимъ-то ящикомъ, равнодушно оглядитъ окна и прокричитъ хриплымъ голосомъ: «шерьги, колецки, буши!..» — Онъ очень хорошо знаетъ, что у него никто ничего не купитъ, — но, тѣмъ не менѣе, все-таки, ѣздитъ онъ и кричитъ... — И вотъ, вдругъ, старая, но все-же барская, колымага, запряженная парой здоровыхъ, сытыхъ коней, показалась на улицѣ и стала какъ разъ у воротъ хаты пана Вериго. Всѣ мастера побросали свои инструменты и повысовывались изъ оконъ. Десятка два ребятишекъ вдругъ обступили пріѣзжихъ и оглядывали ихъ, съ величайшимъ изумленіемъ, точно выходцевъ съ того свѣта. Одинъ, посмѣлѣе, залѣзъ на подножку даже и, запустивъ палецъ въ носъ и разинувъ ротъ, таращилъ глаза на пана Маевскаго и на Стася.

— Ну, ты, куда лѣзешь!.. заворчалъ Папасъ и погрозилъ плетью.

Мальчуганъ соскочилъ съ подножки.

— А что, хлопче, обратился къ нему панъ Ромуальдъ. — Скажи-ка мнѣ: здѣсь живетъ панъ Вериго?

Тотъ вытащилъ изъ ноздри палецъ.

— Панъ Сигизмундъ Вериго? переспросилъ онъ.

— Да.

— Здѣсь, пане, здѣсь!.. закричали всѣ хоромъ. — Да вонъ онъ и самъ идетъ!.. — И ребятишки вдругъ разступились.

Панъ Ромуальдъ обернулся. Къ нему шелъ на встрѣчу мужчина лѣтъ 40 — 45, длинный, худой, какъ палка, съ маленькой головой и жидкими рыжеватыми усиками. На немъ былъ ветхій, поношенный кунтушъ, сильно потертый по швамъ, и мѣстами искусстно заштопанный; изъ сапоговъ едва не глядѣли пальцы. Но это отнюдь не мѣшало пану Вериго сохранять гордый и важный видъ и величественно придерживаться рукой за эфесъ заржавленной карабели.

— Не панъ-ли Сигизмундъ Вериго? обратился къ нему Маевскій и приложилъ руку къ шапкѣ.

— Да, я... — И панъ Вериго сдѣлалъ такой-же жестъ. — А съ кѣмъ я имѣю честь?..

— Я Ромуальдъ Маевскій...

Панъ Сигизмундъ сдвинулъ брови и потеръ лобъ. Онъ, очевидно, припоминалъ.

— Забыли? — Да я вамъ еще сродни довожусь, пане... Моя двоюродная сестра была замужемъ за вашимъ дядей... Не помните?..

Панъ Сигизмундъ просіялъ, — и вдругъ изъ прямой линіи превратился въ дугу. Онъ сдернулъ шапку и низко раскланялся.

— Ахъ, Боже мой, пане... пане Маевскій!.. забормоталъ онъ, осклабляя гнилые, черные зубы и прикладывая руку къ сердцу. — Да какъ-же я счастливъ!.. Какъ будетъ счастлива моя

Костуся!.. Вѣдь мы сто лѣтъ, сто лѣтъ не видались съ вами!.. Я никогда-бы не узналъ васъ!..

— Ну, и мнѣ, признаться, васъ не узнать-бы... Вы измѣнились-таки... Да!.. — И панъ Ромуальдъ быстро оглянулъ его съ головы до ногъ. Панъ Вериго поймалъ на лету этотъ взглядъ и сконфузился.

— Да, что-жь дѣлать, шановный пане, что-жь дѣлать!.. забормоталъ онъ и вдругъ глубоко вздохнулъ. — Дѣла все... подлыя обстоятельства... Но это на время только... на время!...

— Прошу пожаловать, панъ Ромуальдъ! Милости просимъ!..—И онъ картинно протянулъ руку.—И домъ мой, и все, что въ моемъ домѣ, — къ услугамъ пана... Положимъ, что тамъ... Гм... Но, все таки... — А это вашъ сынъ, пане? Я угадалъ?..

— Угадали!.. Позвольте его представить... Мой сынъ и наслѣдникъ, Стась... Привезъ его сюда въ Кіевъ, учиться.

— Къ піарамъ? — Прекрасно! И мой Владекъ тамъ учится... — А я, вѣдь, сейчасъ узналъ молодой отпрыскъ... — И панъ Вериго опять осклабился.—И ротъ, и глаза, и носъ... Вылитый панъ Маевскій!..

— Но онъ, мнѣ кажется, въ мать скорѣе...

— О, нѣтъ, никогда! никогда!.. — Однако прошу, пане, въ домъ!.. Какъ счастлива будетъ моя Костуся!.. Сюда, вотъ, сюда, шановный панъ Ромуальдъ!.. Поосторожнѣе, ради Бога... Нагните голову... Такъ!.. Прошу покорно! — И панъ Сигизмундъ широко распахнулъ двери.

Да, все поражало здѣсь крайней бѣдностью, нищетой!.. Стѣны покривились; на нихъ, тамъ и сямъ, виднѣлись пятна отъ сырости; и не скрашивали этихъ пятенъ, не закрывали ихъ лубочныя, грубо намалеванныя картинки библейскаго содержанія. На потолкѣ образовалась течь; изъ щелей дуло. Убогій столъ, двѣ скамьи, и съ полдюжины расшатанныхъ стульевъ составляли

всю меблировку. Изъ другой комнаты въ полуоткрытую дверь выглянуло нѣсколько грязныхъ, замазанныхъ дѣтскихъ лицъ. При входѣ Маевскаго, дверь захлопнулась, и лица скрылись. Панъ Ромуальдъ подавилъ вздохъ. Стась съ удивленіемъ оглянулся по сторонамъ.

— Костуся, душа моя! говорилъ панъ Сигизмундъ худой и болѣзненной женщинѣ, очень бѣдно одѣтой. Она привстала изъ-за стола, съ какимъ-то шитьемъ въ рукахъ. — Да ты посмотри, посмотри только, кого я привелъ!.. Вѣдь это онъ, панъ Ромуальдъ Маевскій, тотъ самый, который женатъ на моей теткѣ, переврал онъ.—Ты помнишь, какъ мы говорили о немъ, какъ часто его вспоминали?..

Она чуть-чуть, мелькомъ, взглянула на мужа. Онъ никогда и словомъ не обмолвился о Маевскомъ. Но ей не привыкать было къ его вранью.

— Ахъ, пане, я очень рада! говорила она, со слабой улыбкой и протянула руку. Панъ Ромуальдъ пожалъ ее. — А это... это...— Она взглянула на Стася.

— Мой сынъ.

— Не правда-ли, какъ онъ похожъ на отца, Костуся? А?— Двѣ капли воды!.. — Ну, что, мой шановный пане, какъ нравится вамъ мой домикъ? Не правда-ли: чисто, уютно, тепло?.. Зимой, даже жарко, порой, — ей Богу!.. Немножко ветхо и старо... Да... Давно сбираюсь все починить... Но, понимаете, времени нѣтъ, ни минуты свободной!.. Ну, средства тоже, конечно... Я въ настоящее время немножко того... Дѣлишки запутались... Но это на время только... Я непремѣнно поправлюсь... Мой дядя, Брониславъ Пашкевичъ... Вы знаете его? Нѣтъ? Не слыхали? — Въ Америкѣ, въ Нью-Іоркѣ... Нѣтъ, въ Санъ-Франциско, впрочемъ... Богатъ, ужасно богатъ... Пять милліоновъ долларовъ... Холостякъ... Теперь онъ больной, безнадежно, — въ параличѣ, — и я наслѣдникъ его... единственный...

— Сигизмундъ!.. остановила его пани Констанція.

Но Сигизмундъ только мотнулъ головой.

— Да, говорилъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь. — Пять милліоновъ долларовъ! А!.. Переведите это на злотые, шановный панъ Ромуальдъ, — и сколько это милліоновъ составитъ?!. — Конечно, я домикъ продамъ... Я подарю его просто какому-нибудь бѣднягѣ... Куплю себѣ цѣлый пáлацъ, зáмокъ... одно изъ имѣній пана Потоцкаго... Онъ продастъ... Я разведу тамъ громадный фруктовый садъ... Оранжереи... Персики, ананасы... цвѣты... Тропическіе цвѣты... Пальмы... Вы только представьте, панъ Ромуальдъ: пальмы, бананы, араукаріи, — и по ихъ вѣткамъ, по ихъ стволамъ — вьются орхидеи и ліаны!.. Представьте вы...

— Сигизмундъ!..

Панъ Сигизмундъ очнулся и провелъ рукой по лбу. Порою, онъ до того увлекался, что самъ начиналъ вѣрить въ существованіе американскаго дядюшки и его милліоны... Панъ Ромуальдъ съ изумленіемъ глядѣлъ на него, а пани Констанція сидѣла съ опущенной головой и казалась сильно сконфуженной. Панъ Вериго сконфузился тоже.

— Да, такъ о чемъ-же я говорилъ? — О дѣлахъ, кажется?.. Гм... Они позапутались, правда, — но это на время только, на время!.. Поправлюсь я, получу деньги, и непремѣнно ремонтирую домикъ... — Вы видите, панъ Ромуальдъ, залу. Затѣмъ, тамъ у насъ столовая, спальная, дѣтская, и еще одна комнатка... Не угодно-ли вамъ взглянуть?

— Но, Сигизмундъ... пробормотала пани Констанція. — Тамъ теперь...

— Грязновато? — Да, правда... Ну, хорошо, въ другой разъ... Теперь мы лучше закусимъ, выпьемъ... Да, панъ Ромуальдъ?.. Вѣдь вы этакъ не прочь съ дорожки? А?..

— Признаться, я сытъ...

Но панъ Сигизмундъ не разслышалъ.

— Вотъ только вопросъ: чего-бы поѣсть?.. говорилъ онъ.— Все это такъ надоѣло, такъ надоѣло!.. Да развѣ здѣсь можно достать порядочное что-нибудь?..— Глушь, дичь!.. Не бѣгать-же, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, за всякой бездѣлицей въ городъ... — Нѣтъ, панъ Ромуальдъ, когда я поправлю свои дѣла, я поселюсь непремѣнно въ центрѣ... Все подъ рукой будетъ, — отлично!.. И все постоянно свѣжее...— Ну, а на счетъ пулярки что́-бы сказали вы?— И панъ Сигизмундъ подмигнулъ и прищелкнулъ языкомъ.— Съ трюфелями?— Впрочемъ, гдѣ ужь!..— И онъ безнадежно вздохнулъ.— Здѣсь трюфелей и на вѣсъ золота не достанешь...

— Яичницу съ ветчиной? А?

— Благодарю васъ, панъ Сигизмундъ. Но я, право, сытъ...

— Э, полноте! быть не можетъ!..— Костуся, душа моя! обратился онъ вдругъ къ женѣ.— Сходи, мой ангелъ, распорядись: яичницу изъ двадцати яицъ... Вы, панъ Ромуадьдъ, какую любите: выпускную?

— О, все равно!

— Сигизмундъ!..— И пани Констанція дернула за рукавъ мужа.

— Что, ангелъ мой?

— Поди сюда на минутку...— И она отвела его въ уголъ. Они тамъ долго шептались о чемъ-то. До пана Маевскаго долетало: «Какъ? продали? полсотни?— Не можетъ быть!..»— Да, вчера...— «И ни... ничего не осталось?..»— Хоть-бы яйцо!..— «Такъ ты что-нибудь... Хоть немножко... Ну, водочки!..» — Капли нѣтъ въ домѣ...

Панъ Ромуальдъ вздохнулъ. Онъ притворился, что ничего не слышитъ, и въ головѣ его вертѣлась въ то время мысль: «вѣдь они голодаютъ... ѣсть нечего!.. Ахъ, Боже мой... Не предложить-ли ему денегъ немного? Но какъ?..»

Панъ Сигизмундъ вернулся, замѣтно сконфуженный.

— Пане... шановный мой панъ Ромуальдъ!.. говорилъ онъ.— Представьте, какое несчастіе!.. Двѣсти яицъ въ лукошкѣ... Стояли въ сѣняхъ, на полу... Собака ихъ опрокинула... трахъ,— всѣ разбились до одного!..

Панъ Ромуальдъ закусилъ улыбку.

— Но мы поѣдимъ чего нибудь, тамъ другого... — Костуся! Распорядись, мой ангелъ!.. — И онъ бросилъ на жену умоляющій взглядъ. — Та вышла.

— Панъ Сигизмундъ!.. заговорилъ вдругъ Маевскій.—Простите, не взыщите за откровенность... У васъ нѣтъ денегъ?..

Вериго завертѣлся, какъ на иголкахъ.

— Вотъ видите, пане... забормоталъ онъ.

— Я вамъ могу предложить... Вамъ сколько надо?.. Двѣсти... триста... четыреста злотыхъ?..

— О, пане!.. — И Сигизмундъ приложилъ руку къ сердцу. — Я ни въ какомъ случаѣ...

— Не возьму, хотите сказать?—Напрасно!.. Я вамъ не въ долгъ, вѣдь, даю, — мы сочтемся...

Вериго насторожилъ уши.

— Я все скажу въ двухъ словахъ. Стасю нужно учиться. Онъ долженъ жить въ Кіевѣ. Но у кого? — У меня нѣтъ здѣсь, кромѣ васъ, ни одного знакомаго человѣка, кому-бы я могъ поручить ребенка... И вотъ, я надѣюсь...

Панъ Сигизмундъ просіялъ. Онъ чуть не бросился на шею Маевскаго, — но удержался.

— Нѣтъ словъ, шановный панъ Ромуальдъ... Нѣтъ словъ благодарить васъ за такое довѣріе!.. говорилъ онъ и прижалъ руку къ сердцу. — И я оправдаю его!.. Клянусь вамъ всѣми святыми!.. Стасю здѣсь будетъ такъ хорошо, такъ хорошо... Однимъ словомъ, я буду любить его, какъ родного сына... Да нѣтъ, — больше, гораздо больше!..

— Благодарю, пане! Руку!.. — И панъ Ромуальдъ пожалъ длинные и не совсѣмъ чистые пальцы пана Вериго.—Я въ васъ нисколько не сомнѣвался... — И такъ, насчетъ денегъ... — Онъ вытащилъ кошелекъ, — и панъ Сигизмундъ навострилъ уши: тамъ зазвенѣло золото.—Я васъ прошу не стѣсняться... Двѣсти... триста... четыреста?.. Вотъ вамъ пятьсотъ... Мы сочтемся...

— О, да, сочтемся!..—И кучка дукатовъ мгновенно исчезла въ карманѣ пана Вериго.—Благодарю васъ! — Я мигомъ, пане, сейчасъ... Только распоряжусь по хозяйству...

Панъ Ромуальдъ раскрылъ было ротъ, — но Сигизмунда и слѣдъ простылъ.

Прошло съ полчаса. Маевскій ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Стась разсматривалъ висѣвшія на стѣнахъ картинки и поглядывалъ изрѣдка на запертую дверь въ сосѣднюю комнату. Она, порой, немножко пріотворялась, оттуда высовывалась грязная рожица и, показавъ Стасю языкъ, опять скрывалась; показывалась другая, выставлялся изъ-за двери кулакъ и грозилъ. Стась отвѣчалъ тѣмъ-же. Но вотъ дверь опять слегка отворилась, и въ нее выглянулъ мальчикъ лѣтъ 10. Онъ, съ самымъ воинственнымъ видомъ, глядѣлъ на Стася и цѣлилъ въ него кускомъ рѣпы... Панъ Ромуальдъ ничего не слышалъ, не замѣчалъ...

— А брось-ка, попробуй, — брось! угрожающе шепталъ Стась и сжалъ кулаки.

— Брошу!

— Брось!.. — И рѣпа ударилась ему прямо въ носъ. — Стась вскрикнулъ. Дверь моментально захлопнулась, и за ней послышался хохотъ.

— Ахъ, панъ Сигизмундъ! панъ Сигизмундъ! говорилъ Маевскій и покачалъ головой. — Бога вы не боитесь! — Да тутъ, вѣдь, на цѣлый полкъ ѣды хватитъ!..

Но панъ Сигизмундъ ухмыльнулся только.

Босая, грязная дѣвка несла огромный подносъ со всевозможной закуской, какъ видно, только что купленной въ бакалейной лавкѣ. Тутъ были всевозможные маринады, грибки въ уксусѣ, рыба разная, сыръ, колбаса, фрукты... За дѣвкой слѣдовалъ хлопецъ, съ такимъ же огромнымъ подносомъ съ бутылками. Старый *венгжинъ*, бургонское и токайское — стояли на первомъ планѣ; затѣмъ — наливки разныя, водки...

— Да, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! говорилъ Вериго и весело потеръ руки. — Какъ истый шляхтичъ, люблю и выпить и закусить!.. Надѣюсь, и панъ Ромуальдъ... О, конечно, конечно!.. И такъ не будемъ терять золотого времени и приступимъ!.. Сперва мы выпьемъ по маленькому стаканчику доброй водки... А она, точно, добрая, — рекомендую... Не здѣшней выкурки... Іосель, ужь чортъ его знаетъ, откуда ее достаетъ... Прóшу, пане!..

Вериго налилъ стаканы и, моментально осушивъ свой, закусилъ кускомъ сыра.

— Теперь еще по стаканчику, — и закусимъ!..

Выпили. Панъ Ромуальдъ проглотилъ грибокъ, а панъ Сигизмундъ съ такой жадностью набросился на закуски, какъ будто съ недѣлю сидѣлъ на однихъ сухаряхъ. Онъ, какъ акула, глоталъ кусокъ за кускомъ и, то и дѣло, подливалъ въ стаканъ то изъ той, то изъ другой бутылки. Но вотъ онъ, наконецъ, вспомнилъ о Стасѣ.

— Ахъ, милый мой! говорилъ онъ. — И ты, вѣдь, навѣрно проголодался? Да?.. — Боже, что за разсѣянность!.. Вотъ на тебѣ, кушай, кушай!.. — Онъ наложилъ ему на тарелку колбасъ, сосисокъ, яблоковъ, винограду... — Панъ Ромуальдъ улыбался и крутилъ усъ, а Стась съ неописаннымъ изумленіемъ глядѣлъ на пана Вериго.

— А гдѣ-же пани Констанція? спросилъ, оглядываясь, Маевскій. — Ея не видать что-то...

— Тамъ... по хозяйству... пробормоталъ панъ Сигизмундъ, почему-то слегка смутившись. — Сейчасъ придетъ...

Но время шло, а пани Констанція не приходила. Закуски исчезали съ неимовѣрною быстротой. Не менѣе быстро исчезало и вино въ бутылкахъ. Но вотъ, наконецъ, на тарелкахъ остались одни объѣдки, и панъ Сигизмундъ, слегка покачиваясь, поднялся изъ-за стола.

— Ну, что, мой шановный пане? говорилъ онъ. — Сыты-ли вы? Простите, тутъ многаго, многаго не было!.. Но, Боже мой, гдѣ-же достать, — вѣдь здѣсь рѣшительно нѣтъ ничего хорошаго!.. — И онъ пожималъ руку Маевскому и любовно заглядывалъ ему въ глаза.

— Помилуйте, что вы! бормоталъ тотъ. — Я сытъ по горло!..

— Гм... Сомнѣваюсь! покачалъ головою Вериго. — И сомнѣвался онъ вполнѣ основательно. Въ то время, какъ панъ Ромуальдъ глоталъ кусокъ, — панъ Сигизмундъ успѣвалъ ихъ проглотить три-четыре.

— Теперь о дѣлѣ, панъ Сигизмундъ, если позволите, — говорилъ Маевскій.

— О дѣлѣ? Но о какомъ-же?

— О Стасѣ.

— Ахъ, Боже мой, я и забылъ совсѣмъ! сконфузился панъ Вериго. — Что за разсѣянность!.. Я весь къ услугамъ пана Маевскаго! — И онъ приготовился слушать.

Панъ Ромуальдъ сталъ говорить ему объ условіяхъ. Ну, разумѣется, тамъ, — обѣдъ, ужинъ... Онъ изъ Маювки привезъ изрядный запасъ провизіи (панъ Сигизмундъ насторожилъ уши)— куры, индѣйки, гуси и пр., — и Стась относительно пищи уже обезпеченъ на мѣсяцъ... Вериго сдѣлалъ обиженный жестъ, но панъ Ромуальдъ успокоилъ его, увѣряя, что тутъ нѣтъ ничего обиднаго для самолюбія пана: вѣдь тамъ, въ деревнѣ, такъ много

провизіи, что все равно, дѣвать некуда, — и Стась не можетъ-же все одинъ съѣсть... Затѣмъ онъ просилъ наблюдать за поведеніемъ мальчика («онъ очень скроменъ и тихъ, но иногда пошалить любитъ»), и повнимательнѣе слѣдить за его уроками...

— О, будьте спокойны, пане, будьте спокойны! говорилъ Вериго. — Онъ будетъ мнѣ вмѣсто сына...

— А что касается платы...

— Ахъ, Боже мой, что толковать объ этомъ! — И панъ Сигизмундъ небрежно махнулъ рукой. — Вѣдь мы свои люди, — сочтемся... — Руку, панъ Ромуальдъ!

И дѣло было покончено.

— Но я забылъ вамъ представить своихъ дѣтей! вдругъ спохватился Вериго. — Что за разсѣянность!.. Я сейчасъ... — И онъ скрылся въ другую комнату. Черезъ минуту тамъ поднялась суетня какая-то; кто-то крикнулъ, заплакалъ... И панъ Сигизмундъ вошелъ, держа за руки двухъ мальчугановъ, отъ 8 до 10 лѣтъ.

— Вотъ только двое, пане, говорилъ онъ. — Другихъ не нашелъ, — удрали куда-то... Рекомендую: Ка́ролекъ. — И онъ толкнулъ къ пану Маевскому младшаго мальчика. — А это вотъ, Вла́декъ... Ты познакомься съ нимъ, Стась, и полюби его. Онъ тоже учится у піаровъ... — И онъ подтолкнулъ старшаго.

Будущіе знакомцы оглядѣли другъ друга не особенно дружелюбно. Во Вла́дкѣ Стась узналъ того самого, что угодилъ ему въ носъ кускомъ рѣпы. Но, впрочемъ, онъ протянулъ ему руку.

— Есть еще самый старшій, говорилъ панъ Сигизмундъ, — Стахъ; ему ужь 15 лѣтъ и онъ занимается у адвоката... Ну, а другіе все — мелюзга!..

— Ты что, Стась? вдругъ обернулся онъ.

Мальчикъ вскрикнулъ.

— Да онъ ущипнулъ меня...

— Владекъ?.. Аа!.. Ты что-же это?.. Какъ смѣешь!..

— Вретъ онъ, безбожно вретъ!.. Онъ самъ меня дернулъ за ухо!.. увѣрялъ Вла́декъ.

— Пошелъ вонъ!.. Невѣжа... Хлопъ!.. — И панъ Сигизмундъ закатилъ сыну увѣсистую пощечину. Но тотъ не моргнулъ и бровью.

— Ну, погоди-жь ты у меня!.. злобно шепнулъ Вла́декъ. — Я послѣ вздую тебя... О — охъ, какъ вздую!.. — И онъ вышелъ изъ комнаты.

— Панъ Ромуальдъ, можетъ быть, отдохнуть хочетъ? говорилъ Вериго. — Порастрясло дорогой...

— Да, съ полчаса, пожалуй, а тамъ, не откладывая, и въ коллегію... Ректоръ о. Доминикъ мнѣ знакомъ... Я зналъ его, когда онъ еще былъ каноникомъ. Но только онъ ужь навѣрно забылъ меня...

— Аа... Въ такомъ случаѣ, я провожу васъ. Къ вашимъ услугамъ, пане!..

Старый Панасъ кряхтѣлъ и ворчалъ всю дорогу... Онъ несъ на плечахъ корзину, съ гусями, индѣйками, курами, предназначавшимися въ даръ о. ректору; спотыкался чуть не на каждомъ шагу и утопалъ въ грязи по самую щиколотку. Панъ Ромуальдъ со Стасемъ шли молча, и только первый ворчалъ себѣ подъ носъ, ругая въ душѣ, на чемъ свѣтъ стоитъ, эту проклятую грязь на улицахъ, эти лужи, черезъ которыя, то и дѣло, приводилось имъ перескакивать. Только одинъ панъ Сигизмундъ оставался совершенно невозмутимымъ. Онъ храбро шагалъ по грязи и, то и дѣло, испускалъ восклицанія, вродѣ слѣдующихъ:

— Панъ Ромуальдъ! Взгляните: вотъ это па́лацъ графа Быстрицкаго... Это тотъ, который... — И затѣмъ начиналась подробная родословная графа; перечислялись его имѣнія и маёнтки *)

*) Участки земли.

чуть-ли не во всѣхъ частяхъ свѣта; затѣмъ перечислялись его доходы, и на столько подробно, точно панъ Сигизмундъ былъ главноуправляющимъ всѣхъ этихъ имѣній. — Или: — «Шановный панъ Ромуальдъ! Вотъ это костелъ о. о. бернардиновъ. Взгляните, архитектура — антикъ!.. Онъ былъ построенъ (въ такомъ-то году).» — И панъ Сигизмундъ сообщалъ даже, во сколько обошлась эта постройка, и какими доходами пользуется теперь костелъ. — Панъ Ромуальдъ, въ большинствѣ случаевъ, пропускалъ всю эту болтовню мимо ушей. Онъ только объ одномъ думалъ: какъ-бы ихъ Богъ поскорѣй донесъ до коллегіи.

А, вотъ, наконецъ... И старый Панасъ, и панъ Ромуальдъ, и Стась вздохнули свободнѣй. (У Стася, впрочемъ, немного тревожнѣй забилось сердце). Они дошли до коллегіи о. о. піаровъ. Это было огромное двухъ-этажное зданіе, крайне мрачнаго вида, окруженное высокой каменною стѣной. Оно походило скорѣй на тюрьму, иль на крѣпость, чѣмъ на разсадникъ просвѣщенія юношества. Къ нему примыкалъ густо разросшійся, полузапущенный садъ. Изъ-за его высокой стѣны простирали мохнатыя вѣтви могучіе вѣковые дубы и клены. У массивныхъ воротъ сидѣлъ на скамеечкѣ молодой послушникъ и разсѣянно поглядывалъ по сторонамъ, перебирая въ рукахъ четки...

— Мнѣ надо-бы увидать о. ректора, обратился къ нему панъ Ромуальдъ.

Служка окинулъ его съ головы до ногъ внимательнымъ взглядомъ. И этотъ взглядъ не замѣтилъ ничего особеннаго, кромѣ залѣпленныхъ грязью сапогъ и забрызганнаго дорожнаго платья. Потомъ онъ взглянулъ на пана Верниго, на Панаса, на Стася и, наконецъ, процѣдилъ:

— О. ректоръ занятъ... Не принимаетъ...

— Но мнѣ на минутку только, по дѣлу... Не задержу его, говорилъ панъ Ромуальдъ и сдѣлалъ какой-то жестъ. Такимъ-же

жестомъ отвѣчалъ и послушникъ: онъ протянулъ руку, и въ ней звякнула пара злотыхъ.

— Ступайте, пане, во дворъ, говорилъ онъ уже совсѣмъ другимъ тономъ. — Первое крыльцо будетъ; тамъ поднимитесь по лѣстницѣ, — и на право. — И онъ распахнулъ калитку.

Только что панъ Ромуальдъ со свитой вошелъ въ огромный мощеный дворъ, — какъ вдругъ раздались крики, гамъ, и на встрѣчу имъ высыпало съ крыльца человѣкъ шестьдесятъ мальчиковъ, начиная лѣтъ съ 8—9, и кончая шестнадцати и семнадцати-лѣтними, съ пробивающимся пушкомъ на губахъ. Здѣсь были и блѣдные и худые дѣти, съ истомленными лицами, и здоровенные, краснощекіе хлопцы; и прилично, пожалуй, даже щеголевато, одѣтые, и грязные, полуоборванные...

Довольно было и бѣглаго взгляда, чтобы рѣшить, что тутъ есть и балованные, изнѣженные сынки богатыхъ пановъ — магнатовъ, и сыновья бѣдныхъ шляхтичей и крестьянъ. — И вотъ вся эта ватага вдругъ окружила прибывшихъ. Она не давала имъ шагу сдѣлать впередъ...

— Ну, вы, прочь съ дороги!.. гаркнулъ было панъ Сигизмундъ. Но толпа отвѣтила только хохотомъ.

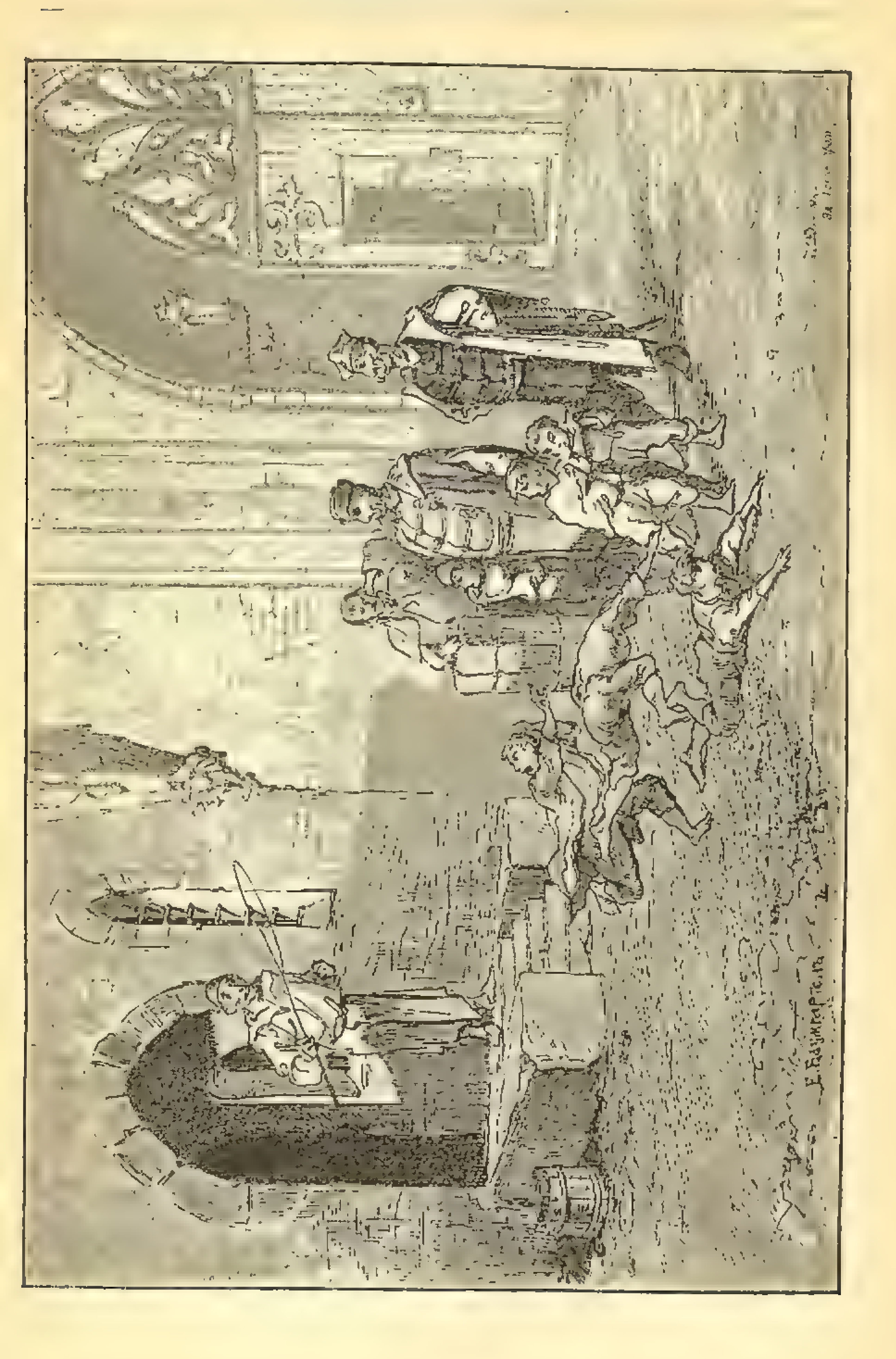
— Ахъ, вы, чортово племя!.. ругался панъ Сигизмундъ. Его тѣснили со всѣхъ сторонъ. Кто-то ткнулъ его кулакомъ въ бокъ. — Поррросята!..

— Вамъ здѣсь кого надо? А? Къ кому вы пришли? говорилъ какой-то здоровый, черноволосый хлопецъ, въ суконномъ жупанѣ, порядкомъ оборваномъ и отрепанномъ.

— О. ректора, отвѣчалъ панъ Ромуальдъ. Онъ начиналъ сердиться.

— А вамъ зачѣмъ?

— Да тебѣ-то какое дѣло!.. не выдержалъ наконецъ Маевскій. — Прочь!..

Е. Баумгартенъ

— Прочь!.. поддержалъ его панъ Сигизмундъ и махнулъ рукой.

И опять только хохотъ.

— Э, хлопцы, да дѣло-то вотъ въ чемъ... говорилъ тотъ-же черноволосый. — Опи мальчишку сюда привели новаго... Вонъ и корзину несутъ, съ провизіей, отцу ректору. — И онъ кивнулъ на Панаса.

— О, жеребята проклятые!.. проворчалъ тотъ, сдвинувъ сѣдыя брови.

— Куры... индѣйки... гуси... Сала сколько, поди!.. вздохнулъ какой-то худенькій, блѣдный мальчикъ. — И все это имъ... все они одни слопаютъ... Намъ хоть-бы крошку какую!.. Брюхо-то подвело!..

— А ну-ка, хлопцы... Гайда!.. скомандовалъ черноволосый. — Возьмемъ себѣ эту корзину, — раздѣлимъ!.. Зачѣмъ добру пропадать!..

— Аа!.. послышался крикъ, — и толпа двинулась. Панасъ сдѣлалъ угрожающій жестъ... — Но, вдругъ, всѣ шарахнулись, точно стадо барановъ, и разсыпались въ разныя стороны. — Съ крыльца сбѣгалъ, придерживая одной рукою сутану, а другой размахивая плетью, еще молодой монахъ.

— Вотъ я васъ!.. Я васъ!.. кричалъ онъ. — Постойте, вотъ, погодите!.. — Но школьники улепетывали, какъ могли.

— Вамъ что угодно? обратился монахъ къ Маевскому и оглянулъ его съ головы до ногъ.

— О. ректора.

— А зачѣмъ?

— Да вотъ сына хочу опредѣлить сюда, — и онъ указалъ на Стася.

Монахъ взглянулъ на него, потомъ на мальчика.

— Ступайте по этой лѣстницѣ, говорилъ онъ. — Дверь направо.

— Благодарю, мой отецъ!..

Въ узенькой и довольно грязной, полутемной пріемной ректора уже сидѣло человѣкъ пять просителей. Подъ лавками и на полу виднѣлись тоже корзинки, корзины, вродѣ той, какую принесъ Панасъ. Здѣсь повторилась та-же исторія: «вамъ кого?» и т. д. — Скажи: панъ Ромуальдъ Маевскій! — Наконецъ служка вернулся.

— Пожалуйте!

Келья о. ректора была, какъ и, вообще, всѣ кельи: вездѣ образа, лампадки предъ ними; распятіе изъ слоновой кости. Высокій, полный мужчина, на видъ лѣтъ пятидесяти, съ черными волосами, въ которыхъ не виднѣлось ни одной сѣдинки, и съ золотымъ крестомъ на груди, поднялся съ кресла, при входѣ пана Маевскаго. Тотъ велъ за руку сильно смущеннаго Стася и что-то шепталъ ему. Панъ Сигизмундъ остался въ пріемной.

Панъ Ромуальдъ почтительно поклонился.

— Вы панъ Маевскій?

— Да.

— Прошу покорно садиться! Чѣмъ вамъ могу служить?

Панъ Ромуальдъ присѣлъ.

— Привезъ къ вамъ сына, ваше преподобіе, говорилъ онъ.— Будьте добры...

— А, хорошо, хорошо! Поучимъ... Который годъ?

— Десять.

— Гм... Хорошо... А, подойди, хлопчикъ! — И онъ кивнулъ пальцемъ Стасю. Тотъ подошелъ.

— Учиться хочешь?

— Хо-чу!.. прошепталъ Стась.

— Прекрасно!.. Молитвы знаешь: «Вѣрую?» «Отче нашъ?»

— Знаю.

— А прочитай-ка!

Стась прочиталъ, слегка конфузясь и запинаясь.

Эл. Гоппе, фот

— Въ латыни смыслишь?

— Немного...

— Ну, а какъ будетъ: *лѣность?*

— Pigritia.

— Такъ. А лѣнивъ ты?

— Немножко, о. ректоръ, слегка улыбнулся панъ Ромуальдъ. — Но вы постарайтесь ужь...

— Разумѣется!.. Лѣность — порокъ, дитя мое... А *порокъ* какъ?

— Vitium.

— Молодецъ! Vitium est — pigritia! Лѣность — порокъ. — Ну, хорошо. Преуспѣвай, хлопчикъ! — И онъ потрепалъ его ласково по щекѣ. — И не лѣнись никогда... Слышишь?

Стась ободрился.

— Не буду! смѣло отвѣчалъ онъ.

— Такъ хорошо, панъ... Панъ Ромуальдъ, кажется?

— Да.

— Мы примемъ его въ *инфиму* *)... А гдѣ-же онъ будетъ жить? Не у насъ?

— Нѣтъ, ваше преподобіе, — на квартирѣ...

— Аа... Такъ, значитъ, надо *директора* **)...

— Я не знаю... Мнѣ кажется, нѣтъ... А, впрочемъ, какъ вамъ угодно...

— Ну, мы посмотримъ... И такъ...

Панъ Ромуальдъ всталъ и подошелъ ближе къ ректору.

— Я... тамъ... немножко... забормоталъ онъ.

Но о. Доминикъ не далъ ему докончить. Онъ понялъ.

---

*) Коллегіи раздѣлялись на слѣдующія отдѣленія или классы: *инфима*, *грамматика* и *синтаксисъ* (младшія) и *поэзія* и *риторика* (старшія).

**) *Директоромъ* называли лучшаго ученика въ коллегіи, котораго приставляли къ ученику, живущему на квартирѣ, чтобъ онъ наблюдалъ за его успѣхами и поведеніемъ. За это родители ученика содержали «директора» и дѣлали ему подарки.

— Аа... да... Благодарю васъ, благодарю, панъ Ромуальдъ! говорилъ онъ.—Но только вы это совсѣмъ напрасно... Къ чему? зачѣмъ?..

— И такъ я васъ больше не желаю удерживать... Ступайте съ Богомъ! А завтра утромъ, пораньше, вы приводите мальчика къ намъ; мы его познакомимъ со школой... Съ завтрашняго-же дня онъ можетъ слушать и лекціи...

— Такъ я надѣюсь, отецъ мой...

— О, будьте совершенно спокойны! Только-бы мальчикъ былъ умнымъ, послушнымъ, старательнымъ, — и мы сдѣлаемъ изъ него человѣка!..

Панъ Ромуальдъ раскланялся и вышелъ со Стасемъ изъ кельи.

X.

Утромъ, чуть-свѣтъ, Вериго ужь барабанилъ въ дверь комнаты, гдѣ спали панъ Ромуальдъ со Стасемъ.

— Шановный пане! вставайте, — пора!.. говорилъ онъ.

Маевскій почти не спалъ эту ночь. Комнатка, гдѣ ихъ помѣстили, была маленькая, грязноватая и сырая; къ тому-же въ ней оказалось очень много клоповъ. Стась крѣпко спалъ и ничего не чувствовалъ; но панъ Ромуальдъ все ворочался съ боку на бокъ.— Но не клопы мѣшали ему уснуть, — клопы еще ничего-бы, — а вотъ мысли разныя ему приходили въ голову. Онъ начиналъ ужь раскаяваться, что согласился отдать Стася пану Вериго. Сигизмундъ произвелъ на него не особенно пріятное впечатлѣніе.

— Еще голодать будетъ, пожалуй, мальчикъ! съ тревогою думалъ онъ. — Они, вѣдь, сами, должно быть, вѣчно сидятъ впроголодь... — И онъ вспомнилъ, съ какою жадностью набросился панъ Сигизмундъ на закуски, и какъ усердно онъ подливалъ изъ разныхъ бутылокъ себѣ въ стаканъ. — И, вообще,

онъ чудакъ какой-то, хвастунъ... А, впрочемъ, можетъ быть, человѣкъ и хорошій, порядочный, — кто знаетъ!.. Гм... — И панъ Ромуальдъ задумался.

Но какъ ни раздумывалъ онъ, а все не могъ рѣшить: ка́къ быть, что́ дѣлать? — Кромѣ пана Вериго, у него въ Кіевѣ не было ни души знакомой, а отдать мальчика къ совсѣмъ посторониимъ людямъ онъ не рѣшался. Положимъ, и Сигизмунда онъ мало зналъ. Давно когда-то, лѣтъ двадцать назадъ, встрѣчалъ онъ его еще холостымъ, — и только... Тогда за нимъ не водилось никакихъ пороковъ; онъ былъ малый такъ себѣ, душа, что называется на распашку... Ну, а теперь?.. — Кто знаетъ, — въ чужую душу не влѣзешь!.. Бѣдность... но бѣдность, вѣдь, не порокъ... — И пану Маевскому пришло вдругъ въ голову, что онъ даже не дурно сдѣлаетъ, если отдастъ Стася Вериго. Вѣдь эти деньги, которыя онъ будетъ платить за его содержаніе, — поддержатъ семью, цѣлый десятокъ ртовъ... Вотъ только-бы эти рты не слишкомъ ужъ объѣдали мальчика...

— Ну, тамъ посмотримъ, увидимъ! рѣшилъ панъ Ромуальдъ. — Что-жь, если ему здѣсь не хорошо будетъ, я помѣщу его у другихъ... Найду, тамъ, кого-нибудь. — Вотъ только мнѣ не хотѣлось-бы отдавать его пансіонеромъ въ коллегію... Сорванцы все тамъ ужасные, негодяи; еще испортятъ ребенка, — сохрани Богъ!..

Наскоро закусивъ, панъ Ромуальдъ отправился со Стасемъ въ коллегію. Было еще семь часовъ, а лекціи начинались въ восемь; иногда въ четверть, въ половинѣ девятаго. Но имъ ужь попадались на дорогѣ ученики. Это были, очевидно, дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей. Они и теперь ужь начинали походить на своихъ отцовъ. Заложивъ руки за пояса щегольскихъ жупанчиковъ, они, съ гордымъ и важнымъ видомъ, выступали по грязной дорогѣ, поглядывая съ высоты величія на попадавшихся имъ мѣщанъ и хлоповъ. За ними, въ почтительномъ отдаленіи,

шли грязные, оборванные мальчишки, со связками книгъ подъ мышками. Это были ихъ казачки. Они одѣвали и обували своихъ паничей и носили за ними книги въ коллегію... — Панъ Ромуальдъ былъ задумчивъ и шелъ, опустивъ голову. Стась часто зѣвалъ. Онъ не успѣлъ еще порядочно отдохнуть отъ продолжительной и трудной дороги, не совсѣмъ выспался...

— А что, Стась, говорилъ панъ Ромуальдъ и взглянулъ на сына. — Часто ты будешь писать мнѣ?

— Часто, папочка.

— Да, то-то, милый. Пиши чаще и, какъ можно, подробнѣе; все пиши, ничего не скрывай... Каково тебѣ будетъ тамъ жить, у пана Вериго; сытно-ли будутъ кормить тебя, не станутъ-ли обижать... Все пиши!..

— Да.

— Ну, а на счетъ поведенія... Я много съ тобой толковать не буду... Я на тебя надѣюсь... Ты умный, хорошій мальчикъ, и не захочешь огорчать ни меня, ни маму... Неправда-ли?..

— О, никогда, папочка! никогда! съ чувствомъ говорилъ Стась.

— Ну, вотъ... Съ дурныхъ не бери примѣра... Тамъ, въ школѣ много негодныхъ мальчиковъ, — ты не якшайся съ ними, избѣгай ихъ!.. Да что-же, впрочемъ, и толковать объ этомъ, — ты самъ все это хорошо знаешь и понимаешь... — Деньги, что я оставилъ тебѣ, по пустякамъ не держи,—береги ихъ; а выйдутъ, ты напиши мнѣ, — пришлю опять...

И долго еще панъ Ромуальдъ давалъ сыну совѣты и наставленія. Тотъ молча и внимательно слушалъ.

— Да ты развѣ скоро отсюда уѣдешь, папа? спросилъ вдругъ Стась и поднялъ глаза на отца.

— Да, милый... Быть можетъ, сегодня вечеромъ, или завтра утромъ...

Стась грустно опустилъ голову, и вдругъ въ глазахъ его

заблестѣли слезинки и потекли по щекамъ. Панъ Ромуальдъ нѣжно отеръ ихъ.

— Ну вотъ, ты и опять заплакалъ! говорилъ онъ. — Не хорошо, голубчикъ!.. А помнишь, что́ ты обѣщалъ, доро́гой? — Неплачь, не скучай... На Рождество я опять за тобой пріѣду...

Они подходили къ коллегіи.

— Папочка! Это кто идетъ? Кто? спрашивалъ Стась.

— Гдѣ?

— Да вотъ...

Къ воротамъ коллегіи подходилъ высокій, худой монахъ, съ угрюмымъ, блѣднымъ лицомъ. За нимъ шелъ мальчикъ съ нагайкой. И тотъ и другой скрылись въ калиткѣ.

— А это о. профессоръ. Идетъ на лекціи.

— А мальчикъ зачѣмъ съ нагайкой?

Панъ Ромуальдъ смутился.

— Это, вотъ, видишь, Стась... забормоталъ онъ. — Эта нагайка, — ее зовутъ *мониторъ*... и о. профессоръ всегда кладетъ ее передъ собою на каѳедру... Знаешь, чтобы боялись...

— Гм... *мониторъ*... задумчиво говорилъ Стась. — Какъ странно!.. *Moneo*—убѣждать, *monitum*—убѣжденіе...

— И тамъ сѣкутъ, папочка?—спросилъ онъ, уже съ испугомъ.

— Гм... да, сѣкутъ... Но только не всѣхъ... Тебя не будутъ, — не бойся!..

Стась успокоился.

— А вонъ и звонятъ, — къ молитвѣ... Идемъ, мой милый, идемъ скорѣе!.. — И они тоже вошли въ калитку.

Гдѣ-то тамъ, во дворѣ, прозвучалъ колоколъ, и звуки его далеко разнеслись въ сыромъ воздухѣ. Въ нижнемъ этажѣ мрачнаго зданія, изъ оконъ, задѣланныхъ желѣзными рѣшетками, какъ въ тюрьмѣ, раздалось довольно стройное пѣніе. Хоръ мо-

лодыхъ голосовъ пѣлъ: «*Salve Regina*» *). Но вотъ голоса умолкли; послышался топотъ бѣгущихъ ногъ,—и воцарилась мертвая тишина.

О. ректоръ, ласково улыбаясь, потрепалъ по щекѣ смущеннаго Стася, ободрилъ его и хлопнулъ въ ладоши. Вошелъ келейникъ.

— Позвать брата Антонія!

Черезъ минуту, маленькій, толстый монахъ стоялъ на порогѣ кельи и, низко склонившись передъ о. Доминикомъ, ожидалъ приказаній.

— Отведи мальчика въ инфиму, къ о. Игнатію!..

Панъ Ромуальдъ поцѣловалъ Стася и что-то шепнулъ ему на ухо. Братъ Антоній взялъ мальчика за руку и вывелъ его изъ кельи. — Они спустились въ нижній этажъ, прошли шаговъ пятьдесятъ по длинному, полутемному корридору и, наконецъ, остановились передъ какою-то дверью. Звонкій голосъ выкрикивалъ, точно чеканилъ: «*rexerim... rexeris... rexerit... rexemus*»...— Какъ?! оборвалъ его чей-то другой, сиплый голосъ. — Какъ? Повтори, оселъ!.. — Наступило молчаніе... Братъ Антоній отворилъ дверь, и Стась оглянулся...

Они находились въ большой, со сводами, комнатѣ. Въ тусклыя стекла оконъ, на половину замазанныя чѣмъ-то бѣлымъ, слабо проникалъ свѣтъ... На стѣнахъ выступали пятна отъ сырости; воздухъ былъ спертый и душный.. На длинныхъ черныхъ скамьяхъ, передъ такими-же длинными, изрѣзанными и исчирканными столами, сидѣло человѣкъ сорокъ мальчиковъ, лѣтъ отъ 8 до 14. Они дѣлали видъ, что внимательно слѣдятъ за урокомъ. Но это было только тогда, когда ксендзъ-профессоръ глядѣлъ на нихъ чуть не въ упоръ. Но лишь только онъ отворачивался, мальчики оставляли книжки и принимались за дѣла, не относящія-

*) Радуйся царица (небесная).

ся ни мало къ уроку. Кто съ азартомъ игралъ подъ столомъ съ товарищемъ въ какую-то непонятную игру (Стась никогда не видалъ такой); кто что-то стругалъ, кто клеилъ... Въ углу, лицомъ къ стѣнѣ, стоялъ на колѣняхъ мальчикъ и на распѣвъ повторялъ: «*corpora... corporum... corporibus*.., и въ то-же время косился на о. профессора. Чуть тотъ отворачивался, онъ повертывалъ къ нему блѣдное, грязное личико и дѣлалъ гримасу, высовывая языкъ. Потомъ, съ быстротою молніи, опять, отвертывался и затягивалъ: «*corpora... corporum... corporibus*»... — Длинный, худой малый, съ испуганнымъ выраженіемъ на лицѣ, стоялъ у каѳедры. Ксендзъ-профессоръ, плѣшивый старикъ, въ большихъ круглыхъ очкахъ, злобно глядѣлъ на него, весь красный отъ гнѣва...

— Такъ какъ ты сказалъ, оселъ? Повтори! кричалъ онъ.

— Rexemus...

— Розогъ!.. Эй, *калефакторъ* *)! Гдѣ ты?.. — Отодрать осла!.. Пятьдесятъ розогъ!..

На задней скамейкѣ зашевелились, — и вотъ поднялся тамъ дюжій, здоровый хлопецъ.

Стась не сводилъ испуганныхъ глазъ съ профессора; порой, взглядъ его обращался на лежавшую на столѣ каѳедры внушительной толщины нагайку, — и опять устремлялся на старика. Но вотъ тотъ обернулся къ нимъ.

— Что надо? сердито заворчалъ онъ.

— Да вотъ вамъ, о. Игнатій, новенькій, — о. Доминикъ послалъ. — И братъ Антоній ушелъ.

— Аа!.. протянулъ Игнатій. — Подойди сюда! — И онъ кивнулъ пальцемъ Стасю.

---

*) *Калефакторъ* — буквально: *истопникъ*. Такъ назывался ученикъ изъ простого званія. Онъ исполнялъ всѣ черныя работы: топилъ печи, мелъ классную комнату. Онъ-же сѣкъ провинившихся учениковъ.

Но тотъ не трогался съ мѣста.

— Ты слышишь, тебѣ говорятъ! возвысилъ голосъ старикъ.

Мальчикъ робко шагнулъ. О. Игнатій схватилъ его за плечо и притянулъ къ себѣ.

— Подними голову!.. Такъ вотъ, — смотри на меня!..

Стась робко взглянулъ. Въ глазахъ у него блеснули слезинки.

— Ревѣть?.. Дѣвчонка ты этакая... дрянь!.. горячился старикъ. — Какъ зовутъ?

— Стасемъ...

— *Станиславъ*, а не Стась! подчеркнулъ онъ. — А фамилія какъ?

— Маевскій.

— Аа... — И профессоръ смягчился. — Не сынъ-ли Ромуальда Маевскаго?

— Да.

— Ну, хорошо... Садись, вонъ тамъ, на третью скамейку... Эй, вы, поросята, подвиньтесь!..

«Поросята» подвинулись и дали мѣсто Стасю.

— Такъ какъ? Rexemus?.. rexemus?.. опять обратился о. Игнатій къ высокому мальчику. — Не rexemus, — а *rexeremus*!.. Розогъ ему!.. Калефакторъ!..

Здоровый хлопецъ подошелъ, переваливаясь, какъ утка, къ виноватому, не говоря ни слова, взялъ его за плечо и повелъ въ уголъ, за печку. — Черезъ минуту оттуда послышался свистъ прутьевъ и стонъ. Стась робко взглянулъ, — и тотчасъ-же отвернулся, зажмурилъ глаза.

— Чего ты? толкнулъ его въ бокъ сосѣдъ. — Испугался?

— Да... бѣдный... Зачѣмъ его?..

Тотъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Какъ зачѣмъ?.. Да развѣ тебя самого не сѣкли?..

— Ни разу.

— Не можетъ быть!

— А здѣсь... здѣсь часто сѣкутъ?.. шопотомъ говорилъ Стась, и опять искоса заглянулъ въ уголъ, гдѣ все еще раздавался свистъ розогъ. — Всѣхъ?

— Ну, нѣтъ, не всѣхъ, положимъ... Вонъ тамъ, на первой скамейкѣ, видишь, сидятъ *императоры*...

— Императоры? удивился Стась.

— Ну, да... Ты не слыхалъ развѣ? — Впрочемъ, гдѣ-жь и слыхать: вѣдь ты впервóй здѣсь... Это такъ называютъ сынковъ богатыхъ и знатныхъ пановъ. Ихъ никогда не сѣкутъ... Ни-ни, Боже мой, — пальцемъ не тронутъ!..

— Ну, а тебя?.. Тебя тоже сѣкли?..

— Меня-то?.. — Э!.. Сколько разъ!.. Меня чуть не каждый день порютъ! почти весело отвѣчалъ тотъ. — Въ деревнѣ еще больнѣй драли...

Стась поглядѣлъ на него съ изумленіемъ.

— А тебя какъ зовутъ? спросилъ онъ.

— Барткомъ... А тебя?

— Стась.

— А какъ отецъ у тебя? Богатый?..

— О, да!.. — И Стась съ увлеченіемъ сталъ разсказывать, какія у нихъ тамъ поля, и сколько съ нихъ хлѣба снимаютъ.. Вотъ и въ этомъ году...

— Аа!.. протянулъ Бартекъ.—Ну, значитъ, барченокъ ты, какъ есть, настоящій, и драть тебя здѣсь не будутъ... Не будутъ! увѣренно повторилъ онъ. — Ни въ какомъ случаѣ!..

— Кто тамъ болтаетъ? послышался вдругъ голосъ о. профессора. Бартекъ и Стась умолкли. —Выпорю!.. Гусь! крикнулъ онъ.

Съ четвертой скамейки поднялся толстый, коротенькій мальчуганъ, лѣтъ 12. По широкому, острому носу, съ легкимъ красноватымъ оттѣнкомъ, онъ, точно, слегка напоминалъ гуся.

— Поди сюда!

«Гусь» подошелъ.

— Склоняй самого себя!

— Anser... anseris... anseri... запищалъ «гусь». Голосъ у него былъ очень тоненькій и пискливый.

— Стой! А какъ будетъ множественное genitivus?

— Anserum.

— Такъ... А какъ будетъ conjunctivus настоящаго времени отъ rego?

— Regio.

— Ка-акъ? — И о. Игнатій вдругъ побагровѣлъ. — Не слышу!..

Мальчикъ молчалъ.

— Regio? а? regio?.. Поди-ка сюда! — И онъ одной рукою подтянулъ его къ себѣ за плечо, а другою схватилъ нагайку. — Regiam!.. разъ!.. — И нагайка тяжело опустилась на спину «гуся». Тотъ до крови закусилъ губу, но не издалъ ни звука. — Regiam!.. два и три!.. Пошелъ вонъ!..

«Гусь» повернулся и, скорчивъ гримасу, пошелъ на мѣсто.

— Капуста! крикнулъ о. Игнатій.

Сосѣдъ Стася слѣва всталъ и подошелъ къ каѳедрѣ. Стась съ удивленіемъ оглядѣлъ его. Тотъ не имѣлъ никакого сходства съ капустой.

— Склоняй!

— Что, отче Игнатій?

— Какъ будетъ: *острый?*

— Acer.

— А genitivus, dativus?

— Acris, acri...

— Вѣрно... Пошелъ вонъ!.. Калефакторъ!..

— Здѣсь! — И дюжій хлопецъ выступилъ изъ-за печки.

— Выпоролъ?

— Точно такъ-съ.

— Пятьдесятъ?

— Да-съ.

— А какъ: пятьдесятъ по латыни?

— Quindecim.

— Ка-акъ?..

— Quinquaginta...

— То-то, смотри у меня! Самого выпорю!...

О. Игнатій поднялся съ мѣста. Съ задней скамейки тотчасъ вскочилъ мальчикъ, подбѣжалъ къ каѳедрѣ и взялъ *мониторъ* подъ мышку.

— И если вы завтра не будете знать глаголовъ второго спряженія, — выпорю всю инфиму!.. — И о. Игнатій пошелъ вонъ изъ класса, а за нимъ шествовалъ мальчуганъ съ нагайкой...

Едва затворилась за ними дверь, какъ толпа школьниковъ окружила Стася. Одни императоры только сидѣли, какъ подобало ихъ сану, не обращая никакого вниманія на другихъ, точно, кромѣ нихъ, никого въ классѣ не было.—И вопросы посыпались градомъ: «ты кто? откуда? чей сынъ? сколько лѣтъ? часто-ли тебя сѣкли дома?».. и пр. пр. Стась совсѣмъ одурѣлъ и только хлопалъ глазами... Кто-то щипнулъ его больно за ухо; кто-то далъ щелчка въ носъ... — Но вскорѣ школьники высыпали во дворъ. Императоры вышли послѣдними. Въ классѣ остались только: Стась, Бартекъ и калефакторъ. Послѣдній досталъ изъ-за печки метлу и сталъ подметать комнату. Бартекъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Такъ ты, значитъ, паничъ! говорилъ онъ и внимательно оглядѣлъ Стася.—Поди зазнаешься тоже, какъ и императоры?.. Тебя, пожалуй, съ ними посадятъ...

— Не сяду я съ ними! горячо протестовалъ Стась.—И никогда не зазнаюсь!..

— Ой-ли? не довѣрялъ Бартекъ. — И жаловаться на насъ не будешь, фискалить?..

Стась даже обидѣлся.

— Да ты меня за кого принимаешь? говорилъ онъ.

— Ну, это, вотъ, хорошо,—молодецъ! одобрилъ Бартекъ и потрепалъ его по плечу.— А патеры у насъ любятъ этихъ фискаловъ-то...

— Ну?..

— А вотъ увидишь! — Онъ замолчалъ.

— Ну, а какъ тебѣ, не задорно будетъ со мной сидѣть? опять продолжалъ онъ.—Вѣдь я не вашъ братъ,—отецъ у меня изъ хлоповъ...

— Мнѣ-то? Да ты послушай... — И Стась разсказалъ ему, какъ онъ въ Маювкѣ водилъ компанію и дружился почти исключительно съ деревенскими ребятишками. Бартекъ выслушалъ его и одобрительно улыбнулся.

— Ну, вотъ, хорошо! говорилъ онъ. — А жить ты не съ нами будешь?

— Нѣтъ, на квартирѣ.

— Гм... Оно и лучше... У насъ-то здѣсь не того... Не больно хорошо жить... Да и голодомъ, говорятъ, морятъ...

— Какъ «говорятъ»? удивился Стась.—А ты самъ?

— Я ничего, слава Богу, — я сытъ... Я, видишь-ли, часто на кухню бѣгаю... Чуть поваръ, тамъ, вышелъ, аль отвернулся, — я и стяну кусочекъ... — И онъ усмѣхнулся. — Перепадаетъ!..

— А это хорошо развѣ? — Украсть!..

— Эвона! Что-жь худого, коли ѣсть хочется!.. увѣренно говорилъ Бартекъ. — Не грѣхъ!.. — Только и ловятъ меня частенько! вздохнулъ онъ.—Чуть-ли не каждый день... Словятъ — и выпорютъ...

— Каждый день, говоришь ты?

— Да... Но я ничего,—притерпѣлся... какъ съ гуся вода... Зато хоть не голоденъ... А вотъ, тамъ, въ деревнѣ, совсѣмъ голодалъ!.. Пани у насъ, — не пани, а панна старая, — скряга, не

приведи Богъ!.. Чуть не помоями насъ кормила, — лакай! Ну, извѣстно, и голодали... Мнѣ, впрочемъ, и тамъ частенько перепадалъ вкусный кусочекъ...

— Воровалъ тоже?

— Ну, не совсѣмъ такъ. У панны, видишь, была собаченка, Бижутка... Совсѣмъ, то-есть, гадкая, негодящая, — ну, а она ее пуще родного отца, любила... Тьфу!.. плюнулъ онъ. — Вѣрно тебѣ говорю!.. — Ну, вотъ, и кормила она ее, тамъ, сливками, сухариками, борщемъ, гусятиной...

— Такъ ты ужь не у собачки-ли воровалъ? — И Стась вытаращилъ въ изумленіи глаза на Бартка.

— Вѣрно! Частенько я: то косточку у нея утяну, съ мяскомъ, — гусятинка, знаешь... — и онъ облизнулся, — то сливочекъ... Хорошо, братъ! Голодъ-то, вѣдь, не тетка... Весь день съ пустымъ брюхомъ ходишь...

Стась поглядѣлъ на него съ глубокимъ участіемъ. Ему стало жаль Бартка.

— А у тебя... Какъ звать-то?

— Стасемъ.

— Нѣтъ-ли у тебя, Стась, чего нибудь, тамъ, съѣстного? Проголодался, а до обѣда еще часъ цѣлый...

— Ни крошки нѣтъ, Бартекъ! А вотъ, если хочешь, я денегъ дамъ, — ты купи! — И Стась полѣзъ было въ карманъ. Но Бартекъ остановилъ его.

— Нѣтъ, денегъ мнѣ не давай! говорилъ онъ. — Въ жизнь никогда не возьму даромъ!.. Ну, заслужу вотъ — дѣло другое...

Внизу раздался звонокъ, и школьники съ крикомъ и гамомъ, стали вбѣгать въ классъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Стасю.

— А ты отчего во дворъ не бѣгалъ, соплякъ? крикнулъ онъ и щелкнулъ мальчика по носу. — Не хочешь играть съ нами? А?..

— Чего дерешься! забормоталъ онъ и отскочилъ назадъ. Тяжелая рука Бартка вдругъ опустилась ему на плечо. — Хлопья твоя порода!..

— А я тебѣ морду всю разобью, коли ты еще разъ его тронешь! говорилъ Бартекъ, и покраснѣлъ, какъ кумачъ. — Видалъ, вотъ, это чѣмъ пахнетъ? — И онъ вытянулъ впередъ мускулистый, крѣпкій кулакъ. — Барченокъ проклятый!..

— Валяй его, Бартекъ! валяй!.. послышались голоса. — Чего онъ другихъ затрагиваетъ!.. Пошелъ, Казиміръ, на мѣсто!.. Вздуютъ!..

— Они братъ, меня всѣ боятся! не безъ гордости шепнулъ Бартекъ Стасю. — Даромъ, что паничи больше... Я, вѣдь, ихъ, чуть немножко, — сейчасъ того... — И онъ опять сжалъ кулакъ. — Иначе и нельзя съ ними!..

— Тсс... Тише!.. крикнулъ вдругъ калефакторъ. — О. Гіацинтъ идетъ!.. — Онъ ужь давненько стоялъ у дверей, то и дѣло выглядывая въ корридоръ.

Дверь отворилась, и вошелъ новый профессоръ. Стась посмотрѣлъ на него, и въ головѣ его сейчасъ-же явился вопросъ: зачѣмъ-же за этимъ профессоромъ мальчикъ тоже несетъ нагайку? — Ну, неужели онъ когда нибудь употребляетъ ее? — Тотъ — дѣло другое: лицо злое; глаза, круглые, какъ у совы; хриплый голосъ. — А этотъ... Низенькій старичекъ, съ добродушнымъ лицомъ и кроткимъ взглядомъ... Сѣденькій, съ полными, розовыми щеками, въ новенькой, чистой сутанѣ, съ янтарными четками въ бѣлыхъ, пухлыхъ рукахъ, — онъ выглядѣлъ такимъ добрымъ, кроткимъ и ласковымъ. — И голосъ у него оказался мягкій и бархатистый. — Тихо, почти неслышно, ступая, вошелъ въ классъ профессоръ и распростеръ руки надъ головами учениковъ:

— Dominus vobiscum*)!

*) Господь съ вами! (Миръ вамъ).

— Дѣти мои! началъ онъ. — Сегодня я буду говорить съ вами о 31 псалмѣ великаго псалмопѣвца Давида, и поясню его вамъ. Слушайте со вниманіемъ, и да пошлетъ вамъ Господь разумѣніе и святую благодать свою!.. — Всѣ псалмы царя Давида, дѣти мои, это — плачъ, стонъ и вопль грѣшной души, терзаемой

глубокимъ раскаяніемъ, — пламенная молитва о прощеніи... — И такъ, всѣ мы грѣшны. Только одинъ новорожденный младенецъ невиненъ и чистъ, какъ ангелъ!.. Но, съ первыхъ-же слабыхъ еще шаговъ нашей жизни, мы начинаемъ грѣшить: грѣшимъ мы противъ родителей, противъ наставниковъ... Врагъ человѣческаго рода, дьяволъ, еще съ колыбели, слѣдитъ неусыпно за нами и побуждаетъ насъ ко грѣху... Борьба съ этимъ духомъ зла, отцомъ лжи, борьба неустанная, непреклонная, — вотъ назначеніе, цѣль нашей жизни!..

О. Гіацинтъ вдругъ умолкъ и устремилъ задумчивый, грустный взглядъ на шестую скамейку. Тамъ слышался легкій трескъ какой-то, хрустѣнье. Худенькій, блѣдный мальчикъ за обѣ щеки убиралъ рѣпу.

— Янекъ! окликнулъ его о. Гіацинтъ.

Янекъ вздрогнулъ и едва не подавился кускомъ. Но, впрочемъ, онъ тотчасъ оправился и всталъ, какъ ни въ чемъ ни бывало.

— Янекъ! Ты ѣлъ... рѣпу?... грустно говорилъ о. Гіацинтъ.

— Я? — нѣтъ, ничего... Право, я ничего не ѣлъ!...

— Взгляни на меня!

Тотъ взглянулъ, не моргнувъ бровью.

О. Гіацинтъ покачалъ головою.

— И вотъ къ чему идутъ всѣ мои наставленія, поученія! съ горечью говорилъ онъ. — О, Боже мой милосердый!.. — Янекъ!.. Сейчасъ, вотъ, въ одну минуту, ты согрѣшилъ ужь не одинъ разъ!.. Во первыхъ, ты ѣлъ на лекціи... И что — рѣпу!.. И уподобился ты животному, именуемому по латыни *porcus* *)... Обжорство — одинъ изъ смертныхъ грѣховъ... И это разъ!.. Потомъ ты не слушалъ лекціи, — невниманіе... Два. — И, наконецъ, ложь... *ложь*, Янекъ!.. подчеркнулъ онъ. — Итого три грѣха въ три минуты!.. Ахъ, Янекъ! Янекъ!..

— Простите, о. Гіацинтъ!.. залепеталъ тотъ.

— Простить? Да развѣ могу я простить, дитя мое? — Ты согрѣшилъ, — и долженъ покаяться... Обжорство — грѣхъ. Чтó надо противупоставить ему? — Умѣренность, строгій постъ... — И такъ ты наложишь на себя постъ на сегодня: ты не будешь ни обѣдать, ни ужинать...

— О. Гіацинтъ! завопилъ вдругъ Янекъ. — Простите, ради Христа!.. Ну, накажите меня иначе: высѣките меня хоть сто разъ, — но только безъ обѣда не оставляйте! Я голоденъ!.. Вчера я тоже сидѣлъ безъ обѣда, безъ ужина... Вы-же меня оставили...

— Нѣтъ, не я, Янекъ, — ты самъ оставилъ себя!.. — Затѣмъ, невниманіе къ лекціи... А невниманіе къ лекціи — неува-

*) Свинья.

женіе къ самому наставнику... За это ты прочитай сегодня вечеромъ «Miserere» пять разъ, на колѣняхъ... Ну, а за ложь... Боже, какъ страшно великъ этотъ грѣхъ!.. — И о. Гіацинтъ поднялъ глаза къ небу. — За ложь ты прочитай «Miserere» пятнадцать разъ... Покайся, дитя мое, помолись Господу, — и Онъ проститъ тяжкій твой грѣхъ... Его милосердію нѣтъ предѣловъ!.. Ну, а теперь, садись, Янекъ, и слушай!..

— И такъ, о чемъ-же я говорилъ? опять вернулся онъ къ лекціи.—Да, о борьбѣ съ виновникомъ зла и грѣха, дьяволомъ... Сила его велика, дѣти мои, и крѣпки цѣпи, которыми онъ опутываетъ человѣка!.. Ихъ можетъ разрушить только одна молитва... Молиться и утромъ, и днемъ, и вечеромъ; ночью вставать и молиться; вѣчно и неустанно просить Бога быть нашимъ заступникомъ и покровителемъ; строго соблюдать постъ: тѣло пусть будетъ немощно, но духъ бодръ... Вотъ что́ надо дѣлать, чтобъ милосердый Господь очистилъ и отпустилъ намъ грѣхи наши, и чтобъ мы и впредь не могли творить ихъ...

О. Гіацинтъ умолкъ. Но губы его слегка шевелились; пальцы перебирали четки... Въ классѣ была тишина... — Но вотъ опять онъ сталъ говорить о грѣхѣ, о молитвѣ, то грустнымъ, жалобнымъ тономъ, то какъ-то вдругъ вдохновляясь... Иные слушали со вниманіемъ; но бо́льшая часть впускала въ одно ухо и выпускала въ другое... На третьей скамейкѣ, гдѣ сидѣлъ Стась, двое съ азартомъ играли въ засаленныя, грязныя карты.

— Да, хорошо тебѣ говорить о постѣ, злобно пробормоталъ Янекъ,—когда у тебя гусей да индѣекъ въ кухнѣ не оберешься!.. Пусти-ка меня мѣсяца на два на твое мѣсто, такъ я-бы еще и не такъ запѣлъ!..

— Однако, братъ, безъ обѣда, безъ ужина! говорилъ сосѣдъ.

— Да, какъ-же! вотъ такъ и буду сидѣть!.. Лопнуть мнѣ, что-ли, съ голоду!.. Въ кухню ужо заберусь...

— Поймаютъ...

— А наплевать мнѣ!

Раздался звонокъ, и о. Гіацинтъ вышелъ изъ класса.

— Послушай-ка, ты, новичекъ! говорилъ Янекъ Стасю. — Ты, вѣдь, не голоденъ?

— Нѣтъ. — И Стась вопросительно взглянулъ на него.

— Ну, а я, братъ, подошву-бы съѣлъ, съ удовольствіемъ,— да онѣ у меня, вишь, какія! — Онъ поднялъ ногу и показалъ развалившуюся подошву у сапога.—Голоденъ,—тошнитъ даже!.. Нѣтъ-ли, братъ, у тебя парочекъ двухъ грошей? Купилъ-бы я что-нибудь...

— Да, вѣдь, тебя наказали...

— Такъ что-жъ?.. Голодомъ и оставаться?..—Покорно благодарю!.. Давай-ка, давай, — раскошелься!..

Стась поглядѣлъ на Бартка. Тотъ кивнулъ головой.

— Дай! прошепталъ Бартекъ. — Онъ парень добрый!

Стась далъ пять грошей, — и Янекъ, совсѣмъ довольный, исчезъ.

Опять зазвучалъ колоколъ, но ужь теперь какой-то другой,— и школьники, съ крикомъ, посыпали вонъ изъ класса.

— Это къ обѣду звонятъ! говорилъ Бартекъ и весело улыбнулся. — Пойдемъ, Стась!

— Да я здѣсь не буду обѣдать, — дома...

— Ну, ничего, садись съ нами, попробуй монастырской стряпни.

И они отправились.

Въ громадной и такой-же полутемной, сырой, какъ и классъ, комнатѣ, сидѣло уже за столами человѣкъ полтораста мальчиковъ. Они въ нетерпѣніи побрякивали деревянными ложками о глиняныя тарелки. Передъ-обѣденная молитва была ужь прочитана, и теперь ожидали перваго блюда.

Это были: инфима, грамматика и синтаксисъ. Поэзія и риторика обѣдали въ другомъ помѣщеніи. — Въ углу, за

налоемъ, стоялъ дежурный, съ книжкой въ рукѣ, и читалъ псалмы...

— Domine, exaudi orationem meam; et clamor meus ad te veniat*)... громко, отчетливо раздавалось подъ сводами комнаты. — Подлѣ чтеца стоялъ высокій, худой монахъ и наблюдалъ за порядкомъ.

— Садись, бери ложку, Стась! говорилъ Бартекъ. — И они усѣлись.

Вошелъ толстый и жирный монахъ-поваръ, съ огромнѣйшей миской въ рукахъ; за нимъ слѣдовало трое другихъ, съ такими-же мисками. Сняли крышки, и повалилъ теплый, но не особенно вкусный паръ. Мальчуганы, одинъ за другимъ, съ тарелками, подходили къ монахамъ, и тѣ наливали имъ очень умѣренно какой-то сѣренькой, жидкой бурды. Это была гороховая похлебка.— И надо было взглянуть, съ какой осторожностью, несли голодные школьники налитыя тарелки, боялись каплю пролить, хотя это врядъ-ли могло случиться: тарелки были далеко не полны.— И, вотъ, со всѣхъ сторонъ, и во всѣхъ углахъ раздалось жадное чавканье... Давились, кашляли, обжигались... Каждый, точно сокровище, оберегалъ свою порцію, и слѣдилъ, чтобъ туда не заѣхала какъ, по ошибкѣ, чужая ложка, что иногда и случалось. Тогда раздавался крикъ, брань...

— Молчать, вы! Тише!.. возвышалъ голосъ монахъ. И наступала опять тишина, прерываемая только чавканьемъ.

Бартекъ за обѣ щеки убиралъ похлебку, причмокивалъ и облизывался. Стась проглотилъ немного и положилъ ложку.

— Что, очень не нравится? — спросилъ Бартекъ.

— Нѣтъ!.. — И мальчикъ поморщился.

— Ну, такъ давай, я съѣмъ!.. Ты, братъ, видно, не голоденъ!.. — И онъ, въ одно мгновеніе ока, уплелъ все дочиста.

---

*) Господи! услышь молитву мою, и вопль мой да пріидетъ къ Тебѣ...

Похлебку всѣ съѣли съ жадностью, но никто прибавки просить не смѣлъ, хотя любому грамматику, или синтаксу, ровно-бы ничего не стоило съѣсть пять-шесть такихъ порцій. — Но вотъ опять вошелъ братъ-поваръ съ прислужниками. Принесли кашу, съ попорченнымъ конопляннымъ масломъ. И каши не ѣлъ Стась, — не понравилась. Ему помогъ Бартекъ... — И вотъ опять чавканье, кашель и брань.

— Молчать! раздается голосъ монаха. — Изъ-за стола выгоню!.. — Чтецъ звонко, отчетливо барабанитъ...

Школьники, съ шумомъ, поднялись съ мѣста и столпились на послѣ-обѣденную молитву. Минутъ черезъ пять столовая опустѣла. Грамматика и синтаксисъ отправились опять въ классы, а инфима (сегодня въ ней были только двѣ лекціи), съ гикомъ и гамомъ, посыпала поиграть на дворъ, на полчасика, до тѣхъ поръ, пока ее, какъ стадо барановъ, не загонятъ опять въ дортуары, готовить уроки къ завтраму.

Стась попрощался съ Бартекомъ и пошелъ домой. У самыхъ воротъ онъ встрѣтилъ Янка. Тотъ уплеталъ за обѣ щеки калачъ.

— Домой, новичекъ? говорилъ онъ. — Прощай, до завтра!.. Спасибо за деньги! Вздумаетъ бить кто, — я заступлюсь, будь спокоенъ!..

Стась съ недовѣріемъ оглядѣлъ его тщедушную, худенькую фигурку. Плохой онъ былъ-бы заступникъ!..

— А я, братъ, успѣлъ, тамъ, стянуть кое-что на кухнѣ, говорилъ Янекъ и усмѣхнулся. — Кашей цѣлый карманъ набилъ... А теперь калачемъ закусываю... Прощай!..

За калиткой Стась вдругъ столкнулся носъ къ носу съ какимъ-то здоровымъ хлопцемъ. Это былъ калефакторъ.

— Постой-ка, постой маленько! говорилъ тотъ. — Поди сюда! — И онъ отвелъ Стася въ сторону. — Знаешь наши порядки?

— Нѣтъ.

— А, ну, такъ знай... Всякій, кто поступаетъ къ намъ, даетъ калефактору пять-шесть грошей. Это за то, что, какъ драть велятъ, такъ чтобъ дралъ не такъ больно... Но я пять-шесть грошей беру со всѣхъ... А такъ какъ ты не простой панычъ, а отецъ у тебя богатый, — то съ тебя слѣдуетъ злотый, по справедливости.

— Да у меня всего только пять злотыхъ! — протестовалъ Стась.

— Ну, ладно, не разсуждай! Давай поскорѣе! — И онъ, оглянувшись, протянулъ руку. Стась опустилъ въ нее новенькій, блестящій злотый.

— Вотъ это хорошо, ладно! весело усмѣхнулся школьный палачъ. — Выдрать тебя велятъ, — буду не шибко бить, — такъ только, для виду, а ты лишь ори благимъ матомъ... Прощай! — И калефакторъ скрылся въ калиткѣ.

XI.

И потянулась, день за днемъ, жизнь Стася въ Кіевѣ, вдали отъ родныхъ и друзей, въ семьѣ пана Вериго. Ему отвели крошечную, но за то совершенно отдѣльную комнатку, въ самомъ концѣ хаты, и онъ зажилъ въ ней полнымъ хозяиномъ. Комнатка была сырая, холодная. Да, впрочемъ, и вся хата не отличалась тепломъ: дуло изъ всевозможныхъ щелей въ стѣнахъ, на полу; потолки протекали... — Въ маленькое оконце, съ разбитыми и кой-какъ заклеенными бумагою, стеклами, виднѣлся, съ одной стороны, уголокъ огорода... Овощи кой какія: рѣпа, морковь, давно ужъ были собраны съ грядокъ, и тамъ безпрепятственно рылась свинья, съ парой розовыхъ поросятокъ. Съ другой стороны, открывался видъ на помойную яму. Тамъ рыжій барбосъ тщетно

искалъ какихъ нибудь косточекъ, или объѣдковъ. Ничего не было, — и онъ злился, ворчалъ на всѣхъ: и на куръ, и на грязную, и тоже вѣчно голодную, кухарку Анну... Видъ изъ окна, вообще, былъ грустный, тоскливый... Страшная грязь и лужи; небо пасмурное и хмурое, и съ него, какъ изъ сита, сѣетъ мелкій и частый дождикъ... Вѣтеръ дуетъ, рѣзкій, холодный, пронзительный... Жалобно завываетъ онъ въ старой печной трубѣ; со свистомъ, съ шипѣньемъ, врывается въ разбитыя оконныя стекла. — И Стась скучалъ, очень скучалъ, и особенно на первыхъ порахъ. Тотчасъ-же послѣ обѣда, онъ уходилъ въ свою конуру и принимался долбить на завтрашній день латинскія склоненія и спряженія. Но дѣло шло не слишкомъ успѣшно. Холодно, руки зябнутъ, и на желудкѣ почти легко: обѣды пана Вериго не отличались особеннымъ изобиліемъ. Первое время только, когда въ кладовой лежалъ еще изрядный запасъ гусей, куръ и индѣекъ, привезенныхъ паномъ Маевскимъ, а въ кошелькѣ Вериго звенѣли еще дукаты, — обѣды были почти роскошны. Но, наконецъ, провизія истощилась, а золотые дукаты Маевскаго уплыли, какъ вода. И масляница смѣнилась постомъ...

Тускло горитъ свѣча въ мѣдномъ, зазеленѣвшимъ подсвѣчникѣ. Стась сидитъ за столомъ. Передъ нимъ тетрадь съ латинскими упражненіями, и огромный, толстый словарь. А тамъ, за тонкой, дощатой перегородкой, слышатся крики, шумъ, гамъ наслѣдниковъ пана Вериго. Они вѣчно ссорятся и дерутся, и все больше изъ-за куска. Тихая, кроткая и почти постоянно больная, пани Констанція изъ силъ выбивается просто, и все никакъ не можетъ справиться съ полуголодной, шумной аравой. И эти крики и плачъ замолкнутъ только съ приходомъ пана Вериго. Ребята, пуще огня, боятся отца. — Но онъ еще когда-то придетъ! Послѣднее время панъ Сигизмундъ сталъ что-то частенько пропадать изъ дому. Онъ все ходилъ и вынюхивалъ: нельзя-ли гдѣ нибудь раздобыться деньжонками и поправить эти, чортъ возьми, подлыя

обстоятельства. Но поиски его были, по большей части, безплодны, и онъ возвращался домой мрачный, сердитый.

И вотъ Стась сидитъ за столомъ. Перо такъ и застыло въ его рукѣ, — его мысли далёко. И не слышитъ онъ этихъ криковъ и гама... Онъ весь теперь тамъ... дома, въ родной Маювкѣ... Ему отецъ вспоминается, мать... панъ Болеславъ Грабовскій, ксендзъ-прбобощъ... И что-то они подѣлываютъ теперь? — Отецъ давно пообѣдалъ, и, вѣрно, спитъ; а мать, навѣрное, хлопочетъ, тамъ, по хозяйству, въ дѣвичьей, съ панной Барбарой... Ну, а панъ Болеславъ?.. Ксендзъ-прбобощъ?..—И грустно такъ, грустно становится на душѣ Стася. Богъ знаетъ, чего-бы онъ не далъ, чтобъ быть теперь опять тамъ, у себя дома... Увидѣть отца, мать, Болеслава; увидѣть своихъ друзей и пріятелей: Охримку и Василя!.. — И не слышитъ ничего Стась, не видитъ!.. Не замѣчаетъ онъ, какъ нагорѣла свѣча; нагаръ, того и гляди, упадетъ на тетрадку съ латинскими переводами и прожжетъ ее... Не замѣчаетъ, какъ слезы текутъ у него по щекамъ...

Но вотъ онъ очнулся... На улицѣ вѣтеръ шумитъ; дождь барабанитъ по стекламъ...

— И тамъ у насъ теперь вѣтеръ, дождь, думаетъ онъ, — но тепло такъ, тепло въ комнатахъ!.. А здѣсь—руки зябнутъ!..— И онъ потираетъ свои покраснѣвшіе пальцы.

Шумъ, гамъ за стѣной не смолкаютъ... — «Отдай мнѣ сухарь, отдай!..» раздается неистовый крикъ. Это оретъ маленькій Бронекъ. Опять, вѣрно, Антекъ укралъ у него сухарь. Да, Антекъ, — вонъ и его голосъ: — Ты самъ у меня давсче картофелину чуть не изо рта вырвалъ! оретъ онъ. — Не дамъ!.. — «Отда-ай!..» — Ахъ, ты!.. — Слышится звукъ пощечины... Ревъ и вой... — Стась зажимаетъ уши.

— Ахъ, Господи! чуть не плачетъ онъ. — Да такъ ничего не сдѣлаешь!.. Вонъ еще сколько осталось мнѣ перевода: четыре

страницы почти, — а ужь поздно!.. Успѣю-ли я сдѣлать къ завтраму?..

И Стась принимается за работу. Но работа не клеится какъ-то: мысли не тѣмъ заняты... Онъ чуть не четверть часа возится надъ одной строчкой, и съ трудомъ находитъ слова въ этой толстой огромной книгѣ, въ кожанномъ переплетѣ...

— Чтó будетъ, если не кончу, — сохрани Богъ!..

И онъ съ ужасомъ вдругъ вспоминаетъ о. Игнатія. Господи, кáкъ онъ кричитъ; кáкъ ворочаетъ онъ глазами; кáкъ злобно глядятъ они изъ подъ круглыхъ стеколъ очковъ!.. Сердце сжимается, замираетъ; бросаетъ и въ жаръ и въ холодъ... — Положимъ, его не сѣкли еще ни разу (и Стась увѣренъ, что и не будутъ: его отецъ въ томъ увѣрилъ), — но, все-таки, достается кой-что. О. Игнатій еще больнѣй, чѣмъ о. Бенедиктъ, закручиваетъ ухо, и еще больнѣй деретъ за вихоръ...—«А ну-ка, поди, неси сюда уши!» вдругъ вспоминаетъ Стась хриплый, злой голосъ о. профессора, — и опять лихорадочно принимается за работу... — А крики все продолжаются...

— *Spegno*... Чтó это: *spegno*?.. ищетъ Стась въ словарѣ, и все никакъ не можетъ найти. — А, наконецъ, нашелъ: презирать... Простое и слово-то, раньше зналъ,—и забылъ, вдругъ!.. Да, эти крики, шумъ,—тутъ поневолѣ голову потеряешь!.. Нѣтъ, буду писать папѣ, что здѣсь мнѣ совсѣмъ неудобно жить: и мѣшаютъ, и холодно, да и кормить стали плохо... Который ужь день чуть не голоденъ!..

И онъ опять подыскиваетъ слова въ лексиконѣ. — Но вотъ рука, съ обмокнутымъ въ чернила перомъ, останавливается надъ тетрадью, и Стась снова задумывается...

Онъ вспоминаетъ вдругъ, кáкъ тихо, спокойно бывало у нихъ въ усадьбѣ въ эти скучные осенніе вечера; и кáкъ удобно было ему заниматься въ своей маленькой, теплой, уютной комнаткѣ: никто ему не мѣшаетъ... Да, и тамъ... вѣтеръ воетъ на улицѣ;

дождь барабанитъ въ стекла; скрипятъ и визжатъ флюгера... Но за то въ комнатахъ тишина какая!.. Развѣ гдѣ стукнетъ дверь тамъ, внизу, пробѣжитъ кто-то, — и опять тихо... Маятникъ только мѣрно и глухо стучитъ за стѣной, да слышны шаги отца въ залѣ. Онъ ходитъ тамъ взадъ и впередъ, и долго такъ, долго ходитъ...

Шумъ за стѣной умолкъ; ребятишки притихли. Должно быть, вернулся панъ Сигизмундъ. Да, такъ и есть. Вонъ слышится его голосъ. Онъ веселъ сегодня: должно быть, досталъ кое-что, раздобылся десяткомъ злотыхъ... — Стась обмокнулъ перо, заглянулъ въ тетрадку. Еще три слишкомъ страницы!.. А уже поздно; спать хочется, — глаза начинаютъ слипаться... — Господи!.. — И онъ, съ удвоеннымъ прилежаніемъ, принимается за работу.

— Костуся, душа моя! слышится голосъ пана Вериго. — Какъ ты думаешь, что́-бы намъ сегодня соорудить на ужинъ? Ѣсть чертовски хочется!..

— А, видно, досталъ что-нибудь? говоритъ пани Констанція.

— Досталъ, мой ангелъ, досталъ!.. Вотъ, видишь-ли... — И голосъ пана Вериго переходитъ въ шопотъ. Но этотъ шопотъ такъ громокъ, что Стась сквозь тонкую дощатую перегородку совершенно свободно слышитъ каждое слово.

— Видишь-ли: прихожу... — Дома панъ *грабе*? — Дома. Зачѣмъ вамъ? — Не ваше дѣло!... Скажите, что панъ Сигизмундъ пришелъ... Панъ Сигизмундъ Вериго... — И можешь представить, Костуся, душа моя... — Ту́тъ голосъ вдругъ переходитъ въ шипѣнье какое-то. — Можешь представить... Хлопы... проклятые хамы... быдло... пся кревъ... Смѣются!.. — Панъ грабе васъ не велѣлъ принимать! говорятъ. — И то вы у насъ всѣ пороги обили!.. — А, чортъ побери!.. Я научу васъ, какъ оскорблять благородныхъ шляхтичей!.. Схватился за карабелю... Ну, натурально, перепугались... Пошли... Приняль... — Тутъ шо-

нотъ опять понизился,—и Стась только могъ разслышать: «выкинулъ двадцать злотыхъ... поцѣловалъ въ плечо»...

Послышался чей-то вздохъ...

— Ахъ, Сигизмундъ! Сигизмундъ! говорила пани Констанція. — Давно-ли было у насъ 500 злотыхъ?.. Пятьсотъ!.. Вѣдь этого на годъ хватило-бы, — а ты ихъ всѣ издержалъ въ одинъ мѣсяцъ!.. Бога ты не боишься!.. — Голосъ ея задрожалъ; въ немъ зазвучали слезы. —Вѣдь ты подумай: дѣти у насъ... Они сидятъ голодомъ...

— Но, ангелъ мой... забормоталъ панъ Сигизмундъ. — Ты знаешь, долги, вѣдь, были...

— Ну, да, 50 злотыхъ... Ну, а другіе-то 450? Куда ты ихъ издержалъ? — На вина, на лакомства разныя... Боже мой... Да подумай: намъ-ли платить по двадцати злотыхъ за одну бутылку! — А ты платилъ!

— Но, ангелъ мой... Развѣ не люди мы тоже? Ты, знаешь, ка́къ жилъ я прежде, ка́къ ѣлъ и пилъ?.. Что-жь дѣлать,—привычка — вторая натура!..

— Вотъ, то-то и есть! вздохнула пани Констанція. — Надобы поумѣреннѣе...

— Да, поумѣреннѣе!.. насмѣшливо говорилъ панъ Сигизмундъ.—Это вотъ, вродѣ того, какъ я читалъ гдѣ-то:

Есьли бендзешь мѣрны въ пи́тю,
Бендзешь здрувъ пши длу́гемъ жи́тю... —
Кто мѣрне іѐ и мѣрне пі́е,
Тенъ на сьвѣтѣ длу́го жі́е... *)—

Такъ это, вѣдь, хорошо для монаховъ и для ксендзовъ, а не для благородныхъ и родовитыхъ шляхтичей!..

---

*) Если будешь умѣренъ въ питьѣ,
Будешь здоровъ, при долгой жизни.
Кто умѣренно ѣстъ и умѣренно пьетъ,
Тотъ на свѣтѣ долго живетъ.

— Но ты забылъ, что у насъ живетъ чужой мальчикъ, говорила, понизивъ голосъ, пани Констанція.—И если мы голодаемъ, то онъ не обязанъ, вѣдь...

Панъ Сигизмундъ только крякнулъ.

— Э, что толковать, Костуся! заговорилъ опять онъ. —

Вѣдь это только на время, мой ангелъ! Пойми: на время!.. Я раздобудусь презрѣннымъ металломъ, и мы поправимъ эти, чортъ возьми, подлыя обстоятельства, — и превосходно поправимъ!..—Ну, а теперь... закусить, закусить надо!.. совсѣмъ ужь весело говорилъ онъ.—Ужасно проголодался!.. Но только чего-бы? Чего? Вотъ въ чемъ вопросъ! какъ говоритъ великій Шекспиръ въ «Гамлетѣ»... Что нибудь, поскорѣй только... И выпить-бы: старой вудки, бутылочки двѣ-три медку хорошаго... и хоть бутылочку... ну, полбутылочки даже — венгжина... Люблю я этотъ напитокъ,—но не люблю, чортъ побери, венгерцевъ...

— Распорядись-же, мой ангелъ, распорядись!..

И опять послышался тяжкій вздохъ.

— А что-то подѣлываетъ мой милый хлопчикъ? говорилъ панъ Сигизмундъ, входя къ Стасю. — Пишетъ! Работаетъ! И ужь навѣрно латынь?

— Да, переводъ къ завтраму...

— Аа!.. Покажи-ка!—И онъ нагнулся, пахнувъ на Стася легкимъ виннымъ букетомъ —Въ чемъ дѣло?.. Аа... «qui quanto diutus considero, читалъ онъ,—tanto mihi res viditur obscurior».*). — И совершенно вѣрно, Стась: чѣмъ больше ты будешь учиться, тѣмъ меньше ты будешь знать... А потому — закрой книгу и пойдемъ ужинать!..

Вся семья была въ сборѣ. Изъ-за накрытаго не совсѣмъ чистой салфеткой стола, выглядывали, тамъ и сямъ, дѣтскія ли-

---

*) Чѣмъ дольше я погружаюсь въ разсмотрѣніе случая, тѣмъ онъ кажется мнѣ темнѣе.

чики, маленькія, худенькія фигурки, и между ними торчалъ, какъ шестъ, старшій сынъ пана Вериго, Стахъ, такой-же худой и длинный, какъ и отецъ, и ужасно прожорливый. Стахъ былъ писцомъ у адвоката Быщинскаго, но жалованья не получалъ, такъ какъ пока еще пріучался къ дѣлу. Рѣдко развѣ когда перепадала ему отъ патрона пара-другая злотыхъ, — и исчезала немедленно въ дырявой семейной кассѣ.—Панъ Сигизмундъ сбѣгалъ куда-то, и самолично принесъ огромнаго индюка (пару своихъ давнымъ давно продали, и деньги проѣли). Индюкъ былъ зажаренъ на вертѣлѣ,—и панъ Сигизмундъ разрѣзывалъ его на части. Ребята глазъ не спускали съ жаркого, облизывались. Посреди стола возвышались, (къ великому горю пани Констанціи), бутылка водки и двѣ-три бутылки вина. Все это панъ Сигизмундъ притащилъ въ неизмѣримыхъ карманахъ своего затасканнаго и засаленнаго кунтуша.—Но вотъ индюкъ, наконецъ, разрѣзанъ, — и ребятишки съ жадностью принялись за ѣду. Не обошлось и безъ ссоръ и слезъ, — но панъ Сигизмундъ съумѣлъ возстановить порядокъ... Всѣхъ больше, конечно, досталось самому pater familias'у и Стаху, а прочимъ такъ только перепало кой что, — и Стась вышелъ изъ-за стола полуголоднымъ. Зато панъ Сигизмундъ былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа. Онъ допивалъ остатки вина и, то и дѣло, шутилъ, смѣялся. Пани Констанція молчала больше и только вздыхала.

Кончился ужинъ, и всѣ разбрелись по своимъ угламъ, спать,—а Стась опять взялся за переводъ. И долго еще онъ скрипѣлъ перомъ и шелестилъ страницами лексикона.— Но, вотъ, наконецъ слава Богу! Мальчикъ вздохнулъ свободно: переводъ конченъ, и завтра о. Игнатій не будетъ кричать на него, ворочать глазами... — Свѣчка погасла, и въ маленькой, сырой и холодной комнаткѣ наступилъ непроницаемый мракъ... И жутко какъ-то при этомъ мракѣ, — Стась поплотнѣе закутывается одѣяломъ... Холодно... Дождь барабанитъ по стекламъ; вѣтеръ жалобно воетъ и сто-

нетъ въ трубѣ; крысы пищатъ и возятся гдѣ-то; а тамъ, за стѣной, слышится громкій храпъ подпившаго пана Вериго...— И жмется и ёжится Стась, и долго не можетъ заснуть онъ... Ему опять вспоминается домъ... отецъ, мать, друзья... Вспоминается лѣто... луга и поля... лѣсъ... щебетаніе птичекъ... Рѣчка, гладкая, неподвижная... И скучно, тоскливо Стасю, и онъ все ворочается съ боку на бокъ. Но, наконецъ, природа беретъ свое,— и Стась засыпаетъ, съ мокрыми еще глазами отъ слезъ...

Но ка́къ шло ученье? Узналъ-ли что новое Стась въ этотъ мѣсяцъ, что онъ провелъ въ коллегіи у о. о. піаровъ?—Нельзя сказать, что бы къ тѣмъ знаніямъ, какія онъ пріобрѣлъ отъ о. Бенедикта, прибавилось еще что нибудь; развѣ немного латыни. О. Игнатій говорилъ то-же, что и о. Бенедиктъ, и такъ-же заставлялъ переводить и учить слова, но только больше кричалъ и больше дралъ за уши... И о. Гіацинтъ такъ-же штудировалъ со школьниками катехизисъ, но только еще больше говорилъ о грѣхахъ, постѣ и молитвѣ... Зато Стась узналъ много чего другого. Узналъ онъ, что всѣ школьники раздѣлялись профессорами на четыре разряда. Къ первому принадлежали такъ называемые «императоры». Они могли ничему не учиться и ничего не знать, но все-же считались лучшими и примѣрными учениками. Но «императоровъ» любили только профессора, а школьники избѣгали ихъ, какъ чумы, за что тѣ, въ свою очередь, платили имъ полнымъ презрѣніемъ. Къ «императорамъ» профессора и пальцемъ не прикасались,—но другихъ, не «императоровъ», а простыхъ смертныхъ,—драли не на животъ, а на смерть, и сплошь да рядомъ за пустяки, не стоющіе вниманія. Но, впрочемъ, понятіе о *пустякахъ* было очень условно. За дѣтскую шалость, за рѣзвость, за слово какое-нибудь въ церкви, во время службы,—драли немилосердно; но часто крупная шалость, и гадость даже—сходили

съ рукъ безнаказанно. — Второй разрядъ составляли ученики, дѣти не очень богатыхъ, но благородныхъ родителей. На такихъ смотрѣли тоже сквозь пальцы; не очень донимали ученьемъ; но тоже драли, порой. Въ третьемъ разрядѣ числились дѣти бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, шляхтичей. И ихъ было больше всѣхъ. Съ этими ужь нисколько не церемонились. И, наконецъ, къ четвертому, и самому небольшому, принадлежали дѣти свободныхъ крестьянъ и хлоповъ. Эти ужь представляли собой настоящихъ паріевъ, — и профессора даже не замѣчали ихъ. — Но, впрочемъ, случалось, что парій вдругъ попадалъ въ честь и милость, и его начинали даже ставить въ примѣръ другимъ. Стась долго не могъ понять, отчего грязный, лѣнивый Антекъ, который почти ничего не смыслилъ въ латыни, былъ первымъ любимцемъ о. Игнатія. Когда профессоръ спрашивалъ у него урокъ, — Антекъ, по большей части только мычалъ, или несъ ужасную околесицу. Но о. Игнатій подсказывалъ ему чуть не каждое слово, — и онъ выходилъ съ честью!.. Антка о. Игнатій не升 дралъ никогда, не таскалъ за волосы; даже никогда не бранилъ... Но Антка ненавидѣлъ весь классъ, боялся его и избѣгалъ, какъ чумы... Наконецъ, все объяснилось: Антекъ былъ сплетникъ, фискалъ: онъ наблюдалъ за товарищами, подслушивалъ, подмѣчалъ, — и потомъ все пересказывалъ или о. Игнатію, или о. префекту.

— Да онъ у насъ не одинъ здѣсь шпіонъ-то, говорилъ Бартекъ Стасю. — Есть и еще кое-кто, — штукъ пять найдется. — Ты берегись, братъ!.. Вонъ, между прочимъ, изъ «императоровъ» двое... Видишь, одинъ, толстомордый такой, въ голубомъ кунтушѣ? — Это, братъ, первый шпіонъ!.. А вонъ и другой, — въ зеленомъ... Ты не смотри, что они на насъ точно и вниманія никакого не обращаютъ... Это, братъ, для отвода глазъ, — а все они видятъ и слышатъ, и все пересказываютъ префекту...

— А пуще всего, ты избѣгай Антка! продолжалъ онъ. —

Эта каналья хитрѣе чорта... Такой, что отца родного за грошъ продастъ!.. И изъ чего бьется Іуда-Христопродавецъ?—И изъ-за того, чтобъ избѣжать порки, да чтобъ кусокъ ему перепалъ лишній на кухнѣ... Животное!.. Учили ужь мы не разъ эту шельму, — да нѣтъ, все неймется!..

— Учили? Ка́къ?..

— Да такъ вотъ, — дули его не на животъ, а на смерть,— и все тутъ! — И Бартекъ нахмурилъ брови, сжалъ кулаки. — Разъ какъ-то, подъ вечеръ, въ сѣняхъ поймали, — зажали ротъ и давай бить... давай бить... Съ недѣлю онъ провалялся. Подохнетъ, думали, — да нѣтъ, отлежался... И опять тоже!..

— И вамъ не стыдно было? Не жалко?..

— Чего? удивился Бартекъ и даже вытаращилъ глаза. — Что били-то?. — Ну, ты дуракъ, братецъ, вотъ что! Кого-жь и бить тогда, какъ не этихъ... не этихъ... — Онъ не могъ подыскать слова. — Одно только жалко, что не подохъ...

— А вамъ за это ничего не было?

— Гм... Какъ не было, — было! — Извѣстно, сейчасъ о. пре́фектъ: кто? какъ? — Молчимъ, какъ одинъ человѣкъ, ни слова...—Ну, и выдрали всѣхъ, всю инфиму, кромѣ одиихъ «императоровъ»...

— А сколько, братъ, пострадало изъ-за него, изъ за этого Антка!.. съ жаромъ говорилъ Бартекъ, и глаза у него вдругъ загорѣлись. — Подслушаетъ, тамъ, подсмотритъ, — и все перескажетъ; да своего еще прибавитъ три четверти, изъ мухи слона сдѣлаетъ... Такая злая ехидна! —Ты, братъ, его избѣгай! опять повторилъ онъ.

И Стась избѣгалъ Антка и боялся его, пуще огня. Но съ прочими школярами онъ познакомился очень скоро, а съ двумя— тремя даже и подружился. И первый былъ, разумѣется, Бартекъ, его заступникъ и покровитель, съ первыхъ-же дней школьной жизни; другой, его сосѣдъ по скамейкѣ — Ва́лекъ. Это былъ

мальчикъ, лѣтъ 9, — но на видъ казалось ему лѣтъ 6 — 7, не больше, — маленькій, съ круглой, большой головой, и худенькій, тонкій, какъ спичка. Робкій и беззащитный ребенокъ, — онъ былъ мишенью для всего класса, и развѣ только лѣнивый не задѣвалъ его, не затрагивалъ. За обѣдомъ онъ вѣчно оставался голоднымъ: его сосѣдъ обыкновенно уничтожалъ три четверти его порціи, — и Валекъ не смѣлъ и пикнуть. Толчки, пинки, колотушки летѣли на него отовсюду, — и онъ только всхлипывалъ да глядѣлъ на своихъ обидчиковъ большими, кроткими, полными слезъ, глазами. Только одинъ разъ глаза эти блеснули гнѣвомъ, негодованіемъ. Стась помнитъ, вотъ какъ теперь, (да и врядъ-ли когда забудетъ), такую сцену. Это случилось черезъ недѣлю, по его поступленіи въ школу. Валекъ сидѣлъ въ уголку у окна. Къ нему подошелъ мальчуганъ какой-то и хлопнулъ его по плечу. Валекъ весь такъ и съёжился и поднялъ испуганные глаза. Но мальчуганъ, очевидно, не имѣлъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Онъ улыбнулся. Но Валекъ смотрѣлъ на него недовѣрчиво.

— О чемъ задумался, кроликъ? спросилъ его мальчуганъ.

«Кроликъ», какъ будто, пріободрился.

— Да такъ, скучно стало... говорилъ онъ. — Маму вспомнилъ... — И въ большихъ голубыхъ глазахъ его вдругъ заблестѣли слезинки.

Мальчишка захохоталъ.

— Ахъ, ты, нюня, дѣвчонка ты этакая! говорилъ онъ. — Плакса!.. «Ма-а-му вспомнилъ!» передразнилъ онъ. — А кто у тебя мама-то? Ты думаешь, я не знаю? — А? — Хлопцы! Видали вы когда нибудь маму Валька?

— Нѣтъ! отвѣчали школьники.

— А я такъ видалъ. — Это — нищая. Она по дворамъ ходитъ съ мѣшкомъ и собираетъ тамъ всякую дрянь: тряпки, кости, арбузныя корки, объѣдки разные... Она вся оборванная, въ лох-

мотьяхъ, грязная и постоянно пьяная... Говорятъ, воровка...— Что-о?..—И онъ обратился къ Вальку.

Мальчика и узнать нельзя было. Куда дѣвалось запуганное лицо!.. Оно, вдругъ, покраснѣло отъ гнѣва; глаза засверкали...

— Ты лжешь... безсовѣстно лжешь!.. крикнулъ на весь классъ Валекъ.— Мать моя не воровка!.. Она нищая... да... Она кости, тряпки сбираетъ и продаетъ... Но она не воровка... Нѣтъ!.. Бога ты не боишься, безсовѣстный!.. Ты...— Но Валекъ не выдержалъ и вдругъ зарыдалъ.

— Ахъ, ты, дрянь этакая... ошмётокъ!..— И мальчуганъ закатилъ ему здоровенную оплеуху. Валекъ качнулся и ударился головой объ стѣну.

И, вдругъ... Стась, и до сихъ поръ не можетъ понять, какъ это случилось... Онъ помнитъ, что у него точно подступило что́ къ сердцу; въ глазахъ помутилось... Онъ сжалъ кулаки, бросился на мальчишку,—и однимъ ударомъ сшибъ его съ ногъ... А тотъ былъ чуть не вдвое выше и толще его!.. Мальчишка вскочилъ, подмялъ подъ себя Стася и сталъ неистово колотить его... Но тутъ вбѣжалъ Бартекъ... Поднялся шумъ, крикъ...— Дверь отворилась, и на порогѣ показался о. Фелиціанъ, пре́фектъ.

— Это что значитъ! крикнулъ онъ.—Драка?.. Кто тамъ?— Адамъ Квѣцинскій и Бартекъ Войно... И еще кто-то...—Розогъ!..

— Позвольте, о. префектъ... говорилъ Бартекъ, весь красный, какъ сырая говядина.— Я...

Началось слѣдствіе, и кончилось тѣмъ, что Бартку присудили пятьдесятъ розогъ, Адаму Квѣцинскому шестьдесятъ,— а Стася поставили на цѣлые два часа на колѣни въ уголъ, лицомъ къ стѣнѣ.— Но Стась ни капельки не смутился и бодро вытерпѣлъ наказаніе. Онъ сознавалъ въ душѣ, что онъ правъ, и пострадалъ за правду. Бартекъ только поморщился да почесалъ спину, получивъ пятьдесятъ розогъ. (Калефакторъ за что-то злился на него и выпоролъ его вполнѣ добросовѣстно).

— Ну, ладно, ты погоди у меня!.. погрозилъ онъ кулакомъ Квѣцинскому. — Я послѣ еще съ тобой потолкую!.. За Стася я тебѣ голову оторву, — такъ и знай, — если ты его хоть разъ еще пальцемъ задѣнешь!.. Ну, а за Валька — и руки, и ноги, и ребра переломаю!.. Такая дубина, большой оселъ, а смѣетъ бить маленькихъ... Хоть постыдился-бы, барабанная палка, колода!..

— Да и вы тоже, ослы, обратился онъ ко всему классу. — Вы на носу у себя зарубите: если кто тронетъ Валька, — будетъ имѣть дѣло со мной!.. Нѣтъ ни стыда въ васъ, ни совѣсти!..

— Постой, Бартекъ, не всѣхъ ругай! послышался чей-то голосъ. — Кабы не ты, такъ я самъ отзвонилъ-бы Адамку... За что онъ ударилъ Кролика?..

— И я, Бартекъ! И я!.. Это они только его обижали... А мы его и пальцемъ никогда не задѣли... Господь свидѣтель!..

— То-то, вотъ!.. — И Бартекъ пошелъ на мѣсто. — Хоть трое въ классѣ нашлось, — и то еще слава Богу!..

И точно, прошло съ недѣлю, — а Валька, къ его величайшему удивленію, никто не обидѣлъ и не затронулъ. Сперва онъ робко глядѣлъ на всѣхъ и, точно, хотѣлъ спросить: да что-же ты меня не ударишь?—ударь!.. Наконецъ, онъ немного пріободрился и даже, какъ будто, слегка поправился. На блѣдныхъ щекахъ его, порою, показывался румянецъ. — И съ этого дня Стась подружился съ Валькомъ. Да и нельзя съ нимъ было не подружиться! Валекъ напомнилъ ему Михася, убитаго гайдамаками. То-же сердечко, любящее и доброе, и такъ-же въ немъ много горя, страданій!.. Отецъ его былъ крестьяниномъ, хлопомъ у какого-то пана... Разъ какъ-то, зимой («недавно, въ прошломъ году!» говорилъ Валекъ и отиралъ кулакомъ слезы), — онъ подрубалъ въ лѣсу старый, высокій дубъ. Дерево застонало и затрещало, накренилось, — онъ не успѣлъ отскочить... и только!.. Осталась вдова съ тремя ребятишками, и Валекъ изъ нихъ самый старшій. Убитая горемъ, мать заболѣла, и долго лежала въ

постели. Потомъ оправилась, но силы ея пропали, и она не могла ужь работать, какъ прежде... Безсовѣстный панъ прогналъ ее, безъ всякаго сожалѣнія, вмѣстѣ съ дѣтьми изъ хаты, — и она осталась съ семьей безъ крова и безъ куска хлѣба... Чтó дѣлать? Куда идти?.. — Но нашелся добрый, хорошій панъ («дай ему Богъ здоровья!..») и пріютилъ Яся съ Зоськой, а Валька взяли на воспитаніе о. о. піары.

— И вотъ, я надумалъ учиться, говорилъ Валекъ.—Учиться изо всѣхъ силъ!.. Слыхалъ я, что только ученый и можетъ сдѣлаться человѣкомъ и добывать много денегъ... И я учусь, Стась... Ночью, иной разъ, встаю и зубрю латынь... Второй годъ я еще въ коллегіи, а знаю всѣ эти склоненія и спряженія, не хуже грамматиковъ, или синтаксовъ... Вѣрно!.. А выучусь, — мѣсто найду себѣ, и маму къ себѣ возьму... Бѣдная!.. Какъ тяжело ей теперь, какъ трудно!.. — И слезы опять ручьемъ текли по щекамъ Валька. — Мнѣ чтó, — хорошо здѣсь: тепло мнѣ, сытъ... (Онъ забывалъ, что его объѣдали). А вотъ она... Господи!.. И голодаетъ и холодаетъ!.. — Она не нищая, Стась, — неправда! Она не проситъ ни у костела, ни подъ окномъ!.. Нѣтъ, тряпки она, кости сбираетъ и продаетъ, — и этимъ кормится...

Стась слушалъ Валька, глазъ не спускалъ съ него, — и чувствовалъ, какъ что-то тамъ подступало къ горлу, давило его... Больно ему такъ, грустно, тяжело было!..

— Совѣсти нѣту въ нихъ... Бога нѣтъ!.. говорилъ Валекъ.— Чтó сдѣлалъ я имъ худого?.. Всякій меня ударитъ, толкнетъ... За что?..

— А ты зачѣмъ позволяешь?.. горячо протестовалъ Стась.— Они, вѣдь, всѣ на одинъ покрой... Ты только поддайся имъ — заклюютъ совсѣмъ!.. Вонъ ты послушалъ-бы, чтó говоритъ Бартекъ!.. — Ударятъ, — и ты ударь, — отстанутъ!..

— Нѣтъ, Стась! — И Валекъ покачалъ головой. — Куда

мнѣ, — вѣдь я такой худенькій, слабый!.. Я лучше ужъ такъ... кротостью какъ-нибудь... Все думаю: имъ жалко станетъ...

— Да, какъ-же, вотъ,—пожалѣютъ!.. Они на кроткихъ-то,— Бартекъ, вонъ, говоритъ, — больше и нападаютъ... Да ты не бойся теперь, — тебя никто не обидитъ... И Бартекъ и я заступимся!..

— Дай Богъ... Спасибо!.. — И Валекъ поднялъ на него свои голубые глаза. Въ нихъ свѣтилась благодарность...

XII.

Изъ всѣхъ разнородныхъ типовъ учениковъ въ инфимѣ особенно рѣзко бросался въ глаза одинъ. Это былъ Олесь Важинскій.

Теперь даже трудно представить себѣ всю эту испорченность школяровъ коллегіи. Теперь нигдѣ не найдешь ничего подобнаго; но тогда, лѣтъ сто пятьдесятъ назадъ, — было дѣло другое... Добрый, честный, хорошій мальчикъ являлся тамъ почти исключеніемъ, какимъ-то свѣтлымъ лучемъ въ темномъ царствѣ... Но большинство... Боже мой, большинство!.. Обидѣть слабаго, беззащитнаго; съѣсть его жалкій обѣдъ и оставить самого голоднымъ, — считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Школьнымъ девизомъ служило: *«capiat, qui capere possit»*, — и кулакъ являлся чуть не единственнымъ аргументомъ, и царилъ, господствовалъ въ школѣ. — Къ нему прибѣгалъ даже тотъ, кто въ душѣ вовсе не признавалъ за нимъ никакой нравственной силы. Солгать, обмануть, украсть — ничего не стоило. Тотъ, кто считалъ себя виноватымъ, думалъ, что согрѣшилъ, — тотъ только прочитывалъ на колѣняхъ пять-шесть молитвъ. Набожность, такимъ образомъ, выражалась, въ большинствѣ случаевъ, въ выполненіи однихъ

только внѣшнихъ обрядовъ. — И вотъ, Олесь Важинскій представлялъ во всей этой испорченной, драчливой и шумливой аравѣ особое, рѣзкое исключеніе. Сперва школяры смѣялись надъ нимъ, называли его святошей, монахомъ, — но онъ все выносилъ съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ, — и, наконецъ, былъ оставленъ въ покоѣ. Никто никогда не видалъ, чтобы Олесь смѣялся, иль улыбался даже. Нѣтъ, онъ всегда былъ мраченъ, за-

думчивъ и молчаливъ... Онъ, точно считалъ себя страшнымъ, великимъ грѣшникомъ, — и вѣчно каялся и молился. Учился онъ очень плохо: въ латыни былъ слабъ, и, въ большинствѣ случаевъ, или не зналъ вовсе урока, иль отвѣчалъ не впопадъ. Немудрено, впрочемъ. Онъ постоянно былъ страшно разсѣянъ, сосредоточенъ на одной мысли. И, кажется, только тѣло одно его и сидѣло въ классѣ, а духъ вѣчно viталъ въ высшихъ сферахъ... И Олесь ничего не видѣлъ, не слышалъ, не замѣчалъ... Зато въ молит-

вахъ, священной исторіи и катехизисѣ онъ былъ отнюдь не слабѣе самого о. Гіацинта. Событія изъ священной исторіи, и особенно эпизоды жизни Іисуса Христа, Его страданій и крестной смерти, — онъ разсказывалъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ... Онъ весь тогда какъ-то преображался. Его худое лицо горѣло румянцемъ; глаза сверкали...—Да, Олесь былъ не отъ міра сего! Ничто земное не занимало его, — онъ былъ ко всему холоденъ, равнодушенъ, — и стремился* только къ небесному... Ночью онъ часто вставалъ съ постели и горячо, жарко молился, вплоть до разсвѣта, когда школяры просыпались и начинали вставать... Онъ постоянно постился; лишалъ себя даже этой скудной, невкусной пищи, какую давали имъ за обѣдомъ, за ужиномъ,—и былъ худъ, какъ скелетъ... Профессора коллегіи и о. ректоръ въ немъ видѣли будущаго подвижника, — быть можетъ, святого, — и только префектъ Феліціанъ, суровый, строгій монахъ, смотрѣлъ на Олеся недовѣрчиво какъ-то, и считалъ его немного помѣшаннымъ.

Стась удивлялся Олесю, и даже, какъ будто, боялся его. — Разъ какъ-то, послѣ урока... Всѣ школяры, съ шумомъ и гамомъ, высыпали на дворъ, не смотря на рѣзкій, холодный вѣтеръ и дождь, —и въ классѣ остались только: онъ, Стась, Янекъ, да еще какой-то страшно худой, болѣзненный мальчикъ. Это и былъ Олесь. — Онъ сложилъ руки, какъ на молитвѣ, и что-то шепталъ; глаза его были устремлены вдаль, — но онъ ничего не видѣлъ... Стась съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Тогда еще онъ не зналъ, кто онъ такой... — Но вотъ Олесь опустилъ руки, и взглядъ его обратился на Янка. Тотъ въ это время съ жадностью доѣдалъ сухарь. И трудно сказать, что̀ выражалъ этотъ взглядъ: не то насмѣшку, не то сожалѣніе... — Стась рѣшился заговорить съ этимъ страннымъ мальчикомъ.

— Тебя какъ зовутъ? робко спросилъ онъ.

Тотъ повернулъ голову.

— Что?

— Какъ зовутъ тебя?

— Олесь Важинскій.

— Ты голоденъ, вѣрно? Да?

— Голоденъ?.. Я?..—И Олесь презрительно усмѣхнулся.— Ты почему-же такъ думаешь?..

— Да ты такъ смотрѣлъ на этого мальчика, что, вонъ, сухарь ѣстъ... забормоталъ Стась. — Ну, я и думалъ, что и тебѣ хочется...

— Аа! — И Олесь взглянулъ на него, какъ смотрятъ старые и умудренные ужь опытомъ люди на неосмысленнаго ребенка.

— Нѣтъ, я смотрѣлъ и жалѣлъ его! грустно говорилъ онъ.— Я удивлялся: какъ это люди заботятся лишь о хлѣбѣ земномъ, ѣдятъ все и пьютъ, — и такъ мало думаютъ о небесномъ!.. Не хлѣбомъ однимъ бываетъ живъ человѣкъ, но и всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ...

Стась посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Да, жалки люди! продолжалъ Олесь. — Они заботятся о мамонѣ... Вонъ этотъ... Какъ его, тамъ... не знаю... Онъ только и думаетъ объ одномъ: какъ бы набить брюхо... Ну, а молитвы, а воздержаніе, постъ, — онъ забываетъ совсѣмъ...

— Послушай, мальчикъ!.. — И онъ вдругъ схватилъ Стася за руку. — Ради Христа-Создателя, ты не будь такимъ!..

— Какимъ? не понималъ ничего Стась.

— Обжорой такимъ, какъ онъ... Я третій день замѣчаю: онъ все грызетъ что-то, все ѣстъ..!

— Но если онъ голоденъ?

— Го-олоденъ?.. съ сожалѣніемъ протянулъ Олесь.—Но чтó же такое голодъ? — Маленькое лишеніе плоти... — Но есть другая пища, въ милліонъ разъ полезнѣй, здоровѣй тѣлесной...—Молитва!..

— Да ты развѣ самъ никогда не ѣшь? спрашивалъ удивленно Стась. — Неужели ты все только молишься?..

— Нѣтъ, и я ѣмъ! со вздохомъ отвѣчалъ Олесь, — точно

ѣда составляетъ великій грѣхъ. — Плоть немощна... Но я ѣмъ, чтобъ только не умереть съ голоду...

— То-то такой и худой ты! — И Стась оглянулъ его съ сожалѣніемъ.

— Надо заботиться не о тѣлѣ, а о душѣ! продолжалъ Олесь.— Тѣло умретъ и сгніетъ въ могилѣ... Но духъ будетъ жить вѣчно... Надо жить для того только, чтобы спасти свою душу... А развѣ заботимся мы о ней?.. Развѣ они... всѣ эти... заботятся?.. Они помышляютъ лишь о земномъ... — И Олесь опять вздохнулъ. — Они грѣшники... всѣ, всѣ грѣшники!.. Я молюсь за нихъ каждый день: днемъ и ночью...

Стась удивлялся все больше и больше.

— Ну, а ты... ты хочешь спасти свою душу, мальчикъ? заговорилъ опять Олесь и устремилъ на Стася блестящій взглядъ.

Тотъ растерялся.

— Не знаю... хочу... забормоталъ онъ.

— А знаешь ты, чтó надо дѣлать для этого? Нѣтъ, не знаешь?—Надо забыть все земное, и всѣмъ своимъ существомъ устремиться къ Богу... Забыть и отца, и мать... всѣхъ, всѣхъ забыть... и молиться, молиться!.. — Да и что такое земля? — Юдоль плача и скорби!.. А люди? — Сонмище беззаконій, грѣховъ!.. Надо отречься отъ всего этого и устремляться на небо... Тамъ только свѣтъ!.. Тамъ истина!..

— Да, мнѣ о. Бенедиктъ толковалъ объ этомъ, говорилъ Стась. — Онъ говорилъ, что надо молиться...

— Да, молиться, — но кáкъ? перебилъ его Олесь. — Весь день молиться, всю ночь!.. Надо такъ дѣлать, чтобъ на умѣ только и были однѣ молитвы... Какъ поступали подвижники христіанства?.. — О, какъ хотѣлъ-бы я, какъ хотѣлъ быть подвижникомъ!.. — И глаза Олеся засверкали. — Я и теперь стараюсь изо всѣхъ силъ... Весь день, какъ встану, — я только и дѣлаю, что молюсь... Молюсь въ душѣ, незамѣтно; никто не знаетъ объ этомъ!.. Ночью

встаю по нѣскольку разъ, и становлюсь на молитву... Плоть немощна; дьяволъ меня смущаетъ и клонитъ ко сну; но я борюсь съ нимъ изо всѣхъ силъ!.. Но я еще слабъ, и не всегда съ нимъ могу справиться!.. Иной разъ я засыпаю вдругъ на молитвѣ... — И онъ тяжело вздохнулъ. — Но это пройдетъ со временемъ... Потомъ, когда я выросту и окрѣпну, я удалюсь въ пустыню куда-нибудь; вырою тамъ руками пещеру, и буду питаться только одними кореньями и пить ключевую воду... Тогда я только могу надѣяться очистить отъ грѣховъ душу, спасти ее... А, здѣсь, — нѣтъ!.. — И онъ вдругъ махнулъ рукой. — Здѣсь, все таки, много соблазновъ... Мѣшаютъ на каждомъ шагу... А тамъ я...

Олесь вдругъ замолчалъ... Въ классъ, съ шумомъ, ворвались школьники, — и онъ усѣлся опять на мѣсто, шепча про себя молитвы. Стась весь урокъ не сводилъ глазъ съ него. Но Олесь ничего не видѣлъ, не слышалъ.

— О чемъ онъ съ тобой говорилъ? спрашивалъ Бартекъ Стася. — Не о душѣ-ли?

— Да... Но онъ странный какой-то... Я мало понялъ...

— Немудрено: его никто здѣсь не знаетъ, не понимаетъ. Онъ—не отъ міра сего! Ему-бы не здѣсь жить, среди сорванцевъ, головорѣзовъ,— а гдѣ нибудь, тамъ, въ пустынѣ, — спасаться...

— Онъ такъ и хочетъ.

— И сдѣлаетъ!.. Да, если доживетъ только! прибавилъ Бартекъ. — Вѣдь онъ не ѣстъ, не пьетъ и не спитъ. Въ немъ еле душа держится. Прежде надъ нимъ смѣялись всѣ, ханжой звали... Но онъ не ханжа, — нѣтъ!.. Онъ мнѣ всегда казался какимъ-то такимъ... Но только хорошимъ... — Да, онъ — не отъ міра сего! задумчиво повторилъ Бартекъ.—И изъ такихъ, говорятъ, выходили святые подвижники...

— Ты, послѣ класса, зайди сегодня ко мнѣ! говорилъ о. Гіацинтъ Стасю. — Знаешь, гдѣ я живу?

— Нѣтъ.

— Четвертая дверь по корридору, налѣво.

— Зачѣмъ-бы это? подумалъ Стась, — и обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ Бартку. Тотъ сдвинулъ брови, задумался.

— Не знаю, право, зачѣмъ ты ему понадобился, говорилъ онъ. — Этотъ монахъ, вообще, къ тебѣ благоволитъ что-то... — И вдругъ ему пришла мысль какая-то. Бартекъ нахмурился.

— Гм... Ужь не хочетъ-ли онъ изъ тебя сдѣлать доносчика?.. мрачно говорилъ онъ.

— Что ты, Господь съ тобой!..

— Да, вѣдь, какъ знать, чего не знаешь!.. За чѣмъ — за другимъ-то звать? Пирожнымъ тебя накормить, что-ли, хочетъ, конфектами?.. — Ты, братъ, смотри, Стась! — И онъ полушутя, полусерьезно погрозилъ пальцемъ.

— Ну, ладно, прости, — пошутилъ я!.. Знаю, что ты не выдашь своихъ, не будешь фискаломъ...

Колоколъ прозвонилъ къ обѣду. Лекціи кончились, и школяры посыпали вонъ изъ класса.

— Ты не забудь, говорилъ Бартекъ Стасю. — Четвертая дверь налѣво...

— А ты бывалъ у него развѣ?

— Зачѣмъ мнѣ бывать? — нѣтъ!

И Стась отправился. Длинный, сырой корридоръ во второмъ этажѣ коллегіи, гдѣ помѣщались кельи профессоровъ и ректора, освѣщался только однимъ окномъ, съ тусклыми, на половину забѣленными стеклами. Въ немъ и въ ясный, солнечный день былъ полумракъ. Вечеромъ зажигали тусклую, дымную лампочку, освѣщавшую пространство на пять-десять шаговъ, да и ту часа черезъ два-три гасили: монахи рано ложились спать... Сегодня день

былъ пасмурный, хмурый,—и въ корридорѣ было темно. Стась брелъ чуть не ощупью. Но вотъ онъ дошелъ до какой-то двери... Четвертая, кажется, слѣва? Да. Онъ дернулъ за скобку. Дверь скрипнула, отворилась,—и Стась очутился въ маленькой комнаткѣ.

Вездѣ образа по стѣнамъ; лампадки ярко горятъ передъ ними; въ углу большое бронзовое распятіе... Кровать; два стула съ кожаными подушками; столъ, заваленный грудами книгъ и рукописей,—и за столомъ—о. Игнатій. Онъ пристально разглядывалъ къ свѣту стаканъ съ какой то свѣтлой, янтарной жидкостью. Тутъ-же подлѣ него стояла бутылка, вся запыленная, покрытая паутиной. — Стась тотчасъ узналъ ее. Въ такихъ бутылкахъ у папы былъ старый литовскій медъ... — О. Игнатій былъ такъ погруженъ въ созерцаніе свѣтло-янтарной жидкости, что даже не слышалъ, какъ скрипнула дверь, и вошелъ Стась. Мальчикъ сообразилъ, что не туда попалъ, и хотѣлъ улизнуть,—но о. Игнатій вдругъ поднялъ голову и увидалъ его.

— Тебѣ здѣсь чего надо? закричалъ онъ.—Какъ ты попалъ сюда?

— Простите... ошибся... Я думалъ къ о. Гіацинту... бормоталъ Стась.

— То-то, вотъ, шляетесь только всюду, мѣшаете!.. Пошелъ вонъ!

Стась моментально скрылся.

— Стой! закричалъ о. Игнатій.—Куда ты, точно настеганный? Эй, вернись!..

Мальчикъ вернулся.

— Кончились лекціи!

— Да-съ.

— А какъ по латыни: кончить?

— Finire.

— Спряженіе будетъ?

— Четвертое.

— Такъ. Пошелъ вонъ!.. Нѣтъ, впрочемъ, стой! Ты куда?

— Къ о. Гіацинту. Онъ звалъ меня...

— Аа!.. Зачѣмъ?

— Не знаю-съ.

— Гм... А какъ будетъ: знать?

— Scire.

— А не знать?

— Nescire.

— Вѣрно. Пошелъ вонъ!.. Келья о. Гіацинта возлѣ...

Въ такой-же маленькой и освѣщенной лампадками, комнаткѣ, стоялъ у окна блѣдный, худой монахъ и задумчиво барабанилъ по стеклу пальцами. При входѣ Стася, онъ обернулся.

О. Людовику было лѣтъ 27—28, и онъ читалъ въ старшемъ классѣ поэзію. Стась ужь встрѣчалъ его раза два-три въ коллегіи, и онъ произвелъ на него очень хорошее впечатлѣніе: такой ласковый, добрый на видъ, и такъ кротко, любовно смотритъ. Одно вотъ нехорошо только: о. Людовикъ боленъ, должно быть, и очень боленъ. Онъ постоянно кашляетъ отрывистымъ, сухимъ кашлемъ и хватается руками за грудь. На блѣдныхъ и впалыхъ щекахъ его, порой, выступаетъ какой-то зловѣщій румянецъ, пятнами. — Стась оглянулся. Въ кельѣ, кромѣ о. Людовика, никого не было.

— Тебѣ что, мальчикъ?

— О. Гіацинта. Онъ мнѣ велѣлъ зайти.

— О. Гіацинтъ придетъ сейчасъ. Подожди. Сядь, вотъ, сюда!

Стась замялся.

— Садись! садись! — И онъ усадилъ его.

— Ты, видно, недавно въ коллегіи, — я что-то не видѣлъ тебя, говорилъ о. Людовикъ.

— Недавно, мѣсяцъ еще.

— Гм... А сколько лѣтъ тебѣ?

— Скоро одиннадцать.

— Ты въ инфимѣ?

— Да.

— А ка́къ тебѣ нравится здѣсь?

Стась смѣшался.

— Не очень? — Немудрено!.. Кормятъ здѣсь очень плохо... И о. Людовикъ вздохнулъ.—Какъ можно морить дѣтей голодомъ! говорилъ онъ, точно съ самимъ собой.—Они растутъ, вѣдь; имъ силами запасаться надо... — Ну, а учиться ты ка́къ, мальчикъ? Охота есть?

— Да-а... замялся Стась.—Но только теперь...

— Теперь еще ты ничего не знаешь, кромѣ спряженій, склоненій? — Ну, подожди: дойдешь до риторики, до поэзіи, — тамъ ты узнаешь больше... Ну, а читать? Не любишь? Охоты нѣтъ?

— Очень люблю... У меня дома довольно книжекъ...

— А, это хорошо, милый... Читай, какъ можно больше, читай!.. *Ex libris bonis legendis magnus fructus capitur* *)... Ты понимаешь меня?

— Да.

— Ты, значитъ, не слабъ въ латыни? — Учись, мой милый, учись! Сначала скучно, конечно: спряженія и склоненія, герундіи и супины, — ну, а потомъ, когда ты постигнешь все это, — ты не раскаешься... Нѣтъ!.. На языкѣ римлянъ есть много чудныхъ прекрасныхъ вещей, какихъ еще никогда не было и не будетъ!.., Сколько въ нихъ кроется истинной и глубокой поэзіи; сколько одушевленія, чувства, силы!.. Виргилій, Горацій, Овидій...

— Но, впрочемъ, ты еще не поймешь меня,—ты еще очень молодъ!.. Учись, старайся, и, если ты только захочешь свѣта,— увидишь его! Учись!..—И онъ ласково потрепалъ его по плечу.

---

*) Изъ чтенія хорошихъ книгъ извлекается много пользы.

Дверь отворилась, и вошелъ о. Гіацинтъ. Стась моментально вскочилъ.

— А, ты здѣсь! кивнулъ онъ ему головой. — Сейчасъ, погоди немного!..—И онъ обратился къ о. Людовику.

— Что́ скажетъ, почтенный братъ мой? говорилъ онъ, ласково заглядывая въ глаза монаха и пожимая его тонкую, худую руку.—Вы давно здѣсь?

— Нѣтъ... — Я къ вамъ по дѣлу, о. Гіацинтъ... И все по тому-же, что и тогда... Сегодня они опять просили меня...

— Аа!..—И лобъ о. Гіацинта слегка нахмурился.—Я говорилъ съ о. ректоромъ...

— И что-же онъ?

— Находитъ, что пища и хороша, и достаточна.

— И вы такъ находите?

— Да.

О. Людовикъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, такъ невозможно! говорилъ онъ. — Вѣдь вы поймите... Намъ съ вами не трудно соблюдать постъ, — мы люди взрослые и окрѣплые .. А они...

— Постъ никому не мѣшаетъ, почтенный братъ мой, говорилъ о. Гіацинтъ. — Ни въ какомъ возрастѣ...

— Да, я согласенъ. Умѣренность, а не голодъ...

— Да развѣ они голодные?—И о. Гіацинтъ съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что да... И, кромѣ того, съѣстные припасы... Они далеко не всегда свѣжіе... И о. ректору право-бы не мѣшало хоть изрѣдка заглянуть въ кухню...

— Ахъ, Боже мой,—да развѣ ему есть время? говорилъ о. Гіацинтъ.—Онъ и такъ занятъ, съ утра и до ночи...

— А дурное питаніе ведетъ къ болѣзнямъ... Оно портитъ соки и изнуряетъ. . . Вѣдь это вопросъ очень серьезный, о. Гіацинтъ,— и о немъ стоитъ похлопотать. . . Вы знаете, я и самъ не разъ

обращался къ о. ректору... Но я думалъ: вы такъ хороши съ нимъ, такъ близки, — и онъ васъ скорѣе послушаетъ...

— Полноте, почтенный братъ мой! Изъ-за чего вы хлопочете? — Школьниковъ какъ ни корми, — имъ все будетъ мало... Они захотятъ еще... А наша община, право, не такъ богата... Бросьте вы этотъ «вопросъ», какъ вы называете! Все равно, изъ него ничего не выйдетъ. — Чего хотятъ школьники?-Объѣдаться? — А, вѣдь, обжорство — великій грѣхъ!

О. Людовикъ только махнулъ рукой и, закашлявшись, вышелъ изъ кельи. О. Гіацинтъ проводилъ его не особенно добрымъ взглядомъ.

— Ты понялъ, о чемъ говорили мы? — обратился онъ къ Стасю.

— Да, понялъ. Здѣсь мало и плохо кормятъ...

— Но это не правда, дитя мое! Это о. Людовику только такъ кажется... Кормятъ здѣсь хорошо и сытно...

Стась промолчалъ. Онъ вспомнилъ, какъ школьники, точно собаки, грызлись изъ-за куска. Вспомнилъ этотъ обѣдъ пифимы...

— Умѣренность — это лучшее средство, чтобъ быть здоровымъ и долго жить, продолжалъ о. Гіацинтъ. — А обжорство порождаетъ только болѣзни...—Но мы оставимъ это, дитя мое... Тебя какъ зовутъ?

— Станиславъ Маевскій.

— Такъ, вотъ, Стась, — и о. Гіацинтъ ласково потрепалъ его по плечу.—Я зналъ твоего отца, когда онъ былъ еще мальчикомъ.. И онъ былъ очень умный, хорошій мальчикъ. Старайся и ты быть такимъ-же... Ты любишь его.. папу?

— О, да, очень!..

— И хорошо. Любить отца и мать, почитать ихъ, — повелѣваетъ намъ самъ Господь Богъ въ одной изъ Своихъ святыхъ заповѣдей... А послѣ отца и матери, надо любить и уважать сво-

ихъ наставниковъ и учителей... Вотъ, напримѣръ, меня ты любишь? А? — И онъ заглянулъ ему прямо въ глаза.

Стась смутился.

— Не любишь?

— Нѣтъ... почему-же... вы добрый... Вы насъ не бьете, не мучите...

Но о. Гіацинтъ точно и не разслышалъ.

— Ну, а другіе какъ? Твои товарищи? говорилъ онъ. — Любятъ они меня? Не говорятъ про меня ничего дурного?

— Не говорятъ.

— И это правда? Поклясться можешь?

— Но клясться грѣшно, вѣдь...

— Да... но иногда и можно... Бываютъ случаи... Не говорятъ, значитъ?

— Не знаю, право... Я не слыхалъ...

— Гм... А про другихъ что̀ говорятъ?. Про о. Игнатья? Его не любятъ? Бранятъ?..

— Да, бранятъ.

— А кто, напримѣръ?

— Всѣ бранятъ.

— Гм... И ты тоже?

— И я... Онъ очень больно деретъ мнѣ уши! откровенно заявилъ Стась.

О. Гіацинтъ улыбнулся.

— Sancta simplicitas!..*)—пробормоталъ онъ.—А про другихъ? Про о. ректора? О. префекта?.. Не говорятъ?..

— Не знаю, право... Я не слыхалъ... Я здѣсь еще такъ недавно...

О. Гіацинтъ кашлянулъ.

— Гм... Видишь, дитя мое, вдругъ круто онъ измѣнилъ

*) Святая простота.

разговоръ. — Я позвалъ тебя затѣмъ, чтобъ пояснить, чтó значатъ слова: «*Domine, ne in furore tuo arguas me: neque in ira tua corripias me*». *).

И онъ сталъ объяснять. Стась слушалъ его разсѣянно. Ему ѣсть хотѣлось. Но вотъ, наконецъ, о. Гіацинтъ кончилъ.

— Иди съ Богомъ, дитя мое! говорилъ онъ, благословляя мальчика. — Будь умнымъ, послушнымъ, прилежнымъ... Молись больше и всегда слушайся, уважай и почитай наставниковъ... Ступай! Dominus tecum!..

XIII.

Канунъ Рождества въ домѣ пана Маевскаго, какъ, вообще, у католиковъ, справлялся чрезвычайно скромно. Сбирались только близкіе родственники и друзья и, по семейному, проводили вечеръ. Съ первой звѣздой, т. е. часовъ въ пять вечера, садились всѣ за обѣдъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужинъ — *кýтью*, состоящій непремѣнно изъ двѣнадцати постныхъ блюдъ, между которыми преобладали рыбныя кушанья, каши, сваренныя изъ неочищеннаго зерна, медъ, макъ и пр. Передъ кýтьей ломали облатки, съ пожеланіемъ другъ другу всевозможныхъ благъ. И такъ проходило время часовъ до семи, восьми вечера. Затѣмъ всѣ ложились спать. Часа въ два или въ три утра вставали и отправлялись всѣ на *пастéрку* **).

И въ этомъ году не было отступленія отъ обычнаго правила. Панна Барбара, съ опухшей, подвязанною щекой, хлопотала и суетилась въ кухнѣ. По правдѣ сказать, ея хлопоты были здѣсь совершенно излишни: поваръ Василь и безъ нея прекрасно зналъ

---

*) Господи! Не въ ярости Твоей обличай меня, и не въ гнѣвѣ Твоемъ наказывай меня.

**) То-же, что наша рождественская заутреня.

свое дѣло, и она своей суетней только мѣшала ему. Но ужъ такой нравъ былъ у «старой панны»: всюду совать свой носъ, даже туда, гдѣ ея вовсе не спрашивали...

Въ ярко освѣщенномъ нѣсколькими канделябрами и топившейся печкой залѣ былъ уже накрытъ столъ для кутьи, и за нимъ собралось небольшое общество, въ ожиданіи перваго блюда. Панъ Ромуальдъ, пани Ядвига; о. Бенедиктъ, панъ Болеславъ Грабовскій и Стась.—Мальчикъ только вчера пріѣхалъ съ отцомъ изъ Кіева.—И сколько-же радости было, Боже мой, сколько слезъ!.. Пани Ядвига точно лѣтъ десять не видала сына,—до того она обрадовалась ему!.. Она оглядывала его съ головы до ногъ, обнимала, цѣловала и плакала; потомъ опять обнимала и цѣловала... Но слезы радости вскорѣ смѣнились слезами сожалѣнія, горя... Она нашла, что Стась похудѣлъ страшно...

— Его голодомъ тамъ морили эти обжоры... нищіе!.. съ плачемъ говорила она.—И зачѣмъ, Рóмусь, отдалъ ты его къ нимъ?.. Развѣ не нашлось-бы въ Кіевѣ кого другого?..

Панъ Ромуальдъ смущенно покручивалъ усъ и тоже находилъ, что Стась дѣйствительно похудѣлъ, отощалъ какъ-то...

— Конечно, еслибъ я только зналъ, Ядичка!.. говорилъ онъ.—Да ни за что-бы на свѣтѣ!.. Но какъ-же мнѣ было знать!..

И вотъ Стася вчера едва не закормили до смерти... Пани Ядвига, то и дѣло, подкладывала ему на тарелку отборнѣйшіе куски.

— Мамочка! Да я не хочу,—сытъ! протестовалъ Стась.

— Ну, гдѣ-же сытъ,—полно! Много-ли ты и съѣлъ?.. Кушай, мой милый, кушай!..

И Стась вышелъ изъ-за стола съ набитымъ, какъ чемоданъ, желудкомъ.

Однако время идетъ... Стрѣлка стѣнныхъ часовъ въ залѣ показываетъ уже четверть седьмого,—а перваго блюда все еще нѣтъ... О. Бенедиктъ начинаетъ слегка покряхтывать, что служитъ у него признакомъ нѣкотораго нетерпѣнія... Старикъ си-

дитъ какъ разъ напротивъ Грабовскаго и, волей-неволей, долженъ, порой, встрѣчаться съ нимъ взглядами. Тогда тонкія губы его конвульсивно сжимаются; онъ мрачно сдвигаетъ брови и опускаетъ глаза въ тарелку...

Но что-жь это панна Барбара? Умерла она, что-ли, въ кухнѣ?.. — О. Бенедиктъ голоденъ: сегодня онъ ровно еще ничего не ѣлъ (какъ и всѣ, впрочемъ). Да ему и некогда сидѣть тутъ и растабарывать за столомъ. Онъ долженъ еще уснуть, и хорошенько уснуть, до пастёрки...

А, вотъ, наконецъ,—дверь распахнулась. Вошла панна Барбара, разряженная, расфранченная, покрытая чуть не съ головы до ногъ разными ленточками и бантиками,—а за нею шла Гапка, съ блюдомъ въ рукахъ.

Панъ Ромуальдъ взялъ со стола облатку и, разломивъ ее, обратился къ о. Бенедикту.

— Позвольте вамъ пожелать всего лучшаго, отецъ мой, — говорилъ онъ, — и, главное, силъ и здоровья!..

— И вамъ того-же! пробурчалъ старикъ и дѣятельно заработалъ ножомъ и вилкой. Онъ былъ что-то очень сердитъ сегодня.

Затѣмъ панъ Ромуальдъ обратился къ женѣ, къ пану Болеславу, паннѣ Барбарѣ, къ Стасю... Послѣднему онъ пожелалъ хорошо учиться и пополнѣть. — Наконецъ запасъ добрыхъ желаній весь истощился, и всѣ принялись за ѣду.

— Возьми-ка, вотъ, этотъ кусочекъ, Стась! — И пани Ядвига сунула ему на тарелку такой «кусочекъ», что Стась испугался даже.

— Мамочка! Да мнѣ этого въ два дня не съѣсть!..

— Ну, полно, милый!

Панъ Ромуальдъ усмѣхнулся.

— Ѣшь, мальчикъ, ѣшь! говорилъ онъ. — Надо на праздникахъ хоть капельку нагулять жиру... Видишь, какъ похудѣлъ!..

— Да, такъ, вотъ... продолжалъ панъ Болеславъ прерванный разговоръ. — Вы спрашивали меня, какъ идутъ дѣла тамъ у меня, въ имѣніи? — Какъ вамъ сказать?.. Все было-бы хорошо, панъ Ромуальдъ, еслибъ только земля была лучше... Да... Съ такой землей, и мои агрономическія свѣдѣнія ничего подѣлать не могутъ... Ну, а земля плоха, — и крестьянамъ у меня не очень сладко живется...

— Однако они не жалуются и хвалятъ Бога... и пана Грабовскаго! замѣтилъ панъ Ромуальдъ.

Болеславъ слегка улыбнулся.

— Немудрено, говорилъ онъ, — они немногимъ довольны: народъ, вообще, не требовательный... Не жалуются... А почему? — Да потому, что въ иныхъ помѣстьяхъ панщины пять дней въ недѣлю, а у меня только одинъ день... — Ну, вотъ, и славятъ всюду меня, какъ отца-благодѣтеля... А какой я имъ благодѣтель!.. — Въ этотъ одинъ день они сдѣлаютъ столько-же, сколько у другихъ въ пять. — Право! Значитъ, мое хозяйство въ исправности, и на свое у нихъ время есть... Земля, вотъ, только... Порой, урожаи плохи... Однако перебиваются кое-какъ... Имъ много-ли надо? — Есть хлѣба кусокъ — довольны, счастливы... А если, въ неурожайный годъ, ко мнѣ обратятся, за рожью, иль за овсомъ, да я дамъ имъ, — то какое-же въ этомъ благодѣяніе? — Они на будущій годъ сами мнѣ возвратятъ, съ благодарностью, а если и не возвратятъ, — такъ что-же, я обѣднѣю, что-ли?.. Корову медвѣдь задеретъ; лошадь падетъ... — Корову, лошадь имъ купишь... Безъ нихъ, вѣдь, не обойдешься!.. Ну, денегъ тоже, порою, дашь... Мало-ли на что они нужны!.. — И хвалятъ меня, превозносятъ... Странный народъ!.. Но, впрочемъ, народъ хорошій...

— Смиреніе паче гордости, панъ Болеславъ! Ты умолчалъ однако о богадѣльнѣ, о дѣтскомъ пріютѣ, о школѣ...

Грабовскій взглянулъ на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Такъ что-же? спросилъ онъ.

— Какъ, что-же? А это развѣ не будетъ благодѣяніемъ?

— Просто обязанность, долгъ, панъ Ромуальдъ, — и только! Меня хоть и зовутъ иные безбожникомъ, — и онъ покосился на о. Бенедикта; но тотъ только сжалъ губы и еще болѣе углубился въ ѣду, — однако я, все таки, христіанинъ... — Трудится, работаетъ человѣкъ всю жизнь; въ потѣ лица, какъ говорится, добываетъ хлѣбъ свой... Но, вотъ, подошла старость, а съ нею недуги разные, упадокъ силъ... Куда-же ему дѣваться? — Родныхъ ни одного человѣка... На улицу его, что-ли, выбросить? Умирай отъ голоду и отъ холоду!.. — А пріютъ... Мало развѣ у насъ, бездомныхъ, безпріютныхъ дѣтей? Имъ тоже куда дѣваться! — Не собачонки!.. — Въ школѣ у меня сорокъ пять человѣкъ: 30 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ... Грамоту знать имъ, я полагаю, не лишнее... Да и учитель у меня хорошій... Вы знаете, ксендзъ нашъ, о. Амвросій?

— Да, человѣкъ прекрасный!

— Прекрасный!.. Вѣдь, согласитесь: не лишнее, если онъ будетъ проповѣдывать имъ слово Божіе и научитъ обязанностямъ истиннаго христіанина? — А на о. Амвросія можно ужь положиться. Только благодаря ему, у меня нѣтъ въ имѣніи ни воровства, ни пьянства...

Блюда слѣдовали за блюдами, но о. Бенедиктъ не дождался конца кутьи. Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

— Да, дай Богъ, чтобъ у насъ было побольше такихъ помѣщиковъ, какъ ты! говорилъ панъ Ромуальдъ. — Я тоже дѣлаю у себя, что въ силахъ!.. Но гдѣ-жь мнѣ съ тобою сравниться!..

Грабовскій укоризненно покачалъ головой.

— Нѣтъ, я говорю серьезно... Мнѣ никогда не устроиться такъ, какъ ты... Однако, признайся: вѣдь все это, — богадѣльня, пріютъ, школа, — не дешево тебѣ обходится?..

— И не дорого... Я, вѣдь, вы сами знаете, человѣкъ не бѣдный... Богатый даже... Куда-жь мнѣ дѣвать богатство? На собственныя мои нужды идетъ немного...

— Ну, а о будущемъ вы не думаете, Болеславъ? вмѣшалась пани Ядвига. — Не думаете о женѣ, дѣтяхъ?

Грабовскій только махнулъ рукой.

— Куда ужь мнѣ о женитьбѣ думать! говорилъ онъ. — Вы только взгляните на меня, пани: вѣдь я старикъ!

— Вы-то старикъ?

— А какъ-же! Взгляните, сколько у меня сѣдыхъ волосъ!

— Ну, ладно... Выпьемъ, что-ли, старикъ! шутливо говорилъ панъ Ромуальдъ и взялъ со стола покрытую паутиной и пылью бутылку.—Рекомендую тебѣ этотъ медъ... Покойный дѣдъ оставилъ мнѣ, послѣ смерти, дюжинъ пять-шесть бутылокъ... Сорокъ пять лѣтъ прошло, какъ онъ умеръ,—а у меня осталось еще не меньше четырехъ дюжинъ... Медъ, полагаю я, недурной? Не такъ-ли? — И панъ Ромуальдъ налилъ стаканы.

— Благодарю!

— Ну, что?

— Да, медъ добрый... Прекрасный медъ!

— А теперь венгжина... Тоже винцо хорошее! — И панъ Ромуальдъ опять налилъ.

— Ну, дай тебѣ Богъ всего лучшаго! говорилъ онъ, поднимая стаканъ. И они чокнулись. — Дай Богъ, чтобъ всѣ твои добрыя начинанія все развивались и процвѣтали на пользу родного края!..

— Спасибо! — И панъ Болеславъ пожалъ ему крѣпко руку. — А больше мнѣ ничего не надо!..

Панъ Ромуальдъ допилъ вино и задумчиво покрутилъ усы.

— Одно только, вотъ, скверно, Бо́лесь, говорилъ онъ. — Переживаемъ мы теперь трудное время... Да!... Никто не можетъ сказать, что будетъ съ нимъ завтра...

— Мы сами въ томъ виноваты, пане...

— Ну, да... Я и не отрицаю этого... А, всетаки, тяжело, гадко... Приходятъ, иной разъ, мысли... Положимъ, я за себя не боюсь, — чего тутъ, — а такъ, вообще... Ты ничего не слыхалъ новаго объ этихъ... о гайдамакахъ?..

— Какъ не слыхать! Что день, — то новыя вѣсти!.. Тамъ раззорили имѣніе пана N., — сожгли все до тла, разграбили, а самихъ владѣльцевъ убили... Тамъ повѣсили двухъ ксендзовъ... Да, дѣло становится все серьезнѣе и серьезнѣе...

Панъ Ромуальдъ задумался.

— Скверно! проговорилъ онъ и опять покрутилъ усы. — Ну, да ладно, — чего тутъ!.. Никто, какъ Богъ... Онъ поможетъ!..

— Да, развѣ Богъ только, а мы .. — Панъ Болеславъ не кончилъ. — Оставимъ это, панъ Ромуальдъ. — Пойдете вы на пастéрку?

— Да.

— И я съ вами... А теперь не пора-ли и отдохнуть?

— Не прочь, пожалуй... — И панъ Ромуальдъ зѣвнулъ. — А ты не приляжешь?

— Нѣтъ, не хочется что-то...

— Стасинька! Да ты совсѣмъ спишь! говорила пани Ядвига. — Поди, лягъ, голубчикъ!

Стась сильно усталъ съ дороги, и теперь клевалъ носомъ въ тарелку. Онъ встрепенулся.

— Я, мамочка, не хочу спать! — Папа! обратился онъ вдругъ къ отцу. — А что-жь ты мнѣ не сказалъ о пробóщѣ? Здоровъ онъ?

— Да развѣ я не говорилъ тебѣ?

— Что?

— Что онъ боленъ, давно ужь боленъ...

— Ни слова!.. — И какъ-же тебѣ не стыдно, папа! укоризненно говорилъ Стась. — Отчего-жь ты мнѣ не сказалъ давече? Я бы сходилъ къ нему...

— Забылъ, мальчикъ... Ну, ничего, завтра сходишь... А теперь пойдемъ спать! — И панъ Ромуальдъ опять зѣвнулъ.

Вскорѣ комната опустѣла. Остался одинъ панъ Болеславъ. Онъ закурилъ сигару, придвинулъ стулъ ближе къ печкѣ и о чемъ-то задумался...

Въ четверть второго всѣ были ужь на ногахъ въ домѣ Маевскихъ, не исключая и Стася. Мальчикъ очень просилъ мать, чтобъ она непремѣнно разбудила его къ пастéркѣ.—И вотъ онъ съ трудомъ поднялся съ постели, потягиваясь и зѣвая, и сталъ одѣваться... — Въ домѣ происходила неимовѣрная суетня. То и дѣло хлопали двери; слышался топотъ ногъ запыхавшихся горничныхъ; звенѣли замки, стучали выдвигаемые и задвигаемые ящики комодовъ, крышки у сундуковъ... Панна Барбара, не смотря на довольно почтенный возрастъ, носилась, какъ метеоръ, по комнатамъ, разодѣтая, расфранченная...—Но вотъ, наконецъ, всѣ готовы. Панъ Ромуальдъ — въ бархатномъ темно-голубомъ кунтушѣ, вышитомъ серебромъ; пани Ядвига—вся въ блондахъ, кружевахъ и лентахъ... О паннѣ Барбарѣ и толковать нечего! Она нарядилась, какъ попугай, и сверкала всѣми цвѣтами радуги...

— Эй, Бóлесь! Ты гдѣ тамъ? Заснулъ, что-ли? кричалъ панъ Ромуальдъ.

Грабовскій все такъ-же сидѣлъ на стулѣ передъ погасшею ужь давно печкой и докуривалъ шестую сигару.

— О чемъ задумался!

— Да такъ, ни о чемъ особенно... А вы ужь готовы?

— Готовы. Ѣдемъ!

Передъ крыльцомъ стояли широкія, просторныя сани, съ медвѣжьей полостью, и старый Панасъ, въ новой праздничной свиткѣ, важно возсѣдалъ на козлахъ. Началось усаживанье и

продолжалось не менѣе десяти минутъ. Наконецъ Панасъ дернулъ возжами, и лошади тронулись.

Потрескивалъ легкій морозецъ; ночь была ясная, свѣтлая... По улицамъ всюду виднѣлся народъ: мужчины, женщины, дѣти, разодѣтые по праздничному. И всѣ они направлялись къ костелу. — А вонъ и костелъ. Онъ весь залитъ огнями. Огни въ окнахъ, на колокольнѣ; плошки у входа...

Служба еще не начиналась. Панъ Ромуальдъ съ семействомъ не безъ труда пробрался на свою скамейку. Народъ всюду стоялъ плотной массой. Положимъ, всѣ разступались передъ Маевскими, съ почтительными поклонами, тѣснились, на сколько возможно,—но, все таки, блонды и кружева пани Ядвиги значительно пострадали. Но особенно пострадало платье у панны Барбары.— «Стара панна» злобно кусала губы и кидала вокругъ себя молніеносные взгляды. Она, кажется, готова была всѣмъ глаза выцарапать... — Наконецъ всѣ усѣлись.

— Богъ знаетъ, поправится-ли! говорилъ какой-то пожилой шляхтичъ, съ сѣдыми усами. — Давече я заходилъ къ нему... Плохъ, очень плохъ!..

— Ты о комъ это говоришь, Матеушъ? обратился къ нему панъ Ромуальдъ.

— Да о пробóщѣ, пане, почтительно отвѣчалъ старикъ.

— Плохъ, говоришь?

— Да... Просто узнать нельзя!

— Гм... я заходилъ вчера... Ему было лучше.

— Ну, а сегодня опять хуже... — Жаль его, пане, ужасно жаль!—И Матеушъ отеръ выкатившуюся изъ глаза слезинку.— Чудный онъ человѣкъ! И Марыню тоже жаль, бѣдную... Страхъ, какъ она убивается!...

— Вотъ, видишь, папочка!.. съ укоромъ говорилъ Стась.— И слезы вдругъ задрожали у него въ голосѣ. — Зачѣмъ-же ты мнѣ не сказалъ раньше?

Но тутъ Стась умолкъ. Изъ ризницы вышелъ о. Бенедиктъ, въ полномъ праздничномъ облаченіи, и приблизился къ ярко освѣщенному алтарю...

Загудѣлъ на хорахъ органъ, и началась месса. Стась горячо, жарко молился... Молился онъ за пробóща, чтобъ Богъ послалъ ему исцѣленіе, — и, въ тоже время, въ его головѣ неотступно вертѣлась мысль: поправится онъ, иль не поправится?

— Святой онъ, праведный человѣкъ! шепталъ сзади его чей-то голосъ. — Вѣдь у него и грѣховъ-то нѣтъ!..

— Спаси и помилуй его, Господь! Пошли Ты ему исцѣленіе въ его болѣзни!

Стась обернулся. Старый Матеушъ стоялъ сзади его на колѣняхъ и такъ-же горячо и жарко молился...

И ярко горятъ лампады и свѣчи въ костелѣ; гудитъ на хорахъ органъ... Праздникъ сегодня, великій праздникъ: родился Спаситель и Искупитель міра!.— Но не на всѣхъ лицахъ праздничное настроеніе, — нѣтъ: многіе какъ-то грустны, задумчивы...

Но вотъ месса кончилась и раздалась въ костелѣ рождественская пѣснь... Всѣ пѣли хоромъ, не исключая и панны Барбары. Визгливый голосъ ея выдѣлялся изъ прочихъ: точно желѣзо пилой пилили...

И разносилась подъ костельными сводами рождественская пѣснь, и гудѣлъ на хорахъ органъ... Но, нѣтъ, все таки, не было того веселаго, праздничнаго оживленія, когда пастéрку служилъ не о. Бенедиктъ, а всѣми любимый ксендзъ-прóбощъ!..

Народъ расходился. Въ костелѣ гасили свѣчи... Панъ Ромуальдъ подъ руку съ пани Ядвигой пробирался къ выходу. И опять народъ почтительно разступался предъ ними, съ поклонами, съ поздравленіями... Панъ Ромуальдъ ласково кивалъ головой на всѣ стороны; пани Ядвига тоже...

Цѣлые миріады звѣздъ сверкали на ясномъ и чистомъ небѣ;

ярко свѣтила луна; мелькали, тамъ и сямъ, огоньки въ хатахъ; кой гдѣ вился дымокъ изъ трубъ...

— А ты развѣ не съ нами, Бóлесь? спрашивалъ панъ Ромуальдъ. — Закусили-бы...

— Нѣтъ ужь, домой пора.

— Такъ ты возьми лошадь.

— Зачѣмъ? — Погода прекрасная, — и пѣшкомъ дойду. До свиданія!

Онъ пожалъ руку ему, пани Ядвигѣ; ласково потрепалъ по плечу Стася, — и скоро высокая, статная фигура его скрылась за поворотомъ улицы.

XIV.

Утро было ясное, солнечное. Стась торопился, порою бѣжалъ бѣгомъ. Снѣгъ, прихваченный сильнымъ ночнымъ морозомъ, такъ и хрустѣлъ подъ его ногами. По дорогѣ прыгали воробьи, съ веселымъ чирикаьемъ; солнышко весело свѣтило, заливая своими лучами деревню. Но не весело было на душѣ Стася. Онъ шелъ все да шелъ впередъ, ничего не видя, не замѣчая... Не замѣчалъ онъ и этихъ, попадавшихся ему тамъ и сямъ, крестьянъ; а они ласково раскланивались съ паничемъ, снимая высокія мѣховыя шапки. Иные оборачивались и долго глядѣли вслѣдъ мальчику, недоумѣвая, куда это онъ такъ торопится...

А, вотъ и хатка ксендза-пробóща... Она все такая-же бѣленькая и чистенькая, но только выглядитъ теперь какъ-то мрачно, уныло, не то, что лѣтомъ... Крытую чистой желтой соломою кровлю совсѣмъ завалило снѣгомъ; тяжелымъ пластомъ нависъ онъ надъ низенькими оконцами, — того и гляди, рухнетъ внизъ... Не весело смотритъ и этотъ маленькій палисадничекъ...

Какъ густо, раскидисто разростались въ немъ три корявыя вишни, и сколько тѣни давали онѣ въ лѣтній зной!.. Усталый, измученный за день, прóбощъ любилъ вечеркомъ, иной разъ, пріютиться подъ ихъ раскидистыми вѣтвями, на расшатавшейся старой скамеечкѣ... Любилъ онъ смотрѣть на заходящее солнце... Вотъ краснымъ, огненнымъ шаромъ спускается оно зá лѣсъ, — и вдругъ эти бѣлыя облачка начинаютъ окрашиваться всевозможными чудными красками: тутъ и золото, тутъ и топазъ, и бериллъ!..— А сколько вкусныхъ, сочныхъ плодовъ давали эти деревья пóдъ осень! Да, никогда и нигдѣ Стась не ѣдалъ такихъ вкусныхъ вишенъ, какъ у ксендза-пробóща!..—Но тоже мрачно, уныло смотрятъ теперь эти старыя вишни; на обнаженныхъ вѣтвяхъ ихъ нависъ бѣлый, пушистый снѣгъ; совсѣмъ завалило имъ и эту старую, расшатавшуюся скамеечку... Да, скучно какъ-то, тоскливо!..

Стась распахнулъ дверь, вошелъ въ сѣни. Темень — зги не видать! И лѣтомъ-то въ этихъ сѣняхъ темно было, ну, а теперь, послѣ снѣга и солнца... Что-то тамъ заворочалось вдругъ въ углу; заворчалъ кто-то...

— Рóгошъ! тихо окликнулъ Стась.

Послышался радостный визгъ, и не успѣлъ мальчикъ опомниться,—какъ огромный песъ облапилъ его и сталъ лизать прямо въ лицо, въ губы...

— Пошелъ, пошелъ, Рóгошъ!—отталкивалъ его мальчикъ, но Рóгошъ еще крѣпче обнималъ и цѣловалъ его. Наконецъ, онъ кое-какъ освободился — и вошелъ въ кухню.

Въ печкѣ ярко пылалъ огонь. Старый, совсѣмъ ужь сѣдой котъ лежалъ у порога и щурился, тихо мурлыкая. Онъ отскочилъ, когда отворилась дверь, но, узнавъ Стася, выгнулъ вдругъ спину и сталъ тереться объ его ноги.

Стась въ изумленіи остановился. Онъ просто глазамъ не вѣрилъ. Чтó-же случилось вдругъ съ кухней ксендза-пробóща?—

Каждое утро Марыня мыла, скребла ее, чистила; врядъ-ли нашелъ-бы въ ней кто соринку!.. Немного посуды было на полкахъ, — что говорить, — двѣ-три кастрюльки мѣдныхъ, двѣ сковородки, кофейникъ, — и только, но все это всегда ярко блестѣло, горѣло, какъ золото... Что́-же вдругъ сталось теперь? — Соръ на полу, грязь; валяются листья капусты, морковные хвостики, кость говяжья... Кастрюльки... кофейникъ... Онѣ не блестятъ, какъ золото: пятна, потёки на нихъ, — должно быть, давно не чищены...

— Стасинька! Ты это, милый, родной!.. — И на шею мальчика бросилась вдругъ старуха какая-то. Она крѣпко прижалась къ нему, обняла его; горькія слезы заструились изъ ея глазъ и закапали на его щеки...

— Дорогой... милый!.. шептала она и прижималась къ нему все крѣпче, крѣпче. — Господи, какъ-же давно я не видала тебя!.. Здоровъ-ли ты, мое дитятко?.. Зачѣмъ не писалъ ты мнѣ, старой Марынѣ?.. Аль ты не зналъ, что она такъ любитъ тебя?.. Ты не писалъ и отцу пробо́щу. — Вѣдь онъ... вѣдь онъ умираетъ, Стасинька, умираетъ!.. — И слезы опять ручьемъ полились изъ глазъ Марыни. — Онъ каждый день вспоминалъ тебя... Папа твой... — Но рыданія вдругъ заглушили совсѣмъ ея голосъ.

Да та-ли это, полно, Марыня? — Стась просто глазамъ не вѣрилъ!.. Она и тогда-то была старушка больная, слабая... Но теперь!.. Вѣдь это тѣнь ея только! Щеки ея ввалились и покрылись множествомъ мелкихъ морщинъ; глаза страшно впали...

— Сядь, милый мой, сядь! говорила она, усаживая его на лавку. — Да, ты не писалъ намъ, ка́къ ты живешь тамъ, ка́къ учишься... Папа твой былъ у насъ раза два-три... Латынь, говоритъ все, — ну, трудно... Какъ же не трудно, милый! — Отцы профессора строги... Охъ, Господи, эта строгость, — къ ребенку-то!.. Они совсѣмъ заморить его готовы науками!.. — Потомъ опять, говоритъ, трудно живется ему у этого... какъ его тамъ...

Папа Вериго, что-ли... Недокармливаютъ его, говоритъ!.. То-то ты такъ похудѣлъ, милый!.. А еслибъ ты зналъ, ка́къ горевалъ о тебѣ о. пробощъ...

— Постой, Марыня! перебилъ Стась.—Когда же онъ захворалъ? Съ чего?

— Господь его знаетъ, милый!.. Сперва онъ — точно какъ простудился, будто... Осенью, помню я... День у насъ былъ такой: дождь ливмя-лилъ, вѣтеръ, холодъ... Сапогъ у него, знаешь ты самъ, — совсѣмъ нѣтъ хорошихъ... Да никогда и не было!.. Сапогъ себѣ не могъ завести, Господи Боже мой!.. Вѣдь онъ у себя каждый грошикъ утягивалъ, — все этимъ... этимъ... Охъ, говорила я, сколько разъ ему говорила: Бога вы не боитесь... Да!.. отчаянно всхлипнула вдругъ Марыня. — Изъ старыхъ-то пальцы, вѣдь, чуть не выглядываютъ... Ну, простудился, — это, какъ Богъ святъ! Пришелъ — какъ осиновый листъ, дрожитъ; зубъ на зубъ на попадаетъ... Въ постель его уложила скорѣй,— да мятой... И не вставалъ, съ этихъ поръ... То лучше ему немного, то опять — хуже... Въ знобъ этотъ, въ жаръ кидаетъ... Да бредъ... И чего, чего ни говорилъ онъ только въ бреду!.. Господи!.. Видишь, хотѣлось-бы ему, чтобъ бѣдныхъ, несчастныхъ совсѣмъ въ свѣтѣ не было, а чтобъ всѣ были сыты, довольны, счастливы... Вотъ чего ему хочется!.. И такъ, вѣдь, всю жизнь... Всю жизнь онъ о другихъ только заботился, а о себѣ— хоть-бы крошку!..

Марыня замолкла, перевела духъ. Сердце у Стася болѣзненно сжалось, заныло; изъ глазъ потекли слёзы..

— Ну, ладно, никто, какъ Богъ! прошепталъ онъ.—Поправится!

— Нѣтъ, не поправится, Стасинька! Не жилецъ онъ на свѣтѣ!... Такіе-то не живутъ долго... Вѣдь онъ что́-же: святой человѣкъ!.. Душа у него, все равно, какъ у младенца новорожденнаго, — чистая, непорочная... Святой онъ, — а святые Богу

нужны... Онъ, вѣдь, не то, что этотъ... — И старуха понизила вдругъ голосъ до шопота.—Господи! Грѣшница я, великая грѣшница... И о. прóбощъ всегда укорялъ меня: не осуди, говоритъ, не осуждена будешь... Да нѣтъ, — не лежитъ у меня къ нему сердце!.. Вѣдь нашъ что́? — Онъ у себя изо рта кусокъ вырветъ, бывало, да другому отдастъ... Ну, а этотъ... Куда ужь! Онъ у нищихъ послѣдніе гроши отнимаетъ, да посылаетъ ихъ куда-то тамъ, въ бусурманскую землю, на выкупъ, молъ, христіанскихъ невольниковъ... Это отъ нищихъ-то!..

— Да о комъ это ты говоришь, Марыня?

— А объ этомъ, — прости меня, Господи, грѣшницу, — о вашемъ монахѣ, о Бенедиктѣ... Онъ и теперь у насъ...

— Какъ такъ?

Старуха махнула только рукой и опять залилась слезами.

— Самъ захотѣлъ его видѣть,—самъ, говорила она.—Исповѣдаться, причаститься... Сходи, говоритъ, Марыня,—мнѣ легче будетъ! Ну, и пришелъ... Съ часъ ужь онъ тамъ сидитъ, исповѣдуетъ... Да, вонъ, слышишь?..

Стась поднялъ голову. За стѣной слышался какой-то глухой и зловѣщій шопотъ, — и мальчикъ не могъ не узнать о. Бенедикта: одинъ онъ только и могъ такъ шептать,—кому больше!— И долго гудѣлъ этотъ шопотъ; потомъ онъ вдругъ прерывался болѣзненнымъ, слабымъ стономъ. Затѣмъ раздавался вздохъ чей-то,—и опять все смолкало...

— Да, съ часъ ужь онъ тамъ сидитъ, мучитъ его! говорила тихо Марыня. — Да развѣ у *него* есть грѣхи, могутъ быть?.. И нашелъ кому исповѣдываться!.. Господи, прости меня, грѣшницу!..

— Кончилъ, кажется... Ну! —

За стѣною послышалось, явственно такъ послышалось: *In nomine Patris, et Filii et Spiritus Sancti!* *) — И не кротостью, и

*) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

не любовью звучали эти святыя слова, — нѣтъ, въ нихъ точно злоба какая-то слышалась; точно не благословляли они, а проклинали...—Но вотъ раздались шаги, отворилась дверь, и показался о. Бенедиктъ. Мрачный, нахмуренный, съ насупленными бровями, прошелъ онъ мимо Марыни и Стася, не обращая на нихъ никакого вниманія. Черезъ минуту подъ окномъ ужь захрустѣлъ снѣгъ подъ его легкими, медленными шагами...

— Хочешь взглянуть на него, Стасинька? Онъ радъ будетъ видѣть тебя...

— О, да, Марыня, да, да!..

— Но, только смотри, мой милый, не испугайся... Не плачь тамъ очень,—онъ, вѣдь, и такъ разстроенъ...—А нельзя, просто совсѣмъ нельзя видѣть его, безъ слезъ!.. Тàкъ измѣнился онъ, тàкъ исхудалъ!.. Вонъ я, дура старая... Я по ночамъ все больше реву, здѣсь, потихоньку, чтобъ не слыхалъ онъ... Ну, а тамъ, у него, я крѣплюсь больше... Не любитъ онъ этихъ слезъ... Грѣшно, говоритъ, Марыня!.. Да развѣ не знаю я!.. Только не въ силахъ, порой... Вотъ, какъ взгляну на него, блѣднаго, исхудалаго (краше, вѣдь, въ гробъ кладутъ!)—такъ и подкатится вдругъ что-то къ горлу, и душитъ, давитъ... Не въ силахъ я удержаться,—и разревусь... А это его, вѣдь, разстраиваетъ, голубчикъ!.. Такъ ты ужь, пожалуйста...

— Да, я постараюсь, Марыня... Пойдемъ-же, пойдемъ скорѣй!..—И Стась вдругъ схватилъ ее за рукавъ, потащилъ.

Дверь тихо скрипнула, отворилась. Въ крошечной комнаткѣ, спальной ксендза-пробóща, было почти темно, и Стась съ минуту не могъ ничего разглядѣть. Но вотъ выступили передъ нимъ тесовыя стѣны хатки; оконце, завѣшенное темною занавѣской... Распятіе на столѣ, и передъ нимъ слабо мерцаетъ лампадка дрожащимъ, колеблющимся огнемъ...

Марыня поправила огонекъ, и комнатка освѣтилась. Кровать, и на ней, подъ старымъ, стеганнымъ одѣяломъ, какая-то

скорченная фигурка, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ, заросшимъ сѣдою щетиной... Но неужели-же это ксендзъ-прбощъ?..

— Кто тутъ? Марыня, ты?.. послышался слабый голосъ.

— Я, ойче мой добродѣю.

— А это тамъ кто, у дверей? — Не вижу! — И онъ заслонилъ дрожащей, исхудалой рукою глаза, всмотрѣлся.—И вдругъ улыбка мелькнула на этихъ блѣдныхъ, совсѣмъ безкровныхъ губахъ, а рука еще болѣе задрожала...

— Стасю!.. прошепталъ онъ.—Да ты-ли это?..

Мальчикъ не выдержалъ. Онъ, съ легкимъ крикомъ, бросился вдругъ къ больному, упалъ на колѣни и спряталъ лицо у него на груди...

— Такъ ты пріѣхалъ таки... вернулся... шепталъ больной.— А я ужь думалъ, что не увижу тебя, умру... Ну, посмотри на меня, подними головку!...

Но мальчикъ не поднималъ. Онъ чувствовалъ, что не выдержитъ, — разрыдается... — И вотъ ксендзъ гладитъ рукой его мягкіе волосы; а вотъ на шею ему вдругъ что-то капнуло: не то слеза, не то капля пота...

— Ну, посмотри-же на меня... Стась!..

Стась поднялъ, наконецъ, голову, глянулъ... Прямо въ лицо его глядѣло другое, страдальческое, изможденное лицо, исхудалое и морщинистое, заросшее бородой... Но въ этихъ глазахъ, слегка затуманенныхъ, не видѣлось муки, страданія... Нѣтъ, такъ-же кротко, любовно глядѣли они на него, какъ и глаза того человѣка, вонъ тамъ, на картинкѣ, передъ кроватью... Его окружили, припали къ Нему больные, измученные, утомленные, въ рубищахъ... И Онъ съ любовью глядитъ на нихъ; а подъ картинкою надпись: «*Venite ad me omnes, qui laboratis* *)»...—Слезы ручьями хлынули изъ глазъ Стася, и онъ закрылъ руками лицо...

---

*) Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся...

— Милый!.. Не плачь-же, не плачь, говорю тебѣ!.. шепталъ прóбощъ.—Ну, посмотри на меня!.. Ты думаешь,—я ужь очень и очень боленъ? Тебѣ Марыня это сказала?—О, ты не вѣрь ей! — Да, точно, недавно, вчера даже, я чувствовалъ себя очень дурно, и думалъ, что я умру... Но сегодня я исповѣдался, причастился,—и мнѣ стало лучше, гораздо лучше... Повѣрь-же! Взгляни на меня!..

Стась опять глянулъ. Невыносимо больно было смотрѣть на умирающаго пробóща! По всему видно было, что онъ пересиливалъ себя, старался казаться веселымъ даже... Марыня стояла возлѣ. Она глядѣла на Стася и качала укоризненно головой...

— Вѣдь говорила я: не плачь Стасинька, не разстраивай! говорила она. Но ей самой, должно быть, куда какъ тяжело было!.. Губы ея дрожали... Еще немного,—и она разольется рѣкой...

— Оставь, Марыня! говорилъ прóбощъ. — Онъ вовсе меня не разстраиваетъ... Напротивъ!.. Я такъ давно не видалъ

его... — Ну, сядь-же, Стась, сюда вотъ, — и разскажи: ка́къ жилъ ты тамъ, въ Кіевѣ?

— Вамъ вредно говорить много! робко остановила его Марыня. — Вы помните, третьяго дня...

Но про́бощъ махнулъ рукой.

— Оставь-же меня, старуха моя, ворчунья вѣчная! говорилъ онъ и улыбался. — Ты вѣчно, всю жизнь, донимала меня своимъ ворчаньемъ... Ну, точно, третьяго дня не хорошо мнѣ было... Ну, а сегодня, тебѣ говорятъ, лучше, гораздо лучше... Такъ разскажи-же, Стась!..

Марыня только вздохнула, тяжело такъ, и отвернулась.

— Да, слышалъ я, что тебѣ тамъ плохо жилось, мой бѣдный мальчикъ... Твой папа мнѣ говорилъ... Ты голодалъ, иной разъ... Но что-жь дѣлать!.. Вѣдь этотъ панъ Сигизмундъ Вериго... Онъ бѣдный... Куча дѣтей у него, малъ-мала меньше...

— Да, вѣчно вы заступаетесь за другихъ! опять не выдержала Марыня. — Мало-ли у кого дѣтей много, да бѣденъ кто!.. Такъ, значитъ, оно такъ и слѣдуетъ: морить чужого ребенка?.. У васъ, вѣдь, всѣ эти нравы... Вы, вѣдь...

Но старуха вдругъ замолчала... Больной взглянулъ на нее, молча, съ нѣмымъ укоромъ. Она потупилась.

— Ну, да Господь Богъ проститъ его, говорилъ про́бощъ.— Онъ человѣкъ бѣдный... дѣти...—Но, впрочемъ, оставимъ это... Скажи-же мнѣ: ка́къ ты учился? Довольны-ли тамъ тобой?..

— Не знаю. Старался, кажется... Трудно только учиться, о. Іеронимъ, очень трудно!.. Профессора такъ строги, взыскательны... И особенно одинъ тамъ—о. Игнатій...

Про́бощъ вздохнулъ, помолчалъ немного.

— Да... Трудно, говоришь ты? — Что-жь дѣлать... Терпи, старайся!.. Ничто легко не дается въ жизни!.. — Но ты исполнялъ все, что я говорилъ тогда тебѣ, на прощаньи? Ты помнишь?

— Да, помню, о. Іеронимъ... Я все исполнялъ...

— Ты не обманывалъ никого? Не обидѣлъ?

— О, нѣтъ, никогда!..

— Съ товарищами ты сошелся? — Ну, не со всѣми, конечно, а такъ, съ кѣмъ нибудь?..

— Да.

— Скажи-же, съ кѣмъ ты сошелся?

— Да вотъ... — И Стась разсказалъ о Барткѣ и Валькѣ. Больной, молча, слушалъ его. Марыся вздыхала.

— Господь-же тебя наградитъ и помилуетъ, дитя мое!... говорилъ пробощъ, когда Стась кончилъ. И онъ перекрестилъ дрожащей рукою голову мальчика. — Да, вижу я, что у тебя хорошее сердце... И ты всегда будь такимъ... добрымъ... Люби людей, и особенно бѣдныхъ, загнанныхъ, и, если можешь, всегда заступайся за нихъ и не давай ихъ въ обиду!..

— Да, много, дитя мое, есть злыхъ и нехорошихъ дѣтей... Ты избѣгай ихъ, не слушай... Но только не ненавидь... Вѣдь и они стали злыми, не по своей винѣ... Упало на сердца ихъ сѣмя недоброе, — и дало плевелы... Но время поправитъ все... Найдется и добрый сѣятель... Вырветъ онъ эти плевела и насадитъ пшеницу... — Больной опять замолчалъ.

— Такъ, вотъ, говорилъ онъ. — Всегда будь добрымъ, хорошимъ, Стась; люби людей и будь истиннымъ христіаниномъ... Помни-же это, милый... А тамъ, какъ умру я...

— Вы не умрете, о. Іеронимъ, нѣтъ! чуть не крикнулъ Стась, и опять слезы задрожали у него въ голосѣ. — Вы поправитесь!..

Больной слегка улыбнулся.

— Мы всѣ смертны, дитя мое, говорилъ онъ, — и всѣ умремъ, не сегодня — завтра... Всѣ мы дадимъ *тамъ* отчетъ Богу въ своихъ дѣяніяхъ... — Да не смерти боюсь я, Стась, — о, нѣтъ!... Я грѣшникъ, великій грѣшникъ, — но Господь Богъ

простить меня, можетъ быть, по Своему милосердію... Не жизни мнѣ жалко, — я много ужь прожилъ, дитя мое, — будетъ! — А жаль мнѣ только, что не оставилъ я послѣ себя никакихъ добрыхъ дѣлъ...

— Ой, ойче мой, добродѣю! опять не выдержала Марыня.— Бога вы не боитесь!.. Добрыхъ дѣлъ... вы!.. Да кто-жь, послѣ этого...

Но больной не обратилъ на нее вниманія.

— Мнѣ такъ хотѣлось-бы... о, какъ хотѣлось-бы, Стась!.. Вѣдь тутъ, въ деревнѣ у насъ, такъ много бѣдныхъ, несчастныхъ... Имъ такъ нужна-бы была моя помощь... Но что́-же могъ сдѣлать я?.. Вѣдь я самъ былъ бѣденъ, какъ Іовъ. — Что́ могъ я дать имъ?..

— Молчи, Марыня! Я знаю, что ты тамъ хочешь сказать.— Неправда! — Такъ вотъ этихъ бѣдныхъ жаль мнѣ, мой милый... Тебя жаль, Марыню мою, ворчунью старую...

Марыня вдругъ истерически зарыдала.

— Ну, такъ и зналъ я!.. съ горечью говорилъ больной и безпокойно заворочался на кровати.—Я зналъ, что она расплачется... А сколько разъ говорилъ я ей!..

— Да не могу-же я... не могу!..

— Должна, Марыня! Плоть немощна, но духъ бодръ... Такъ вотъ, — выслушай ты меня... исполни...

— Господи... да я все... все!.. Говорите, отецъ мой!..

— Ты знаешь,—мы не богаты, ни ты, ни я...—И онъ слегка улыбнулся. — Да ты, пожалуй, еще бѣднѣе... Не такъ-ли?.. Куда ты дѣнешься, какъ я умру? Гдѣ ты приклонишь голову?..

— Да я развѣ переживу васъ!..

— Объ этомъ ты не суди!.. Господь лучше знаетъ!.. Быть можетъ, ты долго еще будешь, жить, очень долго...—Такъ вотъ, ты помнишь, я говорилъ... Ты эту хату продай,—вѣдь, все равно, тебѣ жить въ ней не чѣмъ... Ну, выручишь тамъ кое что... Иму-

щества, ты сама знаешь, — немного... Но все, все продай, до послѣдней нитки!..

— Да, грустно, правда, оно, что здѣсь будетъ другой кто жить, а не ты, — вздохнулъ онъ — но, что-жь дѣлать, — такъ надо, Марыня, *такъ надо*!.. И половину, тамъ, денегъ возьми себѣ, а другую передай бѣднымъ... Ты знаешь, кому тамъ, — я говорилъ... Да не забудь, смотри, старую Катерину... Она слѣпая... Внучка у нея на рукахъ... Ты дай ей... — Онъ замолчалъ и опять заворочался на кровати.

— Отецъ мой!.. Что съ вами?.. Нехорошо вамъ?..— И Марыня съ испугомъ бросилась вдругъ къ нему.

— Нѣтъ, ничего... Я такъ... Мнѣ тяжело только... Я вспомнилъ эту слѣпую... внучку... Вѣдь тутъ нищета... голодъ!.. И чтó ей достанется отъ меня?—Десятковъ пять злóтыхъ!.. На долго-ли хватитъ?.. А тамъ...

— Да, я вспомнилъ... Стась!.. Гдѣ ты?..

— Я здѣсь.

— Но я не вижу тебя... Дай мнѣ руку... Послушай!.. Ты знаешь эту Катерину... слѣпую?.. Не знаешь?.. Ну, все равно, — тамъ скажутъ... Такъ ты попроси отца... Онъ добрый... Не дастъ онъ ей умереть съ голоду, съ внучкой... Онъ не забудетъ и мою старую... Попроси!.. — Но что-же здѣсь такъ темно?.. Я ничего не вижу... Марыня!. Лампадка погасла? — Зажги ее!

— Она горитъ, о. прóбощъ, свѣтло горитъ...

— Такъ, значитъ, въ глазахъ у меня темно, — отъ слабости...

— Вы говорили такъ много, отецъ мой...

— Да... Но чтó-же я говорилъ? О чемъ?.. А, да, — мнѣ память измѣнять стала, — о Катеринѣ и о тебѣ... Потомъ... Что-же еще потомъ?.. — Голосъ его слабѣлъ все больше и больше. И вдругъ больной замолчалъ. Онъ впалъ въ безпамятство.

Марыня, съ трудомъ подавляя рыданія, подошла къ нему и

заглянула въ лицо. Оно было блѣдно, ужасно блѣдно, но совершенно спокойно. Грудь слегка подымалась подъ одѣяломъ.

— Уснулъ, вѣрно... Да... Господь съ нимъ!.. — И она, перекрестивъ трижды больного, припала губами къ его блѣдной и исхудалой рукѣ.

— Идемъ, Стась, идемъ!.. — И она вышла съ сильно разстроеннымъ и взволнованнымъ мальчикомъ.

— Ну, ладно, не плачь, мой милый! — утѣшалъ панъ Ромуальдъ Стася, когда тотъ вернулся домой весь въ слезахъ. — Зачѣмъ-же ты думаешь, что онъ умретъ непремѣнно?.. — Ну, простудился сильно... Да развѣ еще такія болѣзни проходятъ!..— Слабъ, говоришь, очень... Но это, вѣдь, отъ болѣзни, — повѣрь! Онъ только на видъ слабъ, а натура у него сильная, крѣпкая... Ты не вѣришь? — Да сколько разъ онъ былъ боленъ; всѣ думали: вотъ умретъ! — а онъ опять подымался на ноги... Подымется и на этотъ разъ!..

Но Стась недовѣрчиво смотрѣлъ на отца полными слезъ глазами, и былъ неутѣшенъ... — Да, только теперь онъ понялъ, ка́къ онъ любилъ про́боща, и ка́къ тотъ самъ сильно любилъ его!.. А тамъ, въ коллегіи, онъ даже не каждый день вспоминалъ его: тамъ отвлекали уроки, товарищи, да мало-ли что еще... А про́бощъ, какъ говоритъ Марыня, всегда вспоминалъ его, горевалъ о немъ... — И Стася грызла тоска, — ему стыдно было...

— Постой-ка, милый! — вдругъ спохватился панъ Ромуальдъ. — Вѣдь если ты будешь такъ горевать, — ты самъ захвораешь... А что-жь, тебѣ хочется огорчить меня, маму?.. — Нѣтъ, надо тебѣ развлечься, утѣшиться... Слушай-ка, что́ я скажу тебѣ... Завтра-же утромъ, поѣдемъ мы къ пану Зарембѣ... Постой, погоди... Которое завтра? Двадцать седьмое?.. — Ну, да, какъ разъ въ этотъ день, онъ звалъ меня на обѣдъ; а

тамъ—медвѣжья охота устроится... Ты посмотри, какъ весело будетъ!..

— Нѣтъ, папочка, я не поѣду!

— Ну, полно-же, перестань! Я говорю тебѣ: надо утѣшиться... Вѣдь ты меня любишь, Стась? Да? — И онъ обнялъ мальчика и ласково потрепалъ его по плечу.

XV.

— Ну, что ты тамъ увидалъ? Чего опять испугался? Пня, что-ли?.. Э, карька, карька, да ты, братъ, опять шалишь!.. Нѣтъ, такъ нельзя... Тпру!... — И старый Панасъ вытянулъ лошадь плетью.

Карька мотнулъ головой, фыркнулъ и опять побѣжалъ легкой рысью. — Повозка быстро катилась впередъ. Въ этотъ годъ выпало много снѣгу, и дорога была гладкая, ровная... Только, мѣстами, кой-гдѣ, ихъ встряхивало на рытвинахъ и ухабахъ... Панъ Ромуальдъ, задумавшійся о чемъ-то, откидывался вдругъ назадъ и довольно чувствительно ударялся головой о стѣнку.

— Эге, полегче, Панасе! — говорилъ онъ.

— Слушаю-съ, пане... Можно! — И старикъ удерживалъ не въ мѣру ужъ разбѣжавшихся лошадей. — Но вотъ дорога опять глаже, ровнѣе...

Грустный, задумчивый, Стась машинально глядѣлъ впередъ. Лошадки дружно бѣжали, пофыркивая и помахивая хвостами; Панасъ причмокивалъ и присвистывалъ... И открывались предъ ними не особенно веселые виды... Голо, мрачно, пустынно!.. Поле вонъ, все занесенное снѣгомъ; лѣсокъ; изрѣдка попадается хуторъ... А вонъ деревенька чья-то, маленькая и бѣдная... Грустно глядятъ ея низенькія, покривившіяся хаты. Вдали, на

пригоркѣ, виднѣется барскій домъ. И онъ не скрашиваетъ картины: мрачный какой-то, нахмуренный, выкрашенный темною краской, съ высокимъ заборомъ... Цѣлая стая собакъ, съ дружнымъ лаемъ, бросилась вдругъ на повозку, на лошадей, — и Панасъ заработалъ направо-налѣво плетью... Но собаки не унимались. Онѣ, точно волки голодные, лѣзли со всѣхъ сторонъ... Панъ Ромуальдъ началъ терять терпѣніе, и тоже пустилъ въ ходъ нагайку, которую онъ всегда бралъ съ собою въ дорогу. И, наконецъ, нападеніе было отражено. Съ полдюжины тощихъ, голодныхъ псовъ, съ визгомъ и воемъ, разсыпались въ разныя стороны, кто съ перешибленной лапой, кто съ перешибленной головой; за ними послѣдовали и другіе... И лошади побѣжали рысью... Но вотъ вдругъ опять:

— Тпру!..

— Что тамъ такое?—съ досадой окликнулъ панъ Ромуальдъ и выглянулъ изъ повозки.

— Да воронко что-то вдругъ захромалъ, пане... Подкову потерялъ, видно...

Панасъ слѣзъ и заботливо осмотрѣлъ ногу лошади.

— Да, такъ и есть!.. И какъ это, право?.. Кажется, крѣпко было...

— Чего-жь ты раньше глядѣлъ!.. — съ досадой заворчалъ панъ Ромуальдъ. — Что-жь, мы здѣсь ночевать, что-ли, будемъ?

— Зачѣмъ ночевать, пане... Подковать надо...

— Да гдѣ-жь подковать? Вѣдь здѣсь и кузницы-то, поди, нѣтъ... Да и ждать некогда... Вѣдь этакъ мы къ завтраму не доѣдемъ!..

Панасъ молчалъ и только покручивалъ головой.

— Чудеса, право!.. — бормоталъ онъ. — И какъ это такъ могло...

— То-то и есть, вотъ... Дома-бы поглядѣть надо. Да что тутъ толковать, — ѣдемъ!..

— Нельзя, пане.

— Какъ такъ нельзя?

— Никакъ невозможно! У воронка ноги нѣжныя... Онъ, безъ подковы, до вечера проплетется... Нельзя-съ!..

Панъ Ромуальдъ только плюнулъ и сталъ вылѣзать изъ повозки.

У ближней хаты стояло штукъ шесть саней, запряженныхъ заморенными лошаденками... Корчма, должно быть. — Да, такъ и есть. Юркій, хотя далеко ужь не молодой жидъ, съ сѣдоватой бородкой, чуть не кубаремъ скатился съ крыльца и подбѣжалъ къ повозкѣ...

— Цто трéба пану? — съ подобострастной ужимкою залепеталъ онъ.—Погрѣться, мозетъ, выпить и закусить?..—Все, цто зелаете!.. Милости просимъ!..

— Пошелъ ты со своими закусками!.. Есть здѣсь ковáль?

— Ковáль?—Есть. Кáкъ-зе не быть, пане!.. А онъ зацѣмъ вамъ?..

— Языкъ тебѣ подковать, сорока! Тащи его сюда, — живо!..—И панъ Ромуальдъ внушительно шевельнулъ нагайкой.

— Въ минутку, пане!..—И жидъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

Прошло пять, десять минутъ, — никого нѣтъ. Изъ корчмы стали выходить люди какіе-то, въ отрепанныхъ свиткахъ, съ красными лицами и взъерошенными усами. Остановившись въ почтительномъ отдаленіи отъ повозки, они таращили на нее глаза... — А, наконецъ,—ковáль, должно быть... Онъ медленно, переваливаясь, какъ разслабленный, приближался къ нимъ.

— Эй, ты, тамъ, — живо! — прикрикнулъ панъ Ромуальдъ.

— Поторопись, Охримъ! — поддержали и эти отрепанныя свитки. — Али не видишь, панъ дожидается!..

Но Охримъ, нисколько не прибавляя шагу, подошелъ къ лошади, медленно осмотрѣлъ ей ногу, мотнулъ головой и такъ-же медленно процѣдилъ:

— Подковать надо!

— Тьфу, ты! — плюнулъ панъ Ромуальдъ. — Да скоро-ли? скоро-ли?

— Гм... скоро-ли... процѣдилъ Охримъ. — Какъ-бы сказать вамъ, пане?.. — Онъ снялъ шапку и почесалъ въ лохматой, взъерошенной головѣ. — Да съ часикъ пождать придется... Подковы готовой нѣтъ, — надо выковать...

Панъ Ромуальдъ только махнулъ рукой и покорился судьбѣ.

Панасъ распрягъ воронка и повелъ его куда-то, вслѣдъ за Охримомъ. Прошло еще съ полчаса. Панъ Ромуальдъ молчалъ, покусывая усы. Молчалъ и Стась и какъ-то уныло выглядывалъ изъ повозки. — Но вотъ къ нимъ сталъ приближаться какой-то худой, оборванный человѣкъ, со шрамомъ на правой щекѣ и перешибленнымъ носомъ, но съ гордо закрученными усами. У бока его болталась заржавленная шляхетская карабеля...

— Ясневельможный пане!.. — послышался вдругъ робкій голосъ.

Панъ Ромуальдъ поднялъ голову.

— Что тебѣ?

— Панъ, можетъ, не узналъ меня?.. Я такъ измѣнился...

— Да, не имѣю чести...

— Я Антекъ... Тотъ Антекъ, который...

— Который ушелъ отъ меня къ пану Зарембѣ? — Что-жь, очень радъ: однимъ пьяницей и буяномъ у меня меньше...

Антекъ скорчилъ было обиженную физіономію и выпрямился, гордо расправивъ усы. Но тотчасъ-же опять какъ-то съежился.

— Я такъ виноватъ передъ вами, пане!.. — жалобно заговорилъ онъ. — Я васъ промѣнялъ на... Чортъ побери Зарембу!.. Да еслибъ я только зналъ!.. У васъ мнѣ жилось, точно какъ у Христа за пазухой... Случались, правда, порою, и недохватки... Да какъ-же иначе... Я не одинъ, — семья... шестеро, — всѣхъ прокормить надо... А панъ Заремба... Чѣмъ онъ заплатилъ мнѣ

за мою службу?.. Вы помните, можетъ... слыхали о томъ наѣздѣ на пана Бжозовскаго? — Я-ли не дрался!.. Видите: щеку мнѣ разрубили, носъ... А что́ далъ мнѣ за это панъ Казиміръ? — Три червонца!.. Ха! ха! ха! Три червонца! захохоталъ онъ. — И это для благороднаго шляхтича, у котораго...

— Да тебѣ отъ меня что-же надо?.. — перебилъ его панъ Ромуальдъ.

Антекъ опять весь съёжился и началъ умоляющимъ тономъ:

— Вотъ видите, мой шановный, ясневельможный пане... Мои обстоятельства... Да, обстоятельства мои очень скверныя!.. Панъ Казиміръ жаденъ и скупъ, какъ чортъ... Онъ всю свою шляхту заморилъ съ голоду!.. Я голодаю, пане... Семья...

Панъ Ромуальдъ взглянулъ на него съ какимъ-то презрительнымъ сожалѣніемъ. Потомъ онъ вынулъ изъ кошелька дукатъ и далъ Антку. Тотъ взялъ его дрожащей рукою, а другую прижалъ къ сердцу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Не нахожу словъ для выраженія моей благодарности и признательности, ясневельможный панъ Ромуальдъ! — говорилъ онъ. — Но, такъ какъ милостыни я никогда и ни отъ кого не принимаю, не принималъ, — то я заслужу вамъ... Да, заслужу, отплачу, какъ честный и благородный шляхтичъ! Слово гоно́ру! — Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, — и вдругъ опять заныл жалобнымъ тономъ:

— Пане!.. Не для меня, — для семьи... Шестеро крошекъ!.. Рты разѣваютъ, ѣсть просятъ... Голодны... жаль... Вы понимаете, пане?.. — Какъ благородный шляхтичъ!.. Да, для семьи... Возьмите меня опять къ себѣ, пане!.. Дайте мнѣ опять хату и тамъ... Ну, что тамъ будетъ отъ вашей милости... Я заслужу, панъ... Честное, благородное слово!..

— Ну, хорошо, — какъ отъ мухи отмахнулся отъ него панъ Ромуальдъ.

— Вы согласны? — О, пане, благодарю, благодарю васъ!.. —

И не успѣлъ панъ Ромуальдъ отпрянуть, какъ Аптекъ чмокнулъ его въ плечо, пахнувъ ему прямо въ лицо запахомъ перегорѣлой водки...

Отвѣсивъ еще два-три низкихъ поклона, Аптекъ выпрямился и, гордо выпятивъ грудь, зашагалъ къ корчмѣ... должно быть, выпить на радостяхъ... Панъ Ромуальдъ усмѣхнулся только и покачалъ головой.

А, вотъ, наконецъ, — ведутъ, слава Богу! — Подкованнаго воронка запрягли, и панъ Ромуальдъ, бросивъ Охриму два злотыхъ, запахнулся поплотнѣе въ шубу и крикнулъ:

— Ну, трогай, Панасе! Живо!..

Панасъ влѣзъ на козлы, что-то ворча подъ носъ, насчетъ лѣнивыхъ поганцевъ, у которыхъ и подковы въ запасѣ нѣтъ, — «а еще кова́ль называется!» — дернулъ возжами, и лошади опять тронулись...

Сотни полторы-двѣ хатъ, какъ по ранжиру вытянувшихся по обѣимъ сторонамъ дороги; кой-гдѣ вишневые садики, палисаднички; рѣчка, узенькая, теперь вся скрытая подъ глубокимъ снѣгомъ, — такой представлялась издали деревня пана Зарембы, Дембувка. По виду, она мало чѣмъ отличалась отъ другихъ деревень сосѣднихъ пановъ-помѣщиковъ. Но, еще за версту, за двѣ, когда эти небогатыя, а порою, и совсѣмъ бѣдныя, съ виду, хатки представлялись какими-то сѣрыми пятнами, — бросался въ глаза величественный костелъ, деревянный, правда, окрашенный темною краской, но очень внушительнаго вида, построенный въ готическомъ стилѣ. И чѣмъ ближе подъѣзжали къ Дембувкѣ, тѣмъ болѣе бросался въ глаза этотъ костелъ... Еще, говорятъ, дѣдъ пана Зарембы соорудилъ его, — и строилъ и перестраивалъ его вновь лѣтъ двадцать, безъ малаго, пока, наконецъ, тотъ не вышелъ въ своемъ родѣ шедёвромъ... Громадныхъ денегъ стоили эта постройка и перестройка, особенно для того времени; теперь на нихъ можно было-бы выстроить два такихъ костела, — ка-

менныхъ. Зато панъ Владиславъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ пріѣзжали магнаты разные, изъ подъ Варшавы, и чуть не со всей Польши, и любовались прекрасной архитектурой. Да мало того, — самъ примасъ, гнѣзненскій архибискупъ*), пріѣзжалъ въ великолѣпнѣйшей золоченой каретѣ, съ гербами, окруженный блестящею свитой. Онъ тоже хвалилъ постройку, слушалъ прекрасный органъ (который стоилъ тоже не дешево), и преподалъ строителю свое архипастырское благословеніе за его старанія *ad majorem gloriam Dei* **)...

Но вотъ повозка въѣхала и въ Дембувку; миновала великолѣпный костелъ (а онъ все такъ-же крѣпко и прочно стоялъ, какъ и сто лѣтъ назадъ; да и что-жь мудренаго: онъ весь былъ построенъ изъ превосходнаго дуба). Вблизи деревня пана Зарембы выглядывала далеко не привлекательною. Не мало здѣсь было и ветхихъ, почти совсѣмъ развалившихся хатъ, покрививпшихся, покосившихся, со вросшими въ землю оконцами. Отъ нихъ такъ и вѣяло бѣдностью, нищетой! Проглядывали эта бѣдность и нищета и въ этихъ встрѣчающихся по дорогѣ хлопахъ. Блѣдные, исхудалые, въ дырявыхъ, заплатанныхъ свиткахъ, они какъ-то робко пробирались по улицѣ и низко кланялись, снимая шапки... Только одни шляхтичи (положимъ, тоже оборванные, по большей части, въ дырявыхъ, заплатанныхъ сапожонкахъ, но за то съ саблею у бедра и закрученными усами), — гордо шли мимо пріѣзжихъ, и не только никто изъ нихъ не ломалъ шапки, а напротивъ, — чуть-ли не всѣ глядѣли съ какимъ-то дерзкимъ, вызывающимъ видомъ. Да, впрочемъ, и что-жь удивительнаго: шляхта пана Зарембы отличалась во всемъ повѣтѣ своей дерзостью и разгуломъ. Попадались межъ ними, иной разъ, и такія рожи, что, какъ взглянешь — невольно подумаешь: ну, этотъ

*) Архіепископъ.

**) Къ вящшей славѣ Божіей.

отца родного готовъ зарѣзать: дай ему только десятокъ-другой червонцевъ, да бочку пива...—Не мало попадалось и искалѣченныхъ, носившихъ на себѣ «почетные боевые знаки наяздовъ». У того не хватало на рукѣ двухъ, или трехъ пальцевъ; у того — уха, носа; у того глазъ былъ выбитъ... Противно даже было глядѣть на этихъ бездѣльниковъ и дармоѣдовъ!.. Они презирали трудъ и смотрѣли на вѣковѣчныхъ работниковъ-хлоповъ, какъ на рабочій скотъ, — а сами, изъ-за подачки, готовы были, порой, сапоги вылизать у своего пана... — Но панъ Ромуальдъ не мало видалъ такихъ «благородныхъ» шляхтичей, и даже не обращалъ на нихъ никакого вниманія...

Но вотъ, наконецъ, и домъ пана Зарембы. Впрочемъ, нѣтъ, не домъ это,—скорѣе крѣпость... Черезъ широкій, глубокій ровъ перекидывался подъемный мостъ, на толстыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ, а за нимъ виднѣлось что-то, похожее на зáмки средневѣковыхъ рыцарей... Да это и былъ зáмокъ, какъ есть настоящій зáмокъ, съ башнями и бойницами, съ высокимъ, заостреннымъ частоколомъ, и съ массивными дубовыми воротами, запираемыми, конечно, на ночь громаднымъ замкомъ...

Да, крѣпко и прочно жилъ панъ Заремба! Но, впрочемъ, въ то время, тяжелое, трудное время, когда потокъ гайдамачины все болѣе и болѣе разливался и готовъ былъ затопить всю Украйну, — не мало польскихъ пановъ — помѣщиковъ укрѣплялись, какъ и панъ Заремба. Они превращали свои дома въ крѣпости, обзаводились пушками, «надворною кавалеріей», гарнизономъ, прекрасно вооруженнымъ. — Одно вотъ только: въ большинствѣ случаевъ, гарнизоны эти состояли изъ малороссовъ, и одни только офицеры въ нихъ были поляки. А на такихъ стражниковъ полагаться было рискованно. На видъ, порой, они и казались вѣрными и преданными слугами своихъ пановъ, — но это только на видъ. Въ душѣ они презирали ихъ, ненавидѣли, какъ притѣснителей, и стояли за гайдамаковъ, родныхъ имъ, по крови,

по вѣрѣ и замысламъ. А замыслы эти, извѣстно, какіе были: «мстить притѣснителямъ-еретикамъ за поруганіе святой православной вѣры, угнетеніе православныхъ». — Немудрено, что подобные гарнизоны нерѣдко переходили на сторону гайдамацкихъ шаекъ. Они отворяли ввѣренныя имъ крѣпости, впускали «братьевъ» и учиняли вмѣстѣ съ ними расправу надъ притѣснителями *).

---

*) Такъ, между прочимъ, была сдана и Умань — богатѣйшее и прекрасно укрѣпленное имѣніе Потоцкаго. Страшною и кровопролитной *уманьской рѣзней* («Rzeź Humańska») закончилась *гайдамачина*, этотъ бичъ польской Украйны XVIII ст.—Губернаторомъ (управляющимъ) въ то время въ Умани былъ Младановичъ, и защита ея была ввѣрена малороссу, сотнику Гонтѣ, на котораго поляки вполнѣ надѣялись. И онъ обманулъ ихъ довѣріе, измѣнилъ имъ. Онъ вошелъ въ сношеніе со знаменитымъ Максимомъ Желѣзнякомъ (Залізнякомъ), и сдалъ ему Умань изъ рукъ въ руки. Когда поляки узнали изъ вѣрныхъ источниковъ объ измѣнѣ Гонты, — они не хотѣли вѣрить этому. — «Мой отецъ (говоритъ Вероника Кребсъ, дочь Младановича, спасшаяся отъ уманьской рѣзни) — отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ этомъ случаѣ благородному человѣку; но Гонтѣ съ другими сотниками приказалъ явиться къ нему». — Сотники немедленно явились, и тогда Младановичъ, вызвавъ изъ табора значительное число обывателей, вышелъ съ ними и съ сотниками на рынокъ и обратился къ Гонтѣ съ такими словами: «Пане Гонто! Мнѣ доносятъ, что ты въ заговорѣ съ Желѣзнякомъ. Я этому не хочу вѣрить. Если ты теперь пользуешься столькими благодѣяніями отъ нашего пана (Потоцкаго), то что́ можешь ожидать ты, когда имѣніе его спасешь отъ бунта, поднятаго Желѣзнякомъ?!» — Говорятъ, что Гонта, съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, (онъ прекрасно говорилъ по польски), оправдывалъ себя отъ этого обвиненія, и когда говорилъ о своей благодарности къ Потоцкому, то плакалъ. — «Надо было слышать (прибавляетъ Вероника Кребсъ), ка́къ онъ защищался!» — Гонтѣ написали особенную присягу и дали, чтобъ онъ прочиталъ ее. Гонта потребовалъ, чтобъ его къ этой присягѣ приводили публично и торжественно. Желаніе его исполнили. Изъ трехъ церквей вышли священники обоихъ исповѣданій (т. е. православнаго и католическаго), капелланы и ректоръ базиліанъ, ксендзъ Костецкій, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, Евангеліемъ и хоругвями. Вмѣстѣ съ Гонтою пришли на площадь и другіе сотники. Эту повторительную присягу Гонта принималъ на крестѣ и Евангеліи и при томъ «цѣловалъ руку ксендза-ректора Костецкаго, *а этотъ мученикъ благословлялъ своего палача»*. (Мордовцевъ. «Гайдамачина»).

И Гонта, всетаки, измѣнилъ; онъ оказался даже клятвопреступникомъ... Говорятъ, что, будто-бы, его заставило измѣнить вѣроломство поляковъ: они окрестили въ католицизмъ его двухъ дѣтей. А такъ какъ для малоросса православіе, — все на свѣтѣ, то... Но, всетаки, это еще не можетъ оправдать Гонту.

Такъ вотъ до чего иногда доводило излишнее довѣріе польскихъ пановъ!..

Но теперь подъемный мостъ былъ опущенъ, а ворота широко раскрыты. Во дворѣ виднѣлось десятковъ пять-шесть всевозможнѣйшихъ экипажей, начиная съ простыхъ и дешевенькихъ сапокъ шляхтича, и кончая богатой, раззолоченною каретой, съ гербами, какого-нибудь ясневельможнаго, именитаго пана. Тутъже толпилась прислуга: кучера, конюхи, гайдуки, «загоно́вые» шляхтичи. Слышались смѣхъ и говоръ; ржаніе лошадей...

Панасъ въѣхалъ во дворъ. Всѣ знали въ повѣтѣ пана Маевскаго, и всѣ знали, что онъ не любилъ никакихъ пышныхъ выѣздовъ,—а потому его скромненькую повозку встрѣтили чуть-ли не всѣ съ поклонами. Только одинъ какой-то гайдукъ, весь залитый золотомъ, презрительно покосился на пана, — но и тотъ сконфузился вдругъ, отвернулся: панъ Ромуальдъ окинулъ его такимъ внушительнымъ взглядомъ, и такъ внушительно сжалъ въ кулакѣ нагайку, что дерзкій почувствовалъ, что это—*сила*!..

Панъ Казиміръ Заремба жилъ далеко не такъ, какъ панъ Ромуальдъ, да и многіе изъ не бѣдныхъ, богатыхъ даже, сосѣднихъ помѣщиковъ. У тѣхъ домашняя обстановка не отличалась никакой роскошью, блескомъ. Напротивъ, все было скромно, бѣдно, пожалуй... И жили эти помѣщики тоже, вообще, скромно, и только въ торжественныхъ случаяхъ, при гостяхъ, развертывались во всю ширь. Являлась на свѣтъ Божій изъ сундуковъ серебряная и золотая посуда, — порой, доставшаяся еще отъ дѣда,—и ставилась на простенькіе, но зато накрытые превосходными скатертями столы... Являлись чуть не десятки изысканныхъ и роскошныхъ блюдъ,—а въ винахъ—купались, купались!..

Но не такъ жилъ панъ Казиміръ. Въ его свѣтлыхъ, обширныхъ комнатахъ (а ихъ было съ десятокъ въ домѣ) виднѣлось не мало блестящей, дорогой, заграничной мебели: диваны, кресла и стулья; не мало было зеркалъ и картинъ; виднѣлись и позолота, шелкъ, бархатъ... — Да, панъ Казиміръ жилъ, какъ истый ма-

гнатъ, на широкую ногу. Онъ и прислуги держалъ, не какъ панъ Ромуальдъ: одинъ только гайдукъ, Михалъ Дембинскій, — да и тотъ ужь теперь старенекъ становится... Нѣтъ, гайдуковъ у него было съ десятокъ, — а о дворнѣ и говорить нечего! Выѣзжалъ панъ Казиміръ не иначе, какъ въ каретѣ, запряженной четверней, и съ эскортомъ изъ дюжины шляхтичей. (А прежде довольствовался онъ старенькой данцигскою коляской, и однимъ, много двумя, вершниками *). Въ послѣднее время онъ сталъ, вообще, жить очень шибко. Да, впрочемъ, и что-жь мудренаго:

*) Вотъ что разсказываетъ Янъ-Дуклапъ Охотскій въ своихъ запискахъ о дворахъ польскихъ вельможъ XVIII ст.—«Они были очень многочисленны и состояли изъ шляхты, сыновей помѣщиковъ, дворянъ, комнатныхъ прислужниковъ (*покойовцевъ*), оруженосцевъ и пажей. Лакеи и камердинеры тогда были еще неизвѣстны. Зато были гайдуки, ливрейные *пайки* и скороходы, въ свойственныхъ имъ костюмахъ. Дворяне одѣвались, какъ хотѣли, только въ залѣ обязаны были являться всегда при сабляхъ и съ ладунками; они получали ничтожное жалованье (solarium), но обыкновенно вельможи дѣлали имъ богатые подарки. Дворяне обязаны были держать отличныхъ лошадей, съ богатымъ приборомъ, потому что въ столицѣ, или когда ѣхали въ гости, они всей компаніей сопровождали карету самого вельможи, или жену его. Карета бывала пышно убрана гербами и всѣми аттрибутами сана владѣльца; лошади почти всегда были *тарანты*, въ полосы и пятна, какъ леопарды; или бѣлыя, съ красными и зелеными гривами; а иногда тѣлеснаго цвѣта, съ бѣлыми ноздрями, бѣлыми гривами и хвостами, и красными глазами... Шоры употреблялись раззолоченныя, съ золотистыми хохлами, расшитыя шелкомъ и убранныя страусовыми перьями. Кучеръ и форейторъ одѣвались въ жупаны и ферезіи, въ высокихъ шапкахъ; а за каретой стояли четыре гайдука. Когда выѣзжала госпожа, весь церемоніалъ былъ тотъ-же самый, но на ступенькахъ кареты помѣщались пажи. Передъ каретой бѣжалъ одинъ, или два скорохода, гуськомъ, съ бичами въ рукахъ. Одинъ изъ придворныхъ дворянъ имѣлъ обязанность подавать госпожѣ руку, когда она входила въ церковь, или во дворецъ. Подавалась рука издали, какъ въ танцѣ; дворянинъ шелъ на шагъ впереди, а пажи несли длинный шлейфъ.

Комнатные дворяне (*покоювцы*) всегда были одинаково одѣты, всегда при сабляхъ; во время обѣда, они, съ тарелками въ рукахъ, стояли за креслами господина, госпожи, или гостей. Дворянъ этихъ часто растягивали на коврѣ и сѣкли... Они учились придворнымъ обязанностямъ, принимали гостей, услуживали при столѣ, разрѣзывали на воздухѣ пулярки и пр.—Пажи выбирались изъ самыхъ красивыхъ дѣтей дворянскихъ. Ихъ одѣвали въ богатый испанскій костюмъ. Съ лѣтами, они поступали въ число придворныхъ дворянъ; потомъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ покупали высшую степень въ войскѣ, или давали должности въ уѣздахъ и воеводствахъ; старались выгодно ихъ женить; а если кто поступалъ въ духовное званіе, то протежировали, для достиженія высокихъ степеней въ этой іерархіи. Однимъ словомъ, пажъ вельможи всю жизнь поль-

съ полгода тому назадъ, онъ получилъ откуда-то громаднѣйшее наслѣдство, которымъ и увеличилъ значительно свое, и прежде громадное, состояніе.

Но, говорятъ, что панъ Казиміръ, въ «будни», когда никого не было, жилъ какъ послѣдній скряга. Не говоря ужь о дворнѣ, которая положительно голодала,—онъ самъ, съ женою и сыномъ, питался Богъ знаетъ чѣмъ; считалъ каждый кусочекъ хлѣба, глядѣлъ въ солонку, а хлоповъ своихъ сталъ прижимать все больше и больше, вымогая изъ нихъ кучу разныхъ поборовъ... Но, право, какъ-то не вѣрилось этому!..

Въ одной изъ свѣтлыхъ, блестящихъ залъ, куда вошли панъ Ромуальдъ со Стасемъ, ужь собралось человѣкъ шестьдесятъ гостей. Тутъ было не мало старыхъ знакомыхъ, присутствовавшихъ еще на крестинахъ Стася: панъ Викентій Заблоцкій, Станиславъ Жигóта, Мечиславъ Трембинскій; паны: Маврикій Войткевичъ, Брониславъ Войничъ, Матвѣй Брохвичъ, и много другихъ. Однѣхъ дамъ только здѣсь не было. Но ихъ собралось, видно, тоже не мало: тамъ, изъ сосѣдней комнаты, слышались оживленные женскіе голоса, веселый смѣхъ, — и надъ всѣмъ этимъ говоромъ выдавалась частая, какъ разсыпавшійся горохъ, рѣчь пани Гертруды.

А вотъ и она сама вылетѣла на встрѣчу пану Маевскому, такая-же, точно такая, какъ и двѣнадцать почти лѣтъ назадъ, только еще, какъ будто, длиннѣе и хуже,—вся въ бархатѣ и въ шелку, вся залитая брильянтами...

— Ахъ, панъ мой... наймильшій панъ!.. посыпалась бойкая трель. — Вóтъ такъ любезно, что вы пріѣхали, не забыли!.. Я давече утромъ еще (такъ рано встала,—почти съ разсвѣтомъ)!

зовался протекціей цѣлой фамиліи. — Скороходовъ одѣвали по испански, въ легкія матеріи, въ башмаки; на головѣ — шапочка, съ гербомъ и страусовыми перьями, которую они не снимали ни въ церкви, ни служа при столѣ. — Вельможи держали надворное войско, конное и пѣшее, а также казаковъ на посылки» «Разсказы о польской старинѣ». Записки XVIII ст. Яна-Дук. Охотскаго).

все думала... И Стась съ вами?—Вотъ это мило!.. Какъ выросъ онъ, пополнѣлъ!.. Совсѣмъ, совсѣмъ какъ взрослый мужчина!.. Что-жь, ему десять лѣтъ, кажется? Иль ужь одиннадцать? — Да, одиннадцать... Боже, какъ время скоро летитъ!.. А давно-ли, кажется, я была на его крестинахъ!.. — Ну, здравствуй, мой милый, здравствуй!.. — И она ласково потрепала по щекѣ сконфуженнаго, расшаркивающагося передъ нею Стася.

— А гдѣ-жь Ядвися? вдругъ удивилась она. — Развѣ ея нѣтъ съ вами?..

— Она пріѣдетъ позднѣе... Просила васъ извинить... Теперь ей нельзя...

— Ахъ, Боже мой, — какъ нельзя?.. А что, если обманетъ, вдругъ,—не пріѣдетъ?..—Позвольте, шановный панъ... Сейчасъ я... сію минуту!.. — И пани Гертруда исчезла, какъ сновидѣніе.

Панъ Казиміръ улыбался. Онъ ужь давно стоялъ, съ протянутыми руками, готовый обнять и расцѣловать дорогого гостя — но все ожидалъ, когда кончитъ его супруга.—И вотъ онъ теперь привелъ въ исполненіе свое желаніе. Онъ крѣпко прижалъ къ груди пана Маевскаго; порядкомъ таки покололъ щеки Стася жесткими, щетинистыми усами, потомъ пожалъ ему, какъ большому, руку и потрепалъ по плечу.

— Да, выросъ, большой выросъ! прохрипѣлъ онъ. — Учишься? — Молодецъ! — И тотчасъ-же отвернулся къ пану Маевскому.

— Да, забота... Дѣти, ихъ воспитаніе... хрипѣлъ онъ. — Нечего говорить: ars pueros bene educandi difficilis!.. *) Не правда-ли, шановный панъ Ромуальдъ?.. Вонъ у меня хлопецъ... Трудно!..

Стась только теперь замѣтилъ въ углу, у печки, какого-то долговязаго малаго, лѣтъ 14. Онъ неподвижно сидѣлъ на стулѣ,

---

*) Искусство хорошо воспитывать дѣтей — трудно.

вытянувшись, какъ палка, и, словно заяцъ, прядалъ ушами то въ ту, то въ другую сторону, точно прислушиваясь къ рѣчамъ гостей и боясь проронить хоть одно слово. И, въ то-же время, лицо его выражало невыносимую скуку и утомленіе...

А разговоры шли бойкіе, оживленные. Лица гостей порядочно раскраснѣлись: должно быть, радушный хозяинъ уже успѣлъ предложить имъ позавтракать...—Въ одномъ углу шелъ разговоръ объ охотѣ. Плотный, широкоплечій панъ стоялъ за охоту солидную,—на медвѣдя. Другой, маленькій, юркій, вертлявый, чуть не съ пѣною на губахъ, отстаивалъ псовую.

— Да вы представьте только себѣ, говорилъ онъ: зальются, зальются!.. Вѣдь это — музыка... концертъ... Наслажденіе!..

— А если рявкнетъ, да на дыбы?.. солидно говорилъ толстый панъ.

— Ну, это, конечно...

Въ другомъ углу говорили о какомъ-то громадномъ выигрышѣ. Кто-то и у кого-то выигралъ въ карты деревню цѣлую...—«Да, со всѣмъ,—съ крестьянами, и съ усадьбой!..»—Въ третьемъ углу, шелъ, очевидно, философскій споръ. И всюду польская рѣчь, точно соусомъ, обливалась латынью... Цитаты и изрѣченія разныя такъ и сыпались, какъ горохъ...

— Virtus semper colenda erat!.. *) говорилъ кто-то.

— Si animum virtutibus ornaveris, semper beatus eris **).

— O, multa fleturum caput ***)! послышался вдругъ чей-то басъ, — и тотчасъ-же, вслѣдъ за этимъ, раздался хриплый голосъ пана Зарембы:

— Броня!

Малый вскочилъ со стула у печки, съ испуганнымъ выраженіемъ на лицѣ.

*) Добродѣтель должна быть всегда уважаема.

**) Всегда будешь счастливъ, если душу украшаешь добродѣтелями.

***) О, голова, которой предстоитъ много слёзъ!..

— Quid fuit dictum? *)—строго спросилъ отецъ. —Чтó говорилъ панъ Z?

— Онъ говорилъ: о, multa fleturum caput...

— Да... Ну, а-quis poeta hanc sententiam pronunciavit? **)

— Это Виргилій... Нѣтъ, это Горацій, папа...

— А, то-то, не забывай!.. Помни, что litteris tractandis animus excolitur... ***) А духъ—это все... Mens sana in corpore sano... ****) Садись и слушай!..

И малый опять робко присѣлъ на стулъ и сталъ прядать ушами.

— Нѣтъ, я не согласенъ съ вами! говорилъ какой-то, мрачнаго вида панъ, съ болѣзненнымъ, желчнымъ лицомъ, довольно плохо одѣтый въ потертый зеленый кунтушъ, своему собесѣднику, мужчинѣ громаднаго роста, дюжему, широкоплечему. — Я положительно не согласенъ!.. Кáкъ вы сейчасъ сказали?

— Я сказалъ: corporis exercitationes plurimum valent ad valetudinem firmandam *****).

— Да, но развѣ нельзя укрѣплять тѣла иначе? — Вы говорите: охота—здоровѣйшее изъ всѣхъ упражненій... Помилуйте! Она отнимаетъ у насъ столько времени... Да, наконецъ, приноситъ и не мало вреда... Каждый годъ столько потравъ, столько вытоптанныхъ полей!.. Вѣдь все это хлѣбъ, хлѣбъ!.. Я говорю, конечно, о лѣтней охотѣ... Зимняя отнимаетъ время...

Собесѣдникъ окинулъ его насмѣшливымъ взглядомъ.

— Однако и вы, вотъ, собрались участвовать въ этой *вредной* забавѣ!.. насмѣшливо процѣдилъ онъ.

— Я?—Ни въ какомъ случаѣ! горячо протестовалъ желчный

---

*) О чемъ шла рѣчь?

**) Какой поэтъ высказалъ это мнѣніе?

***) Изученіемъ наукъ образуется духъ.

****) Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ.

*****) Упражненія тѣла всего болѣе способствуютъ укрѣпленію здоровья.

панъ.—Я просто пріѣхалъ провести часъ-другой въ обществѣ,—и затѣмъ, уѣду домой... У меня тамъ хозяйство... Да, наконецъ, и не могъ-же я не пріѣхать, когда меня *приглашалъ* панъ Казиміръ...

— И у меня хозяйство... Но, во-первыхъ, теперь у насъ праздники, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, по моему: omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci *)...

— Позвольте...

Но тотъ уже отвернулся и заговорилъ съ другимъ.

— Такъ вы говорите: медвѣдь громадный? спрашивалъ панъ Мечиславъ Трембинскій пана Зарембу.

— Да, если вѣрить только лѣснику Иваську, — такъ я еще не видалъ такого!.. А я-ли, кажется... Сами знаете... Еще когда я служилъ въ полку, мнѣ привелось въ одинъ годъ, зимой, убить четырнадцать преогромныхъ медвѣдей... Но этотъ, кажется, еще больше тѣхъ... Представьте: онъ нынче задралъ у меня трехъ коровъ! И какія коровы были!.. Я выписалъ ихъ изъ Тироля...

Панъ Мечиславъ изъявилъ сожалѣніе.

— Однако, я думаю, не пора-ли? — Панъ Казиміръ взглянулъ на отличнѣйшія золотыя часы, осыпанныя брильянтами.— Уже второй часъ, и у меня все готово...

— Зачѣмъ-же дѣло, — прекрасно!

— Панóве! обратился панъ Казиміръ къ гостямъ.—Я предлагаю сбираться. Пора!

— Да мы ужь давно готовы! послышались голоса.—Ѣдемъ, ѣдемъ!..

— Но прежде выпьемъ немного... Такъ, на дорогу... — И панъ Казиміръ хлопнулъ въ ладоши.

Дверь отворилась, и въ нее потянулась цѣлая процессія гайдуковъ, съ огромнѣйшими подносами, уставленными всевозмож-

*) Тотъ поступаетъ хорошо, кто смѣшиваетъ пріятное съ полезнымъ. (Буквально: всякій ставитъ точку, кто... и т. д.).

ными винами и закусками. — И вотъ зазвенѣли стаканы; послышалось чоканье. Гости пили и ѣли на́скоро. Они торопились...

Стась молча сидѣлъ въ уголку, смотрѣлъ на этихъ шумныхъ, богато одѣтыхъ пановъ и скучалъ страшно. — Сперва его развлекла немного блестящая обстановка. Ему никогда еще не случалось видать такихъ высокихъ и широкихъ зеркалъ, блестящей, дорогой мебели, картинъ, въ массивныхъ золотыхъ рамахъ... Но потомъ и это ему надоѣло. Порой, онъ взглядывалъ на сидѣвшаго въ другомъ уголку долговязаго Броню, и все удивлялся: зачѣмъ это онъ такъ внимательно прислушивается къ разговорамъ гостей, и точно боится проронить изъ нихъ хоть одно слово?.. Его удивилъ и этотъ строгій вопросъ пана Зарембы къ сыну: «quid fuit dictum?» и испугъ долговязаго малаго... — Такъ, значитъ, надо непремѣнно все слышать, о чемъ говорятъ гости. Къ чему? Зачѣмъ? Да мало-ли о чемъ толкуютъ они,—иной разъ, о пустякахъ разныхъ. — Нѣтъ, онъ, до сихъ поръ, не слыхалъ ни о чемъ подобномъ *)...

Но вотъ ему вспомнился вдругъ бѣдный, умирающій про́бощъ,—и у Стася больно заныло сердце... Что́ съ нимъ теперь? Живъ-ли онъ? — Давече утромъ къ нимъ заходила Марыня и говорила, что старику, какъ будто, легче немного. — И Стасю страшно вдругъ захотѣлось взглянуть на пробо́ща, поцѣловать

*) «Послѣ отъѣзда гостей, ежели панъ-отецъ въ состояніи былъ проэкзаменовать сыновей, онъ сейчасъ-же спрашивалъ: Quid fuit dictum? — О чемъ шелъ разговоръ съ сосѣдомъ? Какія употреблялись болѣе замѣчательныя фразы? Какія были сказаны латинскія поговорки и пр. Если сыновья забыли что-нибудь, — не миновать имъ было въ такомъ случаѣ розогъ, или плети... И потому-то, въ продолженіи всей бытности гостя, всѣ мы прилежно и внимательно слушали, стоя въ сторонѣ; и ни присѣсть, ни опереться не дозволялось, безъ позволенія отца, или матери; нельзя было также выйти изъ комнаты, ни подъ какимъ предлогомъ. Если-же получалось это дозволеніе, то означалась дорога, съ которой не слѣдовало сворачивать ни шагу, и обозначалось время, а промедлить болѣе — значило сдѣлать преступленіе».

(«Разсказы о польской старинѣ»).

его блѣдную, исхудалую руку...—Да, вотъ теперь въ этой пышной, блестящей залѣ толпа нарядныхъ гостей. Они всѣ веселы, всѣ смѣются... А тамъ, въ бѣдной, убогой комнаткѣ, освѣщенной одной лампадкой, — тамъ горе, печаль, болѣзнь!.. Ка́къ плачетъ теперь Марыня бѣдная, ка́къ страшно горюетъ она!.. — И у Стася вдругъ навернулись слезы...

Чья-то рука опустилась ему на плечо. Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Отецъ стоялъ передъ нимъ и укоризненно покачивалъ головою. Зала почти совсѣмъ опустѣла...

— Ахъ, Ста́сю, Ста́сю!.. говорилъ панъ Ромуальдъ. — Ты опять плачешь!.. Да полно-же, перестань, голубчикъ!..

— У меня голова болитъ, папа!.. — И Стась провелъ рукой по лбу. — Здѣсь такъ жарко, душно...

— Пойдемъ-же скорѣй на улицу! Всѣ собрались. Сейчасъ ѣдемъ...

XVI.

Свѣжій, морозный воздухъ пахнулъ въ лицо мальчика. Онъ оглянулся. — Картина, открывшаяся передъ нимъ, была, дѣйствительно, замѣчательна... Яркое солнце заливало весь дворъ.

Десятковъ пять лошадей, великолѣпно осѣдланныхъ, стояли то тутъ, то тамъ, роя копытами мерзлый снѣгъ,—и онъ цѣлыми серебристыми облачками поднимался въ воздухѣ. Солнечные лучи отражались въ ярко вызолоченныхъ стременахъ; горѣли и переливались всѣми цвѣтами радуги въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ... А сколько здѣсь было этихъ каменьевъ!.. Сверкали они и въ богато убранныхъ сѣдлахъ; въ эфесахъ сабель охотниковъ; въ пуговицахъ на ихъ кунтушахъ... Стась былъ совсѣмъ ослѣпленъ!..

Бо́льшая часть гостей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, винтовками, пистолетами, саблями и огромными охотничьими но-

жами, садились верхомъ; другіе-же помѣщались въ легкихъ саночкахъ, запряженныхъ, по большей части, парами лошадей. Панъ Ромуальдъ со Стасемъ помѣстились тоже въ саночкахъ.— И вотъ вся эта процессія торжественно поѣхала со двора. Отецъ сообщилъ Стасю, что охота будетъ двойная. Во-первыхъ, лѣсникъ пана Зарембы выслѣдилъ громаднѣйшаго медвѣдя; а во-вторыхъ, поохотятся и на зайцевъ...

— А это очень весело, Стась! говорилъ панъ Ромуальдъ.— Вотъ ты увидишь...

— И ты, папа, тоже будешь охотиться?

— Я? — Нѣтъ, мой милый! Я ужь давненько отвыкъ, отяжелѣлъ какъ-то. Я буду, какъ и ты, только зрителемъ... Но, вонъ, посмотри, посмотри, тамъ, за воротами... Видишь?..

Да, Стась опять увидѣлъ нѣчто такое, чего онъ никогда не видалъ. На улицѣ, какъ разъ за опущеннымъ мостомъ, толпилась масса народа, и конныхъ, и пѣшихъ. На первомъ планѣ виднѣлся отрядъ всадниковъ, человѣкъ въ сорокъ. Это была «загоно́вая шляхта» пана Зарембы. Всѣ съ лихо закрученными усами, (хотя многіе и съ синякомъ подъ глазомъ, или съ покривленною скулой),—они гордо сидѣли на статныхъ, породистыхъ лошадяхъ, одѣтые въ зеленые бархатные чекмени, отороченные куньимъ мѣхомъ, въ такихъ-же шапкахъ, и съ мѣдными изогнутыми рогами черезъ плечо, на шелковыхъ перевязяхъ... Дальше виднѣлись псари. Ихъ тоже было десятка два-три, но уже пѣшихъ. Каждый держалъ на сворѣ собакъ. И сколько-же было этихъ собакъ!.. Всевозможныхъ величинъ и мастей, все гончія и борзыя, — онѣ оглашали воздухъ неистовымъ лаемъ... Дальше, на заднемъ планѣ, виднѣлась толпа крестьянъ... Ихъ здѣсь согнали, должно быть, со всей деревни. Тутъ были и взрослые, и подростки, такъ лѣтъ по 13, по 14; встрѣчались даже и совсѣмъ маленькіе ребятки... И все больше болѣзненныя, исхудалыя лица; заплатанныя, рваныя свитки. У взрослыхъ, — у кого были на

плечахъ рогатины, у кого вилы; у другого — простой, заостренный колъ; у ребятишекъ были трещотки, желѣзныя и мѣдныя сковороды. Участіе ихъ въ охотѣ состояло въ томъ, чтобъ производить какъ можно больше шуму и гаму.

Но вотъ выѣхалъ изъ воротъ хозяинъ, окруженный блестящею свитой, — и шапки полетѣли съ головъ. Панъ Казиміръ кивнулъ милостиво головой и далъ знакъ къ выступленію. — И шествіе тронулось вдоль деревни, по направленію къ густому лѣсу, синѣющему вдали... Изъ воротъ высыпали бабы и ребятишки и глазѣли на это шествіе... И гулъ, и гамъ стояли въ воздухѣ!.. Собаки неистово лаяли; лошади ржали; слышался лязгъ и звонъ сабель; громкій говоръ и смѣхъ, — и все это, порой, покрывалъ гремѣвшій, точно въ пустую бочку, могучій, раскатистый хохотъ пана Зарембы. — И шествіе двигалось все дальше и дальше. Впереди всѣхъ, разумѣется, ѣхали конные охотники и загоно́вая шляхта; рядомъ съ ними шествовали псари. Затѣмъ, тѣ гости, которые были въ санкахъ, — и, наконецъ, все это замыкали пѣшіе мужики и ребята... Высыпа́вшія бабы смотрѣли на поѣздъ, не то съ какимъ-то недоумѣніемъ, не то съ испугомъ. На многихъ лицахъ точно было написано: «Господи! Да что-же это такое опять? Зачѣмъ?...» — Какая-то древняя старушонка, какъ это замѣтилъ Стась, — такъ та смотрѣла на нихъ просто съ ужасомъ, какъ на нечистую силу, и даже крестилась, украдкой... Ребятишки жались къ материнскимъ юбкамъ; таращили испуганные глазенки на проѣзжавшихъ всадниковъ; а иные и голосили...

— Ну, полно, полно, родной! утѣшала иная мать.—Не бойся, они не тронутъ!

А маленькій карапузъ ревѣлъ во всю мочь и пряталъ замазанное лицо въ материнской плахтѣ.

И, съ болью въ сердцѣ, глядѣла бѣдная мать за удаляющейся шумной охотой, и невольно ей приходила въ голову мысль, что,

врядъ-ли, ея карапузъ заснетъ сегодня, какъ слѣдуетъ... Разбудятъ его на разсвѣтѣ шумъ, гамъ, — лай собакъ, ржаніе лошадей, крики, хохотъ... Проснется онъ, весь дрожащій, испуганный, да такъ ужь и не заснетъ до утра, пожалуй, — все будетъ плакать, плакать...

Но вотъ деревня осталась далеко позади; лѣсъ выдѣлялся все явственнѣе и явственнѣе въ свѣтломъ и чистомъ морозномъ воздухѣ... Теперь вся охота двигалась по широчайшей, занесенной снѣгомъ, полянѣ... Посмотришь направо — снѣгъ одинъ, налѣво — тоже; и ярко горитъ онъ и переливается подъ солнечными лучами, и больно рѣжетъ глаза: Стась, то и дѣло, ихъ жмуритъ... А тамъ, впереди — лѣсъ, густой, прегустой лѣсъ, какихъ ужь теперь и слѣда не найдешь въ Украйнѣ!.. — Бойко бѣгутъ лошадки; полозья саней скользятъ и скрипятъ по снѣгу; лаютъ собаки; слышится говоръ и смѣхъ охотниковъ...

— Тебѣ не холодно? спрашиваетъ панъ Ромуальдъ, наклоняясь къ сыну, и такъ ласково и любовно глядитъ на него, — что Стасю, отъ одного этого взгляда, словно теплѣе становится.

— Нѣтъ, папа.

— И не скучаешь?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ, молодецъ, умница!..

И, точно, у Стася стало легче на́ сердцѣ; горе какъ-то забылось. Эта поѣздка дѣйствительно развлекла его.

— Стой! скомандовалъ панъ Казиміръ, — и всѣ вдругъ остановились.

Стась глянулъ. — Громадный, запущенный боръ лежалъ теперь передъ ними, какъ на ладони! И что за деревья! — Шапка свалится съ головы, прежде, чѣмъ разглядишь ихъ вершины... Солнышко ярко и весело освѣщало ихъ, но вѣковыя деревья, порою, были такъ густы, что между ними не виднѣлось никакого просвѣта. Взглянешь, — и даже жутко какъ-то становится! Те-

мень такая тамъ, — зги не видно, точно въ пустомъ чуланѣ... Или, можетъ быть, это такъ только кажется, послѣ яркаго снѣга?..

Панъ Казиміръ грузно спустился на землю и обратился къ охотникамъ:

— Что-жь, панове, говорилъ онъ. — Съ чего начинать будемъ? Съ медвѣдя?

— Съ медвѣдя, съ медвѣдя, конечно! рѣшили всѣ. — Одинъ только кто-то протестовалъ, и предложилъ начать лучше съ зайцевъ.

— Пану Тадеушу, можетъ быть, не случалось охотиться за медвѣдями? насмѣшливо заговорилъ знакомый уже намъ, громадный, широкоплечій панъ. — Да, правда, это рискованно: можно къ нему и въ лапы попасться...

— Хотѣлось-бы мнѣ посмотрѣть, ка́къ это случится! запальчиво вскричалъ панъ Тадеушъ, длинный и тонкій, какъ жердь. — Чтобъ доказать пану, ка́къ *не случалось* мнѣ за ними охотиться, — я первый готовъ подойти къ берлогѣ... Да, панъ Станиславъ!..

Тотъ усмѣхнулся и покрутилъ усъ.

— Нашлось-бы и безъ васъ не мало желающихъ, говорилъ онъ. — Но это еще вопросъ: кому достанется жребій?

— Мнѣ первому... Я увѣренъ!

— Гм... Сомнѣваюсь...

Тадеушъ слегка поблѣднѣлъ, и рука его опустилась на эфесъ сабли. Но взглядъ одинъ на насмѣшника безповоротно рѣшилъ, что спорить и препираться съ нимъ — дѣло рискованное. И панъ Тадеушъ опять опустилъ руку.

Всѣхъ жребіевъ полагалось пять. Одинъ изъ нихъ достался самому Зарембѣ, — и тотъ весело крякнулъ и потеръ руки; второй — пану Трембинскому, третій пану Войткевичу, четвертый Станиславу Капотѣ (это тому насмѣшнику), а пятый вытащилъ... панъ Тадеушъ...

— Ну, что, не правду я говорилъ? А?..—И Тадеушъ весело улыбался. Но Стась замѣтилъ, что рука его, вынувшая жребій, замѣтно дрогнула, а въ глазахъ тоже мелькнуло что-то, совсѣмъ не похожее на геройство.

— Ну, вотъ, и прекрасно! не унимался насмѣшливый панъ Капота. — Такъ вмѣстѣ къ берлогѣ? Да? Вашъ первый выстрѣлъ?..

— Конечно, первый! какъ отрѣзалъ Тадеушъ,—но и голосъ его, увы, звучалъ не геройскими нотами.

«Счастливцы» скрылись къ лѣсу. За ними послѣдовали загонщики. На обязанности этихъ послѣднихъ лежало выманить изъ берлоги медвѣдя, выгнать его оттуда рогатинами и шестами, — а ужь на долю пановъ приходилось стрѣлять.—Остальные охотники расположились лагеремъ, неподалеку отъ лѣса. Явились ковры, подушки,—и Стась съ отцомъ комфортабельно разлеглись на нихъ. Всѣ какъ-то пріумолкли и ждали... Даже собаки, — и тѣ, успокоенныя пинками псарей, перестали лаять...

— А это страшно, папочка? спрашивалъ Стась отца. — Опасно?

— Что?

— Да, вотъ, на медвѣдя...

— Гм... Какъ-бы тебѣ сказать... Кто хорошо стрѣляетъ и не боится, — тому легко... Тотъ навѣрное одолѣетъ... Ну, а другой...

Стась вздрогнулъ и обернулся къ лѣсу. Невдалекѣ гдѣ-то раздался выстрѣлъ, и вслѣдъ за нимъ тотчасъ—другой. Затѣмъ все смолкло...

— Клянусь святымъ Станиславомъ! вдругъ крикнулъ какой-то панъ. — Это выстрѣлы пана Зарембы. — Я превосходно знакомъ съ его дубельтувкой*) и узнáю ее изъ тысячи!.. Бьюсь объ

---

*) *Дубельтувка* — двустволка.

закладъ... Кто хочетъ: пятьсотъ червонцевъ, — что онъ положилъ медвѣдя!..

Но не нашлось ни одного желающаго. Никто и не сомнѣвался, что медвѣдь убитъ, а то иначе были-бы еще выстрѣлы, крики... — И точно, прошло еще съ полчаса, — и изъ лѣсу показалась процессія. Впереди всѣхъ шли загонщики и тащили громаднѣйшаго медвѣдя. Легкая струйка крови лилась за ними по снѣгу. Затѣмъ шелъ, красный, какъ ракъ, широко улыбающійся, панъ Заремба и весело размахивалъ дубельтувкой.

— Удачный выстрѣлъ, панóве! кричалъ онъ. — Взгляните! Якъ Бога кóхамъ! Двѣ пули въ сердцѣ, — и обѣ на одномъ мѣстѣ.—Взгляните!..

Медвѣдю разрѣзали грудь,—и, точно, нашли у него двѣ пули въ сердцѣ, одна на другой...

— Да вы самъ чортъ, просто! —вскричалъ панъ Капота.— Иль это только случайность...

— Нѣтъ, не случайность! — вмѣшался кто-то. — Я самъ видалъ, какъ панъ Казиміръ попадалъ пулей въ лѣсной орѣхъ...

— Да, жаль, признаться, шановный пане, говорилъ Капота, — что я вамъ уступилъ первый выстрѣлъ!.. Положимъ, я не съумѣлъ-бы такъ положить пулю на пулю, — но...

— А вотъ, панъ Тадеушъ Загурскій, — онъ тоже первый хотѣлъ стрѣлять... Но, представьте, панóве... — И Капота захохоталъ. — Въ то время, какъ панъ Казиміръ любезно уступилъ ему это право,—съ Тадеушемъ вдругъ сдѣлалась такая нервная дрожь, что ружье просто запрыгало, заскакало въ его рукахъ,— и я долженъ былъ предложить пану снѣгу, вмѣсто воды... Откуда-жь возьмешь ее тамъ, въ лѣсу!..

Раздался хохотъ, — и несчастный, пристыженный и сконфуженный до послѣдней степени, панъ Тадеушъ не зналъ, куда и глаза дѣвать...

— Теперь отдохнемъ немножко, выпьемъ, — говорилъ панъ Казиміръ, — и возьмемся за зайцевъ... Нельзя терять золотого времени. — Эй, вина, хлопцы!..

Вино явилось, точно изъ подъ земли, — и зазвенѣли опять стаканы.

— За перваго стрѣлка въ Польшѣ! — кто-то предложилъ тостъ. — Да, такъ не стрѣлялъ и Вильгельмъ Телль!..

— Віватъ! — грянуло въ воздухѣ, — и къ пану Зарембѣ потянулись десятки рукъ, съ наполненными стаканами. Тотъ улыбался и крутилъ усы.

Но вотъ началась охота за зайцами. Загоно́вая шляхта скрылась въ лѣсу, — и онъ вдругъ огласился звукомъ роговъ... Потомъ эта музыка замолчала, и началась другая, ужасная, раздирающая уши: ребята подняли оглушительный шумъ и гамъ. Они визжали, мяукали; трещали трещотки, гремѣли сковороды... Собаки заливались оглушительнымъ лаемъ въ лѣсу... Стась одурѣлъ даже сперва, зажалъ уши... Но панамъ эта музыка была по́ сердцу... Они выстроились въ разныхъ мѣстахъ на полянѣ, по двое, по трое, съ поднятыми ружьями, со взведенными курками, — и ждали... Вотъ вылетѣлъ изъ лѣсу заяцъ и покатилъ по полянѣ... Раздалось сразу нѣсколько выстрѣловъ, — и бѣдный звѣрекъ, подпрыгнувъ, съ жалобнымъ крикомъ, на аршинъ кверху, упалъ мертвымъ въ снѣгъ... А вонъ другой заяцъ, третій, четвертый, пятый, — и всѣ они падали, какъ подкошенная трава... Вонъ выскочилъ волкъ, съ широко разинутой пастью, сверкающими глазами, — и тоже тяжело рухнулъ подъ выстрѣлами... А выстрѣлы ни на минуту не умолкали: они теперь сыпались, какъ горохъ...

Стась, первое время, съ интересомъ слѣдилъ за охотой, — но потомъ ему какъ-то неловко, тяжело стало... Ему было жаль этихъ бѣдныхъ, беззащитныхъ звѣрьковъ, валившихся подъ пулями пановъ... Нѣтъ, не понравилась ему эта травля, — и онъ

удивлялся даже: ка́къ можетъ нравиться она панамъ?—А она имъ не только нравилась, — она восхищала ихъ!..

Наконецъ Стась свободно вздохнулъ: пальба прекратилась. Поляна, на большомъ пространствѣ, была усыпана трупами звѣрьковъ и звѣрей. Больше всего было, конечно, зайцевъ; но попадались и волки, и штукъ пять, или шесть лисицъ... Теперь передъ Стасемъ открылась другая картина, повеселѣе... Убитыхъ звѣрей подобрали и куда-то спрятали, — а на полянѣ, мѣстахъ въ десяти, ярко запылали костры... Солнышко ужь давно закатилось; наступалъ вечеръ... И, вотъ, на покрытую всю бѣлымъ снѣгомъ поляну точно кто набросилъ красный коверъ... — Трещали костры; дымъ черными клубами взвивался къ небу, — а у костровъ, на коврахъ и подушкахъ, расположились паны-охотники, кто сидя, кто лежа... Точно изъ подъ земли, явились корзины со всевозможнѣйшими закусками. Тутъ были и жареные гуси и куры, и разная дичь; и жирная ветчина, и такія-же жирныя, польскія аршинныя колбасы,—да всего и не перечислить!— И начался не обѣдъ, нѣтъ, — «легкій завтракъ»... Проголодавшіеся паны убирали за обѣ щеки, и даже ненадолго умолкли, всецѣло занятые ѣдой. Не отказался и Стась отъ этого «завтрака», — онъ тоже проголодался.

Но, вотъ, первый голодъ былъ утоленъ, — и языки у охотниковъ развязались. Начались оживленные разговоры, смѣхъ, шутки; захлопали пробки, зазвенѣли стаканы, — и крики «вива́тъ!» далеко разносились кругомъ въ вечернемъ, морозномъ воздухѣ...

А тамъ, въ сторонѣ немного отъ панскихъ костровъ, расположились, у огней тоже, загонщики-хлопы и загоно́вая шляхта. Они тоже, съ жадностью, хлебали изъ котелковъ какую-то кашицу, заѣдая ею «пропущенные» стаканчики панской горѣлки... Тутъ-же собаки, съ жадностью, убирали заячьи лапки и внутренности, — ворчали и огрызались... И здѣсь, у костровъ, шелъ

тоже говоръ, но не такой громкій и оживленный, какъ у пановъ, а тихій и сдержанный... Но, все таки, Стась кой что разслышалъ.

— Вотъ погоди ужо, бісовы діти!...—съ сдержанной злобою говорилъ худой, болѣзненный хлопецъ. — Задастъ онъ вамъ баню, — небо съ овчинку покажется!..

— Тсс... ты, Онисько, — молчи! — дернулъ его за рукавъ старикъ какой-то. — Услышатъ!..

— Э, не услышатъ, дідусю!.. Да и услышатъ, — мнѣ наплевать!... Мочи, вѣдь, нѣтъ терпѣть! Всю шкуру содрали!.. Въ хатѣ ни крошки нѣтъ, — ложись, да помирай съ голоду, — а они вишь какъ, вонъ, веселятся!.. У-у!.. — И онъ погрозилъ кулакомъ. — Ну, да ладно... Не долго теперь веселиться вамъ... Отольются волку овечьи слезки!..

— Молчи, Онисько!..

— Чего, дідусю, молчи! И то всю жизнь молчалъ, кажется... Ну, а теперь говорить стану... Да!.. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!

Старикъ только вздохнулъ.

— Будетъ-ли?.. прошепталъ онъ.

— Будетъ, дідусю, какъ Богъ святъ, — будетъ!.. Павлюкъ теперь недалеко, а съ нимъ безъ малаго, говорятъ, сотни три... Будетъ онъ къ намъ не сегодня — завтра...

Стась насторожилъ уши.—«Павлюкъ? Это какой Павлюкъ? Ужь не тотъ-ли»?..

— Посмотримъ, вотъ, мы теперь, какъ они пѣть да плясать будутъ, да нашу кровь пить!.. опять со злобою продолжалъ Онисько. — Народится на нашей Украйнѣ другой батька Богданъ,—и сведетъ съ ними счеты... Да, говорятъ, народился ужь... Слыхалъ про Максима, дідусю? Залізняка?..

— Ой, говорю тебѣ, молчи, Онисько!.. Молчи, коли головы жаль!..

— Что, головы...

Но въ это время къ костру подошелъ одинъ изъ загоновыхъ шляхтичей,—и Онисько вдругъ прикусилъ языкъ.

Стась не все понялъ изъ этихъ рѣчей, но онъ понялъ только одно, что Павлюкъ (это тотъ самый!) опять принялся разбойничать, и находится теперь гдѣ-то неподалеку со своей шайкой.— Стась ужь давно ничего не слыхалъ объ этомъ ужасномъ дѣдѣ; да онъ, по правдѣ сказать, успѣлъ и забыть его... Но онъ слыхалъ кое-что о гайдамакахъ, еще тамъ, въ коллегіи. Разъ какъ-то подслушалъ онъ разговоръ двухъ школьниковъ. Оба были изъ хлопскихъ дѣтей. Они говорили, что гайдамаковъ теперь становится все больше и больше, — они разсыпались по всей Украйнѣ, — и скоро вырѣжутъ всѣхъ пановъ и ксендзовъ, до единаго... — Но почему-же ихъ не боится отецъ? Не боится ихъ панъ Заремба, и ни тотъ, ни другой ни слова не говорятъ о нихъ?..

Костры догорали... Люди суетились вокругъ нихъ и хлопотали съ уборкой... Прошло еще съ полчаса, — и, обремененные добычей, охотники тронулись къ дому... Выплывшая изъ-за тучъ луна освѣщала ихъ путь; вездѣ въ окнахъ хатъ мелькали уже огни, а за́мокъ пана Зарембы весь былъ залитъ ими, сверху и до низу...

...Столы просто ломились подъ массой серебряной и золотой посуды, подъ массой фарфора, фаянса и хрусталя... Десятка два канделябръ освѣщали обширную залу, въ которой теперь собрались всѣ гости пана Зарембы. Вернувшіеся съ охоты мужчины помылись, почистились; многіе переодѣлись въ другое платье. И, вотъ, теперь бархатъ, атласъ, шелкъ, кружева, брильянты и изумруды—просто слѣпили глаза!.. О дамскихъ нарядахъ и драгоцѣнностяхъ и говорить нечего!—А здѣсь, за нѣсколькими обѣденными столами, собралось очень много и дамъ.—И всѣхъ ихъ, понятно, затмѣвала своимъ блескомъ сама хозяйка, пани Гер-

труда. Ея наряды и драгоцѣнности были предметомъ зависти во всемъ повѣтѣ и причиною частыхъ семейныхъ ссоръ. — Была здѣсь и панн Ядвига, и Зося съ мужемъ... Однимъ словомъ, всѣ были, исключая одного Болеслава Грабовскаго.

Блюда смѣнялись блюдами; слуги не успѣвали наливать кубки. Слышались крики «виватъ!», смѣхъ, говоръ, споры, порой; и музыканты въ сосѣдней комнатѣ не отдыхали ни на минуту отъ тушей.

А разговоръ шелъ *crescendo*. Много о чемъ говорили на разныхъ концахъ столовъ, — всего и не разслышать было. Но разговоры патріотическаго характера положительно преобладали... Паны воодушевлялись и воодушевлялись — и въ нихъ закипѣла кровь ихъ славныхъ предковъ... Много шло толковъ о настоящихъ доблестяхъ Польши, о томъ, ка́къ могуча и ка́къ сильна Рѣчь Посполитая, — но еще больше было воспоминаній... Они смѣнялись одно другимъ, точно стекла въ калейдоскопѣ..: Припоминались сраженія разныя, и отличившіеся въ нихъ герои,—всѣ, начиная чуть-ли не съ самого легендарнаго короля Попе́ля, и кончая настоящимъ временемъ. — И все было въ прошломъ прекрасно и благородно; и никто изъ ихъ славныхъ предковъ не сдѣлалъ ничего худого, безчестнаго. — «Homo improbus aliquando cum dolore flagitia sua recordabitur» *). — Но такого безчестнаго человѣка не было, и о прошломъ можно вспоминать, пожалуй, и со слезами, но со слезами — радости... Войны велись, и всегда одерживались побѣды... Бывали и неудачи, конечно. Но развѣ онѣ отъ нихъ зависѣли?..

— Кто тамъ сказалъ: melior est certa pax, quam sperata victoria? **) вопіялъ на одномъ концѣ стола красный, какъ ракъ, панъ, съ сѣдыми, щетинистыми усами и вытаращенными гла-

*) Безчестный человѣкъ когда-нибудь со слезами вспомнитъ о своихъ поступкахъ.

**) Лучше надежный миръ, чѣмъ спорная побѣда.

зами. — Мира не допускаю, не допускаю и *спорныхъ* побѣдъ... «Иль со щитомъ иль на немъ»—вотъ мое мнѣніе! Sapienti sat!.. *)

Главнымъ образомъ, такимъ духомъ проникнутъ былъ разговоръ гостей, сидѣвшихъ на одномъ концѣ съ паномъ Зарембой. — И панъ Заремба давалъ таки себя знать! Громаднѣйшій басъ его гремѣлъ и раскатывался по всѣмъ комнатамъ... — «Да, ему давно ужь перевалило за 60, и онъ видалъ на своемъ вѣку много чего такого, о чемъ стоитъ поразсказать!» — И панъ Заремба разсказывалъ о своихъ подвигахъ, которые онъ совершилъ тамъ—то и тамъ-то... И кто-же не соглашался съ нимъ?— Всѣ рѣшительно! Трудно и перечислить кубки, выпитые за папа и за его подвиги, которые онъ совершилъ «pro gloria patriae».— Только одинъ какой-то, должно быть, желчный и насмѣшливый господинъ шепнулъ своему сосѣду: «ut quisque est sapientissimus, ita est modestissimus!» **) — Но сосѣдъ такъ поглядѣлъ на него, что онъ сконфузился и сталъ въ замѣшательствѣ потирать руки...

Вдругъ панъ Казиміръ съ гнѣвомъ обернулся назадъ и грозно нахмурилъ сѣдыя брови. Предъ нимъ стоялъ старый престарый слуга Войцѣхъ, когда-то носившій его еще на рукахъ.

— Какъ ты осмѣлился войти сюда? Что тебѣ надо? рявкнулъ панъ Казиміръ.

— Простите, пане... Я никогда не посмѣлъ-бы, — но дѣло важное...

— Что тамъ? — Да говори-же скорѣй, — мнѣ некогда!

— Надо быть осторожнымъ, пане... Принять мѣры... Павлюкъ...

— Какой тамъ Павлюкъ?

— Панъ ничего не слыхалъ объ этомъ разбойникѣ?..

— А, такъ онъ еще не повѣшенъ!.. Ну?..

---

*) Умному достаточно, умный пойметъ.

**) Чѣмъ кто мудрѣе, тѣмъ тотъ скромнѣе.

— Я только сейчасъ узналъ, пане: онъ близко, въ нашихъ мѣстахъ... Говорятъ... говорятъ, что сегодня ночью онъ хочетъ напасть на зáмокъ...

— Ха! ха! ха!.. вдругъ раскатился хохотъ.—Пошелъ вонъ, дуракъ, и проспись!..

— Представьте, панóве... А!.. обратился панъ Казиміръ къ гостямъ. — Представьте, чтó говоритъ эта ворона старая...

— Въ чемъ дѣло, панъ?

— Онъ говоритъ, что этотъ разбойникъ Павлюкъ (чортъ знаетъ, кáкъ я забылъ о немъ: онъ ужь давно-бы висѣлъ у меня на первой осинѣ!) — что этотъ разбойникъ хочетъ сегодняшней ночью напасть на мой зáмокъ... А!..

Произошло впечатлѣніе. По всѣмъ столамъ вдругъ точно пробѣжалъ электрическій токъ. Дамы всѣ поблѣднѣли; съ иными сдѣлалось дурно.

— Ха! ха! ха!.. разнеслось по столамъ. Но не всѣ хохотали искренно.

— Да, мой шановный панъ, говорилъ кто-то,—такая басня... гм... Смѣшно ей было-бы вѣрить! Но не мѣшаетъ, знаете, принять мѣры... Такъ, нѣкоторыя... между прочимъ...

— Пустое, панъ!.. А впрочемъ, чтобъ успокоить дамъ, я прикажу поднять мостъ и зарядить одну пушку... А теперь... Эй, вина, хлопче!..

— Но, пане... заговорилъ опять старый Войцѣхъ.—Я слышалъ, что шайка у него огромная, — въ нѣсколько сотъ человѣкъ, — и онъ на этихъ дняхъ еще выжегъ усадьбу пана Высоцкаго, а самого пана... пана повѣсилъ!.. чуть слышно заключилъ Войцѣхъ и опустилъ голову.

— Что-о?.. заревѣлъ Зарембa.—Сжегъ пана Высоцкаго и... и повѣсилъ?..—Да я тебя самого повѣшу, безсовѣстный, старый лгунъ!..

— Лгунъ? Я лгунъ?.. — Господи Боже мой!.. — Голосъ

старика дрогнулъ. — Я на рукахъ васъ носилъ, пане... Клянусь вамъ!..

— Пошелъ!..

— Позвольте, шановный панъ Казиміръ! послышались голоса. — Вѣдь это начинаетъ становиться серьезнымъ... Усадьба пана Высоцкаго... Она сейчасъ, въ двухъ шагахъ... Надо немедленно принимать мѣры...

— Вамъ хорошо, говорилъ кто-то,— вамъ безпокоиться нечего: у васъ укрѣпленный зáмокъ; есть пушки, казаки, шляхта... Ну, а я...

— Панъ испугался горсти подлыхъ разбойниковъ?.. насмѣшливо заговорилъ Заремба.—Въ такомъ случаѣ, я пана не буду удерживать... Онъ можетъ ѣхать...

— Еще изъ васъ кто, панóве, желаетъ возвратиться сегодня-же подъ домашній кровъ? — И онъ окинулъ взоромъ гостей. — Предупреждаю, что кто не выѣдетъ до 12 часовъ ночи, тотъ здѣсь останется до утра... Подъемный мостъ будетъ поднятъ, и изъ зáмка никого не выпустятъ...

Всѣ молчали.

— И такъ между нами нашелся только одинъ трусъ: панъ Кшесинскій... Благодареніе Богу!.. — Такъ пусть панъ сію-же минуту оставитъ мой домъ!.. Присутствіе такого гостя стыдитъ все общество!..

Кшесинскій всталъ и, какъ оплеванный, вышелъ изъ залы.

— Вина, хлопцы! Живо! крикнулъ панъ Казиміръ.

И пиръ пошелъ опять своимъ чередомъ, хотя ужь прежняго одушевленія не замѣчалось какъ-то.

— Прошу вниманія! вдругъ гаркнулъ панъ Казиміръ, — и всѣ умолкли.

— Пришла мнѣ сейчасъ мысль въ голову, говорилъ онъ, — и мысль, по моему, недурная... Тому, что мы можемъ подвергнуться сегодня ночью осадѣ,—я не вѣрю ни въ какомъ случаѣ!..

Это — басня, вымыселъ старыхъ бабъ и такого дурака, какъ мой Войцѣхъ... Но я объ одномъ жалѣю. — Давненько ужъ я слыхалъ про этого разбойника Павлюка... Онъ натворилъ здѣсь не мало пакостей, пролилъ не мало крови... И, вотъ, я жалѣю, что не порыскалъ за этимъ мерзавцемъ и не поймалъ его... — Теперь (если правда только, что этотъ негодяй близко) — я думаю исполнить это намѣреніе... И, вотъ, панове, я предлагаю... Сегодня охотились мы за медвѣдемъ, за зайцами, — завтра мы поохотимся за гайдамаками... Кто согласенъ изъ васъ принять участіе въ этой травлѣ?

— Я!.. я!..

— Прекрасно! — И такъ завтра-же, на разсвѣтѣ, я соберу шляхту, казаковъ,—и гайда на поиски за этой двуногою дичью!.. И если только этотъ Павлюкъ въ здѣшнихъ мѣстахъ,—то, вотъ, клянусь вамъ, не будь я панъ Казиміръ Заремба, хорунжій гвардіи его величества короля, — если я не схвачу эту собаку подлую, не притащу ее на веревкѣ, и, по издавна данному намъ, *jus gladii* *), — не посажу ее на́ колъ... Клянусь вамъ!.. — И панъ Казиміръ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что только стаканы запрыгали и зазвенѣли...

XVII.

Огни въ за́мкѣ погасли, и только еще въ одномъ оконцѣ, внизу, слабо брезжился свѣтъ... Громко храпѣлъ панъ Заремба въ небольшой угловой комнаткѣ, служившей ему кабинетомъ и спальной; громко храпѣли въ разныхъ комнатахъ гости, усталые и сильно подвыпившіе... Инымъ изъ нихъ не спалось сначала;

*) Буквально: право меча. Судъ въ 24 часа.

они все ворочались съ боку на бокъ, — все точно ждали чего-то, прислушивались... Но ничего не слыхать было, кромѣ шума и завыванья мятели...—А мятель все становилась сильнѣй и сильнѣй. Вѣтеръ стоналъ и завывалъ въ трубахъ; визжали и скрипѣли флюгера на башняхъ; гдѣ-то неистово хлопалъ сорвавшійся ставень... Но усталость взяла наконецъ свое и пересилила страхъ. Скоро гости уснули, убаюканные этимъ шумомъ мятели...

Спала дворня, казаки, шляхта... Уснулъ даже сторожъ въ своей будочкѣ, у воротъ... Не спалъ только шляхтичъ, панъ Пшонка. Закутавшись поплотнѣе въ шубу, ходилъ онъ взадъ и впередъ по платформѣ одной изъ сторожевыхъ башенъ и зорко оглядывался по сторонамъ... Но ничего не видалъ и панъ Пшонка, и ничего не слыхалъ онъ, кромѣ завыванья мятели... Холодный, пронзительный вѣтеръ свистѣлъ и гудѣлъ у него въ ушахъ, забирался за воротникъ шубы и сыпалъ туда цѣлыя кучи снѣгу... Панъ Пшонка, то и дѣло, встряхивался, покрякивалъ и курилъ трубку за трубкой...—Но, вотъ, среди завываній мятели, послышались вдругъ заунывные звуки какіе-то... Панъ Пшонка прислушался. Это били куранты на костельной башнѣ... Разъ... два... три... четыре...

— Эге! Да ужь утро, — четыре часа! пробормоталъ шляхтичъ.—Ну, ладно, съ часикъ еще похожу,—да и спать пора!— И онъ сладко зѣвнулъ.—Навѣрное ничего не будетъ... Войцѣхъ совралъ, дуракъ!.. — Панъ Пшонка закурилъ новую трубку и опять зашагалъ...

А огонекъ въ оконцѣ, внизу, все еще брезжилъ... Старый Войцѣхъ сидѣлъ у стола, грустный, задумчивый, и, то и дѣло, покачивалъ сѣдою, лысою головой... Въ теченіи этой ночи, онъ разъ пять обошелъ весь зáмокъ, осматривалъ всюду: плотно-ли, хорошо-ли запираются двери, и исправны-ли въ нихъ замки? — Старикъ не на шутку ждалъ въ эту ночь нападенія, и боялся, дрожалъ за своего пана. Его возмущала просто безпечность пана

Зарембы!.. Да какъ-же! — Давече, какъ разошлись гости, онъ чуть не часъ умолялъ его принять мѣры, — вооружить шляхту, казаковъ, и приказать имъ не спать всю ночь... — Панъ Казиміръ то сердился, кричалъ, называлъ его старой бабой, осломъ, мокрой курицей; то вдругъ ласково похлопывалъ его по плечу и говорилъ:

— Да полно ты, успокойся, старый глухарь! Повѣрь, что тебѣ наврали про Павлюка... Да, наконецъ, еслибъ это и правда была... Ну, согласись: чего-же мнѣ безпокоиться? — Мой замокъ — крѣпость! Его не только не взять шайкѣ какихъ-то оборванцевъ, — не взять цѣлой арміи! — Да... Ужь это мнѣ лучше знать, старый хрѣнъ! — Я послужилъ-таки на своемъ вѣку, и видалъ всякіе виды!.. — Ну, вотъ, представь себѣ... Ну, напали... Такъ что-жь изъ этого? — Мостъ поднятъ, и въ замокъ войти нельзя... А тамъ, — вѣдь мнѣ стоитъ свиснуть, — и въ одинъ мигъ станетъ къ ружью сотни четыре казаковъ и шляхты... Понялъ?..

Но старый Войцѣхъ сомнительно покачалъ головой.

— Не вѣрьте, пане... Не полагайтесь на нихъ! пробормоталъ онъ.

— Какъ такъ?

— Все это хлопы, еретики-схизматики... Они выдадутъ, продадутъ васъ...

Панъ Казиміръ усмѣхнулся и покрутилъ усъ.

— Нѣтъ, ты совсѣмъ одурѣлъ, Войцѣхъ! говорилъ онъ. — Ты очень ужь старъ становишься!.. Меня продадутъ казаки... Меня!.. Да ты мнѣ скажи только: какой панъ платитъ такое жалованье этимъ самымъ казакамъ, и такъ прекрасно ихъ одѣваетъ, какъ я? — Однако будетъ, — спать хочется! — И панъ Заремба зѣвнулъ на весь домъ. — Ступай-ка и ты, ложись, старый!.. А завтра утромъ, — вотъ ты посмотри только, какую охоту

устроимъ мы!.. Да, будь я—не я, если этотъ Павлюкъ не сядетъ у меня на́ палъ *)!..

И старый Войцѣхъ ушелъ, грустный, печальный... Онъ такъ любилъ папа, готовъ былъ за него жизнь отдать!.. Вѣдь онъ помнитъ его еще вотъ такимъ маленькимъ... Онъ часто сиживалъ у него на колѣняхъ и дергалъ ручонкою за его, тогда еще не сѣдые, усы...—И Войцѣхъ всю ночь не смыкалъ глазъ. Онъ то, какъ тѣнь, бродилъ по всѣмъ комнатамъ, присматривался, прислушивался,—то опять возвращался въ свою каморку, и все вздыхалъ, тяжело такъ и покачивалъ головою...

Стась тоже долго не могъ уснуть. Онъ все ворочался съ боку на бокъ, прислушиваясь къ завываньямъ мятели и, порою, вздрагивая... Онъ не боялся нисколько. Нѣтъ! — Да и чего-жь ему было бояться? — Ну, нападетъ на за́мокъ Павлюкъ со своей шайкой... Паны вооружатся; вооружатся казаки, дворня, — и отразятъ нападеніе... Да, отразятъ навѣрное... Вѣдь здѣсь прекрасныя ружья, пушки... Онъ давече самъ видѣлъ: пушки, мѣдныя, съ такими большими жерлами... Ну, гдѣ-жь имъ справиться!.. — А если и одолѣетъ Павлюкъ... Ну, что-жь изъ этого? — Вѣдь онъ навѣрно не тронетъ ни Стася, ни его отца, ни матери, ни сестры Зоси, ни ея мужа... Вѣдь онъ самъ говорилъ тогда... Стась вспомнилъ его слова тамъ, невдалекѣ отъ корчмы, въ лѣсу: «Ѣзжай, пане, съ Богомъ! Мы добрыхъ пановъ не ру́шимъ!..»—Онъ вспомнилъ и тѣ слова Павлюка, которыя слышалъ отъ него въ его хатѣ: «Будь только такимъ-же добрымъ, какъ твой отецъ, — и васъ никто пальцемъ не тронетъ»!.. — И Стась думалъ, увѣренъ былъ, что Павлюкъ совсѣмъ не такой злой, какъ говорятъ о немъ... Зaремба его называлъ старымъ волкомъ; въ Маювкѣ ребята боялись тоже его, какъ огня, и говорили, что онъ давно проклятъ Богомъ и продалъ

*) На́ колъ.

свою душу нечистому, что онъ кровопивецъ... Неправда!.. Стась помнитъ, вотъ какъ теперь, эту первую встрѣчу со старикомъ въ лѣсу; помнитъ дальнѣйшее ихъ знакомство... Нѣтъ, въ Павлюкѣ не было ничего страшнаго, и онъ совсѣмъ не глядѣлъ звѣремъ... Да, правда, худой, страшно худой; усы предлинные-длинные, и изъ подъ сѣдыхъ, косматыхъ бровей глядятъ черные, сверкающіе глаза... Но и въ этихъ глазахъ не было ничего страшнаго — нѣтъ, они ласково такъ смотрѣли на Стася и улыбались; голосъ звучалъ мягко и нѣжно... И этотъ добрый, хорошій старикъ вдругъ оказался страшнымъ разбойникомъ!.. Его всѣ боялись и ненавидѣли... Онъ, говорятъ, лилъ много крови; рѣзалъ и вѣшалъ пановъ, ксендзовъ; убивалъ дѣтей даже!.. Какъ-же такъ? Почему?—И Стась долго не могъ ничего понять. Но теперь онъ понималъ кой-что: ему много чего разсказывалъ о Павлюкѣ панъ Болеславъ. Онъ говорилъ, что было время когда-то, но только давно ужь, очень давно, — и Павлюкъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ былъ добрымъ, хорошимъ, трудолюбивымъ... Онъ мухи тогда не убилъ-бы, кажется, не только что человѣка! Но вотъ разъ какъ-то, въ его отсутствіе, напали на его хату нѣсколько злодѣевъ поляковъ. Они убили его жену и ребенка, которыхъ онъ страстно, безумно любилъ... И Павлюкъ изъ человѣка вдругъ превратился въ звѣря... Страшная злоба вдругъ закипѣла въ его сердцѣ, и онъ рѣшился мстить: кровь за кровь!..

— Да, грустно говорилъ панъ Болеславъ,—та́къ было! Изъ пѣсни слова не выкинешь!.. Но видишь-ли, Стась, въ чемъ дѣло... Если-бъ Павлюкъ былъ истиннымъ христіаниномъ, и еслибъ онъ былъ поумнѣе... ну, какъ говорятъ, образованнѣе, — онъ заглушилъ-бы тогда въ сердцѣ эту слѣпую злобу... Но онъ человѣкъ темный, грубый, слѣпой человѣкъ, Стась... И, вотъ, эта злоба совсѣмъ ослѣпила его, отуманила ему голову, и онъ забылъ, что Господь запретилъ лить кровь за кровь, а велѣлъ прощать своимъ

врагамъ и любить ихъ!.. — Грабовскій умолкъ и заходилъ по комнатѣ.

— А что касается меня, Стась, продолжалъ онъ. — Мнѣ жаль этого человѣка, да, страшно жаль!.. Вѣдь онъ несчастнѣйшій изъ несчастныхъ!.. Онъ заставляетъ страдать другихъ, но и самъ не менѣе ихъ страдаетъ и мучится!.. Но, все таки, мнѣ сдается... Когда-нибудь (если его не поймаютъ только, и онъ не сложитъ свою буйную голову)—на Павлюка вдругъ найдетъ раскаяніе... Онъ броситъ ножъ, уйдетъ въ монастырь и будетъ тамъ молиться и каяться, до своей смерти... А дай Богъ, чтобъ именно такъ случилось!.. Такіе примѣры были!.. *)

Мятель выла и бушевала на улицѣ, и Стась долго прислушивался къ ея завываньямъ, не могъ глазъ сомкнуть. Только подъ утро уснулъ онъ. И приснился ему Павлюкъ, но не злой и не страшный, а такой, какимъ онъ видѣлъ его въ его хатѣ. Онъ улыбался своей грустной улыбкой и говорилъ: «Что-жь, ѣшь, хлопчику, медъ-то... Скоро уѣду я, — все пропадетъ даромъ, — и пчелы всѣ разлетятся»...

Какая-то суетня въ домѣ, шумъ, гамъ вдругъ разбудили Стася. Онъ открылъ глаза. Въ окно еще чуть брезжилъ разсвѣтъ. — Что тамъ такое? Ужь не Павлюкъ-ли? пришло ему въ голову. Онъ приподнялся съ постели... Панъ Ромуальдъ еще крѣпко и безмятежно спалъ, и видѣлъ, должно быть, веселое что нибудь: онъ улыбался... Мятель совсѣмъ унялась; вѣтеръ стихъ, и только легкій снѣжокъ порошилъ въ окна. Стась слы-

*) И, точно, такіе примѣры были въ то смутное, тяжелое время... Съ одной стороны, случалось, что старикомъ, проведшимъ чуть не десятки лѣтъ въ какомъ-нибудь монастырѣ,—вдругъ точно овладѣвала нечистая сила. Онъ сбрасывалъ съ себя рясу, бросалъ четки, брался за ножъ и начиналъ разбойничать съ гайдамаками. Съ другой стороны, — отъявленнѣйшіе разбойники и душегубы вдругъ раскаивались. Они запирались въ монастыри, надѣвали власяницы, вериги, — и замаливали тамъ свою многогрѣшную жизнь...

шалъ, какъ заскрипѣлъ ключъ въ громадномъ замкѣ воротъ, и онѣ съ шумомъ вдругъ распахнулись... Гдѣ-то заржала лошадь...

— Эге! послышался вдругъ голосъ пана Зарембы. — Панъ Пшонка! Гдѣ ты? Вели сѣдлать лошадей, заряжать ружья и пистолеты!.. Чтобъ все сейчасъ-же было готово, въ десять минутъ!.. Войцѣхъ! Ступай, старый хрычъ, буди пановъ!.. Чего они заспались, — пора!..

— Не спите, панъ Ромуальдъ?—И Заремба слегка стукнулъ въ дверь. — Вставайте, ѣдемъ!..

Стась потянулъ себѣ на голову одѣяло и притворился спящимъ. — Нѣтъ, не Павлюкъ это: это сбираются на *охоту* за Павлюкомъ!..

Заремба ввалился въ комнату.

— Ну, будетъ, панъ, спать — вставайте! говорилъ онъ. — Скоро ужь семь часовъ. Закусимъ немножко, чѣмъ Богъ послалъ, на дорожку, — и ѣдемъ!

— Куда?

— Какъ куда? изумился Заремба.—Да на охоту за старымъ волкомъ... Забыли развѣ?

— Аа!.. протянулъ панъ Ромуальдъ. — Не забылъ... Но только, знаете, панъ Казимiръ, — увольте!..

— Какъ такъ увольте? Зачѣмъ увольте?.. все болѣе и болѣе изумлялся Заремба.

— Да такъ... Какой я охотникъ!.. Вѣдь я ужь лѣтъ десять, пожалуй, ружья не бралъ въ руки... Да, наконецъ, старость и ревматизмы...

— Ста-арость! гаркнулъ панъ Казимiръ. — Да вы въ умѣ, пане? Вамъ сколько лѣтъ? А? Пятьдесятъ?.. Есть-ли еще пятьдесятъ-то? А мнѣ... вы знаете?..

— Ну, мнѣ не тягаться съ вами, — куда ужь! польстилъ панъ Ромуальдъ. — Такихъ молодцовъ, какъ вы, и среди молодежи не много сыщешь!..

— Д-да! усмѣхнулся панъ Казиміръ и покрутилъ усъ.—По правдѣ сказать, молодежь нынѣшняя—тьфу!—вотъ что!.. Вѣрно!.. Такимъ-ли я былъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда я... Да что вспоминать тутъ! — И панъ Зарeмба махнулъ рукой. — Теперь ужь не-е то-о, шановный панъ Ромуальдъ, — не-е то-о!.. — Однако будетъ и вамъ старикомъ прикидываться! Вставайте, — ѣдемъ!..

— Нѣтъ, ужь, увольте, пане!..

— Эхъ, вы — увольте!.. Ну, ладно, Господь съ вами! Оставайтесь здѣсь съ пани Гертрудой, хозяйничайте, — а мы ѣдемъ! — И панъ Казиміръ вышелъ.

Прошло минутъ десять, — и весь зáмокъ былъ на ногахъ. Въ комнатахъ слышались оживленный говоръ и смѣхъ... Во дворѣ тоже кипѣла какая-то дѣятельность... Стась быстро всталъ и подошелъ къ окну.

— Какъ? ты проснулся? удивился панъ Ромуальдъ.

— Да, папочка, я ужь давно не сплю...

Мальчикъ протеръ запотѣвшее стекло окна и глянулъ во дворъ... Тамъ шли такія-же приготовленія, какъ и ко вчерашней охотѣ. Но, впрочемъ, нѣтъ, не совсѣмъ такія... Здѣсь не было ни псарей, ни загоно́вой шляхты, съ охотничьими рогами черезъ плечо; ни толпы крестьянъ, вооруженныхъ вилами и заостренными кольями, ребятишекъ; не было легкихъ санокъ... Нѣтъ, весь дворъ, на сколько это Стась могъ разглядѣть, — былъ наполненъ верховыми казаками, съ винтовками за плечами, длинными пиками и саблями, и такими-же вооруженными шляхтичами. Всѣхъ было не меньше трехсотъ человѣкъ.

Панъ Ромуальдъ одѣлся и вошелъ со Стасемъ въ одну изъ обширныхъ залъ зáмка, откуда слышались говоръ и смѣхъ... Тамъ, при свѣтѣ нѣсколькихъ канделябровъ, собрались ужь почти всѣ гости пана Зарембы, участвовавшіе во вчерашней охотѣ. Иные изъ нихъ, очевидно, еще не совсѣмъ выспались и громко

зѣвали... Кто заряжалъ пистолеты, кто осматривалъ охотничью дубельтувку, продувалъ стволы и ввинчивалъ другіе кремни въ курки. Иные пробовали лезвея сабель на пальцѣ и, затѣмъ, вполнѣ довольные остротой, опускали ихъ опять въ ножны... На двухъ-трехъ громадныхъ столахъ былъ ужь накрытъ «легкій» завтракъ, и виднѣлись цѣлыя батареи бутылокъ. Прислуга суетилась вокругъ столовъ, то и дѣло, наливая осушенные кубки...

— Да! говорилъ панъ Жигота и молодецки крутилъ сивый усъ.—Такого стараго волка, какъ этотъ Павлюкъ, взять будетъ не трудно... Я полагаю, такъ... Это не Чортовусъ... Слыхалъ панъ объ этомъ разбойникѣ?

— Кто не слыхалъ объ немъ! пробормоталъ панъ Заблоцкій. — Чтобъ вѣчно ему горѣть въ адскомъ огнѣ, проклятому!.. Сколько онъ зла натворилъ!..

— Да, такъ вотъ, помню я, какъ сейчасъ... Панъ Любомірскій давно ужь сбирался поймать этого негодяя, — и, вотъ, наконецъ, собрался... Согнали мы мужиковъ съ околицъ, — пожалуй, такъ съ тысячу человѣкъ, если не больше, съ косами, топорами, вилами; собрали шляхту, казаковъ... Были у насъ и пушки, — штукъ двадцать, кажется... И отправились. Разбойники скрылись въ лѣсу, на болотѣ. Мы окружили ихъ, оцѣпили со всѣхъ сторонъ. А они спятъ себѣ у костровъ, и въ усъ не дуютъ... Но вотъ панъ Любомірскій махнулъ платкомъ, — и, Господи, какой поднялся вдругъ трескъ и гулъ!.. Заработали топоры по соснамъ, — деревья валятся со всѣхъ сторонъ грудами... Ну, думаемъ, — теперь-то ужь вы попались, голубчики: ни откуда выходу!.. Грянули пушки, — и пошелъ тутъ переполохъ!.. — Сдавайтесь! кричимъ.— Молчатъ, канальи... А сосны все валятся, валятся... Многихъ изъ нихъ придавило; многихъ перестрѣляли мы, какъ кротовъ въ норкахъ... Иные на сосны лѣзутъ, — отстрѣливаются, а наши въ нихъ!.. И валятся они, точно груши, съ деревьевъ!..

— Д-да! Славно!.. не выдержалъ панъ Заблоцкій и даже руки потеръ отъ удовольствія.

— Такъ цѣлый день прошелъ въ этой осадѣ, продолжалъ Жигота. — А они и слышать ничего не хотятъ о сдачѣ... Да, надо отдать имъ справедливость: храбры, смѣлы, разбойники!.. Сдаваться они не любятъ (еще бы: знаютъ, что́ ожидаетъ ихъ!).— Они или лягутъ всѣ, до единаго, или пойдутъ на проломъ...—Такъ и случилось... Вдругъ слышимъ мы крикъ въ лѣсу, точно медвѣдь рявкнулъ: «а, ну, хлопцы, або добу́ти, або дома не бу́ти!..» *) — Это у нихъ такой лозунгъ, знаете, вродѣ, какъ-бы: «со щитомъ, иль на немъ»...—И Жигота вдругъ усмѣхнулся.— Рыцарская тоже честь, — какъ-же!.. Потомъ вдругъ топотъ конскій послышался, — и показались они передъ нами въ лѣсу, конные,—отрядъ не малый!.. На проломъ думали,—нѣтъ ужъ!.. Лѣзутъ они, какъ черти, а мы ихъ изъ пушекъ да изъ винтовокъ жаримъ!.. — Всѣ полегли до единаго, и Чортовусъ съ ними... Иныхъ пристрѣлили мы, точно зайцевъ, иные завязли въ болотѣ...— Да! Это, вотъ, дѣло было! заключилъ Жигота. — Объ этомъ стоитъ припомнить!.. А Павлюка мы живого возьмемъ... Это не Чортовусъ!..

— Что́ панъ Жигота тамъ говоритъ? послышался голосъ,— и къ нимъ подошелъ Заремба.

— Да, вотъ, я разсказывалъ, какъ мы съ Любомірскимъ добывали этого Чортовуса... Но это, вѣдь, именно самъ чортъ былъ,—не человѣкъ, просто!.. А Павлюка мы живьемъ возьмемъ!

— Д-да!.. гаркнулъ Заремба.—И я вчера вамъ поклялся въ этомъ... Клянусь и сегодня: будь я не я, если не притащу эту собаку старую на веревкѣ въ за́мокъ!.. И притащу,—хоть мнѣбы пришлось проохотиться за нимъ цѣлый мѣсяцъ!.. — И такъ,

*) А, ну, хлопцы, али добыть, али дома не быть!

папо́ве, — мы закусили немножко, выпили... Теперь пора, — ѣдемъ!..

Стась долго слѣдилъ изъ окна за удаляющейся «охотой», и невеселыя думы носились у него въ головѣ... — «Возьмутъ его, или нѣтъ? думалъ онъ.—Возьмутъ, пожалуй... Вѣдь сколько ихъ собралось! Съ ружьями, съ пистолетами, съ саблями!.. Оцѣпятъ они ихъ, какъ Чортовусову шайку, и всѣхъ перестрѣляютъ до одного... Убьютъ и стараго Павлюка тоже... Но, впрочемъ, панъ Казиміръ поклялся живымъ взять его, притащить на веревкѣ... И что́ будетъ съ нимъ? Казнятъ его... посадятъ на́ колъ!..»—И даже дрожь пробѣжала по тѣлу мальчика отъ одной этой мысли...— Но вотъ и послѣдній всадникъ скрылся вдали... Стась тяжело вздохнулъ и отошелъ отъ окна...

— Папочка... Мнѣ скучно... Домой хочется!.. говорилъ онъ.

— Неловко, голубчикъ мой!.. Я обѣщалъ Зарембѣ дождаться его...

— А ка́къ ты думаешь: поймаетъ онъ Павлюка?.. Притащитъ его на веревкѣ въ за́мокъ?..

— Не знаю, милый...

Стась помолчалъ немного.

— Мнѣ жаль его, папочка... страшно жаль!.. робко какъ-то заговорилъ онъ. — Онъ бѣдный такой, несчастный... За нимъ, точно за волкомъ, гоняться будутъ... Поймаютъ его... казнятъ...

— Такъ что-жь изъ этого, Стась? Развѣ онъ не заслужилъ казни? Ты не слыхалъ, сколько злодѣйствъ онъ сдѣлалъ?..

— Да, слышалъ, слышалъ... Но панъ Болеславъ мнѣ говорилъ, папочка...

— Что́ говорилъ?

— Онъ говорилъ, отчего Павлюкъ сдѣлался такимъ злымъ.— И Стась разсказалъ отцу, что слышалъ отъ Болеслава.

— Да, я тоже слыхалъ про эту исторію... Но это еще не оправдываетъ его, Стась!..

— Онъ, говорятъ, убиваетъ только однихъ злыхъ пановъ, а добрыхъ не трогаетъ... Вотъ и тебя тогда, помнишь,—въ лѣсу?.. Панъ Ромуальдъ смутился немного. Онъ помнилъ.

— Ну, что-жь изъ этого? говорилъ онъ.—«Злыхъ» пановъ, какъ называешь ты, будетъ карать самъ Богъ... Они Ему одному должны дать отчетъ, а не какому нибудь, тамъ, разбойнику... Да и кто тебѣ говорилъ о *злыхъ* панахъ?.. подчеркнулъ онъ. — Ты еще слишкомъ молодъ, Стась, чтобы судить объ этомъ!.. Да и имѣешь-ли ты понятіе о добрѣ и злѣ?..

Стась, съ удивленіемъ, почти со страхомъ, взглянулъ на отца. Голосъ того звучалъ какою-то, совсѣмъ не свойственною ему, строгостью. И панъ Ромуальдъ самъ замѣтилъ это.

— Послушай-ка, Стась, заговорилъ онъ ужь совсѣмъ другимъ тономъ и ласково потрепалъ его по плечу. — Смотри-ка, какая сегодня погода чудная!.. Солнышко ярко свѣтитъ... Поди, погуляй немного; взгляни на деревню, — ты, кстати, почти совсѣмъ не видѣлъ ее...

Стась молча повиновался и вышелъ изъ комнаты.

На улицѣ, не смотря на праздничный день, почти совсѣмъ не виднѣлось народу. Только собаки рыскали, тамъ и сямъ, съ громкимъ лаемъ, гоняясь за воронами и воробьями... Изрѣдка попадались на дорогѣ отдѣльныя группы хлоповъ, человѣкъ въ пять-шесть. Они оживленно говорили о чемъ-то, размахивая руками... Но, замѣтивъ Стася, они вдругъ смолкали, неохотно снимали шапки передъ паничемъ, и не особенно дружелюбно поглядывали на него... — Но вотъ Стась замѣтилъ какого-то низенькаго, толстаго человѣка. Онъ приближался къ нему, щуря отъ солнца маленькіе, заплывшіе жиромъ, глазки. Стась тотчасъ узналъ его. Онъ видѣлъ его вчера за обѣдомъ. Это былъ капелланъ пана Зарембы, о. Августинъ, человѣкъ до такой степени веселый и говорливый, что его смѣхъ, говоръ, шутки — ни на минуту не умолкали вчера и выдавались изъ всей компаніи...

— Нехъ бéндзе похвалёны Іезусъ Христусъ!.. пробормоталъ Стась, подходя къ нему.

— На вѣки вѣкувъ. Amen!—О. Августинъ, съ серьезнымъ видомъ, благословилъ его. И вдругъ широкая улыбка озарила его полное, круглое, пылавшее румянцемъ, лицо...

— А, мой молодой другъ!.. — заговорилъ онъ. — Ясь, кажется?..

— Стась.

— Да, Стась... Скажи-же ты мнѣ, пожалуйста: зачѣмъ ты вчера сидѣлъ за столомъ такимъ букой?.. Муха тебя укусила какая? — Да, вѣдь, теперь зима, — нѣтъ мухъ!..

— Такъ... Скучно было... — пробормоталъ Стась.

— Ску-учно? — И о. Августинъ вытаращилъ глаза. — Это, при такой музыкѣ, при такомъ говорѣ, смѣхѣ!.. Да, наконецъ, развѣ можно скучать въ твои лѣта?.. О, юноша, устыдись!.. А «gaudeamus igitur, juvenes dum sumus»...[1]). Слыхалъ?.. — Вѣдь ты не только молодъ, — малъ еще, и потому тебѣ веселиться надо... Охоту видѣлъ вчера?

— Да.

— Понравилась?

— Да, понравилась...

— Ну, еще-бы!.. Жаль только, что санъ мой не дозволяетъ, а то-бы я... Однако, куда-ты пошелъ? Гулять?

— Да.

— И прекрасно! Гуляй, наслаждайся воздухомъ!.. И будь веселъ, — главное... Ну, улыбнись! Засмѣйся!.. Вотъ такъ!.. — Ксендзъ ущипнулъ его слегка за щеку и, весело крякнувъ, зашагалъ впередъ, слегка отдуваясь и пыхтя на ходу...

А вонъ у какой-то хаты, столпилась кучка народу: Тутъ были и мужчины, и женщины... Среди нихъ Стась узналъ од-

---

[1]) И такъ будемъ веселиться, пока мы молоды...

ного, — Ониська. Онъ былъ порядочно выпивши и о чемъ-то хныкалъ...

— Ну, ладно, полно, Онисько! — утѣшали его. — Чего тутъ плакать?.. — Да развѣ возьмутъ его? — Павлюка-то!.. Нѣтъ, не таковъ онъ... Живымъ не дастся!..

— Ой, возьмутъ его, люди добрые!.. Ой, возьмутъ!.. — хныкалъ Онисько. — Вы видѣли: сила какая!.. Помните Морозенку?..

— Такъ то́ Морозенко, а это Павлюкъ, Онисько!..

— Выпьетъ, вотъ, человѣкъ, — и давай ему страхи разные представляться!.. — ворчалъ какой-то старикъ. — А тверезый то́ говорилъ развѣ?.. — Нѣтъ, Павлюка, говорилъ, въ жизнь не взять!.. А теперь что́? — Э-эхъ!.. — И онъ укоризненно покачалъ головой. — Совсѣмъ пить хлопцу не слѣдуетъ!..

— Не взять имъ Павлюка, чортовымъ дітямъ! — горячо говорилъ какой-то высокій и статный па́рубокъ. — Не видать имъ его, какъ ушей своихъ!.. Не безпокойся, Онисько!..

Но Онисько только махнулъ рукой и опять захныкалъ.

Стась поравнялся съ этой толпой, — и разговоръ разомъ смолкъ. Всѣ поглядывали на мальчика какъ-то недружелюбно и подозрительно. И это удивило его...

Вдругъ гдѣ-то на дальнемъ концѣ улицы, послышался крикъ, гиканье, — и изъ-за угла вылетѣлъ своеобразный поѣздъ... Стась съ изумленіемъ остановился.

Въ легкихъ саночкахъ запряжено было человѣкъ двѣнадцать мальчишекъ, «гуськомъ», — а въ санкахъ сидѣлъ долговязый Броня, наслѣдникъ пана Зарембы. — Теперь ужь онъ не имѣлъ того испуганнаго и приниженнаго вида, какъ тамъ, въ залѣ, когда онъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, прислушивался къ разговорамъ гостей... Нѣтъ, Броня совершенно преобразился. Лицо его раскраснѣлось отъ удовольствія; глаза блестѣли. Онъ дергалъ возжами, гикалъ на ребятишекъ и щелкалъ длиннымъ бичомъ, — порой, задѣвая имъ довольно чувствительно кого ни-

будь изъ везущихъ, такъ что тотъ вскрикивалъ... — И поѣздъ летѣлъ по улицѣ бойкой рысью...

— Сто-ой!.. — скомандовалъ вдругъ Броня. — Тпру!..

Ребята остановились.

— Эй, ты... ка́къ тебя тамъ?... — крикнулъ наслѣдникъ Зарембы Стасю. — Панъ Маевскій! Поди-ка сюда на минутку!

Стась подошелъ.

— Тебя какъ зовутъ?

— Стасемъ.

— А гдѣ ты учишься?

— У о. о. піаровъ...

— Аа!.. Ну, а я въ іезуитской коллегіи... Тамъ лучше учатъ, чѣмъ у піаровъ, и дерутъ не такъ часто... А тебя, поди, каждый день порютъ? А?..

Стась обидѣлся.

— Меня еще ни разу не сѣкли!..

— Ну, это ты врешь, братъ, — дудки!.. А тебѣ сколько лѣтъ?

— Одиннадцатый.

— А мнѣ четырнадцать скоро... А драться умѣешь?

— Не пробовалъ.

— А, ну, такъ попробуемъ!—И Броня, моментально выскочивъ изъ саней, засучилъ рукава и сталъ въ позу.

— Да я совсѣмъ не хочу драться! — протестовалъ Стась.

— Захо-очешь!.. На-ка, вотъ, получи въ задатокъ!—И онъ хватилъ его кулакомъ въ ухо.

Стась отскочилъ, смѣрялъ глазами противника и, вдругъ, сжавъ кулаки, бросился на него. Черезъ минуту Броня барахтался ужь въ снѣгу, а Стась, усѣвшись на немъ верхомъ, съ самымъ побѣдоноснымъ видомъ, «накладывалъ» ему въ шею... Противникъ его оказался куда слабѣе его, не смотря на свои четырнадцать лѣтъ...

— Ну, ладно, пусти... будетъ!... — хрипѣлъ онъ. — Ишь, ты силачъ какой!.. Я и не думалъ...

— То-то, вотъ! — И Стась отпустилъ его.

Броня вскочилъ на ноги, отряхнулся, потеръ себѣ шею, — и вдругъ протянулъ Стасю руку, съ самымъ любезнымъ видомъ...

— Да ты молодецъ, братъ! Силачъ!.. — говорилъ онъ. — Хочешь, будемъ друзьями?..

Но Стась отвернулся и пошелъ дальше.

Побѣжденный противникъ, молча, поглядѣлъ ему вслѣдъ, посвисталъ, тряхнулъ головой...

— Ишь ты, гордецъ какой!.. — пробормоталъ онъ. — А сильный, куда сильный, чортъ побери!..

Затѣмъ онъ опять комфортабельно усѣлся въ санкахъ, подобралъ полы жупана и, щелкнувъ бичомъ, крикнулъ:

— Ну, вы, клячи стоялыя! Трогай!..

И «клячи» тронулись и побѣжали опять бойкою рысью.

Прошелъ день, наступилъ вечеръ, — а панъ Заремба съ гостями не возвращались... Но, впрочемъ, объ нихъ нисколько не безпокоились. Никто и не сомнѣвался, что, если имъ удастся напасть на слѣдъ шайки стараго Павлюка, — то они разобьютъ ее въ пухъ и въ прахъ, а самого Павлюка торжественно привезутъ въ зáмокъ...

О. Августинъ, еще послѣ завтрака, ушелъ въ свою комнатку, досталъ бумаги, чернила, перо, и усѣлся сочинять рѣчь, на латинскомъ языкѣ, разумѣется. Въ этой рѣчи (а образцомъ ей служили произведенія римскихъ классиковъ), онъ прославлялъ торжество побѣдителей. Пана Зарембу онъ сравнивалъ съ Македонскимъ героемъ, покорившимъ весь свѣтъ и зачастую приводившимъ плѣнныхъ царей, точно простыхъ рабовъ, прикованными къ своей колесницѣ. Потомъ онъ сравнивалъ его съ Киромъ персидскимъ, съ Даріемъ, Ганнибаломъ, Юліемъ Цезаремъ и

прочими героями древности.—«Побѣдитель достоинъ лавровъ»—заканчивалъ онъ свою рѣчь,—«но, увы, лавры не ростутъ подъ небомъ Польской Украйны! А потому мы можемъ доставить ему только тріумфъ!...» — И о. Августинъ позаботился объ этомъ тріумфѣ. Онъ приказалъ, какъ только наступитъ ночь, вездѣ разложить костры, чтобъ они освѣщали путь побѣдоносцымъ воинамъ... Приказалъ зарядить всѣ пушки, и, какъ только побѣдители вступятъ въ Дембувку,—стрѣлять изъ нихъ непрерывно... Ворота онъ приказалъ растворить настежь, и на́скоро соорудилъ въ нихъ что-то вродѣ тріумфальной арки, украшенной флагами, лентами, бантами... Въ этомъ ужь принимала дѣятельное участіе сама пани Гертруда съ другими дамами.

Но вотъ и ночь наступила,—а «побѣдителей» все нѣтъ, какъ нѣтъ... Стась ужь давно спалъ крѣпкимъ сномъ, и не видалъ онъ этой великолѣпной иллюминаціи... Въ Дембувкѣ повсюду пылали костры, подвергая опасности спалить всю деревню, не исключая, пожалуй, и самого за́мка, — и отъ нихъ стояло въ небѣ цѣлое зарево... За́мокъ тоже былъ освѣщенъ сверху до низу,—и весь дворъ сіялъ огнями отъ нѣсколькихъ сотъ цвѣтныхъ фонарей... Въ за́мкѣ никто не спалъ (за исключеніемъ Стася), всѣ ждали... Но ночь такъ и прошла; забрезжилъ разсвѣтъ,—а пана Зарембы и его гостей все еще не было!..—Веселый о. Августинъ вдругъ призадумался и нахмурилъ брови: придуманные имъ эффекты иллюминаціи пропали даромъ,—и оставалась одна только тріумфальная арка, да пушки, готовыя ежеминутно начать оглушительную пальбу...

Но вотъ, ужь часовъ въ десять утра, часовой, стоявшій на башнѣ за́мка, далъ знакъ... Грянула пушка; за нею другая, третья, четвертая... И началась цѣлая канонада... Всѣ обитатели за́мка высыпали на дворъ. Вышелъ и панъ Ромуальдъ со Стасемъ. О. Августинъ давно ужь стоялъ на башнѣ и смотрѣлъ въ зрительную трубу...

— Поймали! ведутъ!.. радостно закричалъ онъ.—Конечно... Я такъ и зналъ, такъ и думалъ!..

У Стася замерло и тревожно забилось сердце... — И вотъ показалась торжественная процессія... Панъ Казиміръ съ гордымъ, побѣдоноснымъ видомъ самого Цезаря, ѣхалъ впереди отряда... За нимъ двигались паны: Трембинскій, Войткевичъ, Жигота, — и у всѣхъ былъ тоже такой видъ, какъ будто они разбили громадную армію... Панъ Казиміръ сдержалъ слово. Къ лукѣ его сѣдла было привязано за веревку что-то, — и это что-то волочилось по снѣгу... Стась посмотрѣлъ, — и даже глаза зажмурилъ; дрожь пробѣжала у него по тѣлу... Да, это былъ онъ, старый Павлюкъ!.. Но, Боже, какимъ онъ выглядѣлъ теперь страшнымъ!.. Со связанными за спиной руками, безъ шапки, блѣдный, худой, — онъ, точно заправскій волкъ, злобно щелкалъ зубами, и его черные глаза горѣли, какъ уголья!.. И сколько въ нихъ было злобы, ненависти, презрѣнія!..

И вотъ побѣдители въѣхали чрезъ тріумфальную арку во дворъ, при громѣ пушекъ и ружейныхъ залповъ... О. Августинъ стоялъ уже на крыльцѣ, въ «классической» позѣ, съ приподнятою кверху рукой и торжествующею улыбкою на лицѣ. Онъ далъ знакъ, и пальба смолкла. — Полилась плавная рѣчь (ксендзъ вызубрилъ ее безъ запинки),—и панъ Казиміръ и его свита имѣли счастіе слышать, какъ ихъ сравнивали съ лучшими героями древности, «имена которыхъ никогда не умрутъ, на вѣки вписанныя на скрижаляхъ исторіи»... По правдѣ сказать, о. Августинъ пересолилъ немного,—но иначе, вѣдь, и нельзя было: такъ принято! — Онъ говорилъ съ совершенно серьезнымъ видомъ; а панъ Казиміръ и его гости слушали его такъ-же серьезно, и, въ эти минуты, они не на шутку воображали себя героями...

Но вотъ, наконецъ, всѣ торжественно вступили въ домъ. Связаннаго Павлюка стащили въ какой-то амбаръ и заперли

тамъ до завтра, до рѣшенія его участи, — а ключи отъ амбара панъ Казиміръ взялъ къ себѣ.

— Такъ вотъ, панове, говорилъ Заремба, уже за обѣдомъ, наливая кубокъ венгерскаго.—Какъ видите, я сдержалъ слово!.. И то, правда: я никогда не люблю говорить на́ вѣтеръ... — И такъ, завтра утромъ, мы всѣ соберемся здѣсь и устроимъ судъ надъ этимъ разбойникомъ... По jus gladii, въ 24 часа...

— Меня увольте, шановный пане, говорилъ панъ Ромуальдъ. — Мнѣ ужь домой пора.

— Ни подъ какимъ видомъ! рявкнулъ Заремба. — Ни подъ какимъ видомъ!.. Вы тоже должны быть членомъ суда и изречь свой приговоръ... Да! Довольно ужь и того, панъ Ромуальдъ, что вы отказались участвовать въ этой травлѣ...

— Но мнѣ, право, надо...

— Не выпущу ни за что!.. Сейчасъ-же прикажу запереть вашихъ лошадей въ конюшнѣ! шутилъ панъ Казиміръ. — Хотите — пѣшкомъ ступайте!..

Панъ Ромуальдъ только пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Да, очень жаль, что васъ съ нами не было! продолжалъ Заремба. — Охота вышла, право-же не дурная...

— Ну, все-же не то, что за Чортовусомъ!.. пробормоталъ Жигота.

— Положимъ... Но, все таки... Нашли мы этихъ разбойниковъ верстахъ въ сорока отсюда, въ лѣсу... Они тамъ расположились таборомъ... Ну, и пошла стрѣльба... Убили мы ихъ человѣкъ двѣсти, навѣрное... Якъ Бога ко́хамъ!.. У насъ потерь почти не было: смертельно ранили пятерыхъ казаковъ, да, вотъ, пану Войткевичу задѣли плечо — пулей... Но это пустяки: царапина!

— И такъ, мы перебили ихъ кучу!.. Дрались они очень недурно, правда... Но, все таки, въ концѣ концовъ, остальная часть шайки бѣжала... какъ зайцы,—и мы ихъ никакъ не могли

догнать... Они оставили и своего атамана, — и старый разбойникъ попался, какъ волкъ въ западню... Завтра получитъ онъ воздаяніе по заслугамъ!..

— Ваше здоровье, достопочтенный отецъ! вдругъ гаркнулъ онъ, и потянулся къ о. Августину съ кубкомъ.—Благодарю васъ за рѣчь!.. Она верхъ совершенства, — сама риторика!..

— Во мнѣ говорило сердце, панъ Казиміръ, скромно замѣтилъ польщенный ксендзъ.

И опять пошелъ пиръ горой, вплоть до поздняго вечера. Затѣмъ загремѣла музыка, и начались танцы... — Панъ Ромуальдъ со Стасемъ такъ и остались опять на ночь въ за́мкѣ...

XVIII.

...И опять Стась никакъ не можетъ заснуть и все ворочается съ боку на бокъ... И вертится въ его головѣ мысль, вертится неотступно и неотвязно... Стась просто боится ее, старается отогнать, — но не тутъ-то было! Крѣпко засѣла она въ его головѣ...—«Выпусти его! выпусти! выпусти!..» точно шепчетъ ему на ухо чей-то голосъ,— и Стась вздрагиваетъ въ испугѣ и прячетъ голову подъ одѣяломъ...

До поздней, глубокой ночи, гремѣли въ за́мкѣ звуки мазурки и краковя́ка. Гости плясали и веселились. — Слышался звонъ шпоръ танцующихъ, смѣхъ и говоръ... Порой, раздавался веселый, раскатистый хохотъ пана Зарембы.—Но вотъ, наконецъ, все смолкло, и гости разбрелись по разнымъ комнатамъ, на ночлегъ... Уснулъ и Стась, и даже крѣпко уснулъ... Но вдругъ его, среди ночи, точно разбудилъ кто. Онъ приподнялся и сѣлъ на постели...

Ночь была темная, мрачная... Черныя тучи, какъ клубы

дыма́, катились по небу; не было видно ни одной звѣздочки... Изрѣдка лишь луна проглядывала сквозь эти тучи; блѣдный свѣтъ ея слабо освѣщалъ комнату... Но луна опять пряталась, — и опять становилось темно и тихо... — Впрочемъ, не совсѣмъ тихо: со всѣхъ сторонъ раздавался храпъ: храпѣлъ панъ Ромуальдъ, храпѣли гости въ сосѣднихъ комнатахъ...

И вотъ Стась приподнялся и сѣлъ на постели. Сперва онъ былъ точно какой-то потерянный, и долго не могъ ничего сообразить и понять... Но вотъ вдругъ, какъ молнія, мелькнула въ его головѣ мысль: *Павлюкъ*! — и мальчикъ вздрогнулъ и зажмурилъ глаза...

И представилась передъ нимъ картина... Старикъ, страшно блѣдный, худой, въ какихъ-то лохмотьяхъ, забрызганныхъ кровью, съ сѣдыми, взъерошенными усами и дико сверкающими глазами... Вокругъ худого, костляваго, но прямого еще, стана его, точно змѣя, обвилась веревка... И торжествующій панъ Казиміръ держитъ въ рукѣ эту веревку и гордо поглядываетъ по сторонамъ, съ видомъ побѣдителя — полководца... — Но, Боже, какъ страшенъ этотъ, лежащій на снѣгу старикъ!.. Онъ злобно скрежещетъ зубами... Пусти его, развяжи, — и онъ, какъ волкъ, какъ бѣшеная собака, кинулся—бы на Зарембу и на его свиту, и разорвалъ-бы ихъ на клочки, растерзалъ зубами!..—Да, Стась помнитъ, вотъ какъ сейчасъ... Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на этого старика. Онъ никогда не видалъ его такимъ страшнымъ; онъ даже представить себѣ его не могъ такимъ!.. — Но вотъ ужасъ смѣнился вдругъ жалостью, страшной жалостью, — и сердце мальчика больно сжалось... Онъ видѣлъ, какъ связаннаго Павлюка схватили и потащили въ какой-то подвалъ, подземелье... Онъ слышалъ, какъ заскрипѣла на заржавленныхъ петляхъ дверь; видѣлъ, какъ старика толкнули въ эту темную, зіяющую дыру, — дверь снова захлопнулась, и зазвенѣлъ ключъ въ громадномъ замкѣ...—И вотъ старикъ въ подземельи... Какъ тамъ,

должно быть, страшно сыро и холодно!.. Какое тамъ множество крысъ и жабъ!.. А завтра... Что́ завтра ждетъ Павлюка?..—И все больнѣй и больнѣй сжимается и замираетъ сердце у Стася, и дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу!..

Мальчикъ опять легъ въ постель, закутался съ головою одѣяломъ, закрылъ глаза... Но сонъ бѣжалъ отъ него, и онъ все видѣлъ передъ собой старика, видѣлъ сырое, мрачное подземелье... И вдругъ эта мысль! Она испугала его... Да она могла испугать и не такого ребенка, какъ онъ... Выпустить... страшно сказать!.. Что́-жь это значитъ: выпустить? — А значитъ это вотъ что. Встать, вотъ, сейчасъ и тихо, такъ тихо, чтобы не услышалъ отецъ, одѣться; потомъ такъ-же тихо выйти изъ комнаты въ корридоръ, пробраться въ спальную пана Зарембы и украсть у него ключъ... Да, это легко сказать, но ка́къ это сдѣлать? — Скрипнула половица, наткнулся мальчикъ на что-нибудь, тамъ, въ потьмахъ... Проснулся кто нибудь, — и его увидали... «Кто ты? куда? зачѣмъ?..»—Ну, что̀ онъ на это скажетъ?

Но это еще туда-сюда... А что, если въ тотъ моментъ, когда онъ, пробравшись къ пану Зарембѣ, протянетъ руку къ ключу,— вдругъ панъ Казиміръ проснется и схватитъ его за эту руку? Что́ будетъ тогда? — Но, положимъ, что все это прошло благополучно. Стась вышелъ, — никто не видалъ, не слыхалъ его; пробрался онъ къ пану Зарембѣ, укралъ ключъ... А что́-же дальше? Вѣдь это еще половина дѣла.—Теперь остается пройти черезъ весь за́мокъ, не разбудивъ никого, и выйти во дворъ... А тамъ, конечно, есть сторожа, есть собаки...

Да, мысль, безумная мысль засѣла въ головѣ Стася, и привести ее въ исполненіе не было никакой возможности!.. Мальчикъ и не подумалъ даже, какія послѣдствія ожидаютъ его, если-бъ ему удалось выпустить старика. Нѣтъ, онъ думалъ только о томъ, ка́къ его выпустить? — Нѣтъ, никакъ нельзя, невозможно! — И Стась гонитъ отъ себя прочь эту мысль... Онъ все

плотнѣй и плотнѣй закутывается одѣяломъ, жмуритъ глаза, заснуть старается... Гдѣ ужь!..

И катятся черныя тучи по небу; изрѣдка сквозь нихъ проглядываетъ луна... Слышится храпъ гостей въ разныхъ комнатахъ... Но не будь только этого храпа, будь совершенно тихо, — мы навѣрно услыхали-бы въ тишинѣ сильное тукъ!.. тукъ!.. тукъ!.. Что это?—Это сердце колотится такъ въ груди у Стася...

Но вотъ луна опять выглянула изъ-за тучъ и освѣтила комнату... Мирно, спокойно спитъ панъ Ромуальдъ: одна рука его поверхъ одѣяла, другая—подъ головой... Тамъ, ближе къ стѣнкѣ, прижался Стась... И вдругъ одѣяло съ его стороны тихонько приподнимается, потомъ откидывается совсѣмъ, — и мальчикъ встаетъ на кровати... Луна освѣщаетъ его фигурку. Стась блѣденъ; на лбу крупныя капли пота,—зато въ глазахъ у него что-то... Да, что-то такое, что не всегда можно видѣть у дѣтей его возраста...

Стась подымается и, крѣпко сжимая рукой сильно бьющееся сердце, потихоньку перелѣзаетъ черезъ отца... И вотъ онъ на полу. Онъ одѣвается... Руки дрожатъ и плохо служатъ ему, — онъ никакъ не можетъ застегнуть своего жупанчика. И не надо!.. — Босой (сапоги подъ мышкой), Стась тихо — тихо проходитъ комнату и отворяетъ дверь. Она не скрипнула, — слава Богу!.. Темень — зги не видать! Но мальчикъ хорошо помнитъ расположеніе комнатъ. Онъ знаетъ, что если пройти черезъ сосѣднюю комнату, гдѣ помѣстились на ночлегъ двое какихъ-то пановъ, одинъ молодой, другой старый,—то будетъ корридоръ, а изъ этого корридора налѣво... Нѣтъ, впрочемъ, направо, — дверь въ комнату пана Зарембы.

И вотъ Стась ужь въ сосѣдней комнатѣ... Тукъ!.. тукъ!.. колотитъ у него въ груди сердце... А что какъ это «тукъ-тукъ» разбудитъ стараго или молодого пана?—Но нѣтъ, и тотъ и другой спятъ себѣ безмятежно, — храпятъ... — Корридоръ, — та-же

тьма, хоть глазъ выколи!.. И вдругъ Стась вздрогнулъ. Черезъ неплотно запертую дверь комнаты пана Зарембы пробивалась полоска свѣта... А что, если панъ Казиміръ не спитъ? — Но нѣтъ, — могучій храпъ, съ переливами и какимъ-то точно присвистываньемъ, явственно доносился изъ спальной... И Стась ужь смѣлѣе толкнулъ дверь; сперва потихоньку, потомъ сильнѣй, — и она отворилась... Стась на порогѣ. Онъ смотритъ на пана Зарембу. Тотъ крѣпко и безмятежно спитъ. Лампа дымитъ и коптитъ на столикѣ передъ кроватью... Но гдѣ-же ключъ... ключъ?.. Онъ, безъ сомнѣнія, подъ подушкой...—И вотъ Стась у кровати и протянулъ дрожащую руку къ подушкѣ спящаго... Вдругъ панъ Казиміръ шевельнулся, пробормоталъ что-то... Стась точно приросъ къ полу; сердце еще сильнѣй забилось у него въ груди, и холодный потъ выступилъ по всему тѣлу... Но панъ Казиміръ спалъ...

Не будемъ заглядывать въ душу мальчика и говорить, что̀ тамъ творилось въ ней въ то время, какъ шарилъ онъ подъ подушкой... Стась понималъ, что онъ поступаетъ нехорошо, скверно даже: онъ воровалъ... Мы скажемъ только, что ключъ, громадный, заржавленный ключъ былъ, наконецъ, въ рукѣ у мальчика, и этотъ блѣдный, дрожащій мальчикъ опять выходилъ изъ комнаты...

Тамъ, въ дальнемъ концѣ за̀мка, есть небольшая комнатка, и въ этой комнаткѣ живетъ старый Войцѣхъ. Вѣрнѣе, онъ только спитъ въ ней, а не живетъ. Старикъ на ногахъ весь день, до глубокой ночи; и весь день онъ бродитъ по за̀мку, заглядываетъ туда и сюда: все-ли въ порядкѣ, и не воруетъ-ли, сохрани Богъ, прислуга... Но дѣло, впрочемъ, не въ томъ... Давече, проходя мимо, Стась заглянулъ въ эту крошечную, но жарко-натопленную каморку... На маленькомъ шкапикѣ, подлѣ печки, онъ видѣлъ фонарикъ, а возлѣ него — кремень, огниво и трутъ... — И вотъ Стась укралъ ключъ, — теперь ему необходимо было украсть и

этотъ фонарикъ...—И Стась подвигается все впередъ и впередъ во мракѣ, сжимая рукою сердце... И чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ становилось все тише и тише... Раздававшіеся изъ всѣхъ комнатъ храпы гостей здѣсь ужь не слышались болѣе... Развѣ гдѣ слышался легкій пискъ мыши, царапанье...— Вдругъ мальчикъ едва не вскрикнулъ. Что-то такое, съ визгомъ, шмыгнуло у самыхъ его босыхъ ногъ... «Крыса! прошепталъ онъ. — Фу, ты!..»

А вотъ и комнатка Войцѣха... Старикъ крѣпко спалъ. Стась тихо пробрался къ нему, взялъ фонарикъ, кремень, огниво, — и направился дальше... Вотъ здѣсь выходная дверь... Мальчикъ ощупалъ торчавшій изъ замка ея ключъ и повернулъ его дрожащей рукою... Онъ тихо звякнулъ; дверь отворилась, — и Стась очутился въ сѣняхъ... Здѣсь только рѣшился онъ надѣть сапоги. Да и пора было. Онъ съ полчаса, пожалуй, бродилъ по холоднымъ поламъ, и ноги у него сильно озябли... Затѣмъ Стась высѣкъ огня, зажегъ фонарикъ и спряталъ его подъ полою жупанчика...

Дверь изъ сѣней на улицу оказалась запертой на запоръ, — и Стасю не мало труда стоило снять эту тяжелую деревянную штуку. Но вотъ, наконецъ, и запоръ снятъ... Тяжелая дверь скрипнула, отворилась... Холодный воздухъ пахнулъ въ лицо Стася. Онъ былъ на улицѣ...

Робко оглянулся по сторонамъ мальчикъ, тщательно прикрывая полой жупана фонарь, прислушался... Но все было тихо; только вдали гдѣ-то, на самомъ концѣ деревни, лаяла глухо собака... Темно; въ темнотѣ выдѣляются, тамъ и сямъ, постройки разныя: конюшни, амбары... Но вотъ опять выглянула изъ-за тучъ луна и освѣтила дворъ... Нигдѣ никого не было видно... Стась робко спустился съ крыльца и пошелъ по двору, безпрестанно оглядываясь и прислушиваясь. Сердце его все такъ-же усиленно билось; дрожали руки и ноги... Онъ шелъ прямо туда,

къ этой обитой желѣзомъ двери, ведущей въ страшное подземелье... А что, если сторожъ тамъ? — Тогда все пропало!..—Но сторожа не было. Его или забыли поставить, или онъ самъ ушелъ, вполнѣ увѣренный, что связанный по рукамъ и ногамъ старикъ не уйдетъ изъ-за крѣпко запертой двери... Стась оглянулся еще разъ и приложилъ къ этой двери ухо. Все было тихо. Должно быть, Павлюкъ тоже спалъ... Но вотъ вдругъ послышался не то вздохъ, не то стонъ какой-то, — и затѣмъ все опять смолкло...

Теперь предстоялъ трудъ, и не малый трудъ: отворить громадный, ржавый замокъ. И Стась со рвеніемъ принялся за работу... Долго возился онъ надъ замкомъ и все не могъ повернуть ключа... Но вотъ, наконецъ,—слава Богу! Замокъ отворенъ и вынутъ... Дверь отворилась, — и на Стася пахнуло вдругъ какой-то затхлой и гнилой сыростью...

Пять-шесть сырыхъ и скользкихъ ступенекъ внизъ,—и мальчикъ былъ въ подземельи... Слабый свѣтъ фонаря освѣтилъ сырыя, черныя стѣны, сырую, голую землю пола, и еще что-то такое, фигуру какую-то, лежащую на этомъ полу... И это былъ старый Павлюкъ!..—Онъ приподнялъ голову и въ неописанномъ изумленіи уставилъ на Стася свои глубоко впавшіе, сверкающіе глаза...

— Кто ты?.. Зачѣмъ ты здѣсь?.. пробормоталъ онъ.

Стась подошелъ ближе.

— Ты не узналъ меня, дѣдушка?..

Долго и пристально вглядывался старикъ въ лицо мальчика. И вдругъ улыбка мелькнула у него на губахъ; въ глазахъ блеснулъ огонекъ какой-то,—и Стась опять узналъ въ этомъ старомъ, связанномъ волкѣ, того самаго старика, у котораго онъ бывалъ въ гостяхъ въ его хатѣ...

— Такъ вотъ это кто!—заговорилъ Павлюкъ, и голосъ его звучалъ мягко и нѣжно. — Это ты, панúченьку, тотъ самый, ко-

Е. Баумгартенъ

торый у меня въ хатѣ медъ ѣлъ?... Но какъ ты попалъ сюда? Какъ? Зачѣмъ?..

И Стась дрожащимъ отъ волненія голосомъ все разсказалъ старику. Тотъ молча слушалъ, и его мрачное, суровое лицо все болѣе и болѣе прояснивалось.

— А, такъ ты вотъ какъ!..—ласково заговорилъ онъ, когда Стась кончилъ. — Хорошо-же... Поди сюда!.. Можешь ты развязать этотъ узелъ? А?..

— Да, дѣдушка!

И долго хлопоталъ мальчикъ надъ этимъ узломъ. Но вотъ, наконецъ, руки у Павлюка развязаны. Онъ приподнялся и сѣлъ.

— Спаси и помилуй тебя Господь, паничéньку! — говорилъ онъ. — Ты сдѣлалъ доброе дѣло!.. — И онъ гладилъ своей костлявой, но все еще сильной рукой волосы мальчика. И Стась не замѣтилъ, что на этой рукѣ запеклась кровь, Богъ знаетъ чья: его-ли, Павлюка, или чья чужая.

— Но какъ ты рѣшился на это дѣло, паничéньку?.. А? Ты не подумалъ, чтó будетъ тебѣ, когда узнаютъ, что я бѣжалъ?..

Да, эта мысль не приходила въ голову Стася. Онъ вдругъ потупился... Да, чтó будетъ съ нимъ, когда узнаютъ, что Павлюкъ бѣжалъ?.. Чтó скажетъ отецъ? Чтó скажетъ панъ Казиміръ?.. Панъ Казиміръ, въ особенности!..

— Я имъ скажу... Я имъ скажу, дѣдушка... — забормоталъ Стась, — что мнѣ стало жаль тебя... Что ты такой бѣдный, несчастный... Гнали тебя, преслѣдовали, какъ волка,—а ты тоже, вѣдь, человѣкъ, дѣдушка... Папа проститъ меня... Панъ Заремба... — Но тутъ Стась умолкъ... — Да, панъ Заремба... Тотъ-то проститъ-ли?..

Глаза старика сверкнули... Онъ ужь успѣлъ развязать себѣ ноги, — и вдругъ поднялся, вытянулся во весь ростъ... Исчезло опять это доброе выраженіе на лицѣ и замѣнилось страшной ненавистью и злобой... Старикъ скрипнулъ зубами...

— Заремба!.. О, будь онъ проклятъ!.. — вдругъ зарычалъ онъ. — Я покажу Зарембѣ, что у меня еще всѣ зубы цѣлы, и такъ укушу его, что онъ до страшнаго суда не забудетъ!.. Меня... меня, какъ собаку, онъ на веревкѣ тащилъ по землѣ!.. — Онъ называетъ меня разбойникомъ... Я... я разбойникъ?... — Я лыцарь!.. *). Не изъ корысти я рѣзалъ и жегъ проклятыхъ нехристей-ляховъ... Куда мнѣ съ ихъ золотомъ, серебромъ!.. Не надо мнѣ гроша мѣднаго!.. Изъ мести я рѣзалъ ихъ, за православную вѣру!.. Зачѣмъ они гонятъ насъ, притѣсняютъ?.. Зачѣмъ ксендзы ихъ ругаются надъ нашей православной церковью, надъ попами?..—Я... я разбойникъ?..—Да развѣ я тронулъ хоть пальцемъ кого изъ нашихъ, изъ христіанъ?.. Отнялъ у кого изъ нихъ мѣдный грошъ?..—Нѣтъ, самъ я дѣлился съ ними, давалъ кому сколько могъ... Да!.. И не однихъ православныхъ не трогалъ я... Не трогалъ я и иныхъ ляховъ... И между ними не все собаки однѣ, — есть люди тоже, и добрые люди... Мало ихъ только!.. Что-жь, пусть скажутъ, что я ограбилъ кого изъ нихъ и убилъ!..

Павлюкъ вдругъ глухо закашлялся и съ трудомъ перевелъ духъ. Стась отшатнулся и смотрѣлъ на него почти съ ужасомъ.

— И меня... лыцаря... православнаго... точно собаку, вдругъ... на веревкѣ!..— злобно хрипѣлъ Павлюкъ.—Нѣтъ, ты постой, панъ Заремба!.. — И онъ сжалъ кулакъ. — Ты волкомъ меня называлъ тоже... Не я волкъ, а ты!.. Ни изъ кого еще я не высосалъ ни одной капли крови... А ты... ты сосешь ее цѣлый вѣкъ изъ христіанъ православныхъ!.. Постой-же: наступитъ день, и отольется тебѣ вся эта кровь до капельки!..

— Дѣдушка!.. — въ ужасѣ вдругъ закричалъ Стась. — Дѣдушка!.. Ты опять убивать будешь!..

Старикъ вздрогнулъ. Онъ долго глядѣлъ на Стася и точно

*) Рыцарь.

не понималъ, гдѣ онъ, и что́ съ нимъ... Потомъ провелъ рукой по лбу.

— Что ты сказалъ? — пробормоталъ онъ.

— Я говорю: опять ты убивать будешь!..

— Да, буду, пани́ченьку, буду!.. Самъ Богъ велѣлъ карать злыхъ людей... Онъ истребилъ Содомъ и Гомору, — наслалъ на нихъ сѣрный дождь... У Павлюка еще всѣ зубы цѣлы, и много еще перекусаетъ онъ злыхъ собакъ, что грызли народъ православный... И перваго онъ загрызетъ — Зарембу!..

Стась, блѣдный, дрожащій съ головы до ногъ, съ ужасомъ глядѣлъ на стараго Павлюка. И тотъ не могъ не замѣтить этого.

— Но что-же съ тобой, пани́ченьку? — опять мягко и нѣжно заговорилъ онъ. — Чего-же ты испугался?.. Ты развѣ боишься меня?..

— Да... боюсь!.. — прошепталъ Стась. Зубы его стучали.

— Что ты, Господь съ тобой!.. Меня-то... боишься!.. — И онъ опять положилъ руку на голову мальчика. Тотъ вздрогнулъ вдругъ, точно его кто ударилъ...

— Да развѣ я трону тебя!.. Вѣдь ты мнѣ голову положилъ на́ плечи, крылья мнѣ опять развязалъ!.. Вѣдь, еслибъ не ты, — торчать-бы мнѣ на колу, или болтаться, точно собакѣ, въ петлѣ!.. Ну, полно-же, успокойся!.. Чего ты дрожишь такъ?.. Аль тебѣ холодно?..

Стась молчалъ.

— Озябъ ты?

— Нѣтъ, не озябъ... Но только... только послушай, дѣдушка... — И онъ поднялъ глаза. Предъ нимъ опять стоялъ тотъ-же хорошій и добрый дѣдъ.

— Вѣдь ты не всегда злой... Бываешь и добрымъ тоже... Зачѣмъ-же ты не всегда добрый?... Ты хочешь опять убивать... Злыхъ, говоришь ты... Да развѣ Господь позволилъ проливать

кровь?.. Вѣдь Онъ заповѣдалъ прощать всѣмъ... врагамъ своимъ... Вѣдь такъ и въ Евангеліи сказано... Панъ Болеславъ...

Брови старика сдвинулись, и по лицу его пробѣжала тѣнь.

— Ты молодъ еще, паниченьку, не понимаешь!.. — пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, понимаю! — съ жаромъ говорилъ Стась. — Мнѣ панъ Болеславъ разсказывалъ... Ему тоже жалко тебя... Онъ говоритъ, что ты бѣдный, несчастный, но что ты пролилъ на своемъ вѣку много крови... А кровь вопіетъ къ Богу, дѣдушка... Панъ Болеславъ мнѣ говорилъ, что ты грѣшникъ, великій грѣшникъ, и что тебѣ надо долго замаливать свои грѣхи... Онъ говорилъ, что были злодѣи такіе...

— Я не злодѣй! — пробормоталъ Павлюкъ. Но Стась не слыхалъ его.

— И эти злодѣи потомъ раскаивались... Они уходили въ монастыри и тамъ замаливали грѣхи свои...

Павлюкъ вздрогнулъ, точно его ударилъ кто. Его сѣдыя, нависшія брови еще болѣе сдвинулись.

— Мое не пришло время!.. — пробормоталъ онъ. Но Стась не разслышалъ.

— Дѣдушка! — говорилъ онъ, и въ голосѣ его вдругъ зазвучали слезы. — Ты добрый... Я знаю, — ты добрый!.. Полноже... Перестань!.. Не убивай никого больше!.. Господь не велѣлъ убивать... Много ты согрѣшилъ въ жизни, — но Богъ милосердъ и проститъ тебя... Дѣдушка!..

И, точно колосъ, погнутый вѣтромъ, склонился старый злодѣй передъ этимъ мальчикомъ, передъ ребенкомъ. И чтó тамъ было въ грѣшной душѣ его, о чемъ онъ думалъ, — извѣстно одному Богу... Конечно, онъ удивлялся Стасю, не понималъ его .. Да, это былъ удивительный, странный ребенокъ!..

Но вотъ старикъ опять поднялъ голову и выпрямился во весь ростъ. Лицо его было мрачно и хмуро, но въ немъ ужь не

видѣлось этого страшно-злобнаго выраженія... Глаза были спокойнѣе. Онъ тяжело вздохнулъ и вдругъ опустилъ руку на плечо Стася.

— Иди-же, иди, паниченьку, спи спокойно! — заговорилъ онъ.

— А ты, дѣдушка?

— Я? — Я уйду... Мнѣ еще рано складывать голову, и... отъ ляховъ!..

— Куда-жь ты пойдешь теперь?

Старикъ слегка усмѣхнулся.

— Спроси вѣтеръ въ полѣ: куда онъ подуетъ завтра? — какъ-то загадочно говорилъ онъ.—Ступай-же и спи, паниченьку! Господь да помилуетъ и спасетъ тебя!.. Постой, — дай сюда!..— Онъ схватилъ руку Стася и крѣпко прижалъ ее къ своимъ блѣднымъ, сухимъ губамъ. И мальчику показалось, что вдругъ изъ этихъ глубоко запавшихъ глазъ скатилась слезинка и канула на косматый усъ. Но, можетъ быть, это ему показалось только. Старикъ отвернулся.

И вдругъ мальчикъ вспомнилъ... Какъ раньше ему это не пришло въ голову!.. Онъ вспомнилъ, что ворота крѣпко заперты, вокругъ всего двора частоколъ, — и выйти изъ зáмка нѣтъ никакой возможности... Какъ быть? Что дѣлать?..—Онъ отворилъ старику двери его тюрьмы, — и чего только ему это стоило!.. Но кáкъ онъ выйдетъ изъ этой тюрьмы, — вотъ вопросъ!.. Неужели-же все это такъ и пропало даромъ!..—И Стась сообщилъ свои опасенія Павлюку. Но тотъ усмѣхнулся только, махнулъ рукой.

— Ну, обо мнѣ ты не безпокойся! говорилъ онъ. — Я старый, травленный волкъ, и пролѣзу въ какую угодно щель... Не можетъ и здѣсь не быть такой щели... Прощай-же, паниченьку! Да помилуетъ тебя Матерь Божія и Іисусъ Христосъ!..

Онъ еще разъ припалъ губами къ рукѣ мальчика,—и исчезъ.

Стась погасилъ фонарь и выбрался изъ подземелья, на улицу... Тучи теперь совсѣмъ разнесло вѣтромъ, и полная, молодая луна освѣщала весь дворъ... Стась оглянулся. Павлюкъ исчезъ. Онъ точно сквозь землю вдругъ провалился, — нигдѣ его и слѣда не было... — И вотъ теперь мальчику предстояло тѣмъ-же путемъ вернуться обратно въ за́мокъ. Но раньше было темно, а теперь свѣтло, и его каждую минуту могли замѣтить... Но странное дѣло, право!.. Стась не боялся теперь нисколько. Онъ смѣло шелъ въ за́мокъ, точно свершалъ обычную утреннюю прогулку... И не думалъ онъ, что́ будетъ съ нимъ завтра, когда узнаютъ объ его поступкѣ; не думалъ, дурно онъ, или хорошо сдѣлалъ... Нѣтъ, думалъ онъ только о Павлюкѣ, и о томъ, удастся-ли ему убѣжать, куда убѣжитъ онъ, и что съ нимъ потомъ станется?..

Утромъ поднялся гвалтъ... Панъ Казиміръ и рвалъ и металъ. Могучій голосъ его раздавался по всему за́мку. Заремба топалъ ногами, рычалъ какъ звѣрь въ клѣткѣ... Всѣ гости были въ неописанномъ изумленіи: старый разбойникъ бѣжалъ! Бѣжалъ изъ-за крѣпкихъ замковъ, изъ-за дубовой, окованной желѣзомъ двери! Да какъ-же это могло случиться? Что-жь, колдовство это, что-ли? — Но вскорѣ все разъяснилось...

— Его кто-то выпустилъ, выпустилъ!.. оралъ на весь домъ Заремба. — У меня ночью украли изъ подъ подушки ключъ... А! Какова дерзость!.. Но кто... кто могъ это сдѣлать?.. Вотъ это мы и узнаемъ сейчасъ... Изъ подъ земли вырою негодяя... измѣнника... вора и... — И панъ Казиміръ сдѣлалъ такой жестъ, какъ будто душилъ кого.

— Эй, старый хрычъ! Войцѣхъ!.. Ты это что-же такое? А?.. Чего ты смотришь? Меня обокрали, а ты и не знаешь даже!.. Изъ подъ подушки украли ключъ... Вѣдь этакъ когда нибудь меня самого украдутъ, а ты и знать не будешь!..

Старикъ молчалъ, какъ убитый. Онъ былъ совсѣмъ пораженъ. Ничто подобное ему и во снѣ не снилось.

— Глухарь! Ворона старая! Дармоѣдъ!.. Сейчасъ-же, сію минуту собрать во дворѣ всю дворню, всю шляхту, казаковъ!.. Живо!..

Прошло минутъ десять,—и дворъ наполнился весь народомъ. На всѣхъ лицахъ было крайнее недоумѣніе; на многихъ испугъ. Всѣ знали о бѣгствѣ стараго Павлюка, но никто не зналъ, ка́къ онъ бѣжалъ, кто могъ его выпустить?..—И вотъ панъ Казиміръ, въ сопровожденіи многихъ гостей, появился вдругъ на крыльцѣ,— и шапки полетѣли съ головъ...

— Кто выпустилъ Павлюка?.. гаркнулъ Заремба. — Кто ночью былъ у меня въ спальной и укралъ ключъ?..

Молчаніе.

— А, вы молчите!.. Такъ хорошо-же!.. Я доберусь, дознаюсь, хоть мнѣ пришлось-бы перепороть всю дворню, до одного... Еще разъ говорю вамъ: кто укралъ ключъ? Кто выпустилъ стараго волка? Чортъ, что-ли?..

Въ толпѣ многіе перекрестились. Нашлось не мало такихъ, которые нисколько и не сомнѣвались, что Павлюка унесъ дѣйствительно чортъ... Да и что-жь тутъ мудренаго?—Вполнѣ понятно! Павлюкъ ужь давно продалъ ему свою душу. Ну, подошелъ срокъ,—и чортъ явился за своей покупкой... Но много было такихъ, которые только съ трудомъ скрывали улыбку радости... Старый Павлюкъ бѣжалъ! Благодареніе Господу! Онъ опять соберетъ шайку, и, не сегодня—завтра, явится въ за́мокъ и потребуетъ у Зарембы отчета въ его грѣхахъ.

Панъ Казиміръ топалъ ногами, рычалъ, и опять топалъ... Онъ то грозилъ всѣхъ перевѣшать до одного, то обѣщалъ прощеніе и даже награду виновному, если онъ добровольно сознается. Но общее молчаніе служило отвѣтомъ. Дворовые переминались съ ноги на ногу, почесывали въ затылкахъ, — и только... Да и что-же могли сказать они? — Они сами ровно ничего не знали!..

Взбѣшенный до послѣдней степени, красный, какъ ракъ, Заремба вернулся въ зáмокъ.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что такое!.. говорилъ онъ. — Вѣдь это... это... Что тебѣ, мальчикъ? вдругъ обернулся онъ.

Стась, съ блѣднымъ, но совершенно спокойнымъ лицомъ, подошелъ къ нему.

— Панъ Казиміръ, заговорилъ онъ немного дрожащимъ голосомъ. — Павлюка...

— А? Что такое?..

— Павлюка... я выпустилъ...

— Ка-акъ?!..

Панъ Казиміръ вытаращилъ глаза и точно вросъ въ полъ... На лицахъ гостей выразилось страшное изумленіе... Панъ Ромуальдъ — тотъ просто ушамъ не вѣрилъ...

— Ты... ты его выпустилъ?.. точно змѣя, зашипѣлъ Заремба. Онъ весь побагровѣлъ и не могъ слова сказать.

— Да, я, панъ Казиміръ... Мнѣ жалко стало его... Онъ бѣдный такой, несчастный!..

— Да какъ-же ты смѣлъ, щенокъ ты этакій... Поросенокъ!.. заревѣлъ Заремба. — Какъ-же ты смѣлъ!.. Да я запорю тебя собственными руками!.. Слышишь?..

Панъ Ромуальдъ вспыхнулъ.

— Эге, мóсти-пане!.. заговорилъ онъ. — Еще не выросли руки, которыя-бы могли выдрать Стася!.. Панъ Казиміръ забылъ, что это не его ребенокъ!..

Заремба вдругъ обернулся къ нему.

— Аа, такъ вы за него заступаетесь... Заступаетесь!.. захрипѣлъ онъ. — Прекрасно!.. Мальчишка выпустилъ бѣшеную собаку, которая теперь будетъ кусать всѣхъ и каждаго, а вы его за то по головкѣ гладите!.. — Не мой ребенокъ!.. Еще-бы!.. Да будь онъ мой, — я запоролъ-бы его до смерти!..

— Да, такъ нельзя, панъ Ромуальдъ!.. протестовали гости. —

Вѣдь это, чортъ знаетъ, что!.. Мы положительно требуемъ, чтобъ вы наказали мальчика, и наказали строго!..

— Но это не ваше дѣло!..

— Какъ такъ не наше? Какъ такъ?.. раздался вдругъ цѣлый гвалтъ, и громче всѣхъ кричалъ панъ Трембинскій. — Мы подвергались ежеминутно опасности быть сожженными, ограбленными, убитыми этимъ разбойникомъ... Мы, наконецъ, словили его, не безъ труда... Опасность миновала, было... И вотъ опять... Нѣтъ, всѣ мы, всѣ до единаго, требуемъ наказанія мальчика!..

— Да! И *жестокаго* наказанія!.. гаркнулъ Заремба.

— Я накажу его, холодно отвѣчалъ панъ Ромуальдъ и обвелъ взглядомъ общество. — Да, накажу!.. Но, все таки, я полагаю, панóве, онъ вовсе не такъ виноватъ, какъ вы думаете...

— Не виноватъ?!.. Онъ не виноватъ?!..

— Да, не такъ, какъ вы думаете... Положимъ, онъ поступилъ дурно,—не отвергаю этого... Онъ далъ злодѣю возможность опять продолжать злодѣйствовать... Но чтó-же побудило его сдѣлать это?—Одно состраданіе, порывъ добраго сердца... Вѣдь онъ ребенокъ, дитя!..

— Позвольте, панóве! вмѣшалась вдругъ пани Катажина Войткевичъ, крестная мать Стася.—Позвольте, панъ Казиміръ!.. Да, панъ Ромуальдъ говоритъ правду... Это — ребенокъ, дитя... А дѣти... вы знаете, — le St. Evangile a dit: «Je vous dis en vérité, que quiconque ne recevra pas le royaume de Dieu comme un petit enfant, n'y entrera point» *)... Да, такъ сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ... Стась поступилъ лишь по влеченію сердца... Онъ виноватъ, но онъ достоинъ прощенія... Иль вы забыли, чему училъ насъ тотъ-же Спаситель: «heureux les mi-

---

*) Истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него. (Мар., 10, 15).

séricordieux; car ils obtiendront miséricorde. Heureux ceux qui ont le coeur pur; car ils verront Dieu» *)...

Панъ Ромуальдъ взглянулъ на нее съ благодарностью...

— Гм... да, да... Конечно, конечно, пани... опять захрипѣлъ Заремба. — Все это такъ, положимъ... Но, согласитесь, что подобный поступокъ, это... Гм... чортъ возьми... Я даже не знаю, какъ назвать это!.. Вѣдь вы представьте только себѣ, какова дерзость: пробраться ночью ко мнѣ въ спальню и украсть изъ подъ подушки ключъ!.. Нѣтъ, какъ хотите, а мальчишка долженъ быть строго наказанъ!..

— Да, долженъ, долженъ!.. опять послышались голоса, и опять громче всѣхъ голосъ пана Трембинскаго. — Мы всѣ требуемъ этого!..

— Да, мости-пане, обратился къ пану Ромуальду присутствовавшій тутъ-же о. Августинъ. Онъ все время старался сохранять серьезный, даже суровый, видъ, какъ оно и подобало въ подобномъ случаѣ. Но природная веселость брала свое. Порой, улыбка появлялась на губахъ ксендза, и онъ, скорѣе шутливо, чѣмъ строго, грозилъ пальцемъ Стасю.

— Да, надо правду сказать, мальчикъ порядочно напроказилъ, и... не совсѣмъ по дѣтски! говорилъ онъ.—А потому розга необходима... Да оно, въ сущности, ему будетъ это и не такъ больно... Во первыхъ, сознаніе своей вины, — оно уменьшитъ боль; а во вторыхъ, какъ сынъ благороднаго шляхтича, онъ будетъ высѣченъ *на кобéрцу* **)...

Но панъ Ромуальдъ не обратилъ на ксендза никакого вниманія.

— Я вамъ сказалъ, панове, что сынъ мой будетъ наказанъ, обратился онъ къ обществу. — Что-жь вы ко мнѣ пристаете?..

---

*) Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ. Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ. (Мат. 5, 7, 8).

**) Въ то время сынъ шляхтича скорѣе согласился-бы умереть, чѣмъ подвергнуться униженію быть высѣченнымъ *не на коврѣ* (*на кобéрцу*).

— Эге!.. насмѣшливо протянулъ Заремба. — Панъ много можетъ намъ обѣщать, но онъ ничего не сдѣлаетъ!.. Нѣтъ, я хочу, я требую, чтобъ мальчишку сейчасъ-же наказали при насъ... Да, чортъ возьми, — *требую*!.. — И онъ стукнулъ кулакомъ по столу.

Панъ Ромуальдъ слегка поблѣднѣлъ и положилъ руку на эфесъ сабли.

— Панъ забывается!.. холодно проговорилъ онъ.

— Что-о?!.. — И Заремба покраснѣлъ, какъ кумачъ. — Я забываюсь?.. Я?.. Да знаетъ-ли мости-пане... — И онъ брякнулъ саблею объ полъ. — Знаетъ-ли, мости-пане...

— Ка́зю! Ка́зю! Оставь!... схватила его за рукавъ пани Гертруда. — Къ чему, зачѣмъ ссориться?.. Слышишь, я тебѣ говорю...

И панъ Казимiръ вдругъ присмирѣлъ, какъ овца.

— Но какъ-же, душа моя... Какъ-же.. забормоталъ онъ. — Сама посуди, мой ангелъ... Вѣдь это... это... Мальчишка... Въ такiе годы... и такъ испорченъ... Да... до мозга костей!.. Я знаю, чьи это идеи... Это отступникъ... ренегатъ этотъ, — Грабовскiй...

— Да, Грабовскiй! услышалъ и подхватилъ панъ Лопатто. — Не знаю, докуда мы будемъ терпѣть его!.. Дурную траву давно-бы надо изъ поля вонъ... Да... Proditores patriae civitate spoliantor!.. *) А онъ не измѣнникъ развѣ? — Вездѣ онъ только портитъ и гадитъ!.. Онъ распустилъ своихъ хлоповъ до невозможности... Страшно балуетъ ихъ, считаетъ чуть-ли не братьями... Съ мѣсяцъ назадъ, бѣжали отъ меня къ нему трое хлоповъ... Тамъ лучше, говорятъ, живется, всего вдоволь... Онъ просто переманилъ ихъ къ себѣ... Нѣтъ, такъ нельзя, панове!.. — И панъ Лопатто покраснѣлъ даже. — Подобныхъ людей нельзя терпѣть въ благоустроенномъ обществѣ!..

---

*) Измѣнниковъ отечества лишаютъ права гражданства.

— Настанетъ время, панъ, погодите, — отдѣлаемся и отъ него!.. заговорилъ Трембинскій. Мы подадимъ въ трибуналъ*) коллективную**) жалобу, и пусть онъ подвергнетъ его остракизму!..***)

— А панъ Болеславъ — пріятель и другъ пана Маевскаго, язвительно прохрипѣлъ Заремба. — Онъ чуть-ли не каждый день бываетъ у него въ домѣ... Немудрено, что онъ испортилъ его мальчишку... Вѣдь онъ...

— Позвольте, пане! перебилъ его панъ Ромуальдъ. — Мнѣ кажется, я никому не обязанъ давать отчетъ, кто бываетъ у меня въ домѣ... А что касается «порчи мальчишки», — то это тоже только *мое* дѣло!

— Да, панъ давно ужь, кажется, склоняется на сторону ренегата, пробормоталъ Трембинскій. — На сколько я могъ замѣтить...

— Онъ столько-же ренегатъ, сколько и мы съ вами! вступился панъ Ромуальдъ. — И, повѣрьте, еслибъ это только понадобилось, — панъ Болеславъ Грабовскій стоялъ-бы до послѣдней капли крови за свою родину... Онъ душу-бы за нее отдалъ!..

Съ минуту въ залѣ стояла мертвая тишина. Всѣ точно окаменѣли отъ изумленія. И вдругъ громкій, раскатистый хохотъ разнесся по всему за́мку... Панъ Ромуальдъ поблѣднѣлъ и опять схватился за саблю.

— Постойте, пано́ве! кричалъ панъ Казиміръ, вдоволь нахохотавшись и потирая бока. — Да, это оригинально, конечно... Смѣшно... Такой взглядъ на отступника, ренегата... Но это имѣ-

*) *Трибуналъ* — судилище, учрежденное королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Онъ не былъ постояннымъ въ извѣстномъ городѣ, но попеременно засѣдалъ: въ Піотрковѣ — для провинцій Великой Польши, и въ Люблинѣ — для малопольскихъ и русскихъ провинцій. Въ трибуналѣ засѣдало 20 свѣтскихъ и 10 духовныхъ депутатовъ. Власть его была неограниченная.

**) Общественную.

***) Изгнанію.

етъ и свою серьёзную сторону... — И Заремба вдругъ выпрямился во весь ростъ и насупилъ брови.

— Мнѣ кажется, панъ Ромуальдъ открылъ, наконецъ, свои карты! заговорилъ онъ.—До сихъ поръ, я считалъ его вѣрнымъ католикомъ и вѣрнымъ сыномъ отечества... Но теперь оказывается, что я ошибся... Панъ Ромуальдъ ужь явно перешелъ на сторону Болеслава Грабовскаго... А такъ какъ между этимъ высокоумнымъ паномъ и нами, *отсталыми*, лежитъ цѣлая пропасть, то слѣдовательно... Добавлять нечего... sapienti sat!..[1])— И панъ Казиміръ насмѣшливо поклонился и звякнулъ шпорами.

— Домой, Ядвися!.. крикнулъ панъ Ромуальдъ. Голосъ его дрожалъ; онъ былъ блѣденъ, какъ полотно. — Стась! Собирайтесь! Ѣдемъ!..

И онъ, гордо выпрямившись и поднявъ голову, вышелъ, никому не поклонившись изъ залы, въ сопровожденіи жены и Стася.

Панъ Ромуальдъ окончательно разрывалъ съ прошлымъ и навсегда покидалъ общество, въ которомъ родился и выросъ... Оно претило ему теперь; онъ презиралъ его, ненавидѣлъ!..

XIX.

Жалобно, заунывно воетъ вѣтеръ на старомъ кладбищѣ и качаетъ онъ обнаженныя вѣтви березъ и ивъ; на землю валятся крупныя хлопья снѣга... И всюду, куда ни взглянешь, лежитъ этотъ снѣгъ сплошною бѣлою пеленой; изъ снѣгу торчатъ, тамъ и сямъ, покосившіеся кресты, виднѣется чей-то забытый, полу-

[1]) Умному достаточно, умный пойметъ.

разрушенный мраморный памятникъ, съ потускнѣвшимъ золоченымъ крестомъ...

Въ небольшомъ, полутемномъ костелѣ, слабо освѣщенномъ нѣсколькими лампадами и свѣчами предъ алтаремъ, собралась масса народу. Не говоря ужь о томъ, что всѣ скамьи заняты, нигдѣ нѣтъ мѣста въ проходахъ, — вездѣ народъ... Вонъ панъ Ромуальдъ. Грустный, задумчивый, сидитъ онъ, съ молитвенникомъ въ рукѣ... Вонъ пани Ядвига; Стась, съ опухшими, заплаканными глазами; панъ Болеславъ Грабовскій. Онъ уставилъ глаза въ какую-то точку, кусаетъ губы и нервно крутитъ усы, съ замѣтно пробившейся въ нихъ сѣдинкой... Въ костелъ собрались всѣ шляхтичи пана Маевскаго, съ ихъ женами и дѣтьми; много шляхтичей изъ сосѣднихъ деревень и усадебъ; но не мало и православныхъ... У всѣхъ лица мрачны, задумчивы; у многихъ по щекамъ катятся крупныя слезы... Но больше и прежде всѣхъ бросается въ глаза Марыся. Старуха совсѣмъ убита. Она закрыла руками лицо; все дряхлое тѣло ея вздрагиваетъ отъ рыданій... И напрасно старается она подавить, заглушить эти рыданія... Нѣтъ, противъ воли, вырываются они изъ ея груди и разносятся по всему костелу...

И жалобно, заунывно стонетъ вѣтеръ на улицѣ, и такъ-же жалобно, заунывно гудитъ на хорахъ органъ... Дрожатъ костлявые пальцы стараго органиста и съ трудомъ справляются съ клавишами; крупныя слезы текутъ по морщинистымъ, изрытымъ щекамъ...

Небольшой катафалкъ возвышается посреди костела. На катафалкѣ простой деревянный гробъ, окрашенный черною краской...—Да, ровно мѣсяцъ тому назадъ, ксендзъ—пробощъ, уже больной, истомленный подтачивающимъ его недугомъ, стоялъ у этого алтаря, невдалекѣ отъ котораго возвышается теперь катафалкъ... Онъ въ умиленіи складывалъ руки, кротко, любовно глядѣлъ на молящихся, — и чувствомъ, глубокимъ чувствомъ, звучалъ

его голосъ, благословляя эту толпу... «Dominus vobiscum!»*) говорилъ онъ.—«Et cum spiritu tuo!»**) съ такимъ-же глубокимъ чувствомъ отвѣчали ему съ хоръ... — И вотъ теперь лежитъ этотъ ксендзъ-прбобощъ въ простомъ деревянномъ гробѣ, подъ деревянною крышкой, и ничего не видитъ, не слышитъ... Намучился, отстрадалъ онъ; теперь легко ему, — и онъ спитъ спокойно...

И жалобно, заунывно гудитъ на хорахъ органъ; порой раздаются глухія, подавленныя рыданія... О. Бенедиктъ, въ черной бархатной ризѣ и такой-же бархатной шапочкѣ на головѣ, стоитъ у гроба, съ кадиломъ... И такъ-же мраченъ, суровъ, какъ всегда, старый доминиканецъ; сѣдыя брови его нахмурены; рука мѣрно размахиваетъ кадиломъ; синій дымокъ выбивается изъ подъ его крышки, взвивается надъ катафалкомъ и поднимается къ потолку костела... О. Бенедиктъ поетъ... И такъ-же мрачно, сурово звучитъ его слегка дребезжащій голосъ...

— Libera me Domine, a morte aeterna, in die illa tremenda***)... раздается подъ костельными сводами.

— Quando coeli movendi sunt, et terra. Quum veneris judicare saeculum per ignem. Tremens factus sum ego et timeo, dum discussio venerit atque ventura ira****)...

О. Бенедиктъ вдругъ обернулся, и сѣдыя брови его еще болѣе сдвинулись... Вопль, раздирающій душу вопль заглушилъ его голосъ, — и Марыня, какъ подкошенная трава, упала со скамьи, на полъ... Панъ Болеславъ вскочилъ и бросился къ ней на помощь. Подоспѣли еще нѣсколько человѣкъ, и старуху кой какъ, съ трудомъ, привели въ чувство.

---

*) Господь съ вами! (Миръ вамъ)!

**) И со духомъ твоимъ!

***) Избавь меня, Боже, отъ смерти вѣчной въ день страшнаго суда.

****) Когда потрясутся небо и земля. Когда придешь судить свѣтъ огнемъ. Дрожу я и весь проникнутъ боязнью, предъ наступленіемъ дня возмездія и гнѣва.

Но вотъ отпѣвъ кончился. Панъ Ромуальдъ, панъ Болеславъ, Стась и еще нѣсколько человѣкъ схватились за ручки гроба и понесли его изъ костела на кладбище... Произошла даже легкая давка. Пробо́ща любили всѣ, и католики и православные, и всякій хотѣлъ отдать послѣдній долгъ любимому человѣку: отнести его на своихъ рукахъ къ могилѣ... Но дѣло кой какъ уладилось, и у гроба столпилось человѣкъ тридцать... Наконецъ толпа хлынула изъ костела на улицу...

Грустно и заунывно гудитъ органъ, и глухо раздается пѣніе стараго доминиканца:

— Benedictus Dominus Deus Israel, *) поетъ онъ.

— Quia visitavit et fecit redemptionem plebis suae **)... подтягиваютъ ему нѣсколько голосовъ.

— Et exerit cornu salutis nobis, in domo David pueri sui ***)...

Рѣзкій, холодный вѣтеръ пахнулъ въ лицо Стася, — и мальчикъ вздохнулъ свободнѣе: въ костелѣ такъ было душно и жарко!..—Но вотъ цѣлыя облака снѣга залѣпили ему глаза. Мятель все усиливалась и усиливалась... Съ трудомъ шагалъ Стась по сугробамъ снѣга, придерживаясь за ручку гроба, и, порой, утопалъ въ нихъ выше колѣнъ... Но вотъ, наконецъ, и послѣднее ложе ксендза-пробо́ща, могила,—и сколько ужь снѣгу въ ней намело!..—Могильщикъ Вла́декъ прекрасно зналъ, ка́къ любилъ покойный сидѣть, послѣ дневныхъ трудовъ, у себя въ саду на скамеечкѣ, подъ тѣнью старой, корявой вишни, — и вотъ онъ выбралъ ему мѣстечко, славное и уютное, лучшее на всемъ кладбищѣ. Онъ вырылъ ему могилу какъ разъ подъ тѣнью двухъ старыхъ, корявыхъ ивъ... Положимъ, онѣ теперь голыя, — снѣгъ

---

*) Благословенъ Господь Богъ Израиля.

**) Который посѣтилъ народъ свой и учинилъ его избавленій.

***) И поднесъ намъ рогъ избавленія въ домѣ Давида, слуги Своего.

покрываетъ ихъ вѣтви... Но зато лѣтомъ, когда уберутся онѣ густою, зеленой листвой,—сколько здѣсь будетъ прохлады, тѣни, и какъ хорошо, спокойно будетъ лежать пробо́щу!..

Густая толпа плотно сдвинулась у могилы. И впереди всѣхъ выдѣлялась рыдающая Марыня; а тамъ, сзади ея еще старушка какая-то. Маленькая и сгорбленная, она опиралась одною рукой на палку, а другая лежала на плечѣ худенькой, бѣдно одѣтой дѣвочки. Это была старая Катерина, слѣпая, со своей внучкой, та самая, о которой такъ безпокоился передъ смертью ксендзъ-про́бощъ... Старуха дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и крупныя слезы ручьемъ катились изъ ея тусклыхъ, незрячихъ глазъ...

Но вотъ гробъ открыли. Марыня, съ воемъ какимъ-то, бросилась вдругъ къ нему, припала на грудь покойнику...

— Ой, ойче... ойче мой добродѣю!.. рыдала старуха.—Возьмите меня съ собой!.. Куда-жь я дѣнусь теперь? Куда приклоню свою старую голову?.. Да и зачѣмъ жить мнѣ на бѣломъ свѣтѣ, когда васъ нѣтъ больше!.. Вѣдь только вами жила я, вами дышала!.. Вѣдь только и свѣту мнѣ было, что вы одни, голубчикъ мой, дорогой, ненаглядный!.. Ойче мой добродѣю!.. Возьмите меня, возьмите съ собой!..

Слезы ручьемъ лились по щекамъ Стася. И пробо́ща было жалко ему, но еще больше, пожалуй, ему было жаль Марыню, эту старуху, несчастную, осиротѣвшую... Да и у кого въ этой густой толпѣ кровью не обливалось сердце, при видѣ лютаго, безъисходнаго горя Марыни?.. — Съ трудомъ оттащили ее отъ гроба...

Стась долго глядѣлъ на лицо умершаго. Оно нисколько не измѣнилось. Все такъ-же тихо, кротко, спокойно. Въ немъ даже застыло какое-то свѣтлое, радостное выраженіе, точно ксендзъ-про́бощъ, испуская послѣдній вздохъ, увидѣлъ лицомъ къ лицу самого Бога и Его святыхъ ангеловъ...

Да, тяжелы были эти минуты прощанія!.. Женщины, дѣти

плакали всѣ навзрыдъ, и не одни католики — православные... Всѣхъ горячо любилъ покойный ксендзъ-пробощъ, безъ различія вѣроисповѣданій; на всѣхъ онъ смотрѣлъ, какъ на братьевъ и сестеръ по Христу, и всѣхъ утѣшалъ, ободрялъ въ минуты горя и скорби, всѣмъ помогалъ въ нуждѣ, по мѣрѣ силъ и возможности... И его всѣ горячо любили и уважали. Даже о. Илья всегда относился къ покойному съ глубочайшимъ почтеніемъ и уваженіемъ. Онъ называлъ его прекраснѣйшимъ человѣкомъ, и только жалѣлъ, что «онъ не нашей, не православной вѣры»... И старый священникъ тоже пришелъ отдать послѣдній свой долгъ усопшему: его сгорбленная фигурка виднѣлась въ этой толпѣ.

Да, женщины и дѣти рыдали; мужчины утирали себѣ глаза... Панъ Ромуальдъ не стѣснялся нисколько, что крупныя, точно горохъ, слезы скатывались на его длинный усъ. Не стѣснялся этимъ и панъ Болеславъ... Въ толпѣ мелькнуло лицо какое-то, красное и опухшее, съ синякомъ подъ глазомъ... Не Антекъ-ли это? — Да, онъ. Мутными, посоловѣвшими глазами смотрѣлъ онъ на покойника... И вотъ вдругъ въ этихъ глазахъ тоже блеснули слезы и потекли по щекамъ... А вонъ и старый Панасъ, кучеръ пана Маевскаго. Старикъ истово крестится, и губы его шепчутъ молитву...

— Упокой Господи душу усопшаго раба Твоего Іеронима! — шепчетъ Панасъ, и вдругъ обращается къ своему сосѣду, такому-же, какъ и онъ, старику, Омелькѣ — конюху.

— Да, славный онъ человѣкъ былъ! — говоритъ онъ. — Душа человѣкъ!..

— Душа! какъ эхо откликается старый конюхъ и ёрзаетъ вдругъ по глазамъ рукавомъ свитки. — Такихъ, братъ, людей не много найдешь на свѣтѣ... Да!..

— Не много! вполнѣ соглашается и Панасъ.

— Ты погляди, какъ старуха-то его убивается...—Бѣдная!.. И то, правду сказать: куда ей теперь дѣваться?.. Не будь-ка онъ

добрымъ, хорошимъ, не убивалась-бы такъ, небось... Вѣдь сорокъ лѣтъ, почитай, вмѣстѣ прожили,—вынянчила она его,—и за все это время, говорятъ, слова худого отъ него не слышала...

— Да, царство ему небесное! — И Панасъ опять истово перекрестился.

— Ты помнишь, въ прошломъ году, опять продолжалъ Омелько,—старуха моя захворала что-то...

— Ну, какъ не помнить!

— Ну, вотъ... Не знаю, что съ нею подѣлалось: отчего, какъ?—Простудилась, видно,—вѣтра́ стояли тогда... Ну, и напала на меня тоска, Панасе, такая тоска, что хоть въ воду полѣзай... Право!.. Брожу, точно какъ оглашенный, мѣста прибрать не могу... Ну, и встрѣтилъ меня онъ на улицѣ,—это покойный-то... Царство ему небесное! — И Омелько перекрестился. — «Что съ тобой? говоритъ. Отчего такой скучный?» — Да, вотъ, такъ и такъ, говорю, старуха моя заболѣла, мости-ксёнже... — «Неунывай! говоритъ, — все отъ Бога... Богъ посылаетъ болѣзнь, — Онъ и исцѣляетъ ее»...—Извѣстно, говорю, кому-жь больше!— «Ступай, говоритъ, домой, а я къ вамъ зайду послѣ, вечеромъ. Быть можетъ, и помогу чѣмъ, а мнѣ самъ Господь поможетъ»...— И, точно, пришелъ. Взглянулъ на старуху, за руку ее взялъ, лобъ потрогалъ... — «Пустое, говоритъ, все пройдетъ! Возьми, вотъ, ты этой травки (и травку изъ подъ кафтана вытаскиваетъ), ошпарь ее кипяткомъ, да и давай больной разъ по пяти на день».— И, точно, болѣзнь какъ рукой сняло! Оправилась моя Гапка и стала еще здоровѣй прежняго... Царство ему небесное! Добрый былъ человѣкъ онъ!..—И Омелько опять перекрестился.

— Да, и лѣчить умѣлъ... Это не какъ венгерцы, или жиды... Бродятъ, со своими пузырьками да банками, и только портятъ... Нѣтъ, онъ какъ есть лѣкарь былъ... Царство ему небесное!..

А вонъ мелькнула въ толпѣ и дюжая, широкоплечая фигура

гайдука Михáла Дембинскаго. Онъ мрачно крутитъ громаднѣйшіе усы, и глаза у него тоже влажны...

Но вотъ окончилась эта раздирающая душу сцена прощанія. Гробъ опять закрыли, и о. Бенедиктъ окропилъ его святою водой... И опять раздалось грустное заунывное пѣніе:

— Anima ejus, et animae omnium fidelium defunctorum, per misericordiam Dei requiescant in pace*)...

И гробъ опустили въ могилу... Марыня рванулась, съ воплемъ, къ зіяющей ямѣ... Еще секунда, и она рухнулась-бы въ нее, — но крѣпкая рука Михáла Дембинскаго схватила ее за плечо и оттащила въ сторону. Старуха рвалась и кричала; Дембинскій крѣпко держалъ ее; а глаза у него какъ-то моргали, моргали; дрожали усы, ротъ кривился...

Но вотъ подошелъ къ о. Бенедикту могильщикъ Влáдекъ и подалъ на оловянномъ блюдѣ кучу промерзлой глины. О. Бенедиктъ подхватилъ на лопатку одинъ кусокъ и бросилъ его въ могилу. Глухо онъ стукнулъ о крышку гроба...

— Pulvis es et in pulverem reverteris**)!.. такъ-же глухо проговорилъ монахъ.

Затѣмъ бросилъ комокъ панъ Ромуальдъ, Стась, панъ Болеславъ... И мерзлая глина, съ глухимъ и зловѣщимъ стукомъ, посыпалась на гробъ пробóща...

— Пустите меня! Пустите!.. кричала Марыня и рвалась изо всѣхъ силъ изъ рукъ Дембинскаго. — И я, вѣдь, тоже хочу бросить на гробъ земли... Я на рукахъ его нянчила, такъ неужели-же мнѣ нельзя тоже... Послѣдній долгъ, вѣдь... — И она опять разрыдалась.

— Ну, полно, моя старушечка, перестань! успокаивалъ ее

---

*) Душа его и души всѣхъ вѣрныхъ усопшихъ, по милосердію Божіею, да почиваютъ съ миромъ.

**) Отъ праха взятъ и въ прахъ превратишься.

Дембинскій и все чаще и чаще моргалъ глазами. — Ну, умеръ... Что-жь станешь дѣлать? — Такъ Богъ хотѣлъ...

— Пустите меня, панъ Ми́халъ! Я только земли горсточку...

— Нельзя, родная моя! Вѣдь ты сама туда бросишься... Знаю я... Что-жь тутъ хорошаго?..

— Да нѣтъ-же, клянусь вамъ, нѣтъ!.. Пустите меня, панъ Ми́халъ!

И онъ пустилъ.

Марыня бросила горсть земли и, глухо рыдая, упала на колѣни передъ могилой.

Прошло пять минутъ, — и все было кончено. Холмикъ, покрытый снѣгомъ, теперь возвышался на мѣстѣ ямы, и на немъ водрузили простой деревянный крестъ. — Марыня такъ и прильнула къ этому крестику, обхватила его руками и замерла...

А вѣтеръ все такъ-же громко вылъ и стоналъ на кладбищѣ, точно оплакивая покойнаго; снѣгъ все валилъ и валилъ... И проникалъ этотъ вѣтеръ подъ шубы, жупаны и свитки, знобилъ все тѣло... Но толпа и не думала расходиться съ кладбища. Она точно ждала чего-то...

И вотъ на могилу взошелъ панъ Болеславъ Грабовскій. Онъ снялъ шляпу, махнулъ рукой... И всѣ смолкли, какъ одинъ человѣкъ.

— Друзья мои! говорилъ Грабовскій. — Сейчасъ мы проводили въ послѣдній путь человѣка, который всѣмъ намъ былъ истиннымъ другомъ... Да упокоитъ Господь его чистую душу! Весь вѣкъ онъ жилъ для другихъ и забывалъ самого себя... Бывалъ-ли въ вашемъ селѣ хоть одинъ больной, котораго-бы не навѣстилъ онъ, не подалъ посильной помощи?.. Бывалъ-ли межъ вами хоть одинъ несчастный, убитый горемъ, котораго не утѣшилъ-бы онъ, не успокоилъ?.. Бывалъ-ли хоть одинъ бѣдный, голодный, котораго-бы не накормилъ онъ, не вырвалъ-бы изъ собственнаго рта куска и не далъ ему? — Нѣтъ! Да, это былъ

истинный другъ всѣхъ бѣдныхъ, забитыхъ и угнетенныхъ; отецъ всѣхъ сиротъ, кормилецъ и поилецъ голодныхъ... Дай Богъ, чтобъ на свѣтѣ было побольше такихъ истинныхъ христіанъ, какъ покойный ксендзъ-пробощъ,—и, право, тогда людямъ легче жить станетъ, спокойнѣй!..

— Дай Богъ! послышался въ толпѣ чей-то голосъ. — Да нѣтъ, гдѣ ужь!.. Мало такихъ людей, и не жильцы они...

— Двадцать пять лѣтъ назадъ, опять продолжалъ Грабовскій, — въ духовной коллегіи въ Кіевѣ кончилъ курсъ молодой человѣкъ, и былъ удостоенъ сана священника. Съ ранняго дѣтства, онъ былъ добрымъ, кроткимъ, послушнымъ; не обижалъ никого, ни на кого не сердился... Учился онъ такъ, какъ дай Богъ, чтобъ ваши дѣти учились! — И вотъ онъ кончилъ и сталъ священникомъ... Жилъ въ это время въ Кіевѣ одинъ богатый магнатъ,—кто именно, вамъ знать не нужно,—и вотъ онъ взялъ молодого священника своимъ домашнимъ капланомъ... Привыкшій къ суровой, строгой жизни въ коллегіи, ко грубой пищѣ, никогда не видавшій «общества», кромѣ своихъ знакомыхъ и монаховъ— профессоровъ, — молодой священникъ чувствовалъ себя крайне неловко въ этомъ богатомъ, роскошномъ домѣ, гдѣ чуть-ли не каждый день гремѣла музыка, и пиры смѣнялись пирами... И слово Божіе — онъ горячо его проповѣдывалъ, — не прививалось въ этомъ буйномъ, разгульномъ обществѣ, и сѣмена его падали на недобрую почву... Священника слушали, съ уваженіемъ и почтеніемъ относились къ нему, но то́, чему онъ училъ, — не исполняли... И видѣлъ онъ вокругъ себя только людей, исполняющихъ одни обряды католической церкви, но истинныхъ христіанъ не видѣлъ... И тяжело, горько было бѣдному молодому каплану! Онъ съ дѣтства привыкъ горячо любить своихъ ближнихъ и желать имъ всего лучшаго... Но теперь видѣлъ онъ, понималъ, что гласъ его — гласъ вопіющаго въ пустынѣ, и что не въ силахъ онъ направить этихъ заблудшихъ овецъ на путь истинный... —

Да, тяжело ему было жить въ этомъ богатомъ домѣ: онъ задыхался въ немъ!.. Не о такой жизни мечталъ онъ, еще тамъ, въ коллегіи... Здѣсь роскошь, богатство, блескъ; никто здѣсь никогда не испыталъ голода, — всѣ счастливы и довольны... А онъ мечталъ жить среди несчастныхъ, бѣдныхъ, голодныхъ, и обиженныхъ судьбой и людьми; мечталъ быть ихъ заступникомъ и покровителемъ... И онъ давно-бы оставилъ этотъ богатый домъ и ушелъ-бы туда, куда влекло его сердце... — «Но, человѣкъ слабъ, говорилъ онъ потомъ, — и я не могъ поступить такъ, какъ мнѣ хотѣлось...» — Была причина одна: каплáну нужны были деньги... Ему давали въ этомъ богатомъ домѣ хорошее жалованье, и это жалованье онъ все, до послѣдняго гроша, отсылалъ въ Вильну. — Жила тамъ его мать-старуха, больная, разбитая параличемъ, — и онъ былъ ея единственнымъ кормильцемъ, поильцемъ... И вотъ, ради матери, онъ все выносилъ и терпѣлъ... Да упокоитъ его Господь въ селеніяхъ праведныхъ! — И Грабовскій перекрестился.

— Amen! послышались голоса, и шапки полетѣли съ головъ.

— Не надо вамъ говорить, конечно, кто былъ этотъ молодой кáпланъ, опять продолжалъ панъ Болеславъ. — То былъ покойный ксендзъ-прóбощъ...

— Да, мы узнали его! Узнали!.. Еще-бы его не узнать!..

— А время шло, говорилъ Грабовскій. — Старуха-мать умерла... И отряхнулъ о. Іеронимъ прахъ съ ногъ своихъ, — оставилъ онъ этотъ богатый домъ, гдѣ все смѣялось и веселилось, и удалился къ тѣмъ, о комъ думалъ, мечталъ всю жизнь... Довольство онъ промѣнялъ на бѣдность, почти нищету... Вѣдь вы всѣ сами знали, кáкъ жилъ онъ, чтó ѣлъ и чтó пилъ, кáкъ одѣвался!.. — И только здѣсь, среди окружающей его бѣдности, нищеты, онъ вздохнулъ свободнѣе: точно гора у него съ плечъ свалилась!.. Не мало горькихъ минутъ онъ пережилъ и здѣсь; не разъ сжималось тоской его сердце, при видѣ этихъ людскихъ

страданій, горя и нищеты... Онъ страстно хотѣлъ утѣшить, помочь; всѣхъ сдѣлать счастливыми и довольными, — но это было не въ его силахъ... Да и въ чьихъ силахъ исчерпать всю чашу людского горя?..—Но онъ все дѣлалъ, что могъ, и даже больше... *Все для другихъ, и ничего себѣ*, — вотъ чѣмъ руководился онъ въ своей чистой и святой жизни... И двадцать пять лѣтъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья, онъ утѣшалъ, лѣчилъ, помогалъ деньгами изъ своихъ скудныхъ средствъ... И, наконецъ, умеръ онъ, какъ солдатъ, на своемъ посту... Онъ простудился жестоко, навѣщая своихъ больныхъ; самъ заболѣлъ, и эта болѣзнь сломила его, унесла въ могилу...

— Спи-же спокойно, другъ и защитникъ всѣхъ бѣдныхъ, забитыхъ и угнетенныхъ! съ глубокимъ чувствомъ говорилъ панъ Болеславъ.—Господь наградитъ тебя по твоимъ заслугамъ, а здѣсь никто и никогда тебя не забудетъ, и память о тебѣ не умретъ!.. Мать станетъ разсказывать о тебѣ своимъ дѣтямъ, а тѣ — разскажутъ своимъ... Спи-же спокойно, добрый, святой человѣкъ! Спи, золотое сердце! Ты всю свою жизнь билось горячей любовью къ людямъ... Et sit tibi terra levis *)!..

Грабовскій кончилъ и сошелъ съ могилы. Мертвая тишина царила въ толпѣ; только тамъ гдѣ-то слышались глухія, подавленныя рыданія... У всѣхъ по щекамъ текли слезы... Гайдукъ Дембинскій ужь не стѣснялся болѣе, и тоже далъ волю слезамъ; онѣ, какъ горохъ, падали изъ его глазъ и скатывались на длинные съ сѣдиной усы... Марыня все такъ-же, какъ пластъ, лежала въ безпамятствѣ на могилѣ, и ее долго не могли привести въ чувство... Съ трудомъ оторвали отъ креста ея руки: такъ крѣпко сжала она его, вцѣпилась!.. Старуха шаталась, какъ пьяная, и какъ-то дико, безумно смотрѣла на всѣхъ теперь ужь сухими глазами... Дембинскій качалъ головой и дергалъ себя за

*) И да будетъ надъ тобою легка земля.

усы; панъ Болеславъ старался ее утѣшить... Но напрасно пытался онъ вразумить, успокоить ее... Она молча слушала его и точно ни слова не понимала...

Но вотъ народъ сталъ мало по малу расходиться съ кладбища. Осталось всего человѣкъ пять-шесть, и между ними слѣпая, старая Катерина со внучкой. Слезы текли въ три ручья по ея изрытымъ щекамъ, а губы шептали молитву:

— Вѣ́чне одпочне́не рачъ ему дать, Пане, а сьвя́тлость вѣкуи́ста не́хай ему сьвѣ́ти *)!..

Стась подошелъ къ старухѣ и положилъ руку ей на плечо. Глаза у мальчика совсѣмъ покраснѣли отъ слезъ, опухли... Старуха подняла голову.

— Кто это?

— Это паничъ Маевскій, бабушка, говорила внучка.

— А это ты, дитятко!.. Жаль, что не могу видѣть тебя!.. Ты, говорятъ, добрый, хорошій мальчикъ... Я и его, моего голубчика, пятнадцать ужь лѣтъ не видѣла... Да, пятнадцать ужь лѣтъ, какъ ослѣпла!.. Господь наказалъ меня за грѣхи мои и послалъ мнѣ тяжкое испытаніе...— Голосокъ-то, вотъ, его я слышала, а видѣть его, — не видала!.. Темно въ моихъ оченькахъ, какъ въ его могилѣ!..— И старуха опять заплакала.

— Ты, бабушка, успокойся! говорилъ Стась. — Господу такъ угодно...

— Да, Господу, мое дитятко, Господу... На все Его воля святая... Не пожелалъ Онъ Творецъ Вседержитель, чтобъ жила его душенька, чистая и святая, межъ нами грѣшными,—и взялъ Онъ ее къ себѣ...

Стась помолчалъ.

— А знаешь, бабушка, опять заговорилъ онъ,—вѣдь онъ, покойный ксендзъ-пробощъ, все говорилъ о тебѣ, вспоминалъ тебя...

*) Вѣчный покой дай ему Боже, и да свѣтитъ надъ нимъ вѣчный свѣтъ...

— Да упокоитъ Господь его душу! — Старуха перекрестилась.

— Все онъ жалѣлъ тебя, говорилъ, что не можетъ тебѣ ничего оставить, послѣ своей смерти...

— Да мнѣ ничего и не надо, дитятко... Я, вѣдь, сама на ладонъ дышу давно...

— Но, знаешь, я говорилъ папѣ... Онъ добрый... Онъ обѣщалъ давать тебѣ каждый мѣсяцъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ: и мяса, и хлѣба, крупы, муки...

Старуха вдругъ встрепенулась.

— Кто? Панъ Маевскій? Панъ Ромуальдъ Маевскій?.. спрашивала она. — Да наградитъ его Матерь Божія, да помилуетъ его Господь!.. Не долго только придется ему кормить меня, старую... Скоро и мнѣ помирать придется... Да, скоро, чувствую я...

— А ты скажи, дитятко, скажи папѣ, что Катерина старая помолитъ за него на томъ свѣтѣ Бога... Скажи, чтобъ внучку онъ не оставилъ... Внучку, вотъ... Сиротка она, — ни отца, ни матери... — И старуха дрожащей рукой гладила темнорусые волосы дѣвочки.

— А ты мнѣ ручку поцѣловать дай, мое дитятко, ручку дай!..

— Что ты, бабушка, — полно!.. замялся Стась.

— Нѣтъ, дай, дитятко!..

— Я лучше самъ тебя поцѣлую...—И онъ прижался губами къ ея морщинистой, мокрой отъ слезъ, щекѣ.

— А теперь ты къ могилѣ меня подведи, Антося, къ могилѣ! говорила старуха внучкѣ. — Хочу я ей поклониться, землицы взять...

И Антося подвела ее. Она опустилась на колѣни предъ этимъ холмикомъ, совсѣмъ уже занесеннымъ снѣгомъ, и долго, долго молилась... Потомъ она стала руками разрывать снѣгъ, дорылась до голой, мерзлой земли, взяла кусокъ, завернула въ какую-то грязную тряпку и спрятала на груди...

— Пойдемъ, бабушка, — холодно! говорила продрогнувшая Антося.

— Постой, родная, дай помолиться еще немного...

— Да я озябла... Ѣсть хочется!..

— Ну, ничего, согрѣешься... Дровъ только нѣтъ у насъ, — надо взять у сосѣдей; да и поѣсть тоже, кажись, нечего... Ну, да панъ Ромуальдъ обѣщалъ, — дай ему Богъ здоровья. Пришлетъ... Накормитъ тебя...

— Сейчасъ, вотъ, сейчасъ, еще поклонъ положу... Ну, ладно... — Спи, мой голубчикъ, родной мой, Господь съ тобой!.. — Старуха перекрестилась еще разъ и съ трудомъ поднялась съ земли.

— Идемъ, Антося! — Она положила руку на плечо дѣвочки, и обѣ пошли съ кладбища...

И кладбище совсѣмъ опустѣло... Только одинъ панъ Болеславъ бродилъ одиноко между могилами, читая надписи на крестахъ. Онъ словно искалъ чего-то... Да. Искалъ онъ могилу своего друга, умершаго лѣтъ 20 тому назадъ, и не могъ все найти ее... А, вотъ, наконецъ, нашелъ! — Но, Боже, что̀ сталось съ этой могилой! Она обвалилась, почти обрушилась. Простой деревянный крестъ на половину сгнилъ, и на немъ съ трудомъ можно было прочитать надпись...

А вѣтеръ все такъ-же вылъ и стоналъ; все такъ-же сыпались крупныя хлопья снѣга... И вотъ панъ Болеславъ весь сдѣлался бѣлымъ, съ головы до ногъ. Кучи снѣга навязли у него въ усахъ; навязли въ волосахъ, въ воротникѣ шубы... Но онъ не обращалъ на это никакого вниманія...

Вдругъ онъ замѣтилъ тамъ, сквозь мятель, какую-то человѣческую фигуру. Она приближалась къ нему, очевидно, и даже махала рукой. Грабовскій остановился. Фигура приблизилась, и оказалась Антекомъ.

— Шановный панъ не знаетъ меня, конечно?.. забормоталъ Антекъ. — Да, впрочемъ, и какъ-же знать!.. — Я Антекъ За-

блоцкій, шляхтичъ... Живу у пана Маевскаго... Добрый, хорошій панъ!

— Очень пріятно! — И панъ Болеславъ протянулъ руку.

Антекъ схватился за нее обѣими.

— Чѣмъ могу служить пану?

— Ничѣмъ, о, ничѣмъ рѣшительно!.. Я только хотѣлъ выразить... да, выразить то чувство, которое я испыталъ, слушая рѣчь пана... Я никогда еще не слыхалъ такой чудной, прекрасной рѣчи!..

Панъ Болеславъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ, но промолчалъ.

— Я даже не могъ сдержать слезъ, шановный пане, продолжалъ Антекъ и шмыгнулъ себя рукавомъ по глазамъ. — Онѣ и теперь текутъ у меня... Что-жь дѣлать — слабость, никакъ не могу сдержаться!.. — Да, рѣчь прекрасная, чудная!.. И тѣмъ болѣе, мости-пане, что все въ ней, до единаго слова, — правда... Да, это былъ человѣкъ... Ecce homo *)!.. Онъ осушалъ слезы несчастныхъ... Не разъ осушалъ онъ слезы и моей семьи... Честью клянусь вамъ, пане, какъ благородный шляхтичъ!.. Что-жь дѣлать — судьба, и противъ нея не пойдешь... Нѣтъ!.. Нерѣдко нужда стучалась въ окно моей бѣдной хаты... Стучится она и теперь... Да... Жена... дѣтей шестеро... Всѣ просятъ ѣсть-пить... Добыть имъ надо...

— Но чѣмъ я могу быть полезнымъ пану? спросилъ Грабовскій, и уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— О, пане, ничѣмъ рѣшительно!.. Конечно, если у васъ найдется тамъ, въ кошелькѣ, съ полдюжины злóтыхъ, — то я, съ величайшею благодарностью, могу возвратить вамъ ихъ черезъ... черезъ одну недѣлю... Да... Слово гонóру! Какъ честный и благородный шляхтичъ! — И Антекъ ударилъ себя кулакомъ въ

---

*) Се человѣкъ!

грудь. — Я человѣкъ бѣдный... Да... Но милостыни я никогда не принималъ и не принимаю, пане!.. — И онъ гордо выпрямился и покрутилъ усъ.

— Такъ вамъ нужны деньги?

— Гм... да... какъ-то небрежно говорилъ Антекъ. — Конечно, если найдется... Такъ, злотыхъ шесть-семь... И ровно черезъ недѣлю...

Грабовскій окинулъ его полунасмѣшливымъ взглядомъ и вынулъ деньги изъ кошелька.

— Благодарю васъ, шановный пане... Панъ Болеславъ Грабовскій? Не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

— Благодарю!—Антекъ протянулъ руку, съ кривыми, грязными пальцами. — Черезъ недѣлю вамъ возвращу... Прощайте, пане!

Онъ приложилъ руку къ шапкѣ и скрылся въ снѣжномъ туманѣ, между могилами.

Панъ Болеславъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, тряхнулъ головой и, поплотнѣй завернувшись въ шубу, вышелъ изъ воротъ кладбища... Мятель выла и бушевала... Грабовскій шелъ, утопая, порой, чуть не по колѣна въ сугробахъ, и невеселыя мысли толпились у него въ головѣ...

— Панъ Болеславъ! окликнулъ его вдругъ чей-то знакомый голосъ.

Онъ обернулся. Его догоняли сани, запряженныя парой бойкихъ лошадокъ. Въ саняхъ сидѣли: панъ Ромуальдъ съ женою и Стась.

— Аа! удивился Грабовскій. — А я думалъ, что вы ужь давно дома...

— Да, вотъ, у Ядвиги страшно озябли ноги, и мы завернули въ сторожку, погрѣлись тамъ... Садитесь-ка сюда къ намъ!

— А я не стѣсню васъ?

— Нисколько! Подвинься немного, Стась. Такъ!

Грабовскій залѣзъ въ сани, усѣлся. Папасъ дернулъ возжами, чмокнулъ, и лошадки опять побѣжали впередъ.

— Не знаю, что дѣлать съ мальчикомъ! говорилъ панъ Ромуальдъ, дорогой.

— А что?

— Да все, вотъ, плачетъ, тоскуетъ...

— Утѣшьте его, Болеславъ! шепнула пани Ядвига.

Грабовскій взглянулъ на Стася. Тотъ плакалъ.

— Послушай, Стасю, заговорилъ онъ. — Ты забываешь, что́ говорилъ я тебѣ не разъ, что́ говорилъ тебѣ покойный ксендзъ-про́бощъ...

Мальчикъ поднялъ на него полные слезъ глаза.

— Ты помнишь, я говорилъ тебѣ, и говорилъ не далѣе, какъ вчера, что про́бощъ долженъ былъ умереть... Да, долженъ... Во первыхъ, онъ былъ совсѣмъ больной человѣкъ. Его здоровье ужь много лѣтъ было въ конецъ расшатано; а во вторыхъ... во вторыхъ, Стась, онъ былъ слишкомъ хорошъ и добръ, чтобъ жить долго... Такіе люди — не отъ міра сего, и Богъ ихъ беретъ къ себѣ... Ты понимаешь? — Да, про́бощъ былъ старъ и дряхлъ, милый мой, а ты еще слишкомъ молодъ, и жизнь передъ тобой впереди... Такъ не тоскуй-же и не горюй, голубчикъ!.. Не забывай, что́ говорилъ тебѣ покойный ксендзъ... Учись и учись, мой милый; старайся, чтобъ жизнь твоя была такъ-же свѣтла и чиста, какъ и жизнь пробо́ща. — Будь добрымъ, хорошимъ, честнымъ, люби людей, — вѣдь это его завѣтъ тебѣ, — и онъ будетъ радоваться за тебя на томъ свѣтѣ!..

И долго и много еще говорилъ панъ Болеславъ. Стась молча слушалъ. Лошадки бодро бѣжали впередъ, а мятель выла и бушевала и наметала на ихъ пути цѣлыя горы снѣга, который скоро опять разносило вѣтромъ... А вонъ и Маювка... Старый Папасъ привсталъ и взмахнулъ плетью...

Святки подходили къ концу; оставался всего только одинъ день праздниковъ... Былъ ясный, морозный вечеръ. Сквозь стекла оконъ, слегка подернутыя инеемъ, глядѣла луна. Въ залѣ ярко пылала печь. Стась, грустный, унылый, сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Но тамъ ничего не было видно; только дымокъ кой-гдѣ подымался изъ трубъ и разстилался въ тихомъ, морозномъ воздухѣ. Панъ Ромуальдъ, въ домашнемъ тепломъ жупанѣ, съ трубкой въ рукѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и задумчиво крутилъ усы...

— Да, ты очень меня огорчилъ, мальчикъ! говорилъ онъ, останавливаясь передъ Стасемъ. Тотъ опустилъ глаза. — Признаться, я никогда не ожидалъ отъ тебя такого поступка!

— Но что-же я сдѣлалъ дурного, папочка? прошепталъ Стась.

— Какъ? Что ты сказалъ? Что́ сдѣлалъ дурного?.. Гм.! — Панъ Ромуальдъ усмѣхнулся. — Такъ ты, значитъ, считаешь себя совершенно правымъ? — Вотъ какъ!.. — Во-первыхъ, ты выпустилъ стараго Павлюка. — А знаешь-ли ты, что́ такое этотъ Павлюкъ! — Вѣдь это разбойникъ, злодѣй, кровопійца, такой, какого не знали въ польской Украйнѣ съ самыхъ временъ Хмельницкаго!.. Это не человѣкъ — звѣрь... Нѣтъ, хуже звѣря... И звѣрь иногда можетъ чувствовать состраданіе, жалость: медвѣдь, говорятъ, никогда не трогаетъ женщинъ... Павлюкъ не знаетъ ни жалости, ни состраданія... Онъ рѣжетъ всѣхъ, безъ разбора: и женщинъ и стариковъ, и дѣтей... Предъ нимъ дрожитъ и трепещетъ чуть-ли не вся Украйна... — И знаешь-ли, сколько онъ на своемъ вѣку пролилъ крови?.. Да, сколько крови... Вѣдь еслибъ ее можно собрать было, — она затопила-бы всю Маювку!.. И вотъ такого злодѣя и душегуба ты выпустилъ, и далъ возможность ему опять жечь, рѣзать, вѣшать... Что-жь, хорошо ты сдѣлалъ?..

— Но, папочка...

— Что?

— Панъ Болеславъ мнѣ говорилъ, что были злодѣи, такіе-же, какъ Павлюкъ... Они раскаивались потомъ, поступали въ монастыри, замаливали тамъ грѣхи...

Панъ Ромуальдъ усмѣхнулся.

— И ты думаешь, что и Павлюкъ тоже раскается? Что онъ броситъ ножъ и возьмется за четки?

— Да, папочка, я такъ думаю... я увѣренъ...

— Гм... Lasciate ogni speranza... Оставь навсегда надежду!.. говорилъ панъ Ромуальдъ. — Скорѣе голодный волкъ пойдетъ въ стадо и будетъ ласкать и лизать овецъ, чѣмъ этотъ закоренѣлый грѣшникъ раскается!..

Панъ Ромуальдъ умолкъ и опять заходилъ по комнатѣ.

— Да, знаешь, чтó сдѣлалъ ты, Стась? опять продолжалъ онъ, останавливаясь передъ мальчикомъ. — Ты совершилъ *преступленіе* передъ обществомъ... Ты понимаешь это? — Положимъ, я знаю, тобой руководило доброе чувство: тебѣ стало жаль этого стараго грѣшника... Точно, онъ былъ до крайности жалокъ... Ты зналъ, что его ожидала позорная, страшная казнь... Но развѣ не заслужилъ онъ ее?..

Стась молчалъ.

— Да, ты сдѣлалъ такое дѣло, за которое взрослый могъ поплатиться-бы пожизненнымъ заключеніемъ, даже болѣе... Но ты — ребенокъ... И это еще не все, Стась... Ты сдѣлалъ еще одно гадкое, безчестное дѣло...

— Папочка!..

— Слушай!.. Ты нарушилъ права гостепріимства... Да!.. Ты, точно заправскій воръ, ночью всталъ потихоньку съ постели, пробрался въ спальную пана Зарембы и укралъ у него изъ подъ подушки ключъ. — Да, Стась, *укралъ!*.. Такой поступокъ на всѣхъ языкахъ называется воровствомъ...

Яркая краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Стася; слезы

блеснули у него въ глазахъ... — Панъ Ромуальдъ опять заходилъ по комнатѣ.

— И все это требуетъ наказанія, Стась, наказанія!.. говорилъ онъ. — И я даже не знаю, какъ наказать тебя... Ты поступилъ гадко, скверно; ты согрѣшилъ и предъ людьми и предъ Богомъ, и долженъ раскаяться. Такъ вотъ... Ты обратись къ о. Бенедикту и попроси, чтобъ онъ наложилъ на тебя *покýту* *)... Пусть онъ заставитъ тебя читать *Miserere*, и ты читай его много и много разъ, тамъ у себя въ коллегіи, во все время Пасхи... На Пасху ты не пріѣдешь домой...

Крупныя слезы потекли по щекамъ Стася. Онъ поднялъ глаза на отца. Но лицо того было мрачно, серьезно.

— Ну, а теперь ступай, Стась... Простись съ Маювкой, съ твоими знакомыми, — ты не увидишь ужь ихъ до лѣта...

Стась молча всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Весь дворъ былъ залитъ свѣтомъ луны, — и все здѣсь было такъ-же, какъ лѣтомъ, все на своемъ мѣстѣ... — Конюшня, амбары, ледникъ; колодезь, съ привязаннымъ къ валу желѣзнымъ ведромъ; костры дровъ у забора... А вонъ и калитка въ садъ... Теперь тамъ мрачно, пустынно... Деревья голыя, обнаженныя, и снѣгъ повсюду, одинъ только снѣгъ... Засыпалъ онъ и крышу бесѣдки, и клумбы, и всѣ дорожки, тропинки... А вонъ старый, кудлатый песъ, Вѣрный, вылѣзъ изъ своей конуры и подошелъ къ Стасю, помахивая хвостомъ. Мальчикъ молча его погладилъ.

— Паниченьку!.. послышался вдругъ чей-то голосъ.

Стась обернулся. Изъ нижняго, подвальнаго этажа по лѣсенкѣ вылѣзалъ его старый другъ и пріятель, Охримка, сынъ повара. Онъ какъ-то лукаво подмигивалъ Стасю и дѣлалъ ему какіе-то таинственные знаки.

— Глядите-ка, что я вамъ покажу, паниченьку, шопотомъ

*) Эпитимью.

говорилъ онъ и тревожно оглядывался по сторонамъ.—Идите-ка, вотъ, сюда!.. Давно ужь сбирался, да все васъ поймать не могъ...

И Стась машинально какъ-то послѣдовалъ за Охримкой.

Мальчишка, все такъ-же оглядываясь, прошелъ черезъ дворъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ, на сѣновалъ. Стась тоже полѣзъ за нимъ.

— Смотрите-ка, вотъ, смотрите! радостно говорилъ Охримка. Онъ покопался немного въ сѣнѣ и вытащилъ оттуда небольшой ящикъ съ дырочками.

— Ну, что́-же у тебя тамъ? какъ-то разсѣянно спросилъ Стась.

— А, вотъ, взгляните!

Охримка отворилъ ящичекъ. Онъ весь былъ усыпанъ внутри опилками, сверху выложенъ мхомъ. А въ ящикѣ сидѣла мышка. Тутъ-же разбросаны были хлѣбныя крошки, и стоялъ черепокъ съ водой.

— Гм... Что́жь тутъ такого, мышь! — равнодушно говорилъ Стась. — Зачѣмъ ты ее тутъ держишь?

— Да это не простая, пани́ченьку, мышь, — ученая!

— Какъ такъ ученая?

— А, вотъ, взгляните!

Охримка свистнулъ какъ-то особенно, и мышка вскочила на заднія лапки. Онъ поднялъ соломенку и крикнулъ: «къ ружью»! — И мышка взяла соломенку, точь въ точь какъ солдаты ружья. Стась улыбнулся.

— Да это еще не все, пани́ченьку... Она и еще кой что знаетъ, говорилъ Охримка, и даже захлебывался отъ восторга.— Смотрите-ка! — Онъ вытащилъ изъ кармана веревочку и опустилъ ее надъ ящикомъ. Мышь тотчасъ-же вскарабкалась по ней, пробѣжала по вытянутой рукѣ Охримки и скрылась за воротникомъ его свитки.

— Вотъ, вѣдь, она какая, шельма... ученая!.. говорилъ Охримка и радостно скалилъ свои бѣлые, точно слоновая кость, зубы. — Да, правду сказать, и возни-же мнѣ было съ ней!.. Четыре мѣсяца я съ ней бился, изо дня въ день... И ничего-то сперва не понимала, глупая... Ну, а потомъ поняла, — вышколилъ!..

Онъ вытащилъ изъ-за воротника мышку и пустилъ ее опять въ ящикъ.

— Вы только отцу, ради Бога, не сказывайте, панúченьку! робко говорилъ онъ. — Страхъ, что будетъ, какъ онъ узнаетъ!...— Ты чѣмъ, скажетъ, тутъ занимаешься? А?..

— Зачѣмъ-же сказывать!..

— Да, ужь не говорите!.. Онъ, вѣдь, у меня страхъ какой строгій... Чуть что немного — драть!..

— Ну, прячься-же, прячься скорѣй, — идутъ!.. крикнулъ вдругъ онъ. И мышка тотчасъ-же зарылась въ мохъ.

Стась засмѣялся.

Охримка закрылъ ящичекъ и опять упряталъ его подъ сѣно.

— А вы, панúченьку, говорятъ, скоро ѣдете?

— Да, завтра...

— Гм... Недолго-же вы у насъ погостили!.. И скучно-же вамъ, поди, будетъ тамъ?..

Стась промолчалъ. Охримка тоже умолкъ на минутку. Потомъ онъ робко какъ-то и изъ подлобья взглянулъ на Стася.

— А правда, панúченьку, заговорилъ онъ, — что, будто-бы, вы стараго Павлюка выпустили?..

Стась нахмурился.

— Да, правда, пробормоталъ онъ.

— Пра-авда? протянулъ Охримка. — А я думалъ, брешутъ... Зачѣмъ-же вы его выпустили, панúченьку?..

— А затѣмъ, что я не хотѣлъ, чтобъ его повѣсили, иль по-

садили на́ колъ! рѣзко проговорилъ Стась. — Мнѣ жалко его стало, Охримка, жалко!.. мягче добавилъ онъ.

— Та-акъ! протянулъ Охримка. — Извѣстно, жаль... Какой ужь онъ тамъ ни есть, а все человѣкъ тоже... Вотъ видите-ли, пани́ченьку... — Онъ оглянулся и началъ чуть слышнымъ шопотомъ. — Вы только не сказывайте никому, сохрани Богъ!.. У насъ о немъ, о Павлюкѣ-то, разно толкуютъ... Иные, вонъ, говорятъ, что онъ Богомъ проклятъ, и продалъ душу нечистому; что, будто, и смерть его не беретъ... Ребята у насъ его страхъ какъ боятся, — пуще огня!.. Ну, а другіе, вонъ, говорятъ, что онъ, будто, за вѣру стоитъ православную, за народъ христіанскій, какъ батька Богданъ... Не знаю, правда-ли только? — И онъ вопросительно поглядѣлъ на Стася. Но тотъ молчалъ.

— Такъ, вотъ, онъ бѣжалъ, значитъ, опять продолжалъ Охримка. — Теперь опять станетъ разбойничать, — рѣзать да грабить пано́въ...

— Нѣтъ, не станетъ! рѣзко перебилъ Стась. — Павлюкъ раскается. Онъ уйдетъ въ монастырь и будетъ замаливать тамъ грѣхи...

Охримка вытаращилъ на него глаза.

— Въ монастырь... грѣхи... забормоталъ онъ. — Да какъ-же, пани́ченьку?.. Вѣдь онъ, говорятъ, проклятъ Богомъ, и Богъ не приметъ его молитвъ...

— А ты слыхалъ о разбойникѣ на крестѣ, Охримка?

— Нѣтъ, не слыхалъ, пани́ченьку... Это какой-же?

— А вотъ какой...—И Стась разсказалъ. Охримка слушалъ его молча и съ удивленіемъ.

— Такъ вотъ, говорилъ Стась. — И что-же сказалъ ему Іисусъ Христосъ, когда тотъ раскаялся?— «Ты будешь со Мною въ раю!» сказалъ Онъ... — Да, нѣтъ на свѣтѣ, Охримка, такого грѣшника, котораго-бы Господь не простилъ, не помиловалъ... Проститъ Онъ и Павлюка...

Охримка молчалъ и крутилъ соломенку между пальцами.

— Нѣтъ, Павлюка не проститъ Богъ!.. съ полной увѣренностью заговорилъ онъ. — Кого Онъ разъ проклялъ, такъ тотъ ужь...

— Молчи! рѣзко перебилъ Стась. — Ты ничего тутъ не понимаешь!..

И Охримка умолкъ и точно какъ-то весь съёжился...

... И опять стоитъ у крыльца повозка, запряженная парой бодрыхъ, сытыхъ лошадокъ. Старый Панасъ сидитъ на козлахъ и старательно урезониваетъ воронка, который пошаливаетъ...

И опять въ залѣ собралось то-же общество, какъ и осенью, при проводахъ Стася въ коллегію. Тутъ и панъ Ромуальдъ, въ дорожномъ костюмѣ, совсѣмъ ужь готовый въ путь; и пани Ядвига, съ заплаканными глазами; и Зося съ мужемъ. Но тогда не было пана Грабовскаго, а теперь онъ тоже присутствуетъ здѣсь, и не обращаетъ никакого вниманія на косые взгляды, которые кидаетъ на него, порою о. Бенедиктъ. Стась, грустный, задумчивый, стоитъ возлѣ монаха и молча выслушиваетъ его наставленія.

— Такъ вотъ, строгимъ, суровымъ тономъ говоритъ тотъ.— Помни, что я говорилъ тебѣ... Ты долженъ каждый день, утромъ и вечеромъ, прочитывать *Miserere*, по пяти разъ, вплоть до Пасхи, и, кромѣ того, разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, выполнять полный *ружáнецъ*... Ты понялъ меня, надѣюсь?

— Да, о. Бенедиктъ...

— То-то... Ну, а теперь,—Господь да помилуетъ и спасетъ тебя! — И онъ перекрестилъ мальчика. — И да проститъ Онъ тяжкій твой грѣхъ... Молись, Стась!..

— Пора, однако! панъ Ромуальдъ всталъ. — Ты, Ядичка, ужь безъ слезъ, пожалуйста! Не на вѣкъ, вѣдь, разстаетесь...

Пани Ядвига прижала ко груди сына; слезы ручьемъ текли у нея по щекамъ...

— Ну, съ Богомъ!.. Прощай, Стась... До свиданія! — И панъ Болеславъ обнялъ плачущаго мальчика. — Учись, другъ мой, учись! Будь человѣкомъ... Люби людей! — И онъ крѣпко сжалъ ему руку. — И не тоскуй о пробóщѣ... Ни подъ какимъ видомъ!.. Онъ будетъ радоваться за тебя на томъ свѣтѣ, если ты только будешь добрымъ, хорошимъ, честнымъ... Прощай!...

Панасъ дернулъ возжами, и лошади тронулись... Вотъ выѣхали онѣ за ворота и побѣжали бодрой рысцой по занесенной снѣгомъ дорогѣ... Пани Ядвига стояла у воротъ и махала бѣлымъ платкомъ... — Деревня скрылась вдали, и дорога пошла темнымъ и мрачнымъ лѣсомъ...

Да, далеко до Кіева, — долгій путь! И чтó-то тамъ будетъ со Стасемъ? Гдѣ помѣститъ его панъ Ромуальдъ (не у Вериго только) — и каково ему будетъ жить между другихъ, незнакомыхъ ему, людей? Кáкъ будетъ учиться Стась, кáкъ кончитъ онъ курсъ въ коллегіи, и куда потомъ направитъ свой путь?.. Будетъ-ли всегда помнить онъ завѣты ксендза-пробóща и пана Болеслава Грабовскаго?—Но будущее задернуто пока отъ насъ темною, непроницаемою завѣсой... Быть можетъ, потомъ, когда нибудь, мы приподнимемъ эту завѣсу и посмотримъ, чтó тамъ за нею творится... — Да, мы, надѣюсь, встрѣтимся еще разъ со Стасемъ и другими героями нашей повѣсти...

2007051330